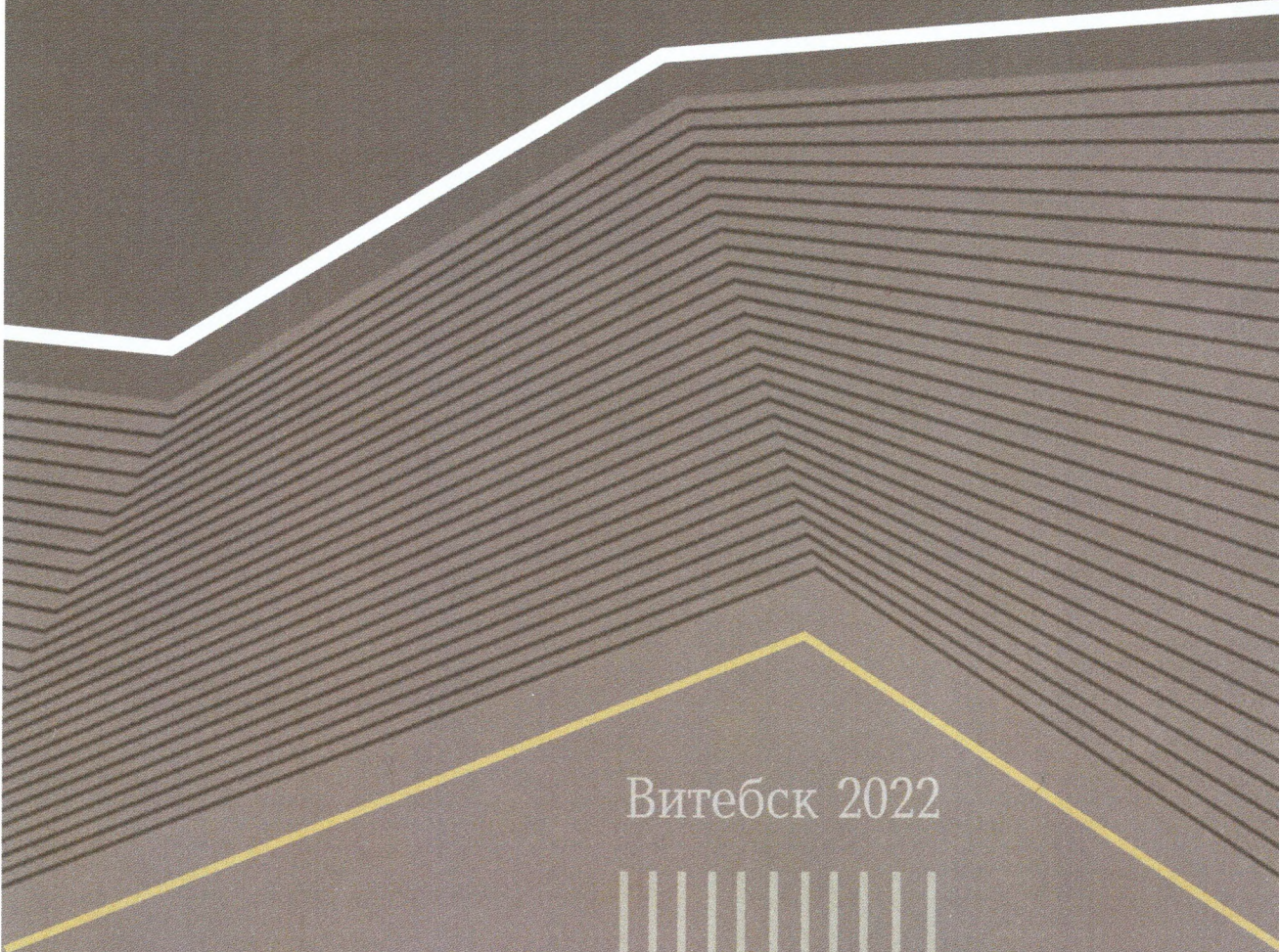



КУЛЬТУРНО –  
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ  
КРИЗИС  
В УСЛОВИЯХ  
ИНФОРМАЦИОННОГО  
ОБЩЕСТВА



Витебск 2022



Министерство образования Республики Беларусь  
Учреждение образования «Витебский государственный  
университет имени П.М. Машерова»  
Институт философии Национальной академии наук Беларуси  
Федеральное государственное бюджетное  
образовательное учреждение высшего образования  
«Смоленский государственный университет»

# **КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

*Материалы международной  
научно-практической конференции*

Витебск, 2 декабря 2022 г.

*Витебск  
ВГУ имени П.М. Машерова  
2022*

УДК 316.42:004(062)  
ББК 60.033.1я431+60.033.3я431  
К90

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 05.10.2022.

Редакционная коллегия:  
**А.А. Лазаревич** (гл. ред.),  
**Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский**

Рецензент:  
декан факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций  
ВГУ имени П.М. Машерова, доктор педагогических наук,  
профессор *С.В. Николаенко*

**К90** **Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества :**  
материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 2 декабря 2022 г. /  
Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Лазаревич (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский. – Ви-  
тебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 273 с.  
ISBN 978-985-517-982-6.

В издании содержатся доклады участников международной научно-практической конференции «Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества», состоявшейся 2 декабря 2022 года в ВГУ имени П.М. Машерова. Дан философско-методологический, политологический, культурологический, педагогический и историко-графический анализ проблемы культурно-цивилизационного кризиса в условиях информационного общества. Обсуждены проблемы сохранения исторической памяти в фокусе информационной войны, проблемы цивилизационной и национальной идентичности в глобализирующемся обществе. Представлено философское осмысление культурно значимых символов в условиях глобализационных процессов, рассмотрены пути и механизмы противодействия новым угрозам и вызовам современного мира.

Издание предназначено ученым-обществоведам, преподавателям социально-гуманитарных дисциплин средних учебных заведений и учреждений высшего образования, студентам, магистрантам, работникам государственных управлений образования и всем тем, кто интересуется актуальными проблемами духовной жизни в информационном обществе.

УДК 316.42:004 (062)  
ББК 60.033.1я431+60.033.3я431

ISBN 978-985-517-982-6

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2022

## ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Современный мир заставляет всерьез задуматься о проблемах и противоречиях глобализации, ее важнейшего фактора и атрибута – информационного общества. Глобализация, безусловно, имеет целый ряд позитивных сторон: интенсификация экономических связей, широкий доступ к информации, социальная подвижность населения, рост уровня жизни, усиливающийся диалог культур и т.д. Все это сближает народы, делает мир взаимозависимым. Вместе с тем нельзя не видеть и негативных последствий: нивелировка культурных различий, стандартизация общественной и духовной жизни, нарастание манипуляционного воздействия СМИ и масс-культуры. Человечество стало носителем и свидетелем невиданного технического прогресса, внедрения информационных технологий во все сферы жизни общества. В то же время человек выступил во всеобщий гуманитарный, антропологический кризис. Подвергаются переоценке базовые ценности человеческого бытия: долг, честь, совесть, традиционные устои семьи. Углубляются процессы взаимного отчуждения людей в условиях, не знающих границ урбанизации.

В жизни одного поколения был разрушен привычный медиапорядок, который имеет многовековую историю, и в центре которого находилось письмо и чтение.

Произошел уход от письменной культуры, девальвировалось содержание понятия «истинные знания» в условиях отсутствия его верификации в социальных сетях. Постепенно разрешаются традиционные модели интерпретации событий, которые формировались национальными культурами.

Риск стал неотъемлемой частью социального и культурного пространства. Информация часто приходит на смену смыслу. По крайней мере, высшему смыслу жизни человека как никогда обостряются экзистенциальные проблемы. Возникает вопрос: можно ли решить эти проблемы технологическими средствами? Полагаем, что это вопрос риторический. Информация в современном глобализирующемся социуме перестает быть ценностью нейтральной. Она формирует, направляет общественное сознание, часто меняет на противоположные знаки оценку общественных ценностей, становится мощным фактором формирования массового общества. Последнее имеет две отличительные черты. Во-первых, потребитель информации теряет чувство реальности окружающего мира, становится жертвой различного рода духовных фантомов, общественных мифов. Часто СМИ, соответствующим образом формируя подачу информации, формирует у человека безразличие к общественным проблемам, апатию, потерю ориентации в сложном и противоречивом мире. Порой это оборачивается нигилизмом, всплеском деструктивной деятельности. Во-вторых, массовая культура ориентирована на невзыскательный вкус человека массы и стандартизирует образ жизни людей. При этом главным адресатом становится молодежь. По данным ряда социологических опросов, большую часть интернет-пользователей составляют лица в возрасте от 14 до 35 лет. При этом снизилась роль традиционных СМИ (радио, печать, телевидение). Информационные интересы молодежи ориентированы, прежде всего, на «профессиональную» проблематику.

Современная сетевая среда часто направлена на формирование специфической субкультуры. В результате изменяется характер социальных контекстов, социально-психологические характеристики отдельных молодежных групп.

Все это следует учитывать в организации повседневной воспитательной работы с молодежью, оперативно реагировать на тенденции изменения ценностных ориентаций в молодежной среде.

Актуальной становится проблема информационной безопасности, формирования информационной и политической культуры молодежи, выработки у нее способности противостоять приемам психологического манипулирования, видеть за внешне красивыми формами чуждую идеологию. Особого внимания требуют вопросы общения молодежи в интернете – в первую очередь в социальных сетях. В руках нечистоплотных политиков они способны стать оружием информационной войны. Примеров этому в последнее время предостаточно. В этой связи возрастает роль в современных условиях социально-гуманитарного знания, которое лечит души людей, становится барьером на пути различного рода проявлений бездуховности, пошлости и социального равнодушия.

Общество может усиленно развиваться не вопреки, а благодаря сохранению традиционных ценностей, опоре на культурную идентичность и самобытность. Их защита должна стать стержнем идеологии нашего общества. Теория деидеологизации, как показала практика последних лет, – это не более, чем миф. Тот духовный продукт, который предлагает Запад, не может стать стратегией развития социума. В ее основу должны быть положены четкие и ясные идеологические, мировоззренческие ценности и ориентиры. Без них нет смыслов, объединяющих общество целей и средство их реализации.

Диалог культур, социальный транзит в современном мире неизбежен. Новые формы бытия приходят в жизнь общества и каждого отдельно взятого индивида.

Вместе с тем следует учитывать культурный код народа, его историческую память. У культуры нет границ, но есть корни.

Вполне оправдано особое внимание ученых-обществоведов к проблемам антропологических угроз современного информационного общества. География территориального представительства научно-практической конференции достаточно широка. В ней принимают участие представители академической и вузовской науки Минска, Витебска, Гомеля, Могилёва, Жодино, Донецка, Луганска, Горловки, Москвы, Саратова, Самары, Смоленска, Королёва, Краснодара, Пензы, Челябинска, Глазова, Сарапула, Горно-Алтайска, Душанбе.

Международная научно-практическая конференция «Культурно-цивилизационный кризис в условиях информационного общества» проводится в соответствии с Государственной программой научных исследований Республики Беларусь на 2021–2025 годы по разделу «Антропологические угрозы глобализирующегося мира и социокультурные средства их минимизации».

*Э.И. Рудковский, кандидат философских наук, доцент*

# **I. ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ И ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ СОЦИУМА**

---

## **ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОСНОВАНИЙ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА**

*Ю.Л. Баньковская  
Минск, Белорусский государственный  
аграрный технический университет*

Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к трансформации современной социальной реальности. Информатизация общества становится фактором его качественной модификации. Следствием сетевизации политического, экономического и социокультурного пространства является изменение системы норм и правил, ценностный релятивизм, непостоянность духовных идеалов. Сетевые принципы становятся тем основанием, на базе которого выстраивается современная глобальная культура, чье функционирование характеризуется такими отличительными признаками как нелинейность, плюрализм ценностей, комбинация и артикуляция смыслов.

Современный период мирового социокультурного развития сопровождается постоянным самообновлением традиционных форм культуры вследствие процессов глобализации и сетевизации, приводящих к синтезу ценностных систем в единое культурное пространство, интенсификации межцивилизационных контактов. «Некогда упорядоченный, иерархичный мир культуры превращается на наших глазах в пространство сетей, мир «тысячи поверхностей», ускользящей паутины возможностей, в котором нет проложенных дорог и точек опоры» [1, с. 60–61]. Результатом сложившихся тенденций социального развития становится как расширение возможностей для взаимодействия с представителями других культур, признания ценности «образа, сформированного противоположной культурой» [2, с. 41], так и неприятие иных ценностно-нормативных стандартов, утверждение большей значимости собственных ценностей их доминирование.

Аспекты модификации ценностно-нормативных стандартов были исследованы М. Кастельсом, который разработал одну из наиболее известных теорий сетевого общества. Данное явление он рассматривает в качестве глобального образования, затрагивающего жизнедеятельность каждого человека и ориентированного на формирование новых ценностей и культурных кодов. «Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим выступают в качестве

важнейших источников власти и перемен в нашем обществе; таким образом, мы вправе охарактеризовать его как общество сетевых структур» [3, с. 494].

Культура, ее ценности и нормы определяют качественную специфику общества, воздействуют на все сферы его жизнедеятельности. Р. Коллинз обращал внимание на тот факт, что любые символы, сакральные объекты и ценности вырабатываются интеллектуалами, оказывающими непосредственное социальное влияние на создание и внедрение идей, которые «верны и значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, примет ли их кто-либо на практике» [4, с. 65]. Сетевая схема, реализуемая в вертикальном (от поколения к поколению) и горизонтальном (среди современников) временном направлении, закладывает формальную модель распространения информации, приобретаемой субъектами в результате их интеллектуальной рефлексивной деятельности. На процесс производства культурных ценностей и норм непосредственное воздействие оказывают как центральные фигуры или узловые центры, в наибольшей мере обладающие политическим, экономическим или культурным капиталом, задающие направленность развития и функционирования сети, так и отдельные люди, находящиеся на периферии данного образования [5, с. 91–98].

Поликультурность и глобальность социальной реальности, направленность на унификацию социальных ценностей и норм приводит к тому, что локальным культурам становится трудно сохранить свою уникальность. В условиях глобализации постепенно ослабляется суверенитет ряда стран, что приводит к размыванию национальной идентичности. Данные тенденции углубляются по мере расширения процессов сетевизации всех сфер жизнедеятельности общества. «Сетевые структуры устроены так, что в них может быть интегрировано все многообразие проявлений культуры, благодаря диверсифицированности, мультимодальности и неустойчивости коммуникаций» [6, с. 102]. Результатом сетевизации социокультурной реальности становится попытка симбиоза этнических культур и субкультур, их унификация. Как отмечал С. Хантингтон, «в этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации» [7, с. 24].

Процессы информатизации современного общества, приведшие к изменению социальных представлений, моделей межличностного взаимодействия, приводят к релятивности существующих ценностно-нормативных стандартов. Приспособление к новым условиям жизнедеятельности, их принятие и разделение социальными общностями особенно актуально в ситуации возможной быстрой эскалации противоречий, нестабильности и неустойчивости общественного развития. Результатом относительности принятия социальных ценностей и норм является появление ценностных конфликтов, приводящих к трансформации культуры и созданию новых

ценностно-нормативных стандартов, не предусмотренных предшествующими законами общественного функционирования.

Сетевое взаимодействие создает новые возможности для решения общих задач. Быстрая информационная доступность и постоянная обновляемость результатов совместной деятельности, их междисциплинарный характер стимулирует активность субъектов на творческий поиск, расширяет область кросскультурной коммуникации, способствует лучшему пониманию и осознанию межкультурных ценностей. Сетевая коммуникация способствует формированию таких качеств личности, как медиаграмотность и гибкость мышления.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что следствием трансформации социокультурных оснований сетевого общества в результате информатизации и цифровизации социальной реальности становятся потеря идентичности и культурной автономии, нестабильность и постоянная изменчивость норм, приоритетов и ценностей людей. Модификация культуры приводит к снижению уровня устойчивости развития социальной системы, к ослаблению и утрате традиционных ценностей, исчезновению национального колорита. Следовательно, возрастает опасность кризиса культуры, ее регрессивного развития. Формирование новой системы ценностно-нормативных стандартов, отвечающей потребностям сетевого общества, прояснение их сущности и специфики проявления в сети, становится одной из приоритетных задач социального развития.

#### *Список литературы*

1. Лысак, И.В. Формирование персональной идентичности в условиях сетевой культуры / И.В. Лысак, Л.Ф. Косенчук. – М. : Изд-во «Спутник», 2016 – 147 с.
2. Тагиров, Э.Р. Конфликты в обществе: от противостояния к согласию / Э.Р. Тагиров, Л.С. Тронова. – Казань : Изд-во Казанского финансово-экономического ин-та, 1996. – 235 с.
3. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / С.С. Аверинцев [и др.] ; под общ. ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – С. 494 – 505.
4. Коллинз, Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002.
5. Коллинз, Р. Теория конфликта в современной макроисторической социологии / Р. Коллинз // Философская и социологическая мысль. – 1993. – № 6. – С. 81–98.
6. Философия. Глобализация. Интеграция : монография / Академия управления при Президенте Республики Беларусь ; общ. ред. В.И. Чуешов. – Минск, 2006. – 205 с.
7. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ. – СПб. : Terra fantastica, 2003. – 603 с.



## РЕКЛАМА КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСТВА В МАССОВОМ ОБЩЕСТВЕ

*В.А. Голубев  
Витебск, Витебский государственный  
университет имени П.М. Машерова*

Слово «потребительство» на сегодняшний день довольно прочно укрепилось в лексиконе многих специалистов, занимающихся изучением развития общества. Под ним, прежде всего, понимается некое отношение к окружающему миру и себе подобным, которое характеризуется, прежде всего, восприятием объекта или субъекта как источника реализации своих потребностей. Поэтому зачастую слово «потребительство» окрашивается, скорее, в негативные тона. Многие исследователи не разделяют феномен потребительства с современным обществом, т.е. обществом массовым. Немаловажную роль в формировании потребительства играет реклама.

Целью работы является проанализировать формирование искусственных потребностей человека в массовом обществе и определить роль рекламы как одного из главных инструментов воздействия на массовое сознание.

XX в. характеризуется бурным промышленным подъемом и развитием способов производства, а также прогрессом в сфере науки, появлением новых жанров в искусстве. Все это способствовало тому, что в широком смысле многие социальные слои получили доступ к тем товарам, услугам и способу жизни, который ранее был доступен лишь т.н. «элитам». Внезапно отворившиеся двери в мир массы товаров, услуг и развлечений и можно считать той точкой, когда начало формироваться массовое общество. Однако, что же есть масса? Чем она характеризуется? На это вопрос многие исследователи дают свои ответы, однако все они будут схожи. Так, Х. «Ортега-и-Гассет считал, что «Масса – всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, как и все, и не только не удручен, но и доволен собственной неотличимостью» [1, с. 19].

20-е гг. XX в. ознаменовались рекордным на тот момент увеличением производства товаров и услуг. Это был тот момент, когда предложение превышало спрос и перенасыщало человеческие потребности. Для того, чтобы удовлетворять возросший рынок предложений, необходимо было стимулировать у рядового «человека массы» необходимость потреблять. Иными словами, формировать искусственные потребности человека. Если в первой половине XX в. можно говорить о попытках формирования таких потребностей, то уже в середине века вполне можно утверждать, что сформировалась полноценная индустрия не только производства развлечений, услуг и товаров, но и индустрия формирования искусственных потребностей и соответствующего отношения к миру, а именно, потребительства.

Развитие технологий и знаний, в т.ч. и знаний о человеке, способствовало изменению сознания индивида и, как итог, масс в целом. Можно сказать, что к тому моменту окончательно оформился такой феномен, как массовая культура, которая стала своеобразным стимулятором к формированию потребительства. И самым мощным стимулятором к потреблению определенного вида товаров и услуг стала реклама.

Следует отметить, что реклама как способ продвижения товара сама по себе существовала еще в эпоху самых ранних торговых отношений. Однако XX в. создал настоящую индустрию рекламы, превратив ее в мощный инструмент манипулирования сознанием человека.

Что же есть реклама по своей сути? Как правило, это публичное описание товара с целью его реализации. Иными словами, в процессе рекламирования делается упор на достоинства товара, замалчиваются его недостатки. Однако самое главное, в ходе рекламной кампании потребителю внушается мысль о том, что этот товар является необходимостью, и дальнейшее существование без него будет крайне сложным. Также можно сказать о том, что реклама обращается, в первую очередь, к эмоциям человека, которые в итоге берут верх над рациональной составляющей. Воздействие эмоций, будучи зачастую кратковременным явлением, оказывается довольно сильным, и мы «подчиняясь некому импульсу: колеблемся, колеблемся – и вдруг покупаем. Продуманная реклама как раз и способствует скорейшему проявлению такого импульса, можно сказать некоего транса у покупателей» [2, с. 36].

Из этого следует, что «суть потребления заключена не в возможности приобрести рекламируемый товар, а в желании это сделать; потребление локализовано не в кармане, а в сфере желания [2, с. 168].

Таким образом, человек всегда стремился обеспечить свою материальную жизнь комфортом. Однако следует понимать и распознавать манипуляции, которые направлены на подмену духовных ценностей, формированию ложных потребностей, которые могут наносить ущерб нравственному состоянию народа, превращая его в инертную массу. Особенно это актуально для подрастающего поколения, у которого еще не сформированы ценности и идеалы, которое наиболее восприимчиво к воздействию извне, и основная задача – не допустить любого рода деструктивное воздействие. Именно тогда можно говорить о сохранении народа в его истинном значении.

Однако это отнюдь не означает, что реклама есть только открытый призыв потреблять товар. Реклама может носить и скрытый характер. Например, герои фильма могут употреблять те или иные продукты, работать в фирме с нужным названием. Спонсорами концертов популярных групп могут выступать определенные корпорации, чьи названия транслируются во время этих концертов. Это, в свою очередь, формирует определенный стиль поведения и отношение к товарам и производителям. Если герои фирма,

пользуясь популярной продукцией, транслируют некие ценности и нормы, то они могут быть восприняты и массой в целом.

Также следует отметить, что реклама призывает потреблять не просто товары, а товары определенных фирм, марок и т.д. Разработчики рекламы придают большое значение тому, в каком виде представлять нужный товар. В самой рекламе создается определенная ситуация, в которой описывается, почему конкретно этот товар, услуга и пр. жизненно необходима человеку.

Таким образом, массовое общество, создав огромное множество товаров и услуг массового потребления, сформировало и целую индустрию формирования искусственных потребностей. Оно не только смогло создать новый вид товара, но и превратить в товар многие человеческие отношения. Реклама же стала мощным элементом формирования искусственных потребностей человека. С развитием массовых технологий она превратилась в эффективный инструмент манипуляции массовым сознанием. Поэтому в настоящее время необходимо стремиться критически осмысливать подаваемую информацию, стремиться научиться отличать то, что действительно необходимо от навязываемого извне.

*Список литературы:*

1. Х. Ортега-и-Гассет Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: ООО «АСТ», 2002. – 509 [3] с.
2. Безладный, Д.В. Психология в рекламе: искусство манипуляции массовым сознанием / Д.В. Безладный. – М.: ООО «Ваш полиграфический партнер», 2011. – 236 с.

**ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО  
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:  
СУЩНОСТЬ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ**

*М.И. Дронь  
Минск, Белорусский национальный  
технический университет*

Информационным можно назвать такое общество, в котором любой человек, находясь в любой точке пространства, в любой момент времени может получить любую необходимую для него информацию.

Но это еще не все. В информационном обществе информация является стратегическим ресурсом, одним из важнейших средств во всех сферах жизнедеятельности человека – от промышленного производства, образования, здравоохранения, сельского хозяйства до сфер деятельности, связанных с космосом, работой человеческого мозга, освоением океанских глубин и проникновением в тайны функционирования и изменения всего мироздания.

К такому обществу человечество шло от аграрного, через индустриальный этап своего развития [1].

Все в большей степени и все большее количество людей связывает свою жизнедеятельность с производством и применением информации.

И все же сказать, что мы полностью достигли всех высот информационного общества и наслаждаемся всеми его благами на данный момент мы еще не можем. Да, успехи значительные, но и не решенных проблем хватает. Да, информация является важнейшим стратегическим ресурсом. Ее роль сама по себе и в сравнении с веществом и энергией значительно выросла во всех сферах жизнедеятельности человека.

Человек осознал значимость и важность информации, процессов ее осмысления, понимания и научно обоснованного практического применения.

В этой связи и началась работа с информацией по многим направлениям. Прежде всего ее исследование с позиций многих наук: технических, математических, физических, с позиций философии, медицины, физиологии, экономики, истории, социологии, психологии, педагогики, лингвистики и др. Сейчас нет ни одной отрасли науки и практики, которые не изучали бы информацию как феномен, заслуживающий самого пристального внимания и практического применения. Наряду с различными теориями информации появились информационная медицина, информационная экономика, информационная экология, информационная педагогика и др.

Во всем космическом пространстве действует не только закон сохранения энергии, но и закон сохранения информации.

Колоссальные масштабы в реализации теории и практики информационного подхода возникли в связи с появлением компьютерной техники и особенно персональных компьютеров, приблизивших применение компьютерного способа функционирования информации к каждому человеку.

С созданием Интернета масштабы использования компьютерных информационных потоков настолько возросли, что речь пошла уже о компьютерной зависимости человека от самого компьютера и связанных с ним информационных способов взаимодействия с внешним миром.

И человек был полностью и безоговорочно пленен информационными устройствами и системами информационного взаимодействия с появлением мобильных телефонов, особенно современных смартфонов.

Создание и распространение информационных поисковых систем явилось вершиной полного покорения человека доступностью и простотой получения в считанные минуты практически любой информации: учебной, житейской, научной, медицинской.

Человек ищет в своей деятельности путь наименьшего сопротивления.

Без особого напряжения интеллектуальных, духовных и физических сил можно получить в интернете ответ на практически любой вопрос. Студенты, школьники, слушатели системы повышения квалификации сдают экзамены, как правило, с помощью смартфонов.

Если раньше дети стремились на улицу, и домой их было достаточно трудно затащить, то сейчас все наоборот, в домашнем уединении ребенок,

да часто и взрослый человек, взаимодействует с внешним миром через созданные людьми искусственные технические информационные системы.

Получилось так, что основную часть дня, а то и ночи человек посвящает получению, переработке, сохранению и передаче информации средствами компьютерной техники и мобильных телефонных устройств.

Почему так происходит? Прежде всего потому, что опосредованное техникой и ее программами взаимодействие между людьми в социуме стало более оперативным, масштабным, пространственно и содержательно расширенным, облегчающим поиск, получение, сохранение и передачу самой разнообразной информации и на этой основе более эффективному выполнению действий житейского, научного, производственного плана. Все это приводит к возникновению положительных эмоций и закреплению возникшей технологии жизнедеятельности.

Причем все это функционирует на основе циркулирующих в социуме гигантских потоков информации, с все возрастающей долей ее цифровой составляющей.

Аналоговый, непрерывный ее компонент в определенный момент нашей истории мы начали уменьшать. Телевидение перешло на цифровой вариант своего функционирования, устройства записи и передачи звуковой и всей мультимедийной информации отдали предпочтение дискретной форме ее существования и речь пошла о цифровой трансформации социума в целом и всех его подсистем.

Во всех сферах жизнедеятельности человека, во всех устройствах, функционирующих на информационных модулях управления информация, как по внутренним своим каналам, та и по внешнему взаимодействию стала меняться на цифровой вариант в силу целого ряда его преимуществ.

Наше информационное общество в таких условиях все больше и больше стало переходить на цифровые рельсы и встал вопрос о его цифровизации. Были приняты соответствующие законодательные и нормативные документы, начали проводиться научные исследования, связанные с цифровизацией жизнедеятельности людей [2]. Модули технических устройств, функционирующие на основе цифровой информации, начали получать все большее распространение. Банковские карточки, цифровые студенческие билеты, интернет-банкинг, заказ билетов на транспорт или в театр, цифровые паспорта – это уже реальная практика действия цифровой информации.

Речь идет уже даже о том, чтобы цифровые модули соответствующей направленности зашивать в тело человека.

Цифровизация связывается со все возрастающей автоматизацией среды, окружающей человека на основе цифровых модулей со все той же вездесущей цифровой информацией – автоматическое регулирование температуры в квартире, включение и выключение освещения, автомобили-роботы, передвигающиеся без водителей и др.

Создание электронного правительства, цифровизация права – актуальные проблемы создания информационно-цифрового общества.

В Республике Беларусь создано и действует информационное право, как важнейшая система правового регулирования информационного взаимодействия в социуме.

Очевидно, что цифровизация права и правовой деятельности пойдет по пути создания систем искусственного интеллекта, обеспечивающих регулирование правовой деятельности и решение правовых вопросов на основе созданных компьютерных алгоритмов и программ.

Так почему цифра? Почему именно цифра заняла столь важное место в информационном обществе. А потому, что цифра является информацией, выражающей число. Числовая информация – это качественно новый язык, язык более высокого уровня, чем язык только качественного анализа. Отсюда и столь высокая его значимость и значимость цифры и цифровизации общества.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы, раскрывающие суть и стратегии цифровых трансформаций в современном информационно-цифровом обществе:

1) В информационном обществе любой человек, находясь в любой точке пространства, в любой момент времени может получить любую необходимую для него информацию.

2) Во всех сферах деятельности информация превращается в важнейший стратегический ресурс.

3) Стремительно развивается информационная индустрия, привлекающая в свою сферу все большее количество работников.

4) Развитие компьютерной техники, мобильной связи, интернета, поисковых систем расширило возможности человека во всех сферах его жизнедеятельности.

5) Переход на дискретные, цифровые способы получения, трансформации, хранения и передачи информации открыл новые перспективы в развитии всех отраслей производства, науки, здравоохранения, образования, бытовых услуг.

6) Цифра является информационным выражением числа. Языки количественного, числового анализа являются языками более высокого уровня, чем языки только качественного анализа, что и послужило причиной развития процессов цифровизации информационного общества.

7) Значение цифровой составляющей информации резко возросло, привело к созданию технических модулей, функционирующих на ее основе с применением языков искусственного интеллекта и внедрением в практику процессов создания умных устройств, умных домов, умных городов и т.д.

8) Цифровизация затрагивает все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и сферу управления, осуществляя цифровую трансформацию правовой, экономической деятельности. Создается цифровое правительство, стремительно развивается робототехника, системы

искусственного интеллекта, биотехнологии, процессы автоматизации и роботизации как интеллектуальной, так и производственной сферы, отраслей, обслуживающих жизнедеятельность человека.

*Список литературы:*

1. Дронь, М.И. Беларусь на пути к информационному обществу / М.И.Дронь [Электронный ресурс]. – Программа «Политика» / Первый Национальный канал Белорусского радио.– 8 августа 2009.– 12:05.– 1 электрон. опт. диск (CD-R): зв.
2. Декрет Президента Республики Беларусь №8 от 21.12.2017 г. «О развитии цифровой экономики» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1>.–Дата доступа: 01.11.2022.

## **О ЦИФРОВИЗАЦИИ И ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОСТИ**

*А.Ю. Косенков  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Однажды автор данного текста посмотрел видеоролик, на котором пассажир автобуса снимал городские пейзажи Минска девяностых. Правда, эти видеофрагменты оказались интересны не «схваченным» в кадре временем, а одним, на первый взгляд, малозначительным эпизодом: оператор, когда за спиной послышались привычные для общественного транспорта склоки, не навел камеру на бушующих пассажиров, а продолжил снимать столичную улицу. Это весьма удивительная картина, учитывая то, что современный подросток наверняка посчитал бы снятый конфликт режиссерской удачей, сулящей множество просмотров в социальных сетях.

Чем объясняется такое поведение оператора и можно ли из этих объяснений сделать какие-либо выводы? Не претендуя на глубокий психологический и социологический анализ, хотелось бы обратить внимание на технический аспект произошедшего. Видеокамера – устройство, доступное отнюдь не каждому потребителю девяностых. Ее дороговизна, ограниченный объем памяти и некоторые трудности в использовании (одна из ключевых – перенос отснятого на видеомagneтофон или компьютер) явно побуждали расставлять приоритеты оператору, направляя объектив на съемку знаковых событий для собственного видеоархива, а не на фиксацию городских конфликтов. Технологические тренды рубежа столетий, однако, внесли некоторые коррективы в поведение индивида и его «информационное отношение» к окружающему миру.

Вышесказанное делает обоснованным обращение к представителям акторно-сетевой теории, STS (Science and Technology Studies) и в особенности теории медиа, выявляющих в своих работах взаимосвязь между тенденциями технологического развития, изменениями структурных характеристик техники и трансформацией индивида и общества. Пожалуй, лучше

всего исследовательские ориентации этих теоретиков отражают следующие слова М. Маклюэна: «Используется ли свет для операции на мозг или освещения вечернего бейсбольного матча – не имеет никакого значения. Можно было бы утверждать, что эти виды деятельности являются в некотором роде «содержанием» электрического света, поскольку без электрического света они не могли бы существовать» [3, с. 10–11]. При этом не только электричество и прочие «грандиозные» технологии оказываются в центре внимания исследователей: отмечаемый некоторыми мыслителями «поворот к материальному» в социальных науках [4, р. 6], сопряженный с переосмыслением статуса объектов предметного мира, побуждает выстраивать теоретические системы даже вокруг таких конструкций как втулочный насос [см. 2].

В поле зрения представителей указанных теорий оказались и последствия цифровизации. Процессы развития и внедрения цифровых технологий, как известно, сопровождаются совершенствованием компьютеров, которые становятся все более производительными, миниатюрными, потребителски доступными, многофункциональными, «дружественными» в использовании. На смену массивным машинам, занимающих несколько помещений и требующих специального обслуживания, пришли персональные карманные устройства, используемые даже детьми. Собственно, разработку смартфонов с камерой можно рассматривать как немаловажную веху в развитии и компьютеров, и видеоустройств.

Цифровизация, в конечном счете, способствует формированию новой информационной действительности [см. 1] (как ранее это происходило вследствие развития книгопечатания, радио, телевидения), в которой индивид выступает в роли и читателя, и автора, генерируя и потребляя терабайты фото, текста и видео, циркулирующих в сетях с небывалой доселе скоростью. Миниатюризация компьютерной техники, ее доступность и увеличение объема хранимой информации меняют практики создания, хранения и передачи последней. В новой информационной действительности стирается граница между личным и публичным, появляется контент, часто создаваемый от скуки и безделья, а «чистка» смартфона от ненужных файлов становится для индивида чуть ли не ежедневным занятием. На смену оператору, снимающему Минск и игнорирующему буйство пассажиров, таким образом, приходит «коллективное творчество», находящее воплощение в общедоступных видеороликах на YouTube с названием вроде «Драки в автобусе».

Данный текст вместе с тем не направлен на дискредитацию цифровых технологий: автор рассматривает цифровизацию как амбивалентный по последствиям процесс. Важно обратить внимание на то, что именно формируемая информационная действительность часто побуждает современников говорить о кризисных явлениях. Такой вердикт цивилизации вынести просто – достаточно открыть ленту TikTok или Twitter и натолкнуться на сомнительный контент: драки, низкокачественный юмор, шокирующие новости... Другое дело, что те же конфликты в общественном транспорте были всегда (отличались ли тактичностью и благородством пассажиры



запущенного однажды в Витебске трамвая?), однако не каждый индивид был способен это зафиксировать на каком-либо носителе и уж тем более передать потомкам. От предыдущих эпох остался определенный корпус текстов, фото и видео документов, а тысячи событий и явлений канули в лету по причине своей тривиальности и обыденности (в лучшем случае сохранились в мемуарах и архивных документах). Сопоставляя современность с предыдущими эпохами, информационные технологии прошлого уместно сравнить со свечой, отражающей контуры действительности, а технологии дня сегодняшнего – с прожектором, проливающим свет на каждый «угол» социальной реальности, демонстрирующим ее во всей многомерности и противоречивости.

Именно этот, информационно-технологический, аспект часто несправедливо выносятся за скобки в контексте размышлений о цивилизации. Безусловно, говорить о кризисных явлениях вполне уместно (главное – делать это аргументировано), но при этом не следует игнорировать характерные черты информационной действительности, в которой современность находит отражение.

*Список литературы:*

1. Косенков, А.Ю. Процессы цифровизации и информационное измерение социальной реальности / А.Ю. Косенков // *Философия и вызовы современности: к 90-летию Института философии НАН Беларуси: материалы междунар. науч. конф., Минск, 15-16 апреля 2021 г. : в 3 т. / Ин-т философии НАН Беларуси; редкол. : А.А. Лазаревич [и др.]. – Минск, 2021. – Т. 2. – С. 167–170.*
2. Ло, Д. Объекты и пространства / Д. Ло // *Социология вещей. Сборник статей / под ред. В. Вахштайна. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – С. 223–243.*
3. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
4. Pels, D. The status of the object: performances, mediations and techniques / D. Pels, K. Netherington, F. Vandenberghe // *Theory, Culture and Society. – 2002. – Vol. 19. – № 5/6. – P. 1–21.*

**MODERNIZATION OF TEACHER TRAINING TOOLS IN THE FIELD  
OF E-LEARNING IN THE DIGITAL ECOSYSTEM  
OF PEDAGOGICAL CONTINUOUS TRAINING**

*A.A. Minich  
Minsk, Belarusian state pedagogical  
university named after Maxim Tank*

In Belarus a key activity for all universities in the country until 2025 is the expansion of using network and distance educational technologies. This goal assumes the development of horizontal management partnerships, the creation of practice-oriented structures in universities, career-planning centers and network professional communities based on information-communication

technologies (ICT) [1]. The importance of the constant development of the digital environment of universities and, in general, the formation of the republican information and educational environment is one of the conditions for improving the quality of education. For the system of higher pedagogical education in modern conditions, an urgent task for universities is the training teachers capable for e-learning in digital environment and network pedagogical interaction [2, 3].

Considering the fact that Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank (BSPU) is the leading pedagogical university in the country the goal of this article is to describe the deliverables of modernizing the educational process in digital environment for training teachers capable for e-learning. BSPU also coordinates a republican partnership of pedagogical educational institutions, which is called educational research and innovation cluster [4]. Cluster plays an important role in the development of the regional system of continuous teacher training. In these conditions, the implementation of BSPU deliverables in development of cluster digital environment can influence on the whole system of pedagogical training in Belarus. Taking into account the latest requirements for universities on the moving to new innovative practices and the specific character of teachers' training in the field of e-learning technologies the conceptual approaches of the BSPU digital environment development revised in 2019. The new conceptual model was in the widening of e-learning technologies application (as means of teachers' training) in BSPU and in Cluster, as well as updating the content, forms, methods of forming relevant ICT competencies and information culture of the teachers (as one of the goals of teachers' training) [5, 6].

The leading idea for the model was the formation of relevant ICT competencies and information culture of the future teacher, based on an understanding of the specific role of pedagogical interaction and the features of e-learning in the digital environment. According to this model innovative-advanced teacher training is conducting in a digital ecosystem of pedagogical training, which is designed on definite principles (synergy, personalization (individualization), polymodal, connectivity, constructivist, axiological).

The digital ecosystem considered as an open nonlinear dynamic socio technical horizontal system which integrates various global, national, university, inter-university services, educational institutions and stakeholders associated with the engagement of future teachers in various e-learning activities. The digital ecosystem in a pedagogical university includes subsystems: digital resources, online learning, e-learning trajectories, network communities, scientific innovations, e-services [6].

*Let us describe the most important practical results of some subsystems development. The development of the subsystem of digital resources from 2019 can be described through the:*

- modernization of the study course “Information technologies in education” which is included as compulsory state component of the curricula for all pedagogical specialties;

- development of new curricula of elective disciplines (“Technologies of network pedagogical interaction”, “IT project management”, etc.);
- inclusion into the curricula of study courses on teaching methods of school subjects modules or sections of ICT technologies. A selective analysis of 26 curricula on teaching methods at 5 faculties of BSPU showed that the study of using ICT is included in their content, course papers and theses on this topic are planned;
- constant growth of the collection of e-resources for teachers’ training for all study courses (the number of open online resources, courses, video content is growing every year).

The BSPU *online learning subsystem* as a means of e-learning in a digital environment started to play a significant part in involving of future teachers in various e-learning activities. The implementation of such platforms as BigBlueButton and MS TEAMS in BSPU digital environment allowed to widen the channels for pedagogical communication between teachers and students and to rise using the blended learning model in the university. At the regional level the active development of *the online learning subsystem in BSPU* is associated with the republican educational online project “Future teachers for children!”, initiated by BSPU in 2020 in order to support schoolchildren during the pandemic COVID-19. In 2021 the participation in republican educational online project “Future teachers for children!” was included as a part of Pedagogical Practice in the field of e-learning methods and network pedagogical interaction. The digital resource “Online BSPU school” is also used for creating students’ IT projects for e-learning.

The development of *the subsystem of e-learning trajectories* was focused on the modernization of educational and methodological support for e-learning by designing *interactive electronic educational and methodological complexes based for LMS Moodle*. According to such concept in 2019 BSPU introduced a system for the development of interactive competence-oriented e-content. It allowed to increase the proportion of quality e-resources for the digital environment: among more than 1700 e-resources in Moodle 18% refers to interactive electronic educational and methodological complexes. At the level of Cluster the digital environment of BSPU offers several open e-courses and projects on pedagogical experience exchange on the development of interactive e-courses. The coordination of scientific and methodological innovations in the field of e-learning at the university and Cluster is carried out by the Republican resource center “Network Academy of Pedagogy of E-Learning”.

#### *Findings:*

The transition to the conceptual model of *digital ecosystem* for teachers’ training made it possible to modernize a toolkit for ICT pedagogical training on different levels. At *the institutional level, the digital ecosystem of pedagogical training* contributes to the creation of additional pedagogical and organizational-technological conditions to stimulate independent educational and extracurricular activities of students in the digital environment, for the conscious formation of

professional ICT competencies and information culture of the future teacher. *At the regional level*, the formation of a digital ecosystem makes it possible to include inter-university teams of students and teachers on a project basis in the pedagogical training process, the network horizontal interaction of professional and educational research communities, the expansion of scientific research and the organization of pedagogical practice of e-learning in Cluster.

*References:*

1. Konceptual'nye podhody k razvitiyu sistemy obrazovaniya Respubliki Belaru'' do 2020 goda i na perspektivu do 2030 goda: utv. Prikazom Ministra obrazovaniya Respubliki Belarus' 29.11.2017, № 742
2. Konceptiya cifrovoj transformacii processov v sisteme obrazovaniya Respubliki Belarus' na 2019-2025 gody, utverzhdena Ministrom obrazovaniya Respubliki Belarus', 15 marta 2019 g.
3. Konceptiya razvitiya pedagogicheskogo obrazovaniya na 2021-2025 gody : utv. Prikazom Ministerstva obrazovaniya Resp. Belarus', 13 maya 2021 g., № 366. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: [https://crpo.bspu.by/informational\\_resources/planning\\_reporting\\_docs/konceptija-razvitija-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-respublike-belarus-na-2021-2025-gody](https://crpo.bspu.by/informational_resources/planning_reporting_docs/konceptija-razvitija-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-respublike-belarus-na-2021-2025-gody) – Data dostupa: 10.11.2021
4. Zhuk, A.I. Sociokul'turnaya missiya pedagogicheskogo obrazovaniya v usloviyah perekhoda k universitetu 4.0 / A.I. Zhuk // Adukacyya i vyhavanne ; № 1. – S. 64-69. – 2021. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://elib.bspu.by/handle/doc/50852> – Data dostupa: 10.01.2022
5. Zhuk, A.I. Napravleniya cifrovizacii pedagogicheskogo obrazovaniya / A.I. Zhuk // Pedagogika; № 4. – S. 27-36 – 2020. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : <http://elib.bspu.by/handle/doc/50848> – Data dostupa: 10.01.2022
6. Minich, O.A. Model' elektronnoho obucheniya v pedagogicheskom obrazovanii kak cifrovaya ekosistema / O. A. Minich // Vesci BDPU. Seryya 1. Pedagogika. Psihologiya. Filalogiya. – 2020. – № 4. – S. 20–28. [Elektronnyj resurs]. – 2020. – Rezhim dostupa : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44671027> – Data dostupa: 10.01.2022

## **МОТИВАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ**

*И.С. Мороз  
Минск, Военная академия Республики Беларусь*

В современном мире человек имеет огромные возможности для того, чтобы сделать свою жизнь достойной и интересной. Комфортные условия проживания позволяют удовлетворять любые его потребности. Это желание возникало в стремлении улучшить свое окружение, преодолеть накопившиеся проблемы.

По мере того, как развивается современное общество, меняются и человеческие предпочтения. Каждый стремится овладеть тем огромным потенциалом, который предлагает технический прогресс. Трудно представить мир людей без современных технологий, которые существенно упростили нашу жизнь. Мобильные телефоны превратились в многофункциональные

устройства. Информация стала стратегическим ресурсом общества и занимает ключевое место в экономике, образовании, культуре.

На современном этапе, внедрение компьютерных технологий оказывает существенное влияние на формирование и развитие личности, ее жизненных ценностей, базовых установок и приоритетов. Человек выступает в роли субъекта информатизации. Научно-технические процессы воздействуют на наше самосознание и все сферы личности: познавательную, мотивационную, эмоциональную.

Молодежь является именно той социальной группой, которая наиболее восприимчива ко всем происходящим в социуме изменениям, как положительным, так и отрицательным. Она легко воспринимает все новое, быстро перестраивается, изменяется и так же быстро разочаровывается в нем. Это и объясняет тот факт, что молодое поколение, с одной стороны, обладает наибольшим адаптационным потенциалом, а с другой – менее всего защищена [1, с. 1].

В данных условиях следует обратить внимание на мотивационные ценности и установки современных молодых людей, которые является основополагающим элементом общества.

Проблему и причины мотивационных установок рассматривали как отечественные (В.Г. Асеев, Е.П. Ильин, В.К., Вилюнас, В.И., Ковалев, А.Н. Леонтьев, М.Ш. Магомед-Эминов, В.С. Мерлин, П.В. Симонов, Д.Н. Узнадзе, А.А. Файзуллаев, П.М. Якобсон), так и зарубежные авторы (Дж. Аткинсон, Г. Холл, К. Мадсен, А. Маслоу, Х. Хекхаузен и др.) [2, с. 1].

А. Маслоу предлагал рассматривать мотивацию индивида с точки зрения его потребностей. Ученый структурировал потребности и схематически изображал их в виде пирамиды, которую назвал «иерархией потребностей».

По мнению некоторых авторов (В. Г. Асеев, В. И. Ковалев), мотивационная установка является тем психологическим образованием, относящемся к потенциальным мотивам, которые сформировались, но не проявляются в данный момент.

Мотивация действий и поступков современных молодых людей протекает в весьма непростых и уникальных условиях, связанных с ее трансформацией под воздействием информатизации.

Информационные технологии влекут за собой многие радикальные научно-технические, экономические и социальные перемены, существенным образом изменяют наши привычные условия жизни, производственную деятельность, быт и отдых. Обеспечивается высокий уровень автоматизации обработки информации в производственной и социальной сферах. Молодежь, при этом, становится более мобильной и коммуникабельной, быстро реагирует на изменения, происходящие в окружающей среде. Она способна воспринимать большое количество информации, одновременно выполняя сопутствующие действия. Несомненно, это оказывает влияние на формирование ценностей, мировоззрения и практического опыта, а значит, происходит изменение параметров и форм процесса ее социализации. [3, с. 1].

Важность и полезность современных информационных технологий в нашем обществе неоспорима, однако у них тоже есть свои недостатки: при упрощении решения задач с помощью компьютера происходит снижение уровня интеллекта; знания получаются поверхностно; при чрезмерном увлечении социальными сетями теряются ценности духовного общения; снижаются способности к самостоятельной обработке информации и формированию аналитических выводов [3, с. 1].

Интенсивные технологические изменения приводят к необходимости переустройства всех сфер современного социума, предъявляют новые требования к качеству и содержанию подготовки современного специалиста. Они способствуют становлению личности. Однако, это лишь инструмент, все зависит от предпочтений каждого человека.

Обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые и компетентные люди, способные самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, отличающиеся мобильностью, конструктивностью, динамичностью, осознающие свою ответственность за судьбу страны.

Таким образом, информатизация влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия. Она является одним из ведущих факторов в формировании и трансформации мотивационных установок молодого поколения. Учитывая тот факт, что молодежь – это основополагающий элемент социума, крайне уязвимый под воздействием на него техногенных процессов, следует предпринимать всевозможные усилия, направленные на повышение их уровня мотивации. Это позволит им, на более ранних стадиях, правильно расставлять свои приоритеты, перспективы реализации жизненных планов, находить себя в различных видах деятельности, осознавать цели и смысл жизни, быть готовыми к самостоятельной жизнедеятельности в соответствии со своими желаниями, возможностями и склонностями.

#### *Список литературы:*

1. О мотивационном поле современной российской молодежи: социологический аспект (по материалам КБР) [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Современные проблемы науки и образования». – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18357/>. – Дата доступа: 05.11.2022.
2. Харченко, И.С. Мотивы как основа становления эмотивно-аксиологической сферы субъекта [Электронный ресурс] / И. Харченко // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» – Режим доступа: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/motivy-kak-osnova-stanovleniya-emotivno-aksiologicheskoy-sfery-subekta.pdf>. – Дата доступа: 05.11.2022.
3. О влиянии компьютеризации на социализацию ребенка и формирование жизненных ценностей и моральных принципов молодежи [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Международный студенческий научный вестник». – Режим доступа: <https://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=17857/>. – Дата доступа: 05.11.2022.

## ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ КОЛЛЕКТИВНОГО И КОННЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

*Т.Е. Новицкая  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Системе современных медиа свойственны интерактивность, плюрализация, виртуализация и рост коммуникативной автономности субъектов символического производства. Для характеристики масштабных изменений, происходящих в социальном, культурном, политическом измерениях общества под влиянием новых сетевых медиа, ряд исследователей используют понятие медиатизации. Оно маркирует растущее влияние медиа на общество. В качестве одной из ключевых идей при изучении медиатизации выступает идея медиалогии. Датский исследователь С. Хьярвард определяет ее как совокупность институциональных, эстетических и технологических правил и ресурсов, посредством которых работают медиа [1, с. 95–96]. Медиалогия влияет на форму общения, на характер и функции социальных отношений [1, р. 105]. Медиа интегрированы в деятельность других социальных институтов, и в то же время они сами становятся одним из важнейших социальных институтов. В результате медиатизации возрастает зависимость других институтов от ресурсов, которые контролируют медиа. И чтобы получить доступ к этим ресурсам, социальные институты вынуждены разделять правила, по которым работают медиа.

Медиатизация – это долгосрочный процесс: периодически на главную арену выходят различные инновационные медиа, они оказывают трансформирующее воздействие на большинство сфер общественной жизни. А. Хепп обозначает современный этап медиатизации как «глубинную медиатизацию». Он связывает его со скачком в распространении новых медиа. Для него основной фактор углубления медиатизации сегодня – это цифровизация. Хепп выделяет три основные волны медиатизации, обусловленные механизацией, электрификацией и цифровизацией [2, с. 5]. На современной, продвинутой, стадии медиатизации все элементы социального мира неразрывно связаны с цифровыми медиа и их базовой инфраструктурой [2, р. 7, 34]. Итак, медиатизация протекает как смена различных волн, фундаментальных изменений в медиасреде. Существуют периоды их пересечения и наложения друг на друга. Сегодня это выражается в одновременном влиянии на общественное сознание телевидения и Интернета. Актуальна проблема «цифрового разрыва»: параллельно с ростом гипер- и интерактивности, сетевизации и социализации медиасреды часть аудитории по-прежнему получает информацию преимущественно по «традиционным» однонаправленным каналам.

Согласно идее У. Л. Бенетта и А. Сегерберг [3] [4], в условиях медиа-конфликтов на смену коллективному действию приходит коннективное действие. Логика коннективного действия противопоставляется ими логике коллективного действия, описанного М. Олсоном [5]. Коллективные действия – это действия, совершаемые группой лиц ради достижения одного и того же общественного блага. Коннективные действия возникают в результате сдвига в коммуникативных процессах, социальных структурах, социальности в направлении сетевизации. Характеризуясь той же ориентацией, что и коллективные, коннективные действия отличаются организационно – моделью коммуникации и взаимодействия. При коннективном действии базисом социальной идентичности становится широкомасштабное инклюзивное индивидуализированное самовыражение, а не эксклюзивность групповой идентификации. Коллективные действия – результат централизованной координации, медиакампаний, целенаправленной организации сообщества. Коннективные действия фундируются добровольным самовыражением в социальных сетях, замещающих формальные организации в их объединяющих функциях. Коллективное действие основывается на организационных ресурсах мобилизации и лидерства, а коннективное – порождается толпой, избегающей лидерства, направляющей ресурсы и генерирующей связи между рассредоточенными в пространстве группами. Коннективное действие – тип политического действия, характеризующийся неформальной сетевой организацией, мобилизацией участников посредством совместного производства и распространения контента в ходе персонализированной коммуникации в цифровых медиа, индивидуализацией, а также гибкостью политической идентичности его акторов. Стержневым элементом коннективного действия является обмен: персонализация способствует распространению контента и действий внутри социальной сети [3, p. 760].

Для осмысления ответственности в результате двух указанных видов политического действия необходимо прояснить вопрос о том, кто/что выступает в качестве их субъектов и в чем состоит их специфика. Под субъектом ответственности, возникающей в результате коллективного действия, подразумевается некий коллектив, сообщество. Коллективная субъектность в данном случае строится на групповых связях и на лидерстве, которое целенаправленно организует сообщество. Поэтому можно говорить, прежде всего, о коллективной ответственности, которая вытекает из разделяемой солидарности и связей. Весьма значимы для этого типа ответственности идентичность, осознание, признание и позиционирование себя в качестве члена сообщества (партии, движения, профсоюза и пр.). Еще один важный аспект коллективной ответственности связан с высокой значимостью роли лидера – здесь предполагается и соответствующее распределение (ранжирование) ответственности, т. е. она не просто разделяется участниками, ее концентрация возрастает на вершине вертикали. В ходе коллективного действия лидер мобилизует и направляет сообщество, он также представляет его от лица его участников.



Рассмотрим проблему ответственности, связанной с коннективным действием. Понимание такой ответственности усложняется рядом характеристик актуализирующего ее действия: отсутствием единства идентификации у действующих «коннективно», инклюзивностью и подвижностью сети и множественностью индивидуальных самовыражений. Возможна ли ответственность толпы, пусть и «умной толпы» (смартмоба, используя терминологию Г. Рейнгольда [6])? В ситуации коннективного действия мы имеем дело с гетерогенными идентичностями, объединенными в действие. В горизонтальной структуре мобилизация обеспечивается ресурсами самой сети, которая может быть достаточно нестабильной и разнородной, ситуативной. Размытость, подвижность смартмоба проблематизирует его ответственность. В таких условиях вопрос о том, кто ответственен, может казаться открытым... Однако для того, чтобы говорить об ответственности, кроме субъекта, принципиально наличие инстанции, перед которой он отвечает. В случае автономии субъект и инстанция могут совпадать. Но что происходит в ситуации гетерономии (моральной, правовой)? Например, когда сетевое, горизонтально структурированное коннективное действие осуществляется в достаточно иерархичном, вертикально выстроенном обществе. В данном случае в виду персонализации в сети при столкновении с вертикально организованной инстанцией может происходить индивидуализация ответственности. Поскольку отсутствует цельный единый коллективный субъект ответственности ею наделяются включенные в сеть.

*Список литературы:*

1. Looking beyond the field: development of the mediatization research agenda. Interview with Prof. Stig Hjarvard // MATRIZes.V. –10. № 1. –Jan./abr. 2016, São Paulo. – P. 89–102.
2. Hepp, A. Deep Mediatization. –London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2020. – 248 p.
3. Bennett, W. L. The logic of connective action. Information, Communication & Society / W.L. Bennett, A. Segerberg –2012. –V. 15. –№ 5. –P. 739–768.
4. Bennett, W. L. The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics / W.L. Bennett, A. Segerberg – Cambridge University Press, 2013. – 240 p.
5. Олсон, М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. – 174 с.
6. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция. Пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.

## ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

*Э.И. Рудковский*  
*Витебск, Витебский государственный*  
*университет имени П.М. Машерова*

Демократия, как известно, предполагает гарантию прав и свобод человека, выборность основных органов власти, разделение властей, функционирование правового государства, политическую конкуренцию, развитие народовластия. Данные параметры демократии, ее основные механизмы были сформулированы многими мыслителями либеральных взглядов еще в Новое время. В той или иной мере (но всегда не полностью) они стали политической практикой тех стран, которые принято называть демократическими. Как правило, под ними имеют в виду прежде всего страны Запада. Однако следует учитывать, что в условиях глобализации возникают новые тренды в жизни общества, в том числе и в функционировании политических институтов. Симбиоз демократии и либерализма, сложившийся в Новое и Новейшее время, в условиях глобализации дает существенные сбои. Глобализация образует далеко не однозначный контекст для демократии.

Безусловно, развитие информационного общества сопровождается целым рядом позитивных тенденций, повышается уровень информирования населения, что создает предпосылки для расширения вовлечения граждан в дела общества и государства. Информационные технологии способствуют утверждению плюрализма, новых методов и процедур управления, создают возможность для граждан более эффективно и организованно отстаивать свои интересы на региональном уровне. Появляются особые формы общения между людьми, минуя посредничество государственных органов и различных социальных институтов. Другими словами, информационное общество создает условия для формирования зрелого гражданского общества. Вошли в политический обиход такие термины, как «кибердемократия», «электронная демократия».

Понятно, что без открытости и гласности, доступности информации демократия не может развиваться. Внедрение информационных технологий является предпосылкой формирования двусторонних связей между обществом и властными структурами, способствует прозрачности принимаемых решений и процедуры выборов, повышает свободу самовыражения. В то же время нельзя не видеть, что в странах так называемого коллективного Запада информационные технологии становятся мощным средством манипулирования сознанием людей и подавления инакомыслия.

СМИ стали выполнять репрессивную функцию, переставая быть независимыми. Любые самые нелепые обвинения уже сами по себе являются вердиктом, означающим и гражданскую, и социальную, и творческую

смерть обвиняемого. Какая такая презумпция невиновности? Раз сказали – значит надо верить. Вот и весь аргумент. На место юстиции пришли медиа и социальные сети. Эффективные механизмы защиты от манипуляций сознанием пока не выработаны в достаточной мере, нет универсальных средств верификации получаемой информации. Сложился так называемый информационный тоталитаризм. Люди все в большей мере зависимы от средств передачи, хранения и обработки информации.

Демократия в киберпространстве вовсе не означает демократии в реальном мире. Не только интернет вошел в политику, но и политика вошла в информационное пространство. Обычные граждане не могут сравниться по своим возможностям с крупными интернет-корпорациями, для которых не представляет труда установить соответствующие фильтры, чтобы перекрыть доступ к нежелательной политической информации. Обладая огромными финансовыми ресурсами, они могут создать видимость массовой поддержки определенной политической программы и акции. Виртуальные сообщества не могут заменить реальных субъектов политической жизни и саму эту жизнь.

Важной проблемой является этика, политическая культура ведения дискуссии в киберпространстве. В традиционных СМИ соблюдаются в той или иной мере нормы закона и морали. Однако в интернете такой контроль минимален. И это становится серьезной проблемой современного социума. Падают представления о человечности и нравственности [1]. На Западе поют гимны всему тому, что означает отказ от традиционных общечеловеческих ценностей. Тенденция современного мира – тотальная дегуманизация. Отмена культуры становится культурой.

Демократия – это и народовластие, и система ограничений, предохраняющих от злоупотребления властью. Но информационные технологии очень часто купируют свободу граждан, вторгаются в их личную жизнь. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что экстремистски настроенные силы также обладают серьезными возможностями по распространению деструктивной информации и манипулированию общественным мнением. Главные удары наносятся не бомбами и ракетами, а дезинформацией. Это новый тип войны. Ее фронт проходит теперь в каждом доме, в каждом мобильнике и компьютере. И у нас нет иного оружия, кроме правды. Граждане должны осознавать уровень опасности и уровень ответственности за свою страну. В этом и проявляется содержание патриотизма.

#### *Список литературы:*

1. Рудковская, Е.Э. Социокультурные риски информационного общества и факторы их минимизации / Е.Э. Рудковская, Э.И. Рудковский // Ученые записки УО «ВГУ имени П.М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – Т. 34. – С. 85–89. URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/31451/1/85-89.pdf> (дата обращения: 22.10.2022).

## КУЛЬТУРА КАК СПОСОБ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

И.Г. Сухина

*Донецк, Донецкий национальный университет  
экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского*

Человеческое бытие сообразовано с информацией, – в человеческом поведении, деятельности, и особенно – коммуницировании генерируется информация как актуальное, смысло-значимое содержание. Информация (от лат. *informatio* – сведения) представляет собой стратегический ресурс человеческого бытия в его прогрессирующем социокультурном развитии,

Поступательный ход человеческой истории, развитие культуры и общества сопряжены и обеспечиваются информацией. *Информация – это сведения о чем-либо, передаются как сообщения или предполагающие их коммуникативную передачу. Сведения – это сообщения, обладающие определенным, актуальным для коммуникации, содержанием и смыслом.*

Обладающая актуальным смыслом, значением для человеческого бытия, и соотносящаяся с ним, социокультурная информация исходно представляет собой предмет и предметный результат интенциональной активности человеческого сознания как такового, которое полагает свой предмет и относится к нему. Отношение к полагаемому предмету как нозматическому корреляту интенциональности сознания генерирует информацию о нем, актуализирующую его содержание и его значимость.

Соответственно, сознание выступает и реципиентом информации как источника своей содержательности, своего развития, как ориентирующего начала, руководства к действию, способа коммуницирования его субъекта.

Интенциональная активность сознания, особенно – направленная, выступает исходным каналом генерирования и прохождения информации. Через информацию оно обеспечивает свое содержание, реализует свои функции, развитие в целом. Сознание – информационно, это – генератор (социокультурной) информации; оно функционирует в режиме и процессах оперирования с информацией, в инспирируемом им мире информации.

Человеческое бытие как таковое есть бытие с позиции сознания, его интенциональной, информационно-иницирующей активности. И человек есть, прежде всего, субъект сознания, его деятельность имеет сознательно-мотивированный характер, а в ее оптимальной модальности – сознательно-творческий характер конструктивной объективации содержания сознания.

Человеческое бытие формируется, самоопределяется, развертывается и реализуется как субъектное «бытие в мире», которое в оптимальной – сознательно-творческой модальности обретает культурогенный характер, и выступает как «бытие в культуре». «В своих адекватных, конструктивных проявлениях человеческое бытие есть «бытие в культуре» [3, с. 130].

Сознание осуществляет информационное обеспечение человеческого бытия. Аккумуляция информации переводит его на более высокие уровни развития. Это всеобщая закономерность человеческого бытия, его развития.

Сознание инициирует механизмы информационного обеспечения человеческого бытия, обретая тем самым культурогенную определенность. Адаптация, оптимизация и интеграция этих механизмов конституирует культуру как универсальный механизм информационного обеспечения человеческого бытия в его коммуникативной функциональности. Именно как «...механизм, имеющий целью выработку и хранение информации» [2, с. 393] трактовал культуру российский философ и культуролог Ю. Лотман.

Культура представляет собой совокупный предметный коррелят интенциональной intersубъективной активности человеческого сознания, инициирующего информацию и механизмы ее обработки и передачи как способ информационного обеспечения человеческого бытия (в культуре).

Утверждение культуры как универсального механизма оперирования с (социокультурной) информацией, – ее генерирования, аккумуляции, обработки и коммуникативной передачи, осуществляет информационное обеспечение человеческого бытия на социально организованном уровне общества. Российский культуролог и философ А.Кармин утверждал, что «культура выступает как *информационное обеспечение общества*» [1, с. 26], и отмечал, что «культура в человеческом обществе – это то же, что информационное обеспечение в компьютере» [1, с. 26]. Кармин трактовал функционирование культуры как информационный процесс [1, с. 25].

Соответственно аналогии с компьютерными технологиями, культура, как механизм информационного обеспечения общества, обладает: языками – знаково-символическими системами, оперирующими с информацией; текстами – носителями информации; традициями – хранителями культурной памяти; нормами – информационными программами.

Культура осуществляет аккумуляцию актуальной для человеческого бытия как социума информации, – его стратегического ресурса. В своей функциональной эффективности она, согласно диалектическому закону (скачкообразного) перехода количественных изменений в качественные, вызывает такие трансформации социума, как информационные революции.

Информационные революции закономерны, они переводят динамику (информационно кумулятивного) исторического развития культуры и социума на качественно новый уровень реализации их возможностей.

Так, в человеческой истории как (культурогенной) истории культуры и общества произошли такие – эпохальные информационные революции:

- изобретение письменности, – пять тысяч лет назад в Древнем Египте и Шумере, с фиксацией и передачей информации от поколения к поколению;
- изобретение книгопечатания в XV веке, с достижением возможности массового тиражирования текстов как манифестаций культуры;

- создание в конце XIX – начале XX вв., средств массовой коммуникации: телеграфа, телефона, радио как (коммуникативных) каналов оперативной передачи и распространения информации в глобальном масштабе;
- создание на основе электронно-вычислительной техники новейшей микропроцессорной технологии и компьютеров с программным обеспечением в 70-х гг. XX века, и эпохальный переход от механических, электрических технических средств преобразования информации к электронным средствам, с формированием глобальных компьютерных информационных сетей и глобального информационного пространства.

Информационные революции задавали исторические эпохи развития культуры и общества, переводя его на качественно новый уровень. Они определяли модальности культуры и общества. В них проявляется логика информационно кумулятивной динамики социокультурного развития.

Путь информационно кумулятивного развития человеческого бытия в культуре и социуме представляет собой, по сути, информатизацию. *Информатизация – это универсальный, направленный на оптимальное обеспечение человеческого бытия социокультурной информацией культурогенный процесс генерирования, аккумуляирования, обработки, коммуникативной передачи, распространения и внедрения информации.*

Информатизация реализуется *информационными технологиями*, которые *представляют собой технические средства и организуемые посредством них процессы генерирования, обработки, хранения, передачи и использования информации.* Они присущи человеческому бытию на протяжении всей его истории: ручное перо, печатный станок, печатная машинка, радио, телеграф, телефон, ЭВМ, информационная база данных, компьютер, Интернет... Они являются информационной экстраполяцией сознания и интеллекта, и имеют творческое происхождение, будучи не просто техническими средствами, а феноменами культуры как способа, механизма, процесса информационного обеспечения человеческого бытия.

Утверждение человеческого бытия в мире как бытия в культуре осуществляется на основе информации как его стратегического ресурса, и посредством информатизации как процесса оперирования с информацией. Универсальным способом информационного обеспечения человеческого бытия, – механизмом генерирования социокультурной информации, ее обработки, коммуникативной передачи и внедрения выступает культура.

И поскольку социокультурная информация соотносится с человеком, постольку культура есть подлинный доминион человеческого бытия.

#### *Список литературы*

1. Кармин, А.С. Культурология / А.С. Кармин, Е.С. Новикова. – СПб.: Питер, 2006. – 464 с.
2. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2000. – 704 с.
3. Сухина, И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: ГОВПО ДонНУЭТ, 2016. – 444 с.

## **ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ СТРАНЫ**

*В.Г. Цыплин, В.А. Слепенков*

*Саратов, Саратовский национальный исследовательский  
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского*

Несомненно, сфера производства является базой для развития экономики страны и создания мощного в военно-техническом плане государства. Данный сектор экономики способен создать устойчивый инновационный фундамент для успешного функционирования товаров и услуг национального производства на внешнем рынке, в том числе и в конкурентной экономической среде. В данном контексте Китайской Народной Республике оказалось необходимо организовать меры по развитию собственной производственной базы.

С 1978 года законодательство Китая путём политики открытости и реформ предоставило экономическому сектору страны возможности для наращивания своего влияния и конкурентоспособности на международном рынке товаров и услуг. По состоянию на 2021 год добавленная стоимость промышленного сектора страны составила 37,3 трлн. юаней, доля китайской производственной базы в мировой экономике превышает 21%. Кроме того, с начала 2010-х годов и по сегодняшний день промышленность КНР является крупнейшей в мире, например, по объёмам обрабатывающей промышленности находится на первом месте [2, с. 52–54]. Китайская экономика является лидером практически по 230 единицам промышленной продукции, производимой разными государствами мира. Также стоит отметить, что КНР является одним из крупнейших экспортёров мира: на её долю приходится около 15% мирового экспорта промышленной продукции.

Сегодня КНР – это мощная промышленная экономика со значительными показателями национального производства, а также слаженной технико-экономической системой. На территории страны развиты многочисленные широкополосные линии интернета, что объясняет огромные объёмы онлайн-продаж, предприятия, специализирующиеся на интернет-производстве, а также количество соответствующих терминалов. Проникновение интернета во многие области экономики страны повлияло на создание совершенно новых продуктов, технологий, способов и методов управления. Исключением не стала сфера обрабатывающая промышленность Китая, потенциал развития которой, в случае дальнейшей цифровизации данной отрасли, всё ещё находится на предельно высоком уровне.

Перспективами внедрения интернета в область обрабатывающего производства являются ускорение процесса создания промышленных единиц, а также дальнейшее развитие интернет-сети на территории страны.

Стоит отметить, данные факторы – взаимодополняющие, иными словами, объединение преимуществ в сфере производства зачастую способствует выработке новых инструментов экономического развития, в чём, безусловно, заинтересована КНР.

Цифровизация является одним из приоритетных направлений совершенствования китайской экономики, в этом также заинтересовано правительство Китая. С 2015 года законодательная база государства дополнилась перечнем документов, главной задачей которых являлось ускорение внедрения цифровизации в производство на всех его стадиях. Такими актами, в частности, считают «План развития умного производства (2016–2020)», «План интеграции информатизации и индустриализации (2016–2020)», «План развития робототехники (2016–2020)», «Руководящие указания об углублении интеграции интернета и обрабатывающей промышленности», «Сделано в Китае 2025» [1, с. 177–180].

Кроме того, 19 апреля 2016 года состоялось совещание по некоторым аспектам информатизации и сетевой безопасности, на котором Си Цзиньпин заявил о необходимости применения интернета и компьютерных технологий в реальных секторах экономики страны, Приоритетными направлениями председатель КНР определил сферы финансов, персонала и технологий. На заседании были выработаны меры, которые могли бы поспособствовать ускорению процессу внедрения интернет-технологий, а именно: оптимизация распределения ресурсов, преобразование китайской модели развития экономики и определённая корректировка её структуры, а также повышение общей количественной производительности для подготовки к внедрению инноваций в промышленность.

Значимая особенность новой стадии всемирной промышленной трансформации заключается в применении информационных технологий в производственном процессе. При этом предусмотрена обновлённая система развития промышленной базы, которая включает в себя интеллектуализацию инструментов производства, технического оборудования, элементов управления, а также цифровизацию новых разработок и поддержку исследований.

Важное место в процессе цифровизации промышленного производства Китая, несомненно, занимает интернет, поскольку именно данный инструмент может обеспечить полную открытость информации, доступ и возможность работы с ней, а также перспективы более глубоких исследований и создания кардинально других моделей и продуктов [3, с. 9].

В первую очередь, внедрение IT-технологий (улучшенное программное обеспечение, 3D-печать) в китайскую промышленность гарантирует минимизацию производственных издержек, поскольку данный способ более других предрасположен к грамотному распределению ресурсов, что, безусловно, является большим преимуществом. Кроме того, инновационные технологии значительно упрощают процесс поиска и изучения различных



предпринимательских площадок, ориентированных в первую очередь на средний и крупный бизнес КНР.

Во-вторых, сегодня информационные технологии позволяют произвести грамотные вычисления в сфере потребностей и предпочтений клиентской базы. Исходя из того, что организации и промышленные предприятия фактически могут в короткие сроки определить наиболее приоритетные направления собственного производства и развивать их, они способны получать другие возможности и конкурировать с другими производствами в государстве или за его пределами.

Заключительным основным преимуществом использования определённых элементов IT-технологий в производственном процессе является то, что инновациям свойственно взаимодополнять и переплетаться друг с другом, и именно данный аспект способствует выработке новых, ранее не исследованных платформ-технологий, например, таких, как краудфандинг (англ. crowdfunding) и краудсорсинг (англ. crowdsourcing).

На сегодняшний день существуют некоторые компании китайского происхождения, добившиеся заметных успехов в области применения информационных технологий в производстве.

Посредством внедрения IT-технологий, в частности, интернета, компании достигают значительного успеха сначала на национальном рынке, а затем – и в мировых масштабах. Производства изменили свою традиционную систему работы с помощью сочетания «промышленность + интернет», которое позволяет производителю взаимодействовать с потребителем напрямую.

Таким образом, внедрение IT-технологий в промышленный процесс позволяет не только увеличить собственные масштабы производства, привлечь значительную часть клиентской базы, минимизировать производственные издержки, но и конкурировать с другими предприятиями и производствами.

#### *Список литературы:*

1. Ибрагимова, Г.Р. Стратегия КНР в области управления Интернетом и обеспечения национальной безопасности / Г.Р. Ибрагимова// Индекс безопасности. 2013. – Т. 19. – № 1(104). – С. 169–184.
2. Пиковер, А.В. Интернет и развитие электронной торговли в Китае/ А.В. Пиковер // Проблемы Дальнего Востока. М.: Российская академия наук, 2009. – № 1. – С. 45–57.
3. Цветкова, Н.Н. Китай в мировом производстве и экспорте товаров ИКТ / Н.Н. Цветкова // Восточная аналитика. 2016. – № 1. – С. 7–12.

## II. ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КУЛЬТУРНО ЗНАЧИМЫХ СИМВОЛОВ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАЮЩИХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

---

### ФЕНОМЕН ГЕРОИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*Н.А. Балаклеец  
Самара, Самарский государственный  
технический университет*

Героизм относится к социально значимым феноменам, которые сохранили свою актуальность и в условиях трансформации ценностно-смысловых ориентиров развития современного общества. Несмотря на широкое распространение установок индивидуализма, гедонизма, нарциссизма в массовом сознании, современная культура продолжает порождать образцы и модели для подражания, транслировать образы значимых Других, которые становятся источником конституирования различных социокультурных идентичностей.

Героизм как утверждение образцов и моделей поведения, выходящих за рамки повседневного человеческого бытия, сохраняет свою значимость и в современную постметафизическую и постгероическую эпоху. Об этом свидетельствует неподдельный интерес наших современников к историческому прошлому, связанный с разочарованием в масштабных социальных проектах, ориентированных на конструирование совершенного будущего. Тяга к мифологическим или религиозным нарративам, включающим героические сюжеты, не изжита даже в эпоху сциентизации и технологизации всех областей социальной жизни. Сказывается не только усталость от модернизации с ее рисками и побочными эффектами, рождающая желание перехода в иной пространственно-временной пласт бытия. Потребность в героических образцах и нарративах обусловлена, на наш взгляд, неизбывной способностью культуры и общества к трансцендированию привычных, повседневных моделей поведения. Конституирование границ и разрывов между различными формами человеческой активности приводит к утверждению социально значимых Других, задающих ценностные векторы социальной динамики. Героический акт как действие, в ходе которого происходит преодоление новых вызовов и расширение границ человеческих возможностей, служит образцом для основанных на нем миметических (подражательных) практик.

Вместе с тем псевдогероические образы значимых Других, порождаемые массовой культурой и ориентированные на подражание (супергерои), имеют принципиальное отличие от образцов подлинного героизма.

На наш взгляд, феномен героизма характеризуется следующими отличительными особенностями. Во-первых, героическое поведение не есть имманентная характеристика человеческого бытия. Оно может проявляться при условии включения наличного бытия в соответствующую ситуацию, которая, подводя его к грани небытия, вместе с тем раскрывает массу возможностей преодоления ограниченности человеческого существования и тем самым служит источником реализации витальных и духовных потенций человека, источником воплощения полноты человеческого бытия. Критерии героизма задаются тем самым конститутивной для него ситуацией и более широким социокультурным контекстом. Так, в условиях массового гедонизма и нарциссизма в качестве «героев будней» (*Helden des Alltags*) выступают люди, которые проявляют простую заботу о ближних [2, с. 76]. Подобная практика, низводящая героический поступок к бескорыстному альтруистическому поведению, не связанному со смертельным риском, характерна для так называемых «постгероических обществ» (Г. Мюнклер) [4, с. 189]. «Парадигма обмена», предполагающая получение пропорционального ответа на любое затраченное во имя ближнего усилие, настолько глубоко укоренена на уровне повседневного бытия членов постгероического общества, что отклонение от этой парадигмы, связанное с проявлением способности к самопожертвованию, воспринимается ими как героический поступок. С этим связана следующая выделяемая нами характерная черта героизма.

Во-вторых, героизм трактуется нами как дар, не предполагающий возможности отдаривания. Показательно, что нивелирование бескорыстного смысла дарения характерно не только для современных постгероических обществ. Уже Т. Гоббс в «Левиафане» определяет дарение как небескорыстный поступок, включая его в юридический дискурс. В качестве мотивов дара, понимаемого как одностороннее перенесение права, Гоббсом указываются надежда приобретения дружбы одариваемой стороны или какой-либо услуги от нее; надежда приобретения репутации «милосердного или великодушного человека»; желание избавления «от тяжелого чувства страдания» или надежда на получение посмертной награды [3, с. 92–93]. В целом дар представлен в «Левиафане» как частный случай или разновидность договорных отношений. Целью дарения как добровольного акта является «приобретение блага для себя» [3, с. 105]. На наш взгляд, героический поступок не может быть понят в качестве элемента отношений обмена и в этом заключается его дароносное содержание. Героизм конституирует социальную и экзистенциальную асимметрию, которая не предполагает симметричного ответа.

В-третьих, следует различать героическое событие и конструирующие его нарративы. Героизм не может быть рассмотрен в качестве голого исторического факта. Героическое событие становится объектом знания посредством повествующих о нем нарративов, которые должны служить свидетельствами его истинности. Потребность общества в исторических

свидетельствах героизма объясняется тем обстоятельством, что подлинный герой никогда не признает себя таковым (по крайней мере, публично). Подлинный героизм не может быть представлен в «я-героических» нарративах. Это связано не столько с отсутствием возможности дать слово самому герою (нередко павшему) для рассказа о своем подвиге, сколько с травестированием подобными нарративами ценности и смысла героизма. «Я-героический» нарратив представляется кощунственным, циничным или ироничным в условиях наличия в обществе высоких героических образцов, и лишь в постгероическом обществе такие названия компьютерных игр или музыкальных групп, как «Я герой» или «Мы герои», воспринимаются как нечто естественное [2, с. 78–79].

Героические нарративы, выступающие источником знания о героическом событии, конституируют его в качестве реального референта. При этом эпистемологическая неполнота, свойственная подобным нарративам, и, более того, своеобразное этическое вето на их верификацию являются неотъемлемым условием формирования доверия к их содержанию и придания им статуса нравственных образцов. Героические нарративы, деликатно опускающие нелюбимые подробности жизни воспеваемых ими персонажей, имеют воспитательное значение, на что указывает еще Платон: для воспитания стражей надобно исключить из «повествований и стихов» «сетования и жалобные вопли прославленных героев» [5, с. 101]. Смакование физиологических или психологических подробности подвига, критическая рефлексия над (не)возможностью его свершения лишают фигуру героя и героическую ситуацию ореола тайны. Сохранение в героическом нарративе элементов тайны подвига является условием эстетизации и сакрализации последнего. Как справедливо замечает А. Бадью: «подлинная сущность символической фигуры солдата – в том, что он неизвестен» [1, с. 65–66]. Героический нарратив, утверждающий культ неизвестного солдата, препятствует его оповседневиванию и вульгаризации. Социальная практика мимесиса, обеспечивающая преемственность в развитии культуры, нуждается в героических образцах, которые востребованы и в условиях постгероического общества.

#### *Список литературы:*

2. Бадью, А. Загадочное отношение философии и политики / А. Бадью. – М. : Институт Общегуманитарных Исследований, 2013. – 112 с.
3. Балаклеец, Н.А. Пути трансформации героизма в постгероическом обществе / Н.А. Балаклеец [и др.] // Достоинство человека: актуальные измерения (Коллективная монография) / Под общ. ред. А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. – М. : Практическая медицина, 2021. – С. 66–80.
4. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 2001. – 480 с.
5. Мюнклер, Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках / Г. Мюнклер. – М. : Кучково поле, 2018. – 384 с.
6. Платон. Государство / Платон. – М. : Академический проект, 2015. – 398 с.

## РЕВАНШ ИДЕАЛИЗМА: СОЗНАНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ БЫТИЕ?

*Е.О. Далимаева  
Витебск, Витебский государственный  
университет имени П.М. Машерова*

Есть не так много вопросов в философии, которые столь же фундаментальны и извечны, как вопрос о том, что первично – материя или сознание. Этот вопрос является одним из основных во всей философской науке, и он в значительной мере повлиял на ее развитие и углубление. Мыслители давно пытаются выяснить, что же произошло в самом начале и породило все многообразие жизни и мира. Другими словами, бытие ли определяет сознание или же наоборот? Последователей первой точки зрения называют, как известно, материалистами, а тех, кто придерживается противоположных воззрений, – идеалистами.

Не будем углубляться в теорию, описывая онтологическую и гносеологическую сторону основного вопроса философии, перечисляя дефиниции, направления, представителей и т.д. Отметим лишь, что наследием советской эпохи долгое время, на наш взгляд, являлся преобладающе материалистический характер мировоззрения, особенно в сфере политики. Важность «коммунистического» воспитания, создания «нового человека» не отрицалась, однако онтологическим фундаментом такой работы являлось предположение, что видимые успехи и достижения государства, очевидность преимущества социалистического строя являются достаточными основаниями для формирования сознания советского гражданина, развития его патриотизма. Считалось, что бытие советского общества органически порождало патриотизм. Отсюда происходил и тезис о том, что не разделяющие данные убеждения граждане – это «иностранные шпионы», то есть нечто изначально чужеродное, внешнее, сформировавшееся под влиянием иного «бытия», и достаточно выявить и полностью удалить эту внедрившуюся чуждую часть, чтобы общество продолжило оставаться монолитным, сплоченным в «едином порыве».

Формирование информационного общества, переход части бытия в цифровую среду заново поднял вопрос о соотношении материального и идеального, особенно в области политики и национальной безопасности. Невозможно перечислить и перечитать то количество работ, что вышли за последние тридцать лет в социально-гуманитарных дисциплинах, которые посвящены констатации и эмпирическому описанию проявлений духовно-нравственного кризиса, постигшего современную цивилизацию. Постулируется утверждение, что «духовная культура современного общества находится в состоянии глубокого кризиса и именно этот кризис является главной причиной глобальных проблем современности, дальнейшее развитие которых представляет собой реальную угрозу для существования и развития государства и цивилизации» [2, с. 58].

Этот же подход мы наблюдаем и в последних редакциях основополагающих государственных документов, определяющих понимание современной политической реальности. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и в «Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» наряду с материальными, «бытийными» аспектами возможных угроз перечисляются и те, которые связаны с борьбой идей, с последствиями поражений в информационной войне – войне за сознание индивида, за право и возможность формировать духовную сферу, в которой находят отображения чувства и настроения людей, их представления и понятия как о повседневной жизни, так и о глубинных основах бытия. К примеру, в стратегии национальной безопасности Российской Федерации указано, что «Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности. Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества» [3].

Ей вторит и белорусская Концепция: «Информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, обществ и государств. Усиливается роль и влияние средств массовой информации и глобальных коммуникационных механизмов на экономическую, политическую и социальную ситуацию... Происходит эволюция информационного противоборства как новой самостоятельной стратегической формы глобальной конкуренции. Распространяется практика целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам» [2].

Таким образом, речь идет о необходимости целенаправленно конструировать понимание бытия, формировать паттерны его *о-сознания*, то есть наряду с материалистической стратегией деятельности определяет и идеалистическая установка, основанная на представлении первичности сознания по отношению к бытию. Соперничество между этими двумя парадигмами в обыденном мировоззрении воспринимается как «война телевизора и холодильника».

Так что же определяет бытие? Существенно упрощая, можно утверждать, что в рамках идеализма считается, что все материальное (условный «холодильник») зависит от чего-то духовного (условного «телевизора») и определяется им, в то время как материализм утверждает, что все духовное зависит от материального и определяется им.

И в России, и в Беларуси сегодня активно обсуждаются как слагаемые национальной безопасности вопросы сохранения исторической памяти и противодействия фальсификации истории. Историческая память рассматривается как динамический феномен общественного сознания, основу которого

составляют субъективные знания, оценки и представления индивидов о своём историческом прошлом. Подчеркиваем еще раз – «феномен общественного сознания», «субъективные знания, оценки и представления ... об историческом прошлом». Институт социологии при Академии наук Республики Беларусь указывает, что «необходимость изучать историческую память ... объясняется тем, что историческая память определяет логику социального бытия, является регулятором поведения человека, социальных групп и общества в целом, формирует культурную и национальную идентичность» [4].

Что это, как не реализация во плоти, на практике гегелевского принципа о том, что «сознание творит мир»? А сознание молодежи сегодня, к сожалению, нередко определяют «умные ленты» социальных сетей, основанные не только на беспристрастных алгоритмах искусственного интеллекта, который, как изначально предполагалось, изучив предпочтения индивида, будет предлагать ему наиболее интересный контент. Очевидным и нескрываемым фактом является цензурирование неудобной информации зарубежными соцсетями, затруднение ее попадания к конечному пользователю, блокирование как СМИ в целом, так и отдельных пользователей или тем. Сознание человека постепенно замыкается в так называемом информационном пузыре (или «пузыре фильтров») – это совокупность средств персонализации контента в интернете. В результате человек получает очень комфортную, но узкую картину мира. Илай Парайзер, который и ввел термин «пузырь фильтров», в одноименной книге предостерегает, что такая система ограждает индивида от новых идей и критической информации, что приводит к искажению восприятия реальности. Сознание начинает определять бытие как на микроуровне отдельных индивидов, так и на макроуровне обществ и государств.

#### *Список литературы:*

1. Дробянский, Н.В. Проблемы духовной безопасности духовная составляющая национальной безопасности современной России / Н.В. Дробянский, Н.Н. Осташков, О.Е. Анисимова // Молодежный инновационный вестник. – 2018. – Т. 7. – № 2. – С. 57–59.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь/ [Электронный ресурс] – режим доступа: [https://www.mil.by/ru/military\\_policy/basic/koncept/](https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/koncept/) - Дата доступа 5.11.2022
3. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> Дата доступа 5.11.2022
4. Что такое историческая память и почему она интересна белорусской социологии? / [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://socio.bas-net.by/chto-takoe-istoricheskaya-pamyat-i-pochemu-ona-interesna-belorusskoj-sotsiologii/> - Дата доступа 5.11.2022.

## ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОИСХОДЯЩЕГО

*А.Б. Демидов  
Витебск, Витебский государственный  
университет имени П.М. Машерова*

От того, какой смысл мы усматриваем в происходящем, зависят наши решения и действия. Если в каком-то деле человек видит положительный смысл, он готов, как говорят, «горы свернуть», а без смысла самое простое дело «валится из рук». В условиях информационного общества, в котором информация является преобладающим продуктом, проблемным становится не столько получение информации, сколько её осмысление. Факты, пусть даже неизвращенные и неподтасованные, сами по себе ничего не значат без их осмысления. Например, если стало известно, что в течение ста лет температура воздуха у поверхности земли повысилась на один градус, то сам по себе этот факт не вызывает ни удовлетворения, ни беспокойства, пока он не осмыслен. В данном случае «осмыслить» – значит соотнести факт с возможными последствиями для нас. Целью предлагаемого доклада являются не вариации осмысления фактов, а уяснение того, что такое сам смысл как цель и продукт осмысления.

Понятие смысла в его отчётливом обособлении от прочих понятий впервые стали разрабатывать античные стоики. Им представлялось, что всё существующее является телесным, и все тела – причины и следствия по отношению друг к другу. Исключение составляют лишь пустота, пространство и время, а также ещё и «лектон» (λεκτόν) – «чистый смысл» слова, «как бы существующий», хотя и бестелесно [5, с. 703]. Для нас здесь важно заметить, что первоначально так называемый «смысл» представляется существующим только в связи со словами, речью.

Переходя к современным трактовкам понятия «смысл», можно заметить, что нередко их обзор редуцируется к тем пониманиям, которые разработаны Г. Фреге и Э. Гуссерлем. В некоторых философских словарях статьи под названием «Смысл» вообще сужаются до обзора воззрений только Г. Фреге [8] или только Э. Гуссерля [4, с. 518].

У Г. Фреге, работавшего над проблемами математической логики, значением (предложения) представляется его истинностное значение (то есть, «что оно истинно или что оно ложно» [7, с. 34]). В итоге рассмотрения соотношения значения и смысла Фреге формулирует определения значения и смысла: «истинностное значение – это значение предложения, смыслом которого является некая мысль» [7, с. 50]. Таким образом, у Фреге в специфическом аспекте решаемых им логико-семантических задач «смысл» – это мысль, выражаемая предложением.

В феноменологической концепции Э. Гуссерля термины «смысл» и «значение» используются как синонимы. Путь к феноменологической



трактовке «смысла»-«значения» у Гуссерля тоже пролегает через рассмотрение языковых явлений, но не останавливается только на них. Здесь языковые знаки представлены как «выражения», в которых кроме материального компонента имеется и нематериальный смысл – то, что имеется в виду. Выражение называет, обозначает некоторый предмет, имеющийся в сознании безотносительно к тому, существует ли он в реальности. Сознание само конституирует (устанавливает) свой предмет, представляется ли он трансцендентным или имманентным сознанию: «...сознание – это абсолютное, в котором конституируется всё трансцендентное, т. е. в конечном счете конституируется весь психофизический мир...» [1, с. 168] Тот «интенциональный предмет», который конституируется сознанием как его «переживание», называется «ноэмой». Она, представляя собой «сознаваемое как таковое», и выступает у Гуссерля «под именем “смысл”» [1, с. 298]. Итак, Гуссерль выходит за рамки толкования «смысла»-«значения» как лишь принадлежности языкового знака, распространяет «смысл» на все предметы, правда, сами эти предметы не простираются далее пределов сознания.

Хотя потребность в осмыслении и использовании понятия смысла проявилась, прежде всего, в логике, семиотике, лингвистике, всё чаще сетуют на неоднозначность и недостаточную определённую термина специалисты в области социологии, психологии, информатики и других научных дисциплин. Вот, к примеру, как разработчики «искусственного интеллекта» (ИИ) выражают свою озабоченность: «Поскольку ИИ обязан понимать смысл текста естественного языка (речи), то разработчики обязаны знать, что такое смысл. Иначе, каким образом ИИ будет знать то, чего не знает его создатель?» [3, с. 6]. Отсюда вытекает убеждение, что для создания искусственного интеллекта непременно «необходимо формализовать понятие смысла». Сама формализация для нужд конструирования искусственного интеллекта представляется здесь как преобразование смысла в число, форму, пригодную для кодирования и обработки информации. В итоге получается, что «Смысл – это сочетание знаковых единиц, образующих код, выражающий определённое информационное содержание» [3, с. 15]. Так что «смысл» и здесь вновь рассматривается как свойство «знаковых единиц».

В сказанном выше уже вполне заметна преобладающая устойчивая привязка философских и научных исследований феномена смысла к области языковых знаков и речевой деятельности. Этот факт получил некоторое осмысление и эволюционное структурирование благодаря понятию «парадигм смысла», использованному в работах А.С. Кравеца [2] и Н.А. Трофимовой [6]. Каждый из этих авторов пишет о «парадигмах смысла» по сути одно и то же, но, судя по датам их статейных публикаций, по-видимому, приоритет в создании понятия «парадигм смысла» следует признать за А.С. Кравецем. Речь идёт о трёх парадигмах смысла, обозначенных как 1) словоцентристская, 2) пропозициональная и 3) деятельностная парадигма. В такой последовательности происходило и их становление.

Первая парадигма считает отдельное слово основным элементом смысла. Пропозициональная парадигма исходит из того, что отдельное слово недостаточно для целостного смысла, который проявляется в предложении (высказывании). Деятельностная парадигма рассматривает высказывания общающихся людей как «социальные действия», смыслы которых коррелируют с реальными обстоятельствами и модифицируются ими.

Данная концепция трёхступенчатой эволюции «парадигм смысла» наводит на мысль о возможности и плодотворности следующей ступени, четвёртой. Её можно было бы назвать «контекстной парадигмой смысла» (от лат. *contextus* – сплетение, сцепление, соединение, связь, цепь, ряд, вереница). Суть её в том, во-первых, что в её поле зрения попадают смыслы всех действительных и возможных предметов, не только языковых знаков и текстов, хотя и их в том числе. Во-вторых, смыслы любых предметов определяются, устанавливаются, придаются путём выявления или приписывания им каких-либо функций, ролей по отношению к общему контексту или его частям. Для разработки «контекстной парадигмы смысла» необходимы как конкретно-научные, так и философские исследования, изыскивающие средства и методы наподобие тех, которые развиваются в общей теории систем, философской герменевтике.

В заключение акцентируем то понимание смысла, которое предполагает «контекстная парадигма»: смысл какого-либо предмета есть функциональное, ролевое соотношение этого предмета с некоторым контекстом или частями контекста.

#### *Список литературы:*

1. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль. – М.: Акад. Проект, 2009. – 489 с.
2. Кравец, А.С. Философская теория смысла: монография / А.С. Кравец; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. – 297 с.
3. Мешков, В.Е. Формализация и измерение смысла в системах искусственного интеллекта / В.Е. Мешков, В. С. Чураков. – Новочебоксарск: НОК, 2021. – 63 с.
4. Словарь философских терминов / Науч. ред. В.Г. Кузнецов. – М.: ИНФРА-М, 2005. – XV, 730 с.
5. Столяров, А.А. Стоицизм / А.А. Столяров // Античная философия: энциклопедический словарь. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – С. 701–712.
6. Трофимова, Н. А. Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения / Н. А. Трофимова. – СПб.: Санкт-Петербургский ин-т внешнеэконом. связей, экономики и права, 2010. – 121 с.
7. Frege, G. Über Sinn und Bedeutung / Gottlob Frege // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. – 1892. – № 100. – S. 25–50.
8. Williamson, T. Sense / Timothy Williamson // Encyclopedia of philosophy / Donald M. Borchert, editor in chief. – 2nd ed. – Thomson Gale, 2006. – P. 829–830.

## ПРОТИВОРЕЧИЕ КАК ФАКТОР ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ И ЕГО СНЯТИЕ КАК НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

*В.И. Каравкин*  
*Витебская ордена «Знак Почета»*  
*государственная академия ветеринарной медицины*

На протяжении столетий со времени становления философии мыслители не соглашались друг с другом, что признавалось не гласно, пожалуй, закономерностью мыслительной деятельности. Не гласно, так как высказывать иную, а в подавляющем большинстве случаев, противоположную точку зрения, считалось не субъективным желанием, не претенциозным самовыражением, а результатом бескорыстного поиска истины. Динамика философствования предстает перед нами в форме противопоставления, в виде столкновения противоположных друг другу идей, концептов, теорий.

Однако такое положение дел следует признать закономерным для состояния метафизического мышления только до настоящего времени.

Наглядно представим сказанное, хорошо известное каждому, кто любознательность считает необходимой для усвоения духовно-интеллектуальной культурой. Исчерпать в кратких тезисах заявленную тематику, понятно, не представляется возможным; многотомным оказался бы даже компендиум. Поэтому лишь штрихами, пунктирными линиями наметим означенное.

Условно, с момента первого удивления, со времени попытки найти то, как говорил Аристотель, «из чего состоят все вещи, из чего как первого они возникают и во что как в последнее они, погибая, превращаются» [1, с. 71], перед нами разноцветная и разнофигурная мозаика мнений и воззрений. Да и сам Аристотель, как хорошо известно, не соглашается со своим другом Платоном, учеником Сократа, ранее, в свою очередь, не согласного со всем тем, о чем твердили профессиональные учителя.

Представители единого верования, одной конфессии в эпоху Средневековья дают противоположные ответы на вопрос о сущности универсалий, которые, для обладания статусом «Посредника», являются просто необходимым инструментарием.

Ренессанс в отношении, например, к осмыслению социально-политических реалий и идеалов, формирующих принципы должного, поражает тем, до какой степени несопоставимы «Государь» Никколо Макиавелли и «Утопия» Томаса Мора.

Ученые эпохи, которая начинается с девиза «Знание – сила», формулируют разные требования к созданию правил увеличения объема знаний – индукции и дедукции, – и, более того, на века разветвляют на непересекающиеся параллельные русла течения философской мысли, именующиеся сенсуализмом и рационализмом.

Эпоха Просвещения, по Канту, доверившаяся Разуму, с большой буквы, порождает оказавшую мощнейшее воздействие на развитие интеллигентной культуры, как сейчас сказали бы, противостоящую общему тренду, теорию Жан-Жака Руссо.

Немецкая классическая философия, как известно, может быть представлена двумя противоположными ветвями идеализма: одна ярко выражена Фихте и Кантом, другая – Шеллингом и Гегелем. Отчасти следуя за Фейербахом, Маркс делом своей жизни провозгласит уже не объяснение, а революционное изменение мира.

Наконец, философии как уже сформированной духовной целостности, образцовой, в своем осмыслении себя же, начинает противостоять порожденная ею же, ее «Дитя», поднимаясь во весь рост неклассическая философия. Не предполагая заявить о чем-то принципиально новом, представим Таблицу «Компаративного анализа классического и неклассического типов философствования»:

<b>Основные характерные черты классической философии</b>	<b>Основные характерные черты неклассической философии</b>
Постижение Универсума (Всеобщего, Сущего);	Постигаться как всеобщее может фрагмент Универсума;
Универсум представляется целостным, завершенным как данность;	Универсум представляется мозаикой разной конфигурации;
Универсум мыслится фундированным субстанцией определенной сущности и структуры;	Понятия «субстанция», «сущность», «структура» могут не прилагаться к категории «Универсум»;
Атрибутами бытия предполагаются пространство, время, движение;	Атрибуты бытия могут мыслиться неопределенными (существование не предполагает сущности);
Постижению подлежат закономерности;	Постигаются изменяющиеся состояния;
Суть познания есть рациональное мудрствование;	Познание есть герменевтический, художественный и даже мистический «дар»;
Методы познания универсальны;	Методы познания обусловлены особенностями предмета, субъекта познания и действительности;
Стиль философствования монологический, монументальный, четкий, строгий, доказательный;	Стилистика философских трудов многообразна, разнообразна, может представлять собой эссе;
Философия стремится поучать, «врачевать душу» (Эпикур);	Философ демонстративно игнорирует дидактику;

Уверенность в силе Разума;	Не предполагается преимуществ рационального познания по отношению к иным его формам;
Знание – благотворно;	За знаниями могут следовать бедствия;
Сущность человека предполагается неизменной;	Сущность человека подвержена трансформациям условиями и обстоятельствами его жизни;
Зло творится неосознанно, его причины заключены в невежестве;	Возможны злой умысел, сознательное стремление ко злу;
Эстетическое имеет полюса красивого и некрасивого;	Эстетическое – неполяризованный в части восприятия феномен;
Формы искусства предметны, что делает доступным его содержание.	Формы искусства могут быть беспредметными, что означает его де-гуманизацию (Ортега-и-Гассет).

В классической философии встречаются и противоположные тенденции, даже близкие к неклассической, но они не являются характерными, типичными; как и заявленное в отношении неклассической философии не отрицает заимствованных из классики элементов в ней.

В философии постмодернизма отмеченные основные характерные черты неклассической философии доведены до логического завершения, до того предела, за которым может последовать либо возвращение к прошлому, либо качественно иное состояние. Первое невозможно, прошлое не воротишь не только в отношении реального событийного ряда, но и в отношении духовного. Второе, на наш взгляд, означает отказ от того способа философствования, который представлен фундирующим его фактором, а именно постоянным отталкиванием от того, что представлено иными рассуждениями, иными фигурами мысли, иным видением. Причем таким отталкиванием, которое отрицает заявленное другим и предполагает утверждение противоположного.

В качестве аналогии сошлемся на тот объемный пласт духовной культуры, который представлен современной рок-музыкой. Наступило время кавер-версий, исполнительского мастерства. Имманентно содержащиеся в роке возможности реализованы выдающимися рок-музыкантами. И в философии возможное свершилось. Следует доносить это величайшее достояние интеллигентной духовности до поколений людей. Доносить в процессе воспитания и обучения. Для этого необходима не только политическая воля, но и отличное исполнительское искусство!

*Список литературы:*

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Аристотель. - М.: Мысль, 1976. – 530 с.

# КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУР-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ О. ШПЕНГЛЕРА

*Н.А. Никонович  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Парадигма циклизма как одна из интерпретационных вариаций анализа культурной, социальной, исторической реальности является достаточно востребованной в современной гуманитарной науке. Циклическая концепция культуры представляет собой неклассическое видение мирового исторического и культурного процесса, где акцент смещается в сторону осмысления идеи локальности и автономности культур, их функционирования по собственным законам. Циклизм О. Шпенглера является теоретическим базисом исследования культур-цивилизационных типов. Исходя из идей О. Шпенглера, циклизм, являясь базовым конститутивным элементом его системы, также может, на наш взгляд, являться методологией аналитического исследования типов культур. Одной из доминантных идей немецкого мыслителя является представление о переходе культуры в цивилизацию, в связи с чем возникают вопросы, являются ли такие трансформационные переходы неизбежными и какие ментальные и не только факторы их детерминируют.

Каковы причины надлома культур и перехода их в цивилизации у О. Шпенглера? Ответом может быть их свойство трансформации в застывшие формы как всего живого. Концепция Освальда Шпенглера представляет собой философскую рефлексию над основаниями всей западной культуры и цивилизации, конфигуративность смыслов которой позволяет рассматривать феномены культуры и истории в их многомерности. Мы можем отметить, что по своим системным формам это организменная версия циклизма. «Дело не в том, что *представляют собою* конкретные факты истории, взятые сами по себе как явления какого-либо времени, а в том, что они *означают и обозначают своим явлением*», – полагает он [1, с. 132]. Раскрытию метафизической сущности этих явлений посвящена работа О. Шпенглера «Закат Европы», а одним из основных концептов выступает метафизический концепт «душа культуры». Немецкий ученый дифференцирует исторические измерения, онтологию времени как изменяющееся восприятие исторического субъекта: «То, что грек называл космосом, было картиной мира, не *становящегося*, а *сущего*. Следовательно, сам грек был человеком, который никогда не *становился*, а всегда *был*» [1, с. 136]. Идея работы О. Шпенглера заключается не только в концепции локальных культур, но и в дихотомии, которую мы можем обозначить как «историческая субъективность – историческое время», т.е. онтологическом осмыслении истории

ее субъектами, оперирование с исторической памятью в разных культурах. В некотором отношении применительно к этому блоку идей мы можем провести философские параллели с воззрением другого известного мыслителя XX в., М. Элиаде, предметом анализа которого также было оперирование с онтологией истории и времени в различных ментальных конструкциях – западном / европейском и неевропейском историческом самосознании. На наш взгляд, из идей О. Шпенглера следует постулат о релятивности историко-культурных онтологий. И это важный вывод, который модифицирует методологию исторических и культурологических наук. Варибельность, плюрализм онтологий в системе О. Шпенглера связан с представлением о локальности, а не универсальности концепта «всемирная история», критикуемого мыслителем. В целом для понимания историко-культурного процесса О. Шпенглером характерен индетерминизм: «У «человечества» нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, как нет цели и у вида бабочек или орхидей. <...> У каждой культуры свои новые возможности выражения, которые появляются, созревают, увядают и никогда не повторяются <...>. Эти культуры, живые существа высшего ранга, растут с возвышенной бесцельностью, как цветы в поле. Подобно растениям и животным, они принадлежат к живой природе Гёте, а не к мертвой природе Ньютона» [1, с. 151].

Проблема, поднимаемая О. Шпенглером – это проблема соотносимости, коррелятивности культурных миров. «Что общего у Толстого, из самой глубины своей человечности отвергающего весь идейный мир Запада как нечто чуждое и далекое, со «Средними веками», с Данте, с Лютером; что общего у какого-нибудь японца с Парсифалем и Заратустрой, у какого-нибудь индуса с Софоклом? <...> Феномен других культур говорит на другом языке. Для других людей существуют другие истины. Для мыслителя имеют силу все они или ни одна из них» [1, с. 154–155]. В качестве нового гештальта им предложен «коперниканский поворот».

Квинтэссенцией цивилизационной парадигмы О. Шпенглера является мысль о том, что «Цивилизация – неизбежная *судьба* культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии» [1, с. 163]. Дихотомия «ставшее» и «становление», посредством которой осмысливаются модификационные процессы культура – цивилизация, их взаимопереход, становится у него концептообразующей.

Сингулярность эпох и культур у немецкого мыслителя базируется на идее самоценности каждой культуры. Переход культуры в цивилизацию сопровождается переходом в «неизбежную форму человеческой экзистенции». Философские основы парадигмы циклизма О. Шпенглера – это такие категории, как гештальт, душа культуры, судьба, символ и т.д. Методологической основой выступает метод «исторической морфологии». «Весна» культуры, по терминологии и хронологии О. Шпенглера, датируется

1500–1200 г., начиная с ведической культуры, и «зима» (завершение культурных циклов) – это XIX–XX вв. Онтология культуры О. Шпенглера сопрягается с онтологией времени, числа, пространства. Его рефлексия распространяется на конечность и временность культур: «В настоящем ощущается протекание; на прошедшем лежит брэнность. Здесь коренится извечный страх перед непререкаемым, достигнутым, окончательным, перед переходящим, перед самим миром как осуществленностью, где вместе с границей рождения положена одновременно граница смерти, страх перед мгновением, когда осуществлено возможное и жизнь внутренне исполнена и завершена, когда сознание стоит у цели» [1, с. 233].

Циклическая культурфилософская модель немецкого ученого основывается на представлении о циклах жизни и смерти каждой культуры: «Каждая культура обнаруживает глубоко символическую и почти мистическую связь с протяженностью, с пространством, в котором и через которое она ищет самоосуществления. Как только цель достигнута и идея, вся полнота внутренних возможностей, завершена и осуществлена вовне, культура внезапно *коченеет*, отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются – она становится *цивилизацией*» [1, с. 264]. В завершение следует отметить, что метафизический проект культуры О. Шпенглера стал поворотным в философии истории и культуры XX столетия.

*Список литературы:*

1. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т.1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер. – Пер. с нем., вступ.ст. и примеч. К.А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1998. – 663 с.

## **ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ СИМВОЛИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ**

*М.А. Чикиндин*

*Витебск, Витебская ордена «Знак Почета»  
государственная академия ветеринарной медицины*

В современном мире все большее значение приобретает символическая основа. Воспринимая те или иные объекты или сущности, мы все больше основываемся на восприятие знака, нежели чем сущности. В рамках исследования мы постараемся рассмотреть семиотическое значение эмблем политических партий, определяющие их идеологическую принадлежность, используя коды историко-культурной памяти.

Политическая партия – это организованная группа единомышленников, которая выражает интересы конкретных социальных слоев и при этом стремится достигнуть власти в государстве. Следовательно, эмблемы политических партий должны привлекать потенциальных сторонников,



пропагандировать свои ценности, позиции, символизировать борьбу за права своего электората и сторонников. Эмблема любой организации, в том числе и политической партии, имеет символическое значение. Использование знаков и изображений в качестве символов всегда происходит в контексте взаимодействия в социальной сфере. Символ включает в себе много смыслов, неопределенность, а варианты восприятия одного и того же символа определяется множеством факторов: культура (общественная и индивидуальная), ситуативно-исторические обстоятельства, условия жизни, общественные, политические институты, аксиологические проявления.

Необходимо обратить внимание и на соотношение понятий «знак» и «символ». Знак является более простым элементом, это «материальный объект, воспринимаемый субъектом используемый для замещения, обозначения другого объекта, называемого значением данного знака» [2]. Он может выступать как олицетворение представления в смысле продукта творческого мышления и как элемент восприятия образа предмета без непосредственного контакта с ним. Символ выступает сложным составным элементом и имеет больший культурный акцент и ценностное содержание. При этом символ постоянно использует знаковый арсенал. Новизна символа – в его содержании. Символ должен, с одной стороны, нести в себе что-то, что будет его отличать от других (с этим справляется и знак), в то же самое время и быть достаточно широко распространенным и узнаваемым с предвосхищением поведенческой реакции и восприятия со стороны аудитории. В знаково-символической структуре могут изображаться как реально существующие предметы и живые существа, так и мифологизированные. Оптимальный вариант – реально существующее с сильными элементами мифологизации. Символ должен оказывать воздействие на подсознательный уровень путем взывания к коллективной памяти народа. Здесь мы подходим к содержательной составляющей символа, которая учитывает не только его формальные признаки, но и его реальную функциональную значимость в рамках человеческой коммуникации. Символ – это комплексная система, обладающая более сложной и свободной связью с обозначаемым объектом, и именно символизация стала основой возможности создания виртуальной среды и конструирование социальной реальности. Ценностная природа символов позволяет составить цепочку продуктивных взаимодействий культурных стереотипов с достижением необходимой цели и решением поставленных задач. Кроме того, обогащение универсума человеческих ценностей и их изменение от эпохи к эпохе, от культуры к культуре дают возможность увеличение вариативности символизации, что составляет одну из тенденций социального поведения человека. Эволюционируя, человек наполняет окружающий мир символическим выражением социальности, что является необходимым условием выживания людей. Таким образом, в широком понимании все, что представляет, означает, указывает на что-либо еще, и есть символ. Для символа важна многозначность, от нее зависит содержание символа.

При расшифровке знака многозначность не приветствуется: чем конкретнее и точнее он расшифрован, тем лучше используется, передавая конкретную информацию [1, с. 420]. Именно поэтому не знаки, а символы, в силу многозначности, лежат в основе возникновения представлений, и политических тоже, как обобщенных образов действительности, которые сохраняют наиболее необходимые и значимые особенности внешнего мира [3, с. 409].

Элементами оформления эмблем политических партий могут быть стилизованные предметы, национальные цвета и флаги, абстрактные фигуры и узоры, ассоциирующиеся с аксиологическими ценностями той или иной культуры и программным проявлением политической деятельности партии. На основании анализа эмблем политических партий, мы пришли к выводу, что имеется определенный набор традиционных символов, характерных для партии той или иной идеологической направленности. Например, для коммунистических и социалистических партий используются такие элементы, как звезда, сельскохозяйственные орудия труда, роза, кулак, ладонь. Консервативные партии стремятся использовать в своем арсенале элементы, символизирующие монархическую и религиозную стабильность (крест, большие величественные деревья, корону, дом, царственные птицы и звери – орел, орлан, лев). Либеральные партии предпочитают свою идеологическую программу выражать через такие элементы, как солнце, символизирующее свободу, птица мира – голубь, сердце, плоды растений.

Не менее значимой является и цветовое оформление эмблемы. Цвета, при этом, должны быть яркими, насыщенными и вызывать определенные ассоциации. Например, красный цвет, символизирующий революционную борьбу, является традиционным цветом левых рабочих партий, зеленый цвет – традиционный цвет для партий исламской направленности и сторонников различных экологических движений. Недобрую память о себе оставили в партии, предпочитающие в оформлении коричневый и черный цвет – партии нацистских, фашистских и анархистских направлений.

Появление изображений животных на эмблеме политической партии имеют 2 основные цели: использование культурно-исторической памяти населения, привлекая внимание реальными либо мифическими животными, которые выступают символом и своеобразным тотемом страны или региона (корова в Индии, дракон в Китае, медведь в России), либо олицетворяя историю возникновения партии и ее борьбы с политическими оппонентами. Например, неофициальным символом Демократической партии является осёл. Интересна история возникновения данного названия: первоначально оппоненты так называли кандидата в президенты США Э. Джексона, несколько переименовав его фамилию (англ. Jackass – осёл, болван). Но сам кандидат смог обернуть это в свою пользу, заявив, что осёл – это древнее и почитаемое животное, являющееся символом упрямства, упорства и выносливости при преодолении препятствий и успешно предупреждающий о возможной опасности. Потом этот символ регулярно использовался

в избирательных кампаниях, проводимых в США. Оппонентами у них выступают представители Республиканской партии, имеющих прозвище «Слоны». Слон, который даже не водится на американском континенте, олицетворяет мощь, силу, выносливость – качества, довольно сильно почитаемые в американском обществе, а возникновение данного символа связано с обещанием Демократов «затоптать» инфляцию и хаос, в случае их победы на президентских выборах, что и было отражено в карикатуре, иллюстрирующей данное заявление. С тех пор это животное и является неофициальным символом Демократической партии США.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что идеологическая составляющая, историко-культурная память, те или иные исторические события определяют выбор цвета и символических элементов эмблемы политической партии.

*Список литературы:*

1. Альмуханова, А.Б. Большая психологическая энциклопедия / А.Б. Альмуханова. – М. : Эксмо, 2007. – 544 с.
2. Левин, В.И. Философия, логика и методология науки. Толковый словарь понятий / В.И. Левин. – П. : Пензенский государственный технологический университет, 2011. – 67 с.
3. Шапарь, В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь [и др.]; под общ. ред. В.Б. Шапаря. – Изд. 2-е. – Ростов-н/Д : Феникс, 2006. – 808 с.

### **III. ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ. ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

---

#### **ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

*Е.В. Давлятова  
Витебск, Витебский государственный  
университет имени П.М. Машерова*

Глобализация является основным фактором развития современного мира, при котором стираются государственные и культурные границы, происходит сближение народов и этносов, появляется возможность усваивать новые культурные нормы, расширять межкультурные контакты. Однако эти же процессы могут привести к аккультурации, унификации и потере идентификационных ориентиров.

Национально-культурная идентичность представляет собой сложный комплекс социальных, политических, психологических, этнических, религиозных связей и отношений. Поэтому вполне понятно, что ее исследование предполагает соответствующий интегральный подход. Для осмысления культурной матрицы определенного социума нужен и всесторонний анализ национально-культурной идентичности конкретных личностей, которые его составляют. Каждый индивид является носителем определенных культурных маркеров, которые обусловлены местом проживания, образом жизни, профессиональной деятельностью, конфессиональной принадлежностью и т.д. [1, с. 658]. Необходимо учитывать и особенности исторических судеб разных народов.

Категория «национально-культурная идентичность» в настоящее время страдает семантической размытостью. Обращение к данному понятию представителей разных отраслей общественно-научного познания порождает смысловую полифонию и затрудняет формирование адекватной дефиниции. Традиционные исследовательские подходы в изучении национально-культурных особенностей различных социальных образований отражают реалии индустриальной эпохи и оказываются малопродуктивными перед вызовами глобализации.

В информационном отношении все народы мира независимо от их географической удаленности и культурных различий соединены одними и теми же источниками культурной информации. Но далеко не все члены информационного общества могут использовать на практике эти новые возможности, что обусловлено, главным образом, гуманитарными факторами: лингвистической культурой, информационной компетентностью, образованностью и ориентацией индивида на развитие своего интеллекта. Одним

из ключевых моментов формирования представления о национально-культурной идентичности выступает феномен нации. Если для развитых государств Запада процессы образования наций и национальных государств завершились еще в XIX веке, то национальное становление постсоветских государственных образований осуществляется в принципиально новых исторических условиях.

Важно понимать, что изучение национально-культурной идентичности Беларуси в контексте развернувшихся процессов глобализации и сопутствующей ей информационной революции представляется актуальным и принципиально важным для обеспечения социальной стабильности и гражданского мира, для понимания и прогноза дальнейшего национально-государственного строительства и модернизации белорусского общества. Национальная идентичность во взаимосвязи с гражданской есть необходимое условие обеспечения суверенитета нашей страны и одновременно важнейший ресурс её конкурентоспособности [2, с. 79].

Следует иметь в виду, что современный опыт жизнедеятельности, осуществляемый поверх культурных границ, означает, с одной стороны, потерю традиционных символических форм, но и создание новых культурных смыслов с другой. Глобализация культуры способствует значительному расширению сознания людей, когда понятие «национальное сообщество» устаревает и начинает дополняться усилением глобального мировоззрения. Такое глобальное мировоззрение предполагает активное культурное взаимодействие, в рамках которого возрастает межкультурный диалог.

Интенсификация глобализационных процессов требует концентрации усилий общества по сохранению, возрождению и укреплению национальных, этнических и других форм коллективной идентичности. Особенно важно при этом преодолевать разрушительное воздействие медиа культуры, которая пропагандирует индивидуализм и безудержную свободу личности.

Сложность глобальных культурных процессов сопряжена с проявлением их неравномерных и противоречивых последствий. В определенных условиях эти глобальные культурные потоки могут изменить традиционное проявление национальной самобытности в сторону некоторой гомогенности. В других случаях, они способствуют выражению нового культурного партикуляризма; в-третьих – поощряют формы культурной «гибридности». Утрата идентичности ведет к маргинализации, усилению партикулярных тенденций и нарушению фундаментальных связей в культуре. Кризис идентичности затрагивает все ее возможные индивидуальные и групповые формы – начиная от национальной и этнической, вплоть до такой формы идентичности, которая всегда мыслилась как примордиальный феномен – гендерная принадлежность. Вопрос национальной, политической, культурной и религиозной идентичности становится наиболее актуальным в виду существенной трансформации социальных структур под воздействием современных глобальных информационно-коммуникативных технологий. Сетевые сообщества людей, которые формируются в виртуальном

пространстве, существенным образом нарушают традиционные механизмы идентификации.

Новая форма гражданской идентификации часто замещается феноменом так называемого «культурного гражданства», основанного на общности потребления. Как заметил Н. Стивенсон, в обществе «массового потребления» такой суррогат гражданства оказывается в меньшей степени связанным с формальными правами и обязанностями и в большей – с потреблением экзотических продуктов, голливудских фильмов, популярной музыки или австралийских вин. Исключение из потребления этих продуктов означает исключение из гражданства в западном обществе [3, с. 5].

Для транзитивных обществ весьма актуальным становится построение своей модели развития, аккумулируя опыт западных стран. Страны переходного типа, к которым относится и Беларусь, под влиянием процессов глобализации постепенно меняют свои ценностно-мировоззренческие ориентации, приоритеты социокультурной динамики. Первостепенная задача для них – вписаться в формирующееся глобальное социокультурное пространство, избежать вытеснения на культурную периферию, но, в то же время, сохранить свою собственную уникальность и не раствориться на культурологической карте мира.

Народ, не помнящий своей истории - обречен. Отрицание того, что было сделано предыдущими поколениями – преступно. «Дикость, подлость и невежество не уважают прошлого, а лишь пресмыкаются перед настоящим» [4, с. 147]. В условиях современного мира, пронизанного нитями информационных потоков, влияющих на сознание людей, прошлое и настоящее должны представлять собой единое целое. Память о прошлом помогает народу понимать свое историческое предназначение, осознавать национальные интересы и двигаться вперед по пути социального прогресса.

Национально-культурная идентичность народа базируется на его мировоззрении, в основе которого должна лежать система исторически сложившихся традиционных ценностей. Именно в них сконцентрировано все самое важное, что было собрано народом на протяжении многовековой истории, прошло испытание многочисленными войнами и политикой уничтожения национальных особенностей.

#### *Список литературы:*

1. Швецова, А.В. Национальная идентичность: социально-культурный и гражданско-политический аспекты / А.В. Швецова // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14. – № 6. – С. 653–661.
2. Бабосов, Е.М. Идентичность как фактор консолидации / Е.М. Бабосов // Белорусская думка. – 2013. – № 3. – С. 74–79.
3. Стивенсон, Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство / Н. Стивенсон // Глобализация: контуры XXI века : реф. сб. : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Горбачев-фонд; редкол.: Ю.Н. Игрицкий (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Ч. 3. – С. 5–12.
4. Жукова Н.Г. Глобализация и сохранение национальной идентичности / Н.Г. Жукова // Философия и общество. – 2006. – № 2. – С. 146–153.

## ПЕРМАНЕНТНАЯ ДУХОВНАЯ ЛЮМПЕНИЗАЦИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ «НОРМАЛЬНОЙ АНОМИИ»

*Е.О. Далимаева  
Витебск, Витебский государственный  
университет имени П.М. Машерова*

Как долго может продолжаться период аномии? Если взглянуть на современные научные публикации, то одной из наиболее часто обсуждаемых проблем выступает декларация наличия духовно-нравственного кризиса, постигшего современное общество то ли под влиянием объективных предпосылок, связанных со сменой культурно-смысловой парадигмы, переходом к новому типу общества, формированием принципиально иной социальной реальности, то ли под воздействием чуждой пропаганды, стирания границ, облегчения доступа к цифровому контенту, который носит преимущественно аморальный или просто бессмысленный характер.

Бытие общества, его развитие, социальный прогресс возможны при условии, что большая часть индивидов согласованно действуют в определенном социальном пространстве на протяжении длительного исторического времени, охватывающего не одно поколение. Основой этой согласованности выступает некий ценностно-смысловой фундамент, состоящий из наиболее важных, определяющих бытие и сознание личности ценностных ориентаций. При этом индивид выступает одновременно и субъектом, и объектом процесса созидания ценностей. Получая некий набор базовых ценностных ориентаций в ходе социализации, индивид интериоризирует их и воплощает в своей последующей деятельности. Проблема онтологии смысла есть проблема двойной включенности. Ее суть в том, что смыслообразующий процесс, исходящий от общества, каким-то образом согласуется с жизненными смыслами индивидов, детерминированными их биографией, непосредственным окружением, условиями повседневной среды [2, с. 157].

Длительная аномия характеризуется утратой смыслообразующих ориентаций, разрушением социальных норм. Российский социолог С.А. Кравченко вводит в научный дискурс понятие «нормальной аномии». Нарастание сложности общества привело к тому, что традиционные методы поддержания порядка больше не работают. Общество изменяется так быстро, что новые нормы не успевают устояться, как им на смену приходят еще более новые. Таким образом, аномия сама стала нормой жизни. Нормальная аномия – это «расширяющаяся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека» [1, с. 6]. С.А. Кравченко связывает изменение содержания аномии с влиянием ускорения и усложнения социокультурной динамики, становления сложного социума.

И под влиянием этой нормальной аномии происходит перманентная духовная люмпенизация общества. Общеизвестно, что понятие «люмпен-пролетариат» ввел К. Маркс для обозначения деклассированных, отчужденных от общества слоев населения. Слово «люмпен» происходит от немецкого «рвань», «лохмотья». Под люмпенизацией общества понимается не только увеличение количества деклассированных элементов, но и распространение психологии люмпенов, системы ценностей и образа жизни, основанных на следовании низшим образцам культуры. То есть ценностная структура общества представляет собой уже не монолит, не целостную социальную ткань, а светит «прорехами» бескультурия и дырами аномии.

Духовная люмпенизация проявляется, с нашей точки зрения, в нескольких аспектах. Во-первых, это распространение ценностей потребительства. Главная черта культуры потребления в современном обществе заключается в том, что потребление не соотносится с удовлетворением необходимых потребностей, но выступает как способ самоутверждения, завоевания и поддержания более высокого статуса в обществе, подчеркивания престижности своего социального положения. Отсюда демонстративное «избыточное потребление» среди представителей так называемого «медиа-класса» и подражательное кредитно-избыточное потребление у индивидов, характеризующихся люмпен-психологией. Этот феномен описывали еще И. Ильф и Е. Петров в образе «Элочки-людоедки», вступившей в заочное соревнование с «Вандербильдихой» и пытающейся выдать свое боа из кролика за мех «шанхайского барса».

Во-вторых, люмпенизация проявляется в распространении массовой культуры самого низкого пошиба, пошлости, вульгарности, которую иногда пытаются выдать за творческие поиски, новации, а иногда даже не маскируют – «пипл схавает» и так. Распространение так называемой «культуры хайпа» приводит к тому, что индивиды, мечтающие прославиться и разбогатеть с помощью социальных сетей, ориентируются на примеры распиаренных «звезд» типа А. Моргенштерна, создают такой же вульгарный контент, стремясь перещегоолять друг друга в глубине падения и попрапия социальных норм. Однако разводы, измены, драки, скандалы, каминг-ауты и сексуальные перверсии, всевозможные «треш-стримы» пресыщенную публику уже не искушают. Стремление вызвать сильный эмоциональный отклик, запомниться на фоне бесконечной грязи приводит к поиску еще не разрушенных социальных табу, которых, к слову, остается все меньше. Ярким примером такого «творческого» поиска сегодня является заигрывание с темой каннибализма. К примеру, на 79 Венецианском фестивале «Серебряным львом» за лучшую режиссуру был награжден итальянский режиссер Лука Гуаданьино, снявший фильм о влюбленных каннибалах под названием «Целиком и полностью». А в одной из рецензий на фильм сказано, что «Каннибализм здесь служит



не экзотичным кинком, а художественной метафорой человеческих отношений». Видимо, какие отношения – такие и метафоры.

И, наконец, в-третьих, люмпенизация проявляется в потере обществом и человеком смысло-жизненной целостности, которая ведет за собой проявление как бездуховности, так и псевдодуховности. Бездуховность – емкое понятие. Прежде всего, оно означает массовую утрату высших смыслов и личной, и коллективной деятельности. Проявления бездуховности достаточно подробно описаны в современных социально-гуманитарных науках. Остановимся чуть подробнее на феномене псевдодуховности, который, как нам кажется, аккумулирует в себе черты и культуры потребительства, и массовой культуры, и культуры хайпа. Спрос, как известно, порождает предложение. Духовный вакуум, утрата понимания своего предназначения, отсутствие высшего смысла существования приводит еще не окончательно деградировавшие человеческие массы к запросу на создание некоего эрзац-продукта, который можно потреблять для удовлетворения своих не рудиментировавшихся духовных потребностей. И данную рыночную нишу занимает огромное количество псевдопсихологических практик, направленных на внушение индивиду его исключительной сложности и уникальности, ценности и важности, особой связи с мирозданием, которую нужно пробудить на дорогостоящих «психологических» сессиях, на которых клиента за его деньги научат «моделировать ситуации», «избавляться от чувства жертвы», «составлять карты желаний», «посылать запросы во вселенную», «прорабатывать родовую травму» и т.д.

Таким образом, процессы духовной люмпенизации являются ярким проявлением духовно-нравственного кризиса современного общества, приводят к доминированию бескультурия, хамства и пошлости, распространению презрительного отношения к интеллектуальному и духовно-нравственному началу в человеке, к исторически сложившимся нормам общественного бытия и социального поведения, к образованности и эрудированности. Детерминантой такого состояния является нормализация аномии, следовательно, говорить о сравнительно быстром преодолении этих негативных феноменов в ближайшей перспективе не приходится.

#### *Список литературы:*

1. Кравченко С.А. Нормальная аномия: контуры концепции. / С.А.Кравченко // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 3–10.
2. Филюшкина, Д. В. Проявление духовной люмпенизации в процессах ценностных перемен в ходе социокультурных изменений / Д. В. Филюшкина // Социально-гуманитарные знания. – 2011. – № 11. – С. 157–162.

# ЯЗЫК КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ВАРИАНТОВ)

*Н.Л. Дружина  
Витебск, Витебский государственный  
университет имени П.М. Машерова*

Язык связывает поколения, аккумулирует духовный фонд нации, служит основой этнической и национальной самоидентификации. Будучи официальным языком Германии, немецкий язык также является официальным языком Австрии и одним из официальных языков Швейцарии, то есть немецкоязычный ареал функционирования языка достаточно обширен. Современный немецкий литературный язык, история которого начинается во второй половине XVII века, прошел непростой путь развития, в ходе которого сформировались наддиалектные варианты, функционирующие на территории немецкоязычных стран: литературный немецкий язык (Германия), австрийский вариант (Австрия) и швейцарский вариант (Швейцария).

Актуальность нашего исследования определяется тем, что функционирование немецкого языка и его вариантов в трех странах Западной Европы происходит в условиях нестандартной лингвоситуации и определенной неравноценности национальных разновидностей языка.

Созданием теоретической базы исследований, связанных с вопросами функционирования немецкого языка и осмысления австрийского и швейцарского национальных вариантов в свете плюрицентрического подхода, занимались такие отечественные и зарубежные ученые, как О.С. Ахманова, М.М. Гухман, А.И. Домашнев, В.М. Жирмунский, Л.Б. Никольский, У. Аммон, Г. Бринкман, П. Веле и др.

Определяя лингвистический статус национальных разновидностей немецкого языка, ученые использовали такие термины, как «разновидность языка» (О.С. Ахманова), «форма существования языка» (А.И. Домашнев), «языковое образование» (Л.Б. Никольский) и др. Мы солидарны с мнением немецкого лингвиста У. Аммона, который полагал, что национальные разновидности немецкого языка не являются диалектами, поскольку имеют характеристики, присущие именно языкам: 1) кодифицированность; 2) нормативность; 3) институционализация; 4) использование языка в сфере образования.

Рассмотрение немецкого языка Германии как нормы, «Hauptvariante» / главного варианта продолжительное время базировалось на позициях моноцентризма, что выражалось в том, что языковые варианты Австрии и Швейцарии считались «периферийным немецким» и имели более низкий социолингвистический статус. Немецкий язык Германии рассматривался как вариант нормы, не имеющий признаков территориальной маркированности [1, с. 85].

Реализация идей плюрицентризма современного немецкого языка очень важна в современном мире, поскольку «язык манифестирует и воспроизводит культурную и национальную идентичность» [2, с. 55]. Так, сторонники плюрицентрического подхода настаивают на том, чтобы национальная лингвистическая специфика находила адекватное отражение в словарях, что не всегда реализуется. Авторитетный справочник немецкого правописания, которым считается орфографический словарь Дуден, действительно фиксирует слова, употребляемые носителями австрийского и швейцарского вариантов немецкого языка, но недостаточно корректно в лингвистическом плане. Например, зафиксированное в словаре имя существительное “*Kren*” / *хрен* имеет пометы «*südd., österr. / южнонемецк., австр.*», см. также фразеологизм “*zu etw. seinen Kren geben*” / *встревать в разговор*. Однако в другой словарной статье “*Meerrettich*” / *хрен* отсутствует указание на то, что данное обозначение является тевтонизмом, а также нет ссылки на другой национальный вариант. Подобная ситуация складывается в отношении целого пласта слов и выражений (*Karfiol / цветная капуста, Marille / абрикос, Servus! / Привет! GrüÙe Gott! / Здравствуй!*), имеющих статус регионализмов на юге Германии и, в противовес этому, национальный статус в Австрии. Таким образом, авторитетный справочник по правописанию демонстрирует ограниченную последовательность и псевдологичность, а также лишь частичную реализацию плюрицентрических постулатов.

Путь к равноправию тевтонизмов (Германия), австрицизмов (Австрия) и гельветизмов (Швейцария), а также отказ от рассмотрения последних как диалектных форм не является легким, потому что языковые варианты Австрии и Швейцарии имеют более низкий социолингвистический статус. Так, например, немецкий язык, на котором говорят в Германии, однозначно доминирует в сфере австрийских и швейцарских СМИ. В Австрии немецких каналов значительно больше, чем австрийских, и иностранные фильмы переводятся, как правило, на немецкий язык [3, с. 12].

Зачастую такая же обстановка складывается и в литературе, где австрийские авторы намеренно избегают употребления австрицизмов, некоторые добавляют в конце произведения словарь (как это делает, например, австрийская детская писательница Кристине Нестлингер). К счастью, в современной литературе данная тенденция меняется, и более молодые писатели (Германн Бауер, Вольф Хаас) не отказываются от употребления австрицизмов без дополнительных пояснений для носителей немецкого языка в Германии.

Лингвисты полагают, что доминирование немецко-немецкого языка обусловлено рядом причин, среди которых: 1) устойчивые стереотипы о языковом превосходстве собственно немецкого языка; 2) убеждение в том, что австрицизмы и гельветизмы – не литературный язык; 3) разветвленная сфера функционирования немецкого литературного языка; 4) кодификация немецкого литературного языка.

Безусловно, осмысление взаимосвязи понятий «национальная идентичность» и «национальный язык» помогли Австрии и Швейцарии достигнуть значительных успехов: признание австрийского немецкого вариантов языка Евросоюзом; издание словарей и учебных пособий на родном языке; проведение научных исследований по вопросам национальных вариантов языка и т. д. Несмотря на это, австрийский и швейцарский варианты немецкого языка – это так называемые «младшие братья» немецкого литературного языка, что в некоторой степени неблагоприятно сказывается на имидже Австрии и Швейцарии, формируя их недостаточно идеальный образ: «Ein Land, in dem nur ein Dialekt gesprochen wird, ist nicht wirklich ernst zu nehmen. Es hat ein negativ markiertes Image und damit zusammenhängend einen herabgesetzten Anerkennungs- und Marktwert. Seine industriellen und .... seine kulturellen (sprachlichen) Produkte lassen sich nicht in derselben Weise verkaufen bzw. bekommen nicht dieselbe Anerkennung wie die anderer Länder» / «Страну, в которой говорят только на диалекте, всерьез не воспринимают. У нее негативно маркированный имидж и, как следствие, она недостаточно признана и в экономическом плане. Ее промышленная и культурная (языковая) продукция менее востребованы, чем у других стран» [4, с. 81].

Таким образом, проблема культурной и языковой унификации для носителей австрийского и швейцарского вариантов немецкого языка продолжает существовать, несмотря на признание идей плюрицентризма и рост значимости национальных вариантов языка после 2-й Мировой войны.

*Список литературы:*

1. Hellmann, M. W. «Binnendeutsch» und «Hauptvariante Bundesrepublik». Zu Peter von Polenz Kritik' an Hugo Moser / M. W. Hellmann // Zeitschrift für germanistische Linguistik. Deutsche Sprache in Gegenwart und Geschichte. – 1989. – Н. 1. – S. 84–93.
2. De Cillia, R. Burenwurscht bleibt Burenwurscht. Sprachenpolitik und gesellschaftliche Mehrsprachigkeit in Österreich / R. De Cillia. – Klagenfurt, Drava-Verlag, 1998.
3. Дружина, Н. Л. Национальные варианты немецкого языка: проблема культурной и языковой унификации / Н. Л. Дружина // Феномен родного языка : коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты : сборник научных статей [по материалам междунар. науч.-практ. интернет-конф., посвященной Международному дню родного языка, 21 февраля 2018 г.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 11–14. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/15487>
4. Muhr, R. Zur Sprachsituation in Österreich und zum Begriff «Standardsprache» in plurizentrischen Sprachen. Sprache und Identität in Österreich / R. Muhr. – Wien, Hölder-Pichler-Tempsky, 1995. – S. 75–109.

# ТРАНСМИССИЯ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК КОНЦЕПТ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА СОЦИОЛОГИИ

*Е.В. Когтева*

*Королёв, Технологический университет  
имени дважды Героя Советского Союза,  
летчика-космонавта А.А. Леонова*

Сложные социально-экономические и политические процессы, затронувшие российское общество на рубеже XX–XXI веков, спровоцировали трансформацию всей системы ценностей как человека, так и общества в целом. Появлялись рассуждения об утрате традиционных идеалов и смысла жизни у молодого поколения, навязывались западные ценности, а в качестве основного идеала предлагалось мироустройство по западному образцу.

Конфликт между традициями коллективного в российском менталитете и идеями индивидуализации, присущими либеральной культуре запада, привел к появлению различных форм аномии, особенно у молодёжи, и к разрыву межпоколенческих связей.

Эта особая форма конфликта является основным препятствием на пути выполнения основной социальной миссии по передаче системы духовно-нравственных ценностей молодому поколению, являющейся залогом будущего существования нашего общества и цивилизации в целом [1, с. 101].

Этот процесс занимает особое место среди процессов, изучаемых социологией, поэтому очень важно понимать каким концептом понятийно-категориального аппарата он может быть обозначен.

В результате анализа концептов, используемых в социологическом обществе, выявлено, что в западных работах чаще всего используется термин “*transmission*”, а в отечественных используется несколько дефиниций «*трансляция*», «*трансмиссия*», «*трансферт*». Несмотря на то, что их четкая дифференциация отсутствует, можно выделить некоторые отличительные признаки их употребления. Так, под трансфертом понимают механическое копирование образцов поведения, норм без рефлексии и обогащения собственного опыта, а трансляция используется в значении передачи, по аналогии с некоторой близостью действий «передавать» и «транслировать».

По нашему мнению, наиболее подходящим для использования и передачи точного определения данного процесса, передающего всю полноту его содержательной стороны, и предполагающего наличие положительного результата, является концепт «*трансмиссия*».

Межпоколенная преемственность ценностных ориентаций начинается с их передачи старшими поколениями: сначала через пример или образец деятельности, а затем посредством слова или вербальным способом трансляции. На следующем этапе младшее поколение усваивает нормы,

переданные им старшим поколением и на их основе, через трансформацию и интерпретацию ценностей, вырабатывает новые идеалы, принципы, ориентации, которые соответствуют новым социально-экономическим и историческим условиям. Завершающим этапом является трансмиссия ценностных ориентаций, трансформированных и интерпретированных молодым поколением, но основанных на ценностях предшествующих поколений [2, с. 423].

По мнению В. Франкла ценностям невозможно научиться, их нужно пережить, а освоение ценностей в процессе их трансмиссии происходит через осмысление по критерию «добро-зло», через переживания, эмоции, «память сердца». [4, с. 123]. Задача транслирующего – не просто дать набор ценностей, а помочь их осмыслить, принять основные общечеловеческие регуляторы как свои собственные и научиться использовать их в жизни.

Трансмиссия предполагает не просто приобщение (приспосабливание) к ценностям, так называемую «квазиинтериоризацию», а создание их в своем внутреннем мире и воссоздание в каждой ситуации, требующей оценивания.

Исходя из этого, трансмиссия духовно-нравственных ценностей – это процесс передачи духовного капитала, нравственных норм, культурных традиций от одного субъекта (поколения) другому, один из которых намерен эти ценности передать, а другой готов их принять, осознать и интериоризировать в процессе нравственной социализации [3, с. 79].

«Трансляция» может употребляться для обозначения любого процесса передачи духовно-нравственных ценностей, независимо от того достигла ли она своей цели. В том случае, если трансляция – успешна и реципиент, интериоризировав переданные ценности, захотел их передать, т.е. ретранслировать, можно говорить о «трансмиссии». Следовательно, именно трансмиссия духовно-нравственных ценностей является основной функцией взаимодействия поколений.

Трансмиссия ценностей – билатеральный процесс, так как: во-первых, трансмиссия подразумевает наличие встречных потоков, как от старших поколений к младшим, так и наоборот; во-вторых, каждое поколение являясь объектом этого процесса и принимая ценности, становится субъектом передачи, ретранслируя ценности следующим поколениям после их интериоризации [2, с. 430].

Иными словами, человек не просто признаёт переданные ему духовно-нравственные ценности как установки в своих поступках и поведении, но и вырабатывает свою личностную систему ценностей.

На основе сделанных рассуждений, межпоколенная трансмиссия духовно-нравственных ценностей может быть определена как непрерывный, интерактивный, билатеральный процесс передачи духовно-нравственных ценностей через трансляцию, интериоризацию, рефлекссию и последующую ретрансляцию, являющийся результатом межпоколенного взаимодействия.

Характер личности человека находится в прямой зависимости от степени освоения им культуры, традиции народа, его истории, мировоззрения, а также внутреннего наполнения ценностями.

Государства и народы существуют благодаря сохранению культуры, традиций, непрерывной трансмиссии духовно-нравственных ценностей, обеспечивающих преемственность поколений. В свою очередь, отказ от них является причиной отрыва от национальной идентичности, а затем и её утраты.

*Список литературы:*

1. Гаврилюк, В.В. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) / В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 96–108.
2. Когтева, Е.В. Трансмиссия духовно-нравственных ценностей как важнейшая функция взаимоотношений поколений [текст] / Е.В. Когтева // Общественные науки. – 2017. – № 1. – С. 421–431.
3. Постникова, М. И. Концептуальная модель межпоколенных отношений в современном российском обществе / М.И. Постникова // Мир науки, культуры и образования. – 2010. – № 2. – С. 78–82.
4. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368.

## **НЕЛИНЕЙНАЯ КОСМОСОЦИОДИНАМИКА. ХАОС, КВАЗИЦИКЛЫ И СПИРАЛИ РАЗВИТИЯ**

*А.В. Колесников  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Кибертехносоциосфера, покрывающая поверхность нашей планеты, находится в постоянном движении. Это гигантская саморазвивающаяся эволюционирующая система, самоорганизующаяся некоторым образом по каким-то законам. Исследованием общих законов и принципов эволюции социума занимается социальная философия и социодинамика. До настоящего времени эти науки опираются преимущественно на философско-теоретические размышления и вербальные формы выражения знания. Законы эволюции сложных распределённых многоэлементных систем нелинейны. Благодаря компьютерам в 20-м веке о нелинейной динамике удалось многое узнать. Нелинейная динамика обогатилась теорией хаоса, получила совершенно новые данные о возможных богатых режимах движения даже весьма простых нелинейных динамических систем [1]. Между тем социальная динамика до настоящего времени пребывает в традиционных своих вербальных формах, рассматривая линейный, циклический и спиралевидный характер эволюции социальных систем, опираясь лишь на словесные умозрительные образы.

Представляется важным постоянно помнить и учитывать космическое происхождения и космический масштаб явления и самого объекта – кибертехносоциосферы Земли. Поэтому разумно вести речь не просто о социодинамике, но о космосоциодинамике, подчёркивая тем самым космичность и масштаб самого объекта, его включённость в космические процессы и вселенское происхождение.

Ключевым процессом, определяющим характер и сопровождающим протекание социодинамических процессов развития общества, выступает постоянное воспроизводство совокупного ресурса, включающего всё материальное и нематериальное создаваемое социальной системой за некоторый период. Обозначим всё это большой буквой R и условимся называть совокупным ресурсом социальной системы. В самом общем виде общество состоит из творцов и потребителей. Для обозначения этих категорий в пространстве современного социума нами используются термины космический и молекулярный человек. Смысл и происхождение этих терминов имеет отношение к парадигме философского космизма и работам К.Э. Циолковского [2] и Л.Н. Гумилёва [3], с одной стороны, а с другой, к понятию эгоистичного гена, введённого Ричардом Докинзом [4]. Предполагается, что космический человек – это пассионарный творец, осознавший самоценность продукции собственного разума. Молекулярный же человек продолжает выполнять функцию разумной надстройки над жаждущим реплицироваться геном. Идеал молекулярного человека – это потребление в максимально комфортных условиях при возможности минимизированных трудозатратах.

Исходя из логики своего существования, а также ценностной ориентации приращение совокупного ресурса системы обеспечивает именно творец, космический человек [5]. Молекулярной же человек склонен потреблять ресурс, минимально участвуя в его воспроизводстве. Сам процесс воспроизводства совокупного ресурса социальной системы можно условно разделить на отдельные циклы или обороты. Тогда совокупный ресурс системы на каждом его воспроизводственном цикле будет складываться из уже имеющегося ресурса, его приращения представителями творческого социотипа космического человека за вычетом убыли ресурса, потреблённого молекулярными людьми. Математически это можно представить следующим образом:  $R[i+1]=R[i]+q[i]*R[i]-(1-q[i])*R[i]$ . Здесь  $R[i+1]$  и  $R[i]$  – это объёмы совокупного ресурса социальной системы в следующий момент времени (на следующем обороте воспроизводственного цикла) и текущий момент времени;  $q[i]$  – доля творцов-пассионариев в популяции в текущий момент времени;  $(1-q[i])$  – это доля потребителей. После преобразований получим:  $R[i+1]=2*R[i]*q[i]$ . В более общем виде  $R[i+1]=k*q[i]*R[i]$ .

Соотношение творцов и потребителей в обществе также подвержено изменениям. Изобилие способствует росту потребительства. Творцы-пассионарии в период изобилия не пользуются спросом и авторитетом. Толпа, рождённая изобилием, требует хлеба и зрелищ. Потребительство истощает ресурс. Вскоре наступают трудные времена. В эпоху кризисов общество



вновь обращается к творцам. Математически это может быть описано степенным выражением:  $q[i+1]=q[i]^R[i+1]$ . Использование в правой части выражения в показателе степени именно  $R[i+1]$  обусловлено тем фактом, что социальный заказ на космических пассионариев формируется в обществе лишь в финале очередного цикла воспроизводства совокупного ресурса по его итогам. Таким образом, может быть записана система разностных уравнений (или нелинейное отображение) следующего вида:  $R[i+1]=k*q[i]*R[i]$ ;  $q[i+1]=q[i]^R[i+1]$ .

Приведенная система уравнений описывает динамику социальной системы, в которой противоборствуют две силы, две тенденции – социальное творчество, стремление к прогрессу и потребительство, стремление к максимально праздному, но обеспеченному существованию. Противоречие между этими парадигмами существования выступает определяющим двигателем современной социодинамики.

Сценарии поведения модели зависят от начальных условий, то есть от значений  $R[0]$  и  $q[0]$ . Тот факт, что формы аттракторов и сама структура фазового пространства определяется начальными условиями даёт возможность совместить динамические карты (на основе показателя Ляпунова), построенные в координатах  $R$  и  $q$ , с фазовыми портретами системы (рис. 1). Это позволяет составить довольно полное впечатление об общем характере сценариев эволюции, распределении областей устойчивости и хаоса.

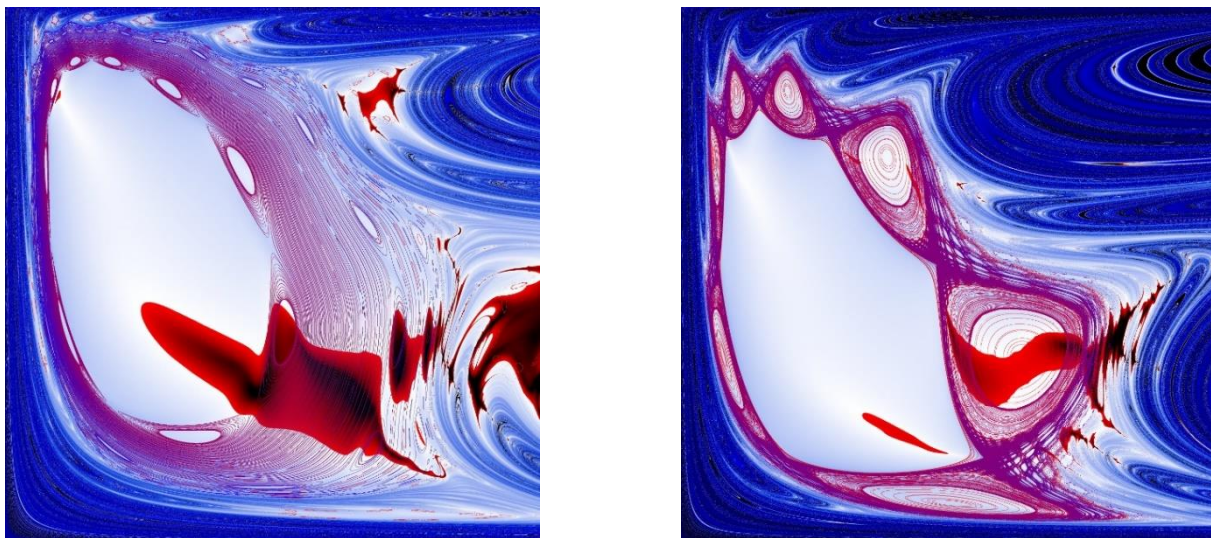


Рисунок 1 – Примеры совмещения фазовых портретов системы с динамическими картами

Из вычислительных экспериментов можно сделать вывод, что доминирующими особенностями динамического поведения социальных систем выступают сложные колебания, квазициклы и хаос. При этом система почти всегда крайне чувствительна к любым малым флуктуациям её параметров.

Задача состоит в том, чтобы превратить хаотические квазициклы в восходящие спирали прогрессивного развития.

*Список литературы:*

1. Малинецкий, Г.Г. Синергетика – новый стиль мышления: Предметное знание, математическое моделирование и философская рефлексия в новой реальности. – М.: ЛЕ-НАНД, 2022. – 288 с.
2. Циолковский, К.Э. Воля Вселенной. Космическая философия / К.Э. Циолковский. – М.: Эксмо, 2015. – 480 с.
3. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера земли / Л.Н. Гумилев. – М.: АйрисПресс, 2016. – 545 с.
4. Докинз, Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М.: АСТ Corpus, 2016. – 512 с.
5. Колесников, А.В. Киберкосмизм. Цифровая философия темпорального универсума / А.В. Колесников. – Минск : Белорусская наука, 2022. – 315 с.

## **РОЛЬ КРИЗИСА В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТРАНЗИТИВНЫХ ОБЩЕСТВ**

*И.Н. Колядко*  
*Минск, Белорусский государственный*  
*университет*

С современным изменением вектора в направлении дивергенции локальных социокультурных систем глобализация не перестала оказывать ощутимое влияние на трансформацию базисных оснований культуры модерна. Более того, вследствие усиления региональной дифференциации, большинство локальных социумов предстало перед острой необходимостью формирования и утверждения своей культурно-цивилизационной идентичности, чтобы не оказаться на геополитической периферии, в социально-экономической и культурно-информационной изоляции.

*Ренессанс локальных социокультурных систем* сегодня является одной из ведущих тенденций мирового развития в условиях исчерпанности конвергентного потенциала глобализации. В то же время острый кризис идентификационных матриц локальных социокультурных систем, вызванный интенсификацией унифицирующих процессов глобализации на первоначальных этапах ее динамики, часто выступает непреодолимым препятствием на пути формирования или возрождения самобытной культурно-цивилизационной идентичности [4, с. 164]. Социальные системы, подвергшиеся масштабным деформациям под воздействием глобализации и порой утратившие символическую связь со своей культурной традицией, находятся в состоянии *транзитивности*. Его исход связан с воплощением функциональной двойственности, присущей кризисным этапам социодинамики. Суть функциональной двойственности заключается в реализации кризисом не только деструктивного, но в первую очередь конструктивно-

созидательного потенциала: деформация основных социальных институтов нередко становится источником генезиса в точке бифуркации новых форм социальных практик и социального порядка.

Обращение к проблемам формирования и репрезентации культурно-цивилизационной идентичности современных обществ обусловлено процессами глобализации и деглобализации [1, с. 24–27; 6, с. 219–224]. Так, глобализация несет вызов культурной унификации, что инициирует всплеск националистических настроений и провоцирует межэтнические и межконфессиональные конфликты. Вместе с тем процессы трансформации базисных оснований культуры модерна выступают источником социокультурных флуктуаций (П. А. Сорокин), приводящих к фрагментации культурно-цивилизационной и иных форм идентификации людей [3, с. 53].

В условиях дивергентных трендов современного этапа глобализации наибольшую актуальность приобретает *проблема формирования и утверждения культурно-цивилизационной идентичности* локальных социокультурных систем модернизирующихся и переходных социумов, которые становятся полноправными субъектами культурного и цивилизационного процессов. Конфликтная природа современных трансформационных процессов имеет своим основанием устойчивую тенденцию к актуализации и репрезентации локальными социумами своих идентификационных нарративов в условиях возрастания сложности и интенсивности социокультурного развития.

Вместе с тем, хотя формирование культурно-цивилизационной идентичности переходных обществ и вызвано кризисом конвергентных стратегий глобализации, становление новой, полицентричной, конфигурации мирового сообщества в целом обусловлено постулируемым «постидеологическим» характером современных государств и геополитических блоков. Культура и культурные ценности сегодня все чаще предстают в национальном, этническом своеобразии и формах. Как следствие – формирование в мировом масштабе новых субъектов политического, государственного и межкультурного взаимодействия, что, в свою очередь, выступает в качестве ведущего фактора «социокультурных флуктуаций» (П.А. Сорокин) и возрастания нестабильности. Глобальный кризис культуры модерна и ее оснований в аспекте трансформации идентификационных паттернов способствует переосмыслению стереотипов группового сознания, мышления и деятельности как мировоззренческого каркаса культуры в каждую конкретную историческую эпоху, оказываясь одним из факторов динамики и развития социальной системы. *Позитивный характер данных изменений* проявляется в форме «перестройки категориальных структур сознания» [5, с. 76], когда реинтерпретация смыслов культурных универсалий, фундирующих систему ценностных ориентаций и легитимизирующих конкретные формы индивидуальной и коллективной идентичности, направлена на реализацию ими трансляционной функции. Благодаря последней происходит «ассимиляция нового, важного для людей социального опыта, соединение его с традицией и передача от поколения к поколению» [5, с. 76].

Трансформация различных форм идентичности, в том числе и культурно-цивилизационной, определяется совокупностью факторов, среди которых можно выделить следующие: денационализация социальных пространств; «детерриторизация социальных отношений; вытеснение локального глобальным и всевозможные формы глобализации; формирование глобальных и сетевых медиа, способствующих развитию транснациональных социальных отношений; ретрансляция идеологии мультикультурализма из развитых стран западной цивилизации, ставших притягательной целью международных потоков миграции, по всем социокультурным регионам планеты» [3, с. 86–87]. Осмысление кризиса идентичности в условиях дивергенции локальных социокультурных систем нашло свое выражение у ряда известных западных социальных философов и ученых. Так, У. Алброу отмечает, что единое мировое сообщество в качестве цели глобализации следует понимать не как «единство без многообразия, но как многообразие без единства» [7, с. 215]. Э. Гидденс утверждает, что процессы глобализации являются одним из факторов возрождения локальных культурно-цивилизационных идентичностей: ренессанс локального является конструктивным ответом глобальным силам [2, с. 62]. Р. Робертсон, в свою очередь, акцентирует внимание на принципиальной невозможности тотальной унификации культуры и обосновывает тезис о взаимосвязи возрастающей роли локальных и региональных идентичностей с процессами углубления мировой информационной интеграции [8, с. 37].

Трансформация традиционных форм идентичности в условиях ренессанса социокультурных систем транзитивных социумов выступает в качестве ключевого фактора современного цивилизационного развития, направленного на формирование полицентричной геополитической конфигурации мирового сообщества. Репрезентация феномена идентичности, связанного с системой мировоззренческих представлений и установок, которые фундируют основания культуры, все в большей степени сводится к ее символическим измерениям. Они же, в свою очередь, находятся под воздействием информационно-коммуникационных технологий и конституирующих социальную реальность идеологием. Индивидуализация идентичности, ее дифференциация определяются процессами реорганизации институциональных и символических оснований социального порядка. Вместе с тем именно процессы трансформации идентичности выступают сегодня одним из факторов дивергенции локальных социокультурных систем модернизирующихся социумов, позволяя им формировать свою субъектность и становиться полноправными участниками цивилизационного процесса. Фрагментация идентичности в ее культурно-цивилизационном аспекте выступает одним из факторов транзитивности модернизирующихся обществ, инициируя тем самым фазовый переход социальной системы к новым формам упорядочения путем трансформации ценностно-нормативных компонентов культурной традиции.

*Список литературы:*

1. Бауман, З. *Текущая современность* : пер. с англ. / З. Бауман. – СПб. [и др.] : Питер : Питер Пресс, 2008. – 238 с.
2. Гидденс, Э. *Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь* : пер. с англ. / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 116 с.
3. Ленсмент, А. *Феномен этнокультурной идентичности в эпоху постсовременности* : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / А. Ленсмент. – Минск, 2017. – 169 л.
4. *Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов* / Ч. С. Кирвель [и др.] ; под науч. ред. Ч.С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2009. – 547 с.
5. Степин, В. С. *Цивилизация и культура* / В. С. Степин. – СПб. : С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2011. – 408 с. – (Классика гуманитарной мысли ; вып. 3).
6. Тоффлер, Э. *Футиуршок* : пер. с англ. / Э. Тоффлер. – СПб. : Лань, 1997. – 461 с.
7. Albrow, M. *The global age: state and society beyond modernity* / M. Albrow. – Cambridge : Polity Press, 1996. – IX, 246 p.
8. Robertson, R. *Globalization: time-space and homogeneity-heterogeneity* / R. Robertson // *Global modernities* / M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. – London ; New Delhi, 1997. – P. 25–44.

## **ВЛИЯНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ**

*Г.Ю. Лизунова,  
Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный  
университет*

В настоящее время в научном сообществе уделяется все больше внимания вопросам этнической идентичности и ее влиянию на развитие самосознания личности. Заявленный вопрос актуален и важен исходя уже из федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, согласно которому при рассмотрении содержания образовательной Программы должно обеспечиваться развитие личности, мотивации и способностей детей в различных видах деятельности и охватывать следующие структурные единицы, представляющие определенные направления развития и образования детей: познавательное развитие детей дошкольного возраста предполагает «... становление сознания; ...; формирование первичных представлений о себе, других людях..., о малой родине и Отечестве, представлений о социокультурных ценностях нашего народа, об отечественных традициях и праздниках, о планете Земля как общем доме людей, об особенностях ее природы, многообразии стран и народов мира» [1].

Определение понятий «сознание» и «самосознание» до сих пор находится в центре научных дискуссий. Сознание рассматривается как состояние психической жизни организма, выражающееся в субъективном переживании событий внешнего мира и, а также в отчете об этих событиях и ответной реакции на эти события. Самосознание – это осознание человеком своих действий, чувств, мыслей, мотивов поведения, интересов, своего положения

в обществе. Самосознание предполагает выделение человеком самого себя, своего «Я» от всего, что его окружает [2].

Возникновение и развитие самосознания человека неразрывно связаны с развитием межличностных отношений с другими. В связи с этим можем говорить об этнической идентичности. Это составная часть социальной идентичности личности, психологическая категория, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности. Рассматриваются два основных компонента этнической идентичности. Первым является когнитивный компонент. Он представляет собой знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом на основе этнодифференцирующих признаков, вторым является аффективный компонент. Он представляет оценку качеств собственной группы, отношение к членству в ней, значимость этого членства.

Этническая принадлежность не является «иллюзорным самосознанием», она выступает как важная связующая сила сообщества. В процессе своего становления этническая идентичность проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка.

Одним из первых концепцию развития у ребенка осознания принадлежности к национальной группе предложил Ж. Пиаже (1896–1980). Он проанализировал как две стороны одного процесса – формирование понятия «Родина» и одновременно с ним развивающихся образов «других стран» и «иностранцев». Развитие этнической идентичности швейцарский ученый рассматривает, прежде всего, как создание когнитивных моделей, ответом на которые являются этнические чувства. Ж. Пиаже выделяет три этапа в развитии этнических характеристик:

- в 6–7 лет ребенок приобретает первые фрагментарные и несистематичные – это знания о своей этнической принадлежности;
- в 8–9 лет ребенок четко идентифицирует себя со своей этнической группой и выдвигает основания идентификации – национальность родителей, место проживания, родной язык;
- в 10–12 лет этническая идентичность формируется в полном объеме, в качестве особенностей разных народов ребенок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры. Возникают патриотические чувства [3].

Результаты исследований отечественных психологов предлагают следующие этапы становления этнического самосознания. Первоначальный этап приходится на дошкольный и младший школьный возраст (5–10 лет). Для данного этапа характерно нечеткое осознание детьми общности с людьми своей национальности, немотивированный выбор своей этнической принадлежности, слабые этнические знания. На этом этапе становления этнического самосознания семья выполняет ведущую роль в передаче этнокультурной информации.

Очень важным, по нашему мнению, является тот момент, что этническая идентичность представляет одну из трех основных констант, осознания неизменности. Она формируется к 12–13 годам [4].

Существуют факторы, влияющие на становление этнической идентичности как основы самосознания. К ним относятся особенности этнической социализации в семье, школе и ближайшем социальном окружении; особенности этноконтактной среды, прежде всего ее гетерогенность/гомогенность; статусные отношения между этническими группами.

Республика Алтай поликультурная, многонациональная республика, здесь проживают не только русские, алтайцы и казахи, но и представители других национальностей. В нашем университете уделяется огромное внимание межкультурному общению, установлению межэтнического позитивного взаимодействия. Только у нас в университете учатся студенты из Киргизии, Тувы, Монголии, Китая, Германии, Дании и других стран. В связи с этим традиционно проводятся такие мероприятия как: «Межкультурный фестиваль: ГАГУ – дом дружбы», «Неделя национального взаимодействия», научно-практические конференции разного уровня, затрагивающие актуальные вопросы этнического взаимодействия в регионе, стране и мире, например, «Диалог культур и толерантность общения» и «Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества» и др. На базе Центра социально-психологической помощи университета проводятся тренинговые занятия, помогающие студентам понять друг друга, уважительно относиться к культуре, традициям представителей разных народов и этносов.

Таким образом, самосознание личности – это относительно устойчивая система осознанных представлений и оценок о себе, об окружающих и о группе, частью которой является человек. На развитие самосознания личности с детских лет оказывает влияние социальное окружение, культура, традиции, язык родителей, близких, значимых групп. Ориентируясь на рассмотренные акценты материала, учитывая многонациональность нашего государства и региона, мы, как специалисты, работающие с детьми и молодежью, должны строить свою работу.

#### *Список литературы:*

1. Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 N 1155 (ред. от 21.01.2019) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования». – URL : <https://fgos.ru/fgos/fgos-do/> (дата обращения: 20.11.2022).
2. Лисина, М.И. Психология самосознания у дошкольников / М.И., Лисина, А.И. Силвестру. – Москва, 2009. – 271 с.
3. Романенко, О.П. Развитие этнической идентичности у детей: Автореферат О.П. Романенко. – Москва, 2014. – 391 с.
4. Стефаненко, Т.Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения / Т.Г. Стефаненко // Этнос. Идентичность. Образование. – Том V. Выпуск 6. – Москва, 1998. – 445 с.

## СУПЯРЭЧНАСЦІ САЦЫЯЛЬНАГА ЗАБЕСПЯЧЭННЯ ВЁСКИ ВА ЁМОВАХ ПАСЛЯВАЕННАГА АДНАЎЛЕННЯ БССР

*І.А. Марцынкевіч  
Віцебск, Віцебскі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт*

Аднаўленне сельскай гаспадаркі БССР праходзіла ў складанейшых умовах пасляваеннага аднаўлення. За час нямецка-фашысцкай акупацыі ў запусценне прыйшло больш за 1 млн. га ворных земляў, былі разбураны ўсе машынна-трактарныя станцыі (МТС) з трактарным паркам, грамадскія калгасныя пабудовы, 420 996 дамоў калгаснікаў [1, арк. 22].

У першыя гады пасля вызвалення калгаснае насельніцтва БССР стала паступова павялічвацца за кошт дэмабілізаваных з арміі воінаў. Многія з іх вярнуліся ў вёску і мелі вострую патрэбу ў дапамозе дзяржавы. Урадам рэспублікі ўдзялялася асаблівая ўвага надзённым патрэбам франтавікоў-вяскоўцаў. На 1 ліпеня 1945 г. прысядзібнымі надзелямі былі забяспечаны 15 113 дэмабілізаваных інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, 2 117 з іх была арганізавана дапамога пры апрацоўцы агародаў. Акрамя таго, было выддзена 213 482 кг насення для сяўбы [2, арк. 19].

Жыллёвая праблема ў сельскай мясцовасці таксама заставалася вострай. Многія сем'і жылі ў зямлянках, на падсяленні, у непрыстасаваных для жылля розных пабудовах і нават пры грашовай дапамозе з боку дзяржавы не маглі пачаць будаўніцтва жылля, бо не мелі ні фізічных магчымасцей будавацца самастойна, ні неабходнай рабочай сілы. Улічваючы надзвычай цяжкае становішча вясковых жыхароў, дзяржаўныя органы выдзялялі для іх лес, цэглу, шкло, практыкавалася дапамога прамысловых прадпрыемстваў, грамадскіх арганізацый і ўстаноў горада. За 1944–1945 гг. у сельскай мясцовасці БССР была адноўлена і пабудавана 171 тыс. жылых дамоў, што з'явілася сціплым пачаткам забеспячэння сельскага насельніцтва жыллём [3, с. 101].

Значная частка з адноўленага ў сельскай мясцовасці жыллёвага фонду скіроўвалася на задавальненне патрэб інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. Згодна з пастановай СНК БССР і ЦК КП(б)Б ад 5 ліпеня 1945 г. у калгасах было распачата будаўніцтва дамоў для калгаснікаў. У дакуменце ўвага звярталася на тое, што першачарговае права на атрыманне новага жылля належала інвалідам Вялікай Айчыннай вайны. Кантроль за выкананнем гэтага дакумента быў ускладзены на райсабесы, якім ставілася ў абавязак сачыць за строгім выкананнем пастановы на месцах, а таксама за тым, каб у першую чаргу жыллём забяспечваліся франтавікі-інваліды, што жылі ў зямлянках. На загадчыкаў раённымі аддзелямі сацыяльнага забеспячэння ўскладалася і арганізацыя дапамогі на прысядзібных надзелях інвалідаў I-й і II-й груп і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны, прадстаўленне ім паліва, кармоў для жывёлы і забеспячэнне зімоўкі кароў [2, арк. 20–21].



Паводле закона ад 23 ліпеня 1945 г. кіраўнікі калгасаў павінны былі аказваць разнастайную дапамогу дэмабілізаваным, якія вярнуліся з фронту, у працаўладкаванні і абзавядзенні гаспадаркай. Аднак у законах і распараджэннях быў недастаткова распрацаваны пункт па забеспячэнні франтавікоў. Частымі былі выпадкі, калі дапамога з боку органаў сацыяльнага забеспячэння аказвалася не па прынце патрэбы, а па прынце ўраўнілаўкі, без уважлівых адносін і праверкі таго, у чым той ці іншы інвалід Вялікай Айчыннай вайны меў патрэбу перш за ўсё. Частыя выпадкі такіх з’яў пацвярджалі матэрыялы праверак [2, арк. 20–25]. Да прыкладу, 14 верасня 1945 г. супрацоўнікамі народнага камісарыята дзяржаўнага кантролю была праведзена праверка выканання закона ад 23 чэрвеня 1945 г. на вёсцы. У выніку яе было выяўлена, што выкананне прадпісанняў на месцах, у сельсаветах і калгасах, выканкамамі раённых Саветаў ажыццяўляецца вельмі слаба. Ніякага выразнага ўліку дэмабілізаваных, іх патрэб, аказання дапамогі ва ўладкаванні на працу і абзавядзенні імі гаспадаркай практычна нідзе не мелася. Па Барысаўскім райвыканкаме Мінскай вобласці дэмабілізаваным з калгаса “Чырвоная змена” і з калгаса “Пяцігодка ў чатыры гады” Зэмбенскага сельсавета не аказвалі дапамогі ў падвозе нарыхтаванага лесаматэрыялу, што прызначаўся для пабудовы дамоў [2, арк. 6]. У правяраных трох сельсаветах: Лошніцкім, Халхоліцкім і Зэмбінскім матэрыяльна-бытавыя ўмовы жыцця былі надзвычай цяжкімі. У калгасе “Ударнік” Зэмбінскага сельскага Савета ўдзельнікі Вялікай Айчыннай вайны П.Д. Рахманько, С.І. Зімовіч і Ф.Г. Гіль жылі ў зямлянках і нічога не мелі з маёмасці. Дапамога дэмабілізаваным у кожным з выпадкаў была аказана выканкамамі райсавета толькі пасля звароту звольненых у запас франтавікоў [Там жа, арк. 71–73].

Да 1946 года колькасць працаздольнага мужчынскага насельніцтва ў калгасах павялічалася на 25%, а ў 1947 г. – на 17,6%. Па меры дэмабілізацыі і вяртання сялян-франтавікоў на ранейшыя месцы жыхарства ўзнікала ўсё больш цяжкасцей у задавальненні іх надзённа-бытавых патрэб, галоўнымі сярод якіх былі забеспячэнне адзеннем, абуткам і прадуктамі харчавання [4, с. 5]. Агульная пасляваенная разруха і галеча на вёсцы дрэнна адбіваліся на якасці паслуг і дапамозе дэмабілізаваным франтавікам. Таму некаторыя з іх пасля вяртання на радзіму імкнуліся знайсці працу не ў вёсцы, а ў навакольных гарадах і мястэчках. Занятасцю інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны займаўся райсабес, а іменна, інспектары па працаўладкаванні і іх намеснікі. Пры райвыканкаме таксама былі арганізаваны камісіі па дапамозе беспрацоўным інвалідам-франтавікам, аднак дзейснай дапамогі яны фактычна не аказвалі. Па гэтай прычыне інваліды Вялікай Айчыннай вайны ў асноўным працаўладкоўваліся пасля прыняцця іх на ўлік райсабесам. Але вельмі часта франтавікі-інваліды, якія раней пражывалі ў сельскай мясцовасці, выказвалі жаданне працаваць у раённых цэнтрах, што задаволіць было вельмі складана, паколькі ў гарадах проста адсутнічала жылплошча, дзе можна было

б часова размясціць працаўнікоў У выніку былыя франтавікі не толькі не маглі працаўладкавацца, але і былі вымушаны шукаць месца часовага пражывання ў родных ці знаёмых [5, арк. 97].

Вырашэнне праблем жыллёвага забеспячэння стрымлівалася як аб'якавым стаўленнем улады да праблемы, так і аддаленасцю вёсак ад будаўнічых прадпрыемстваў і арганізацый, недахопам грашовых і транспартных сродкаў, рабочай сілы. Злабадзённым пытаннем заставалася перасяленне тых, хто знаходзіўся ў зямлянках, аказанне ім дапамогі ў будаўніцтве ўласнага жылля. На 1 мая 1947 г. ў зямлянках і на падсяленні пражывала 17 967 сямей забітых воінаў і партызан, а таксама інваліды Вялікай Айчыннай вайны і ваеннаслужачыя. Амаль усе яны былі пазбаўлены магчымасці ўласнымі сіламі будаваць жыллё і вымушаны былі чакаць дапамогі ад дзяржавы [3, с. 102–103].

Нягледзячы на ўсе цяжкасці рэалізацыі сацыяльнай дапамогі на вёсцы, савецкі ўрад выдзяляў Беларускай рэспубліцы значныя сродкі для аднаўлення. Толькі ў 1947 г. было выдзелена 30 млн руб. на будаўніцтва 2 тыс. дамоў для сем'яў загінуўшых воінаў, партызан, а таксама інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Тыя з сямей, якія мелі працаздольных мужчын, часткова або цалкам будавалі дамы сваімі сіламі, але на тыя сродкі, што выдзяляліся дзяржавай. [6, с. 51].

Такім чынам, савецкім кіраўніцтвам прымаўся шэраг мер па арганізацыі сістэмы сацыяльнага забеспячэння пасляваеннай беларускай вёскі і яе жыхароў. Прыярытэтнымі накірункамі ў гэтай справе стала вырашэнне жыллёвай праблемы дэмабілізаваных і іх працаўладкаванне. Зыходзячы з магчымасцей рэгіёну, франтавікам праз райсабесы і сельсаветы выдавалася вопратка і абутак, аказвалася іншая матэрыяльная дапамога. Да канца 40-х – пачатку 50-х гг. склалася даволі выразная сістэма дзяржаўнай падтрымкі але, існавалі і значныя недахопы – выпадкі нямэтавага выкарыстання сродкаў, што прызначаліся для франтавікоў. Першачарговасць атрымання імі дапамогі таксама выконвалася незаўсёды.

*Спіс літаратуры:*

1. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 2. – Спр. 213.
2. НАРБ. – Фонд 102. – Воп. 3. – Спр. 7.
3. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Саврем. шк. : Экоперспектива, 2007–2011. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. / Н. Васілеўская [і інш.]. – 2011. – 727 с.
4. Волков, И.М. Вопросы истории. / И. М. Волков // – 1970. – № 6. – С. 3–19.
5. НАРБ. – Фонд 690. – Воп. 1. – Спр. 302.
6. Левский, А. А. Восстановление деревень Белоруссии в послевоенный период / Левский А. А. // Вопросы истории. – 1970. – № 6. – С. 46–56

## **REGRESSION OF CIVILIZATION: POSTMODERN, THE NEW IGNORANCE AND MODERN STONE AGE**

*K. Nazriev*

*Dushanbe, National University of Tajikistan*

When it comes to the cultural-civilization crisis, it is necessary to evaluate it according to philosophy and science. Because philosophy and science have the ability to correctly identify cultural crises and show ways out of such crises. However, if philosophy and science are faced with the same crisis, they have the ability to correctly diagnose the cultural crisis. This is the key issue in recognizing the cultural-civilizational crisis. When philosophical and scientific thinking is faced with a crisis, it becomes difficult to recognize other scientific and cultural values. Modern science and philosophy are unable to recognize the cultural crisis, because in most cases science hides the truth. The modern science and philosophy of the world, which takes its soil from the teachings of the West, in most cases contradicts the national cultural values. Recognition of phenomena, assessment of values, distinction between morality and immorality, truth and falsehood in Western teachings are carried out in a way that is not characteristic of national culture. But because of that, the ideology of liberalism is ruling the world, western education and culture is entering the national space through science and philosophy. Thus, there is a conflict between western values and national values. Under the influence of western science and philosophy, cultural expansion, cultural nihilism emerges in the native society. The society no longer has the ability to diagnose values and cannot differentiate between morality and immorality. With the postmodern influence, the splendor of the modern world, society is trying not to lag behind progress. However, it is not understood that progress can be reversed.

Assessing the total of the relationship between people, life, values, and in particular the development perspective, is a very important issue. The location of the society in the stages of the development, ways to overcome the problems, which are located in front of the development, are considered as an actual issue. As development and progress are naturally important to the community and people are paying particular attention, it is important to understand the phenomenon of “progress”.

Progress is a qualitative improvement in relationships and ways in life. Humanity has always taken a special interest in the phenomenon of progress and prosperity and wants to be in step in civilization and progress in the world. But not always being up to date with a community is a sign of prosperity and mature. Progress may have the opposite property and probably the humanity may not feel it. Development or progress doesn't always indicate prosperity; it may be the regress or digress as well. Apparently, the image of community may seem to be improved, but the phenomenon shows the different situation. The truth is always behind the things that we see [2].

In modern conditions, there is no universally accepted criterion for measuring progress and regress, the scale, that can be used to measure the progress or regress is not accepted. At the average level they refer to high-rise buildings, the development of vehicles, the improvement of the food industry, the fashion industry, and the heavy and light industry in general as to the progress. But this all is the way to make the life of humanity better. That is, the goal is human. So, it is significant to see the progress and regress in human and human relationships since all the external progress is for the human.

The most difficult issue is the formation of human progress, human development. It takes just a few years to build one big facility, but it takes decades to build a developed human, but it probably won't work. Secondly, when the advanced infrastructure is built and handed over the regressed human, it makes all the relationships and tools as themselves. Therefore, the "human factor" is very important in recognizing the phenomenon of progress and regression.

The human who lives in 21st century is truly developed and does he really differ from the human from the past? If he really differs, by which properties and qualities he does it? Is the intellectual potential of the modern human equal to the intellectual potential of scientists, who lived before? If this comparison is not true, then what is the difference between the modern 21st century human and the human from the past? It is possible, that some differences in fashion, clothes, and lifestyle make the human to be count as a modern, but the modern human does not have some things, that the human from the past had.

During the Stone Age, if we rely on historical material, ninety percent of human life is behind it. It is obvious that such factors have affected the future of humanity. Depending on absence of industry the humanity was facing difficulties and it is natural that there was a lack of food and clothes and this issue was making humanity poor. As it was the initial stage of the human development, the human was the wolf of the human. But now in the postmodern period – the high progress rate, the human has a Stone Age lifestyle. In the postmodern period the issue of poverty and nakedness is not solved yet. If in the Stone Age the human was naked just because of poverty, nowadays the nakedness is called as a type of progress. Then modern human doesn't differ from the Stone Age human, if the nakedness isn't an issue. In the past centuries people were wearing the torn clothes because of life crisis, in the postmodern condition people wear torn clothes because of cultural crisis. If in the past the reason of immoral acts was the lack of intellect, but nowadays this kind of acts are getting done as requirement of the time [3].

The daily routine of prophets is an essential part of human history. What happened to them and how do we learn from it. In the days of Lot, the divine wrath was on them because of their departure from mankind' frames. The main point is that society was enjoying homosexuality and made it as a massive enjoyment and they all have disappeared. It was a period of people's ignorance. Homosexual enjoyment negates the natural reality between men and women. In the modern world, however, homosexuality as an element of civilized society is legally recognized and recognized as a civil right. This is a qualitatively new

ignorance. It is well-known that in most European countries, homosexuality has become legal, and gay people have been identified as vulnerable. “LGBTQ+” is a phenomenon that in its essence only shows modern ignorance. Unfortunately, it is supported as a new phenomenon and gradually expands. This phenomenon negates traditional values such as morality, shame, sin, family, children. Actually, another description of the problem from the point of view of national values is impossible. UNESCO Act 2030 also condemns same-sex violence and encourages the homosexual marriage. This “vulnerable group” is protected by human rights organizations, politicians and presidents of the most powerful countries. Countries that impose restrictions on homosexuals are considered unsafe. In fact, this is the image of a civilized postmodern civil society that encourages post-tribalism [2].

Every year in early April, thousands of tourists come to the city of Kawasaki, Japan to watch the incredibly strange festival. The Kanamara Matsuri (or Iron Penis Festival) takes place during the week, but the most interesting is its last day, which falls on the first Sunday of April [1].

This type of cultural values, celebrations are the expression of new ignorance and cannot in any case correspond to national values. This is actually a cultural crisis, a moral-spiritual crisis in postmodern conditions. In fact, such phenomena need to be discussed by what dimensions are measured. It is necessary to say that the main fault of all this is indifference and amorality, and they are closely related to liberalism. In the conditions of the rule of liberalism, such phenomena have no problem. However, it is not necessary to allow such cultural phenomena to enter the national space. These phenomena cause the destruction of national morals and destroy the roots of the nation.

In our motherland context, although there is no separate law on the protection of the rights of homosexuals, the social reality does not deny this phenomenon. In social reality, they do not show anything in themselves, but present themselves in a virtual space. This phenomenon of postmodern society is deeply rooted in the domestic society and exists separately between men and women. Mass immorality, indifference to good and evil, legitimate and illegitimate, and dishonesty that infect society are new postmodern phenomena.

In postmodern conditions, which are considered to be a high degree of modernity, they turned to the phenomena of the barbaric era as a sign of progress. The historical cycle has presented elements of historical brutality as progress. When history is not well studied and lessons are not learned from it, we will repeat the old history for ourselves again in the future. Modern capitalism, in all its details, has made humanity like a zombie, which can think of no other value than its own selfish values. Psychologically, the problems of life make a person greedy for everything, which is sometimes called a “selfish animal”. Humanism is not unique to this society, and if it is, it is to manipulate and mislead the people. The new generation grows up in the same conditions and is the product of this relationship. Dehumanization and anthropophobia are the essence of the relationship between humanity [3].

In modern conditions, as the modern world keeps itself away from the formation of slavery, there is a “qualitatively new slavery” in the world, which is slightly different from the classical slavery, but the essence is the same. Subjugation of the masses by new methods of capitalism, exploitation of the people, inhumane treatment of the population, between the rich and the poor, keeping the population in poverty, political cannibalism are among the elements of “qualitatively new slavery”. Neo-feudalism (new feudalism) as a new formation has opened a new window for humanity.

The postmodern world and its splendor attracts a person to the world of immorality. It infects and destroys the young generation with new values making it slave. The spiritual crisis is engulfing society, and ignorance is gaining ground. Actions are not tested and examined, because they destroy the mind and the mind becomes subservient to the desires and wishes. A new quality of idolatry has emerged, and man worships his lust. For those who understand, the initial signs serve as a lesson, because such societies are always collapsing, and there is no good future for them.

Thus, everything that is existing now is the beginning. The future is the result of everyone's work, the product of human activity. It is necessary for a person to know his mission. Correctly determine the route. There should be a single criterion for progress and development. He shouldn't let the postmodernism greatness drive him, since it leads him to ignorance. For this, man must find himself. It is necessary to change the model of life. A human is capable of doing this.

*Bibliography:*

1. Kanamara, M. [Electronic resource]: <https://www.japanistry.com/event/kanamara-matsuri-penis-festival/>. (date of the application 1.11.2022).
2. Nazriev, K. La moderna età della pietra, la nuova ignoranza e il post-moderno [Risorsa elettronica]: <https://www.geopolitika.ru/en/node/76321>. (data della domanda 5.11.2022).
3. Nazriev, K. Modern stone age, the new ignorance and postmodern [Electronic resource]: // <https://www.geopolitika.ru/en/article/modern-stone-age-new-ignorance-and-post-modern>. (date of the application 19.12.2020).

**КАТЕГОРИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ  
КАК ДЕТЕРМИНАНТА ВЫЗОВОВ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО  
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

*Д.М. Писаный*

*Луганск, Луганский государственный педагогический университет*

Сохранение исторической памяти, верность традициям, обеспечение целостности «культурного кода» цивилизации помогает народу и государству преодолеть любые угрозы, восстановиться после кризисов, следовать по пути развития к процветанию. Следовательно, нужно заботиться об укреплении социальных институтов, отвечающих за сохранность наших

духовных основ. Одним из таких «столпов социума» является система образования. От комплекса знаний, мировоззренческих ценностей и жизненных ориентиров, которые учителя вкладывают в своих воспитанников, напрямую зависит консолидация общества как фундамент для социального мира и устойчивого развития. Вот почему так важно исследовать свойства и качества личности, в которых проявляются результаты воспитания. Одним из таких свойств является идентичность. Сказанное выше свидетельствует об актуальности данной темы.

Цель настоящего доклада – показать, как внедрение категории «Идентичность» в педагогическую науку помогает выявлению и отражению угроз «духовной безопасности» для ученической молодежи.

Как известно, одним из первых в научный обиход категорию «Идентичность» ввел Эрик Эриксон. В психологии она стала означать «отождествление со значимым другим» [1, с. 137]. Затем идентичность стали предметно исследовать социологи (например, П. Бергер и Т. Лукман, делавшие акцент на самосознании различных социальных групп) и политологи (например, Р. Брубейкер и Б. Андерсон, которые изучали «конструирование» политической нации). Со временем категория идентичности стала применяться и в экономике. При этом, с одной стороны, она помогает выстраивать «бренд-менеджмент» регионов, с другой – изучать зависимость между уровнем дохода (как детерминантой статуса) и чувством удовлетворенности жизнью (Дж. Акерлоф) [3, с. 148–150]. Для отечественной педагогической науки категория идентичности является сравнительно новой. Её осмысление протекает в двух основных направлениях:

– предпосылки, методы, средства и механизмы формирования общероссийской гражданской идентичности школьников (проще говоря, как воспитывать личность ребенка, чтобы он при любой региональной, национальной, религиозной принадлежности твердо осознавал: «Я – россиянин!»). Данное направление является очень актуальным, в таком ключе проблему разрабатывает большинство педагогов, чьи научные поиски посвящены феномену идентичности (особо полезным для нашего исследования был анализ публикаций А.А. Логиновой) [2];

– становление, развитие и укрепление социокультурной идентичности учеников. В этой области научного познания специалисты изучают, как формируется осознание принадлежности школьников к языковой, этнической, религиозной, социально-профессиональной общности, а также положительные эмоциональные переживания этой принадлежности. Одним из крупнейших специалистов по данной проблеме является д-р пед. наук, проф. М.В. Шакурова [5].

На наш взгляд, включение категории «Идентичность» в систему отечественной педагогической науки произошло очень своевременно. Поскольку именно данная категория позволяет предметно работать с вызовами и угрозами информационной войны для нашего социума. Ведь как

свидетельствуют объективные реалии жизни, социокультурная идентичность может выступить как прочным базисом для формирования гражданской идентичности, так и дать импульс к деструктивным тенденциям для последней. Изучение в междисциплинарном ключе конфликтов, произошедших в Евразии в первое десятилетие после окончания «холодной войны», позволило сделать вывод: в основе ряда военно-политических конфликтов во многонациональных государствах (Югославия, Армения – Азербайджан, Таджикистан, Грузия и др.) лежали именно конфликты идентичностей. В частности, имело место превалирование этнической и религиозной идентичности над идентичностью гражданской. В этом же «фарватере» действуют и «архитекторы» современных «цветных революций».

В таких условиях обеспечить «иммунитет» для духовно-нравственной сферы ученической молодежи призвана система образования. Особая ответственность лежит на учителях предметов социально-гуманитарного цикла: истории, обществознания, права, литературы, экономики и др. Нужны масштабные эмпирические исследования (в т. ч. социологические и психологические), направленные на выявление «проблемных полей» в гражданской, социокультурной идентичности и вообще в духовно-нравственном развитии молодежи. Их обобщение позволит дополнить методику преподавания предметов социально-гуманитарного цикла для исправления обнаруженных негативных тенденций.

Объем доклада не позволяет подробно остановиться на этой отрасли педагогической науки. Однако необходимо отметить один из «мегатрендов». Результатом исторического и обществоведческого образования должно стать не только запоминание детьми фактов, событий, понятий. Обучающимся нужно усвоить ценностные смыслы как событий прошлого, так и сложных процессов современности [4, с. 20–25].

Изучив фактический материал на уроках, школьники должны уметь строить оценочные суждения и логические выводы, грамотно и корректно отстаивать свою точку зрения. В каждом историческом периоде учителям стоит выделять достижения народов нашего Отечества и создавать эмоциональный фон, который поможет детям воспринимать эти достижения как основание для личной гордости. При рассмотрении трагических страниц прошлого, наряду с сочувствием горю наших предков, нужно воспитывать желание избежать повторения таких ошибок. Достижению этих целей служат и тематические воспитательные мероприятия (в особенности – литературно-музыкальные композиции с элементами театрализованного представления, посвященные различным социально-профессиональным группам, например, казачеству и шахтерам).

Современное информационное пространство предоставляет в распоряжение учителей огромный массив разнообразных дидактических средств: это и песни на исторические темы, и художественные фильмы, и сериалы, и документальные передачи различной продолжительности. Практикующим



учителям (особенно молодым специалистам) нужно методическое сопровождение, позволяющее более рационально применять такие средства обучения на уроках и во внеклассной работе.

Таким образом, категория идентичности, введенная в оборот отечественной педагогической наукой, предоставляет широкие возможности в плане диагностики и противодействия вызовам и угрозам для духовно-нравственной сферы личности школьников. Сочетание соответствующих эмпирических исследований с инновациями в методике преподавания социально-гуманитарных предметов может способствовать более успешной реализации современных задач государственной молодежной политики.

*Список литературы:*

1. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко – СПб. : Прайм-Еврознак, 2003. – 632 с.
2. Логинова, А.А. Формирование гражданской идентичности школьников средствами интернет-проектов : автореф. дис. ... канд. пед.наук : 13.00.01 / А.А. Логинова ; ГОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия». – Самара, 2010. – 27 с.
3. Проскурина, Е.А. Идентичность как категория в системе научного социально-политического знания : экспликация понятия / Е.А. Проскурина // Вестник Луганского национального университета имени Владимира Даля. – 2020. – № 2(32). – С. 146–152.
4. Турянская, О.Ф. Теоретические основы личностно ориентированного подхода к обучению : Монография / О.Ф. Турянская. – Орел : Изд-во ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2015. – 278 с.
5. Шакурова, М.В. Педагогическое сопровождение становления социокультурной идентичности школьников : автореферат дис. ... д-ра пед.наук : 13.00.01 / М.В. Шакурова ; Институт теории и истории педагогики РАО. – М., 2007. – 47 с.

## **THE SOCIO-CULTURAL PHENOMENON OF THE NAME**

*O.M. Rostovskaya*  
*Vitebsk, Vitebsk State University named after P.M. Masherov*

Philosophical perception of the social past and the phenomenon of historical memory is constantly connected with onomastic problems. Names are among the figures of memory – both individual and collective, and in particular urban historical memory. They are always included in the socio-cultural content, being a kind of explorers of retrospective information in the actual historical context. Therefore, their research in one or another view is an organic part of the overall scope of the historian's work. But this text is aimed at analyzing the phenomenon of the name and sets a research model of understanding the city and historical memory.

In a wide sense, a name is a difficult socio-cultural construct, a concept with a specific meaning and a multitude of objectifications and associated images fixed

in collective memory. The cognition of the historical individuality of the city begins with the name, and its understanding happens through a consistent understanding of the meanings of urban cultural forms with their names and the images that they hold in themselves, personified in the name (or names).

Every place has a name that is a “place”, that is, an object of individual and collective memory. The name is a landmark in the social space, thus, without a name, the world is disoriented.

In fact, every name is:

1. an artifact caused by the development of language and culture,
2. the “place” of memory is prehistoric and historical (meaning the mythological and socio-historical sections of the interpretation of the name),
3. image,
4. the form of socio-cultural identity.

People have names that identify them. Events have names and so are fixed in the ground of the historical. Everything is named – thanks to the ability of people in their social scale, in their collective sense, to create image sinconcepts. The name is social, and the practice of commemoration and memorialization is a social practice that integrates and consolidates. The author of the “Philosophy of the Name”, the Russian philosopher A.F. Losev was rightful, noting that the name “explain the whole deepest essence of sociality in all the infinite forms of its manifestation”, the name is the social reality.[2, p. 20].

The name of the city is the starting point to the knowledge of its historical individuality. A city can't be nameless, just like a person, unless he is asocial. Like a person, a city is a social, socialized individual.

There are cities whose individuality has not been revealed due to historical conditions or erased under the influence of changing ideological, cultural and stylistic paradigms. There are cities with a bright individuality: for example, Barcelona, Rome, Paris, Prague. The name itself speaks of their greatness. The name involves a number of images and concepts, appears in the context of mythological, historical and actual, reality.

The city, its name and image are one, like the city and its cultural forms. The urban landscape is marked with names ranging from anthroponyms memorialized in monuments and memorial plaques, names of streets, squares and public places, and ending with undistinguished urbanonyms (for example, names on store signs). Modern Belarusian researcher A. Lastovsky has identified gononyms, monuments and plaques as important elements of marking urban space, reflecting the historical narrative officially recognized by the governing elite [1, p. 25]. It's hard to disagree. These cultural forms, integrated into the memory of the urban community, form part of the memorial cultural landscape.

The city as an extended historicity embodied in cultural forms is perceived, presented, remembered through the prism of existence, therefore its cultural historicity, its past becomes relevant insofar as the supra-individual manifests itself in an individual dimension. In this context, the perception of the city reflects the

mode of memory-experience, that is, “biographical memories”, and the mode of “justifying memories” in their synthesis [3, p. 35]. So, the subjective image of the city is determined by the social framework. This is confirmed the fact of exteriorization of the eidetic images of the city in terms of: the image takes on a linguistic form, that is, it gets a conventional character, is legitimized in the collective field, obeying the will of the social community.

The name can be metaphorically identified as the key to cognition and experience of the city – its acceptance into the biographical mode of memories. The name of the city is an mediator between it and the subject who knows and remembers it. Despite the fact that each person leaves an imprint of his presence in the existence of a certain city in his memory, there are people who identify with the city and become an integral part of individual and urban historical memory. This connection embodies the idea of “common memory”. The image of the city reveals itself through the prism of a creative genius and its name. And although everyone's memory is able to recreate a narrative collage of eidetic images of the city, the memory of a genius puts fragments of past perception into an artistic form, places a mnemonic image in the annals of the universal history of culture in the resonance of collective memory. In the artist's work, as if predetermining the appearance of Genius loci through the mystery of creativity, the image of the city appears, as realizing the desire to expand space and time ownership, giving birth to associations: Petersburg of F.M. Dostoevsky, Barcelona of A. Gaudi, Vitebsk of M. Chagall...

The name as a socio-cultural category is present as a mandatory component in research projects dedicated to the learning of the memorial landscape of the city. Defined by it to a great degree, urban historical memory in a linguo-cultural context is mediated onomastics, which carries not only an informational part, but also a socio-historical, ideological, axiological one, determining the view of continuity in social space and public mind.

*Referencelist:*

1. Lastovsky, A. Urban landscape as a place of memory and identity / A. Lastovsky // *Palit. sphere.* – 2009. – №. 12.– p. 17–28.
2. Losev, A.F. *Philosophy of the name* / A.F. Losev. – M. : Moscow University Press, 1990. – 269 p.
3. Rostovskaya, O.M. The phenomenon of urban memory: a socio-philosophical analysis / O.M. Rostovskaya // *news of the National Academy of Sciences of Belarus.* – 2019. – 64, № 1. – P. 33–40.

## ОПОРА НА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ

*Л.Н. Семёнова*  
*Минск, Белорусский национальный*  
*технический университет*

Одним из аспектов глобального культурно-цивилизационного кризиса является идеология и нарождающаяся практика трансгуманизма. Цель общественного развития трансгуманизм видит не в совершенствовании человека, а в конвергенции человека и компьютера, живой социальной материи и технической, что выводит человека за грань его природы («транс» (за, через) гуманизм). С целью улучшения свойств человека трансгуманизм предлагает его полную синергию с компьютерами и информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ), антропоморфной и биоподобной робототехникой, системами искусственного интеллекта, встраивание человека в виртуальный мир, нейро-интернетные сети и т.д. Трансгуманоид-киборг – продукт нано-био-инфо-когнитивных (НБИК) технологий – генно-модифицированный, с вживленными в него чипами, искусственными органами, обменивающийся информацией исключительно через интернет, станет подчинённым придатком гаджета-дивайса.

Если на основе производственных (High-Tech) технологий преобразовывается окружающая природная и техническая среда, с помощью управленческих (High-Hume) технологий совершенствуются социальные отношения, то НБИК-технологии нацеливают на изменение сознания, поведения и природы самого человека. И это уже не проект будущего, это сегодняшняя реальность, создаваемая информационными платформами «большой пятерки» крупнейшего IT-бизнеса: Microsoft, Apple, Amazon, Facebook, Google, Alphabet (Google в 2015 г. вошел в международный холдинг Alphabet; Facebook поменял название на Meta-Вселенная). Уже видны контуры создаваемого ими технологически и продвигаемого ультраглобалистами политически «информационного строя», в котором главным ресурсом становится человек, причем, как отмечает А.И. Фурсов, «не в качестве тела, как при рабовладении, и не в качестве приложения к земле, как при феодализме, а как социально-духовное, социально-гомогенное целое, человек как целостное существо в единстве целей, ценностей и потребностей, которые формулируются, навязываются, отчуждаются и контролируются властелинами новых «колец всевластия» – поведенческих» [1, с. 3].

Трансгуманизм является логичным завершением этической системы западной цивилизации. Христианское признание личного диалога с Богом переросло в католический субъективизм и крайний протестантский индивидуализм. Западный человек из первоначального «венца творения» стал «властелином мира». Протестантизм с его принципом жесткого божественного предопределения утвердил идею спасения в мирской работе, деятельности

на земном поприще. «Прометеев человек», убежденный протестантской трудовой этикой, преобразовывает и покоряет природу, окружающую среду, другие страны, людей, мир. Он – предприниматель, реформатор – модернизирует окружающий его мир и в конце концов и себя. Права и свободы для западного человека имеют потребительский, инструментальный смысл, это то, что ему должны дать, а он – взять, получить, иметь. Такова основа западного либерального индивидуализма. С точки зрения немецкого мыслителя В. Шубарта, западный базовый архетип – это герой-завоеватель, считающий своей миссией господство над миром [2, с. 10]. Именно западная цивилизация осуществила у себя модернизацию, превратившись в современное материалистическое технократическое общество, и господствуя над остальным традиционным миром, стала навязывать всем свои ценности.

Противодействие западной цивилизации и её ценностям должно осуществляться на цивилизационной арене с опорой на противоположные цивилизационные ценности.

Мировоззрение общерусской цивилизации и в ведически-языческом, и в православном, и даже в атеистическом контексте теоцентрично, одухотворено божественным, распознает Бога везде (пантеизм, Бог в природе), вольно-невольно признает его даже отрицанием, в случае атеизма. Как писал Ф.И. Тютчев, «не то, что мните вы природа, не слепок, не бездушный лик, в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». Если западный человек в диалоге с Богом укрепляет свой индивидуализм, то русский человек понимает божественную вседержительность и подчиняется Богу, а значит и его земным проявлениям. Подчиняется коллективу, власти (власть-собственность), необходимости общественного служения. Поэтому сначала не права, а долг, обязанности. Согласно В. Шубарту базовый архетип русского человека – мессианский, призванный освящать мир. Он тоже герой. Но его героизм в другом. Это герой-освободитель (змееборец), спасающий мир от зла. Китайский базовый архетип – гармоничный человек, конфуцианский «благородный муж» (цзюнь цзы), поддерживающий порядок, живущий в согласии с миром. Индийский базовый архетип – аскетический, ушедший от мира, «танцующий Шива», «космический танцор», постигающий тайны Вселенной. Базовый архетип исламской цивилизации – теократический человек, Воин ислама, борец за Аллаха с неверными [2, с. 10]. В перечисленных архетипах в отличие от западного, нет идеи покорения мира и господства над ним. Есть идея улучшения мира, освобождения его от зла, согласия с миром, постижения мира и т.д.

В западной цивилизации главенствуют материальные ценности, мораль успеха. Транслируемый Западом виртуальный образ культуры – это потребительское общество, шоу-бизнес, массовая культура, права человека, демократия. В русской и восточных цивилизациях преобладают духовные ценности. Стержень морали: в русском понимании – служение, в индийском – благоговение перед жизнью, в китайском – золотая середина, в исламском – путь

воинов Аллаха. В этих цивилизационных кодах сформировались известные проверенные принципы: власть выше собственности, служение выше владения, справедливость выше закона, общее выше частного, духовное выше материального. Это ценности традиционного, а не западного модернизированного общества. В виртуальном мире символический капитал традиционных национальных культур, их религиозных и этических систем пока уступает виртуальному натиску Запада и транслируемого им трансгуманизма.

Общерусская цивилизация в приверженности ценностям традиционного общества в большей степени сходна с восточными цивилизациями, но не сводима к ним. Если обратиться к философской триаде «материя – информация – мера», то западная цивилизация предстает как материалистическая цивилизация (материя), восточные – это духовные цивилизации (информация). Общерусская цивилизация является цивилизацией меры. Важно не просто постигать мир, вписываться в него, но и способствовать его улучшению, противодействовать деструктивным тенденциям.

Залогом настоящего и будущего развития Республики Беларусь конституция провозглашает опору на культурные и духовные ценности многовековой истории.

*Список литературы:*

1. Фурсов, А. Храм биоцифры. О глобальных трансформациях современного мира и человека / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Зиновьевский клуб. – Режим доступа: <http://zinoviev.info/wps/archives/6853/>. – Дата доступа: 29.01.2022.
2. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М.: Русская идея, 2000. – 443 с.

## **ПРАВОСЛАВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА (XIX В.)**

*П.В. Шевкун*

*Витебск, Витебский государственный  
медицинский университет*

Важнейшим фактором включения православной церкви в модернизацию социальной системы Российской империи была сфера образования. Ускорение социального развития, посредством стимулирования личностно окрашенных парадигм поведения, при неизменности политической системы, основанной на монополии аристократии на власть в виде абсолютизма, ставило сферу образования в авангард указанного процесса. Церкви в этом отводилась центральная роль, поскольку именно она обладала необходимыми ресурсами в виде образованного сословия – духовенства и разветвлённой системы приходов, объединявшей всё население государства. В свою очередь, и православной церкви требовалось выработать некое

индивидуализированное видение православного вероисповедания с целью укрепление конфессионального сознания верующих в условиях меняющейся социальной реальности.

В связи с этим перед церковью стояли следующие задачи: подготовка духовенства в соответствии с предъявляемыми социальными требованиями; повышение религиозного образования прихожан путём катехизации и религиозного просвещения; непосредственное участие и, по возможности, руководство общеобразовательными начинаниями государства. Конфессиональная ситуация на белорусских землях империи предлагала дополнительные стимулы в решении стоящих задач. Несмотря на то, что привилегии православной церкви были закреплены законодательно и выход из общины запрещался, тем не менее, в конкуренции с католичеством полагаться на этот фактор было недостаточно. Он никак не определял выработку личностно окрашенного отношения к вере, увеличивая категорию православных, которые тяготились своей конфессиональной принадлежностью. Также необходимо отметить и фактор национального строительства, который в рассматриваемое время, хотя и не влиял на поведение масс, но уже определял мировоззрение образованной элиты православной общины региона. Она предъявляла к церкви определённые требования, соответствовать которым было необходимо, так как в руках интеллектуалов концентрировались СМИ и сфера высшего и среднего светского образования.

Решение выделенных задач на протяжении рассматриваемого времени было не равнозначным. В первой четверти XIX в. речь шла скорее о формировании системы духовного образования, в рамках которой возможно простое воспроизводство духовенства, отвечавшего минимальным требованиям, принятым в православной церкви империи. Во второй четверти XIX в. не столько сама церковь, сколько государство выдвигало особые требования к духовенству, рассматривая последнего в качестве фактора некоторой интенсификации социальных отношений. Изменение конфессиональной карты региона путём ликвидации униатства, произошедшее в это время, непосредственно не повлияло на роль образования в православной жизни. Тем не менее, именно в это время были сделаны первые шаги к формированию личностно окрашенных парадигм веры. Период конца 1850 – 1870-х гг. характеризуется чётко фиксируемыми модернизационными тенденциями. Перед православной церковью региона возник ряд вызовов на внутрицерковном, межконфессиональном, общественном и государственном уровнях, ответом на которые должен был стать переход к современному уровню религиозности (основана на личностно окрашенном отношении к вере).

Основные события в сфере духовного образования на первом этапе начались 21 апреля 1805 г. указом Св. Синода о заведении при церквях приходских училищ для детей духовно и церковнослужителей [1, л. 3–5]. С 1808 г. стали проводить наиболее значимые мероприятия в сфере

духовного образования. Было определено устройство всех 4 типов духовных учебных заведений: приходских училищ, уездных училищ, семинарий, академий. Минская епархия была включена в Киевский духовно-учебный округ, а Могилевская – в Санкт-Петербургский. Полный шестилетний курс семинарий состоял из трех двухгодичных классов: класс словесных наук, к некоторым присоединялась всеобщая история; класс философских наук с присоединением математики и физики; класс богословских наук, с присоединением церковной истории [1]. Собственно реорганизация духовных учебных заведений произошла в Могилёвской и Минской епархиях в 1817 г. Так, в Минской епархии из состава семинарии были выделены приходское и уездное училища [3, л. 33 об.– 35, 39 об.].

На втором этапе 1 марта 1839 г. вместо самостоятельной Комиссии духовных училищ создали Духовно-учебное управление при Св. Синоде. Регламентации подверглась процедура поступления и учебный процесс. Обер-прокурор хотел, чтобы священники «умели снисходить к понятиям простого народа и вразумительно беседовать с ним», быть полезными крестьянам в «их житейских делах». В мае 1840 г. сократили общеобразовательные и ввели «новые предметы, полезные в общежитии, как-то: науки естественные, начала медицины и сельское хозяйство». В семинариях стали создавать подготовительные классы для кандидатов в священники, чтобы они «имели средства ближе ознакомиться с обязанностями онога, под руководством просвещённого и опытного наставника и под надзором местного Архиерея» [4, с. 59, 62–64].

Наиболее значимые события третьего этапа пришлось на 1867 г., когда были утверждены новые уставы духовных училищ и семинарий. Учебные заведения стали всеобщими. В семинариях вводился шестиклассный курс обучения. Изменения затронули и учебную программу. Из семинарского курса исключалось 10 учебных дисциплин: естественная история, сельское хозяйство, медицина, православное исповедание, учение о богослужбных книгах, герменевтика, библейская история, патристика, обличительное богословие, учение о русском расколе. Взамен вводились: обзор философских учений, педагогика и один из новых языков. Считалось, что педагогика «предмет более необходимый для будущих пастырей и учителей народа» к «усилению благотворнаго влияния духовенства на народное образование» [5, л. 1, 1 об.]. Теоретический курс словесности был дополнен курсом истории русской литературы. Увеличилось время на изучение богословских дисциплин.

Устав 1867 г. внёс изменения и в административное устройство семинарий и училищ. Они подчинялись непосредственно епархиальным архиереям. Также Устав вводил в духовных семинариях коллегиальность в принятии решений и выборное начало. В семинариях избирались: ректор,



инспектор, преподаватели, члены правления, библиотекарь, врач, эконом, секретарь правления, почетный блюститель по хозяйственной части.

Была изменена система управления духовными учебными заведениями. Упразднялось Духовно-учебное управление. Для обсуждения важнейших учебных вопросов при Св. Синоде создавался Учебный комитет, который занимался исключительно учебно-воспитательными вопросами духовного образования и фактически являлся постоянно действующим совещательным органом при Св. Синоде. Устав 1867 г. уничтожил деление семинарий по учебным округам и административную власть академий по отношению к семинариям [6].

Также при семинариях создавались воскресные школы. В них преподавали ученики старших классов семинарии под руководством преподавателя педагогики. Не без трудностей воскресные школы были открыты при всех белорусских семинариях. К основным трудностям, по рапортам белорусских архиереев, относились «отсутствие наставника педагогики», «желающих обучаться ... небольшое число», нехватка книг, «руководств и прочих материалов»[5, л., 77–80, 85–87].

Таким образом, на протяжении XIX в. духовное образование прошло три этапа на пути модернизации, которые, с большего, соответствовали правлениям российских императоров: Александра I, Николая I и Александра II. Их магистральными направлениями было: участие церквей в процессе социальной модернизации общества империи, как структуры, обладавшей необходимыми ресурсами для этого и разветвлённой системой коммуникации, способной донести необходимую информацию до каждого подданного; собственно церковная линия по выработке личностных парадигм религиозного поведения в быстро менявшемся и всё менее соответствовавшем религиозным представлениям обществе. К этому относилась унификация системы образования, наряду с предоставлением больших свобод в организации преподавания, введение курса педагогики, использование духовенства в системе общего образования, увеличение времени на изучение богословских дисциплин.

Беларусские епархии, как часть православной церкви империи, принимали непосредственное участие в этих процессах. Однако здесь они проходили со своими особенностями, обусловленными ключевой ролью государства в сохранении положения церкви в регионе, сравнительно малым православным населением городов и преобладанием среди православных бывших униатских верующих. В результате этого, процесс выработки личностных парадигм веры был существенно затруднён и излишне политизирован, что негативным образом отразилось в начале XX ст. не только на позициях самой православной церкви империи, но и на экспансии белорусской национальной идеи в различные сегменты белорусского общества.

*Список литературы:*

1. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 3021. – Оп. 1. – Д. 312а.
2. Восович, С.М. Реализация реформы духовного образования начала XIX в. в Беларуси. – 2001. – Режим доступа :[http://www.hramvsr.by/7km4tenia\\_vosovi4.htm](http://www.hramvsr.by/7km4tenia_vosovi4.htm). – Дата доступа : 10.10.2022.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Фонд 550. – Д. F.XVIII.37.
4. Извлечение из отчёта по ведомству духовных дел православного исповедания за 1850 г. – СПб. : Тип. Св. Прав. Синода, 1851. – 151 с.
5. Российский государственный исторический архив. – Фонд 796. – Оп. № 7. – Д. № 801.
6. Яновская, В.В. Учебные заведения православного духовного ведомства в Беларуси в 60 – е гг. XIX в / В.В. Яновская, С.М. Восович. – 2001 г. – Режим доступа : <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/6501/60-4.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа : 11.10.2022.

## IV. СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФОКУСЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

---

### ВОССОЕДИНЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИИ – ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЕХА НА ПУТИ ЕЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Т.И. Адуло  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси

Предваряя дальнейшие рассуждения по обозначенной теме, остановимся, прежде всего, на содержании ключевых понятий. *Интеллектуальный потенциал* (ИП) – это *наличные возможности* формирования и развития интеллекта коллектива, нации, государства, блока государств. Но под ИП можно понимать *наличный, имеющийся интеллект*, т. е. то, что в литературе обычно представляют как интеллектуальный капитал. На наш взгляд, в исследованиях можно ограничиться понятием «интеллектуальный потенциал», поскольку понятие «интеллектуальный капитал» ассоциируется с «вещными», рыночными отношениями, и в силу этого как бы принижает интеллект.

Более важным представляется разграничение интеллекта и духовности. В гносеологическом плане интеллект органично связывается с разумом и продуктами его деятельности; духовность, напротив, с психикой человека в целом. Таким образом, *интеллектуальный потенциал* – это сгусток мыслительных потенций индивидов какого-либо коллектива, нации, государства, мирового сообщества в целом, выступающий в надындивидуальной (обезличенной) форме, обладающий способностью преобразовывать природу и самого человека. Это сгусток надындивидуального сознания как живущих, так и ушедших из жизни людей, оставивших для потомков результаты своего мышления в виде зафиксированных в тексте или же объективированных в конкретных предметах идей. *Духовность* в светском понимании есть не что иное, как «социальный феномен, аккумулирующий жизнеутверждающие, гуманные идеи, установки, цели, потребности, моральные, культурные и религиозные ценности индивида, общественных групп, человечества в целом» [1, с. 472]. Следовательно, в рамках авторской трактовки, интеллект по сравнению с духовностью несколько уже по своему объёму, но весомее в эпистемологическом плане и в технологическом аспекте.

К основным, уже устоявшимся *критериям* уровня ИП нации, можно отнести следующие: уровень развития национальной науки; степень развитости системы образования (именно она служит основным инструментом формирования интеллекта нации); качество производственной базы

и степень её организации, позволяющей продукты мыслительной деятельности человеческого мозга воплощать в конкретные объекты – здания, машины, технологии, программы и т. п.; наконец, степень развития интеллекта каждого отдельного индивида, поскольку из этих, на первый взгляд, обособленных, но в то же время органично взаимосвязанных социальных атомов, и состоит нация (государство).

На основании этих критериев и статистических данных приходим к заключению, согласно которому Восточная Беларусь по своему интеллектуальному потенциалу значительно превосходила Западную Беларусь. Например, в Западной Беларуси было только 58 гимназий и лицеев, высших учебных заведений вообще не было [2, с. 136], т.е. сложившаяся система образования (и можно ли её называть ещё системой?) не позволяла развивать интеллект и белорусов, и самих поляков. Но в первую очередь белорусов, поскольку их уровень жизни был гораздо ниже по сравнению с уровнем жизни поляков. Следовательно, воссоединяясь с Западной Беларусью, Советская Беларусь (БССР) не захватывала и не присваивала себе ИП Польши. Напротив, сделала всё возможное для того, чтобы в максимально сжатые сроки нарастить ИП западных областей и довести его до уровня восточных областей Беларуси.

Свершившееся воссоединение белорусского народа позволило выходцам из Западной Беларуси войти в интеллектуальное пространство БССР и СССР, а также воспользоваться сформированной уже в Советской Беларуси и в СССР системой образования и за счёт этого активно формировать индивидуальный интеллектуальный капитал. Таким путем возвращался субъект (носитель) интеллектуального капитала в Западной Беларуси.

Почему невысоким был интеллектуальный потенциал Западной Беларуси? Во-первых, образование требовало огромных финансовых затрат. Во-вторых, в Западной Беларуси профессиональные кадры не готовились отчасти и потому, что они не были востребованы в хозяйстве. Мелкие крестьянские хозяйства обеспечивались лошадиной тягловой силой, ручным трудом и не нуждались в научных и технологических разработках. Крупные землевладельцы использовали низкооплачиваемый крестьянский труд и тоже в них не нуждались, как и в высококвалифицированных специалистах.

Было бы ошибочным взаимосвязь интеллектуальных потенциалов Восточной и Западной Беларуси рассматривать как однонаправленный процесс, лишь как позитивное влияние первого на второй. Можно привести много фактов, показывающих как выходцы из западной Беларуси в дальнейшем активно работали на интеллектуальный потенциал БССР. Но благодаря тому, что им была предоставлена возможность творчески развиваться, созданы необходимые для этого условия, в том числе предоставлены рабочие места. При этом следует отдать должное выходцам из Западной Беларуси. Социальный статус образованного человека они высоко ценили, а поэтому чрезмерно ответственно относились к учёбе.

В заключение, считаем нужным остановиться на вопросе об онтологической основе исторического воссоединения белорусского народа. Нередко в литературе отстаивается мнение о насильственном воссоединении белорусов. Это не так. Не только с восточной, но и с западной стороны предпринимались попытки воссоединения. И важно прояснить мотивы борьбы за воссоединение белорусов. Большинство исследователей видят лишь этническую основу воссоединения и оперируют понятием белорусская нация. Для этого есть серьёзное основание, поскольку ведущим слоем общества Западной Беларуси, выступающим за воссоединение, всё-таки были этнические белорусы. Но за воссоединение выступали представители и других этносов края. Чем это было вызвано? Полагаем, что, прежде всего, их привлекал новый общественный строй, характерный для Восточной Беларуси. Они видели, как там постепенно в позитивном ключе изменялись общественные устои – уходили в прошлое паразитирующие классы, владевшие огромными угодьями, а вслед за тем, уходили в прошлое и условия, позволяющие эксплуатировать человека, в гуманном ключе реформировались семейные отношения, серьёзные изменения наблюдались в сфере культуры – стало доступным образование для народных масс, а не только для избранных, что было характерно для Польши, складывалась система охраны здоровья граждан: бесплатное медицинское обслуживание, доступность оздоровительных учреждений, массовое физкультурное движение и т. д. Несомненно, этническая база являлась определяющим фактором. Известный белорусский оперный певец Забейда-Сумицкий в своих сольных программах на европейских сценических подмостках традиционно исполнял «Маю дудку», «Лявониху» и тем самым будоражил общественное сознание белорусов. Однако само социальное бытие с его коллизиями и антагонизмами, характерными для Западной Беларуси, ещё в большей мере возбуждало общественное сознание, толкало и белорусов, и украинцев, и поляков, и литовцев на неприятие наличного социального зла, т. е. существующих общественных устоев, унижающих человека, связывало их чаяния с более гуманной социальностью. Таким образом, онтологическая база воссоединения – это не только этнические основания, а социальное бытие Западной Беларуси той исторической эпохи в целом.

*Список литературы:*

1. Адуло, Т.И. Духовность / Т.И. Адуло // Республика Беларусь : Энциклопедия: В 6 т. – Т. 3. – Минск: БелЭН, 2006. – С. 472–473.
2. Западная Белоруссия (статистический справочник). – Минск : Издание Госплана при СНК БССР и УНХУ БССР, 1939. – 143 с.

## ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БССР В 20-Е ГГ. XX В.

*Н.М. Боярцонок  
Витебск, Витебский государственный университет  
имени П.М. Машерова*

В 20-х и в первой половине 30-х годов еврейская культура переживала новый виток развития. Открывались новые культурные учреждения: театр, библиотеки, галереи. Были открыты еврейские начальные и средние школы, педагогические техникумы и училища, еврейское отделение в БГУ, секция иудаики в Академии наук. Появлялись и выходили в печать периодические издания еврейских газет и журналов, работали книжные издательства.

Тем не менее, исследователи Института еврейской культуры испытывали сложности в своей работе. Их обязывали не уклоняться в своих работах от тем, которые не имели связи с их сферой научных интересов: война с религией, критика буржуазного мировоззрения, культура национальная и пролетарская, помощь коммунистическим партиям соседних стран. Исследователи, которые обходили подобные темы, обвинялись в национализме.

Существенное влияние на культуру населения оказывали еврейские библиотеки, открытые при советской власти. В этих библиотеках можно было получить книги на идише и на иврите. Вскоре с изменением политики в отношении еврейского языка книги на иврите перестали выдавать. Работа библиотек была хорошо организована ее работниками. При отсутствии нужной книги в данной библиотеке ее можно было заказать в межбиблиотечной сети. Стоит упомянуть о еврейском отделе при Белорусской государственной публичной библиотеке имени В.И. Ленина, библиотечный фонд которого насчитывал свыше 40 000 книг. В читальном зале можно было также прочесть журналы и газеты, поступавшие из других республик Советского Союза. Иностранная периодика выдавалась в закрытом отделе по особому разрешению. С начала 20-х годов в Минске существовали 3 крупных еврейских библиотеки. Кроме того, в библиотеках при каждом клубе можно было получить еврейскую книгу и газету.

В Центральной городской еврейской библиотеке имени И.Л. Переца насчитывалось 6928 книг. В библиотеке при Центральном доме комсомола насчитывалось 2250 книг на идише. При Центральном еврейском партийном клубе имени В.И. Ленина – 2500 книг на идише [3].

В 20-е и 30-е годы еврейские деятели культуры уделяли много внимания развитию театра. В клубах, летних садах профсоюзов, в школах работали драмкружки, с увлечением ставившие пьесы еврейских классиков и инсценировки. Большим успехом пользовался спектакль «Эс фидлт нит»

(«Не играет скрипка») по пьесе Шолом-Алейхема. В 1921 г. делаются попытки создать еврейский профессиональный театр.

В 1926 году драматическая студия приехала в Минск из Москвы и стала Государственным еврейским театром Беларуси. 15 октября того же года состоялось его первое выступление на сцене Первого Белорусского государственного драматического театра. Вскоре театр получил здание ранее закрытой хоральной синагоги на улице Володарского. Главный режиссер и актерский коллектив театра видели основную задачу в полноценном осуществлении своих художественных возможностей. Для этого репертуар театра должен был состоять из пьес, духовно богатых по содержанию. Театр часто выезжал на гастроли в местечки и города Беларуси [7, с. 12].

В 1929 году в Минске была открыта еврейская хоровая студия под руководством композитора С. Полонского, состоявшая из 55 певцов. Для этой студии писали музыку, кроме самого Полонского, композиторы И. Любан, Эмерман (Минск), Л. Пульвер (Москва), Шейнин (Киев), Вильнер (Ленинград). Студия выступала с концертами в Минске и в других городах Беларуси.

В религиозно-образовательной сфере с начала 20-х годов в Беларуси стали происходить качественные изменения. Партийное руководство взяло курс на закрытие духовно-религиозных школ и синагог. В сентябре 1918 года Государственный комитет по просвещению издал приказ, запрещающий занятия в хедерах. В апреле 1921 года этот приказ был подтвержден Народным комиссариатом просвещения. В сентябре 1921 г. Народным комиссариатом просвещения был издан специальный приказ, запрещающий деятельность хедеров и иешив [5, с. 45].

В конце 1921 года проводились суды над учителями хедеров в Полоцке, Мозыре и других городах Беларуси. 26 мая 1922 года издан указ белорусского правительства о закрытии хедеров. Евсекция выступила с заявлением о том, что еврейское население не только не подчиняется приказу о закрытии хедеров и иешив, но открывает в городах и местечках новые хедеры и иешивы [6, с. 45]. Предполагалось, что в процессе закрытия еврейских религиозных школ будут в кратчайшие сроки созданы светские еврейские образовательные учреждения, но для такого перехода потребовалось создание новой материально-технической базы.

Период с нач. 20-х и нач. 30-х гг. считается расцветом еврейской культуры, которая внесла значительный вклад в историю Беларуси.

#### *Список литературы:*

1. Газета «Дер векер» (Будильник). 1921. 7 сентября. «Дер векер» от 22.01.1922 г., «Октябрь» от 19.01.1927 г. и 15.01.1930 г.
2. Зингер, В. Еврейское население СССР в таблицах и диаграммах / В. Зингер. – Таблица 24. – М., 1930.
3. Киржиц, А. Еврейская периодическая печать в СССР (1917–1927) / А. Киржиц. – Минск, 1928.

4. Розин, А. Еврейское население в Минске в период 1917–1941 / А. Розин. – Минск – город и мать. Т. 2. – С. 73.
5. Смиловицкий, Л. Л. Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг. Сборник статей / Л.Л. Смиловицкий. – Минск: «Арти-Фекс», 199. – С. 45.
6. Шкуцько, Л. Л. Барацьба з традыцыйнай яўрэйскай адукацыяй у Савецкай Беларусі ў 20–30-я гг. ХХ ст. / Л. Л. Шкуцько, М. М. Сакалоў // Актуальныя праблемы станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці: да 90-годдзя ўтварэння БССР : матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 27 лют. 2009 г. : у 2 ч. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ; рэдкал.: А.І. Андарала [і інш.]. – Мінск, 2009. – Ч. 2 : Гісторыя беларускай дзяржавы (1919 г. – пачатак ХХІ ст.). – С. 38–40.
7. Яўрэйскі дзяржаўны тэатр БССР // Чырв. Беларусь. – 1932. – № 1. – С. 12–13.

**ПРИВЛЕЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ АРХИВНЫХ ФОНДОВ,  
ОТРАЖАЮЩИХ ПОЛИТИКУ УНИЧТОЖЕНИЯ  
МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ  
СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД  
НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ 1941–1943 ГОДОВ  
КАК СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

*К.В. Купченко*

*Смоленск, Смоленская государственная сельскохозяйственная академия,  
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте России;*

*Н.В. Никитина*

*Смоленск, Смоленский государственный университет*

На протяжении 2021–2022 годов в регионах России (Новгородская, Псковская, Ростовская, Ленинградская области, Республика Крым, Санкт-Петербург и др.) прошли судебные процессы по признанию преступлений нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны в отношении мирного населения геноцидом советского народа. В тоже время, в мировой политике, даже на уровне ООН, можно наблюдать тенденции по некоторому нивелированию трагических событий военной эпохи, призывам к псевдопримирению со вчерашним врагом и потомками палачей.

Вместе с тем, становящиеся доступными ранее закрытые архивные фонды, свидетельства очевидцев, выявляемые места военных преступлений оккупантов и их коллаборационистов предоставляют новую основу для предотвращения пересмотр истории и итогов как Великой Отечественной войны, так и Второй мировой, отрицания преступлений против человечества и военных преступлений, совершенных в то время.

Преодолению разрешению данной проблемы способствует привлечение в научный, публикационный оборот документарных источников. Именно массовое привлечение материалов архивных фондов, отражающих



политику уничтожения мирного населения при нацистской оккупации, способствует сохранению исторической памяти. И материалы по Смоленскому региону и территориям, ранее входящие в его состав, непосредственно укладываются в означенную концепцию.

Но, за послевоенное время на Смоленщине было издано всего несколько сборников документов. Одним из первых был выпущен сборник документов о зверствах немецко-фашистских захватчиков на Смоленщине после освобождения региона, основанный на данных отделения НКВД по Смоленской области [3, 4]. В 2003 г. к 60-летию освобождения области от немецко-фашистских захватчиков Архивным управлением Смоленской области были изданы сборники материалов [1, 5], написанных на основе анализа документов, хранящихся в смоленских архивах и рассекреченных в период со второй половины 80-х до середины 90-х годов XX века. К 75-летию Победы вышел сборник «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область» [2], включающий архивные документы о преступлениях нацистов и их пособников, подтверждающие факт геноцида против мирного населения на оккупированной территории РСФСР, в том числе и Смоленской области, в годы Великой Отечественной войны.

Основная масса документов характеризовала преступления захватчиков на территории области и проблемы, связанные с оккупационным периодом в истории Смоленщины.

В общей сложности материалы по региону периода 1941–1945 гг., включая трофейные документы, размещены в 13 архивохранилищах, в 82 фондах: Российский государственный архив социально-политической истории (Ф. 69. Оп. 1), Центральный архив Министерства обороны РФ (Ф. Ф. 208. Оп. 2526; Ф. 500, оп. 12462), Центр хранения историко-документальных коллекций, документальный фонд Центрального музея Вооруженных Сил, Государственный архив российской Федерации, Государственный архив новейшей истории Смоленской области (Ф. 8. Оп. 8; Ф. Р-44. Оп. 2), Центральный архив ФСБ России (Ф. К-72. Оп. 1) и др.

Вместе с тем, анализ региональной архивной базы по теме преступлений в отношении мирного населения на территории Смоленской области в период 1941–1943 годов выявил определенные проблемы для исследования.

Прежде всего – это минимальное количество источников, имеющих отношение к самому началу войны.

Данная особенность характерна для всех регионов нашей страны, подвергшихся вражеской оккупации и оказавшихся в зоне боевых действий [6]. Документы частей и соединений, оказавшихся в окружении, содержащие в себе основной пласт информации, погибли. Смоленские архивы содержат минимальный объем документов, как правило, статистического характера, содержащих материал о жизни советского общества в период лета-осени

1941 г. Исключение составляют материалы областного управления НКВД по Смоленской области, которые находились на особом хранении.

В этой связи особый интерес представляют материалы фонда Р-1630 Государственного архива Смоленской области (ГАСО) «Смоленская областная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям» (Создана 12 марта 1943 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. Прекратила деятельность в 1945 г.). Фонд, разбитый на две описи, содержит 579 единиц хранения с 1941 по 1946 годы. Материалы фонда включают распоряжения и директивы комиссии, доклады и справки о ее деятельности, докладные записки о состоянии районов после освобождения от оккупации, акты расследования злодеяний и учета ущерба, причиненного гражданам и народному хозяйству области в годы войны, сводные статистические сведения об учете злодеяний и ущерба по сельсоветам, районам, области, сведения о жертвах нацистского режима, списки лиц, угнанных в немецко-фашистское рабство, списки концлагерей и других мест принудительного содержания военнопленных и мирных граждан, находившихся на территории области (информации об узниках не имеется).

Восполнить утрату документов из других источников по многим вопросам не представляется возможным. Все, чем располагают исследователи – это информация очевидцев, военнослужащих, вышедших из окружения, эпизодические сведения, поступавшие в штаб фронта, документы противника.

Названные архивные и опубликованные материалы дают возможность определить и проанализировать основные события и явления Великой Отечественной войны на примере Смоленской области. Раскрыть общие и отличительные особенности отдельных процессов и явлений.

Часть документов архивных фондов использовались при реализации историко-просветительского проекта «Помни о нас...», посвященного памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов, постояльцев домов престарелых и инвалидов, врачей-евреев, не успевших эвакуироваться с территории Смоленской области и убитых в период нацистской оккупации региона в 1941–1943 годах [более подробно ознакомиться с материалами проекта можно на его официальном сайте – [www.nsvictims.ru](http://www.nsvictims.ru)].

В 2021 году проект реализовывался как стендовый фонд мобильной выставки, создания ее каталога в регионах России и Смоленщины в том числе.

Но на уровне Смоленской области были исследованы данные преимущественно по крупным объектам преступлений нацистов и коллаборационистов: уничтожение домов инвалидов в г. Дорогобуж, пос. Крутицы (Исаково), г. Гжатск (Гагарин). Материалы были привлечены фрагментарно, согласно концепции стенда для выставки.

Практически не охваченным остался вопрос уничтожения пациентов домов инвалидов в Демидове, Медынском районе.

Полностью лакунарным является отражение судьбы детского дома с особенностями психического развития (г. Шумячи).

Факты данных преступлений не отражены ни в «Книге Памяти Смоленской области», ни в соответствующих разделах проекта «Без срока давности».

Исследование региональных архивохранилищ показало, что они содержат многочисленный и разнообразный материал, позволяющий в сочетании с документами центральных архивов значительно расширить источниковую базу Великой Отечественной войны, внести детализацию и определенные коррективы в общие концептуальные подходы в изучении темы.

Но в тоже время, привлеченные архивные и опубликованные материалы дают возможность определить и проанализировать основные события и явления Великой Отечественной войны на примере Смоленской области, раскрыть их общие и отличительные черты. Документы позволяют воссоздать чудовищную картину уничтожения мирного населения, в том числе и инвалидов на оккупированных территориях. Террор носил системный характер, он дополнялся произволом и полной безнаказанностью немецких войск и оккупационной администрации по отношению ко всем категориям мирных жителей захваченных районов СССР.

#### *Список литературы:*

1. «...Все судьбы в единую слиты...» По рассекреченным архивным документам. – Смоленск, 2003.
2. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. О.В. Иванов; сост. С.В. Карпова. – М.: Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле Музеон, 2020. – 656 с.: ил.
3. Зверства немецко-фашистских захватчиков. Документы, вып. 10. – М.: Воениздат, 1943.
4. Не забудем, не простим: Сб. документов о зверствах немецко-фашистских захватчиков на Смоленщине. – Смоленск, 1945. - 63 с.
5. Смоленская область. Книга Памяти мирных жителей. – Смоленск: Смядынь, 2005.
6. Шерстнев, В. Трагедия сорок первого. Документы и размышления. – Смоленск, 2005.

## АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОБЫТИЯ И ИСТОРИОСОФИИ

Д.В. Малахов  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси

Исторические события, к которым обращаются феноменология и историософия, не являются рядовыми, обыденными; это события, которые потрясают основания общества, имеют далеко идущие культурные и социально-политические последствия, они существенным образом изменяют образ человека, стремятся выявить и обосновать его истинное предназначение в высшем смысле этого слова. Экстраординарный характер данных событий подразумевает как невозможность их редукции к уже известным формам исторических обобщений и типологий, так и обращение к той степени сложности, которую исходно предполагает *феноменологическая* работа, связанная со смыслоположением подобных событий.

По мнению К. Романо *экстраординарное* событие, изменяющее векторы исторического развития и ценностные ориентиры личности и социума, в смысловом плане всегда революционно, а на уровне оппозиции фактичности и смысла оно также *диалектично* в высшем напряжении философской рефлексии. При этом привычные для исторического познания процедуры конструирования предмета как системно организованной иерархии комплексов исторических фактов и каузально выводимых из них закономерностей исторического развития оказываются весьма проблематичными. Событие предстает как в качестве объективного исторического факта, так и *учредителя* собственного смысла, не опирающегося ни на один предшествующий ему исторический факт и выявленный смысл [3, с. 72]. Событие, понятое таким образом, не столько исторично, сколько *историософийно*, поскольку закладывает, формирует фундаментальные смыслы также и самой истории.

Замечание об уникальности смысла экстраординарного исторического события представляется существенно важным в свете нашей собственной необходимости осуществления философско-мировоззренческой рефлексии как конституента исторической памяти. Определенные исторические события, как показывает время и социокультурная парадигма развития современного белорусского государства, предстают не только в качестве учредителей своего собственного смысла, но и в качестве смысла, тела и ценностного средоточия историчности белорусской государственности и белорусского общества как таковых. В связи с этим возникает вопрос: какая интеллектуальная форма может рассматриваться в качестве нашего собственного акта сохранения мышлением того «трепетного благоговения перед первым началом», его «уникальности» [4, с. 58]?

В настоящих тезисах мы рассматриваем интеллектуальный акт сохранения события как живого присутствия в социуме и личности в связи с коррелятивным феноменологическим и историософским контекстом актуализации исторической памяти как *познания смысла* исторического события. Вследствие этого историософия выступает формой философского осмысления предельных ценностных, нравственных, онтологических и теологических оснований исторического процесса и экстраординарных исторических событий, влияние которых на мировоззрение отдельных мыслителей и социальных общностей является весомым, определяющим.

В данном контексте специфически историософское обращение к *смысловым, духовным* основам историчности человеческого бытия видится нам легитимным, перспективным и исключительно плодотворным в философском отношении. В нем сосредоточена внутренняя драма и сложная диалектика раскрытия смысла исторического бытия человека и бытия духа, в котором *София* исторического события в контексте понимания смысла самой истории, без которого она «идет автоматически и превращается в блеклое описание, ни к философии, ни к истории, как правило, отношения не имеющее» [2, с. 67], раскрывается в качестве единой драмы истории общества, народа и Духа как события, для собственного бытия и мышления *необходимого* и удостоверяемого в жизненных актах. Объективность историософских допущений подразумевает в данном случае специфическую форму рассмотрения, относимую нами к традиции феноменологической философии. В этом типе философствования отдельные интенции надления смыслом исторического события изначально устанавливаются в качестве дорефлексивных намеков, допущений, свидетельств, предзнаваний истины, но во всех перечисленных формах – интенций *сущностных*, позволяющих проникнуть в смысл событий помимо процедур каузальных редукций к уже известным формам исторической фактичности и событийности.

Не секрет, что в белорусском обществе историческая память сосредоточивается в основном на событиях 1941–1945 годов. Действительно, трудно спорить с тем, что такие события, как Великая Отечественная война, огненные деревни, нацистские лагеря смерти, Холокост могут рассматриваться как определяющие новое начало человеческого бытия. События эти носят фундаментальный характер для общественного исторического сознания. Вместе с тем, они являются относительно новым предметом собственно философских исследований, хотя интуиция говорит нам, что их философское осмысление является важнейшим ценностно-мировоззренческим рефлексивным актом мышления, в которых формы актуализации исторической памяти предстают в качестве *жизнеутверждающего* акта в пространстве социума.

Проводимые в Беларуси исторические исследования о еврейских гетто, еврейских партизанских отрядах, «Марше Жизни», в котором отрядом под командованием Николая Киселева в 1942 г. из зоны немецко-фашистской оккупации были выведены и спасены сотни долгиновских евреев [1], имеют колоссальную научную и общечеловеческую ценность, но,

с нашей точки зрения, сами по себе не могут инициировать феноменологические, т.е. присваивающие событиям значения на имманентном уровне сознания, *смыслополагающие акты*, в которых современное сознание узнавало бы собственные содержания и переживания.

Для того, чтобы можно было говорить о действительном восприятии события Холокоста современным белорусским сознанием как события близкого и для актуализации исторической памяти о Великой Отечественной войне конститутивного, необходимо научиться видеть в нем историчность собственного бытия, вскрыть *сущностную*, а не только хронологическую и пространственно-географическую связь с национальными трагедией и подвигом в годы Великой Отечественной войны, а это уже историософская проблема по существу.

В данном ключе историософия предстает в качестве смыслового конститутивного элемента актуализации исторической памяти, представляя неотъемлемую и глубоко разработанную форму рефлексии в русской и белорусской духовно-нравственной и религиозно-философской традициях, что позволяет сделать для нас более понятными и близкими фундаментальные интенции феноменологии события, основываясь на *собственном* опыте осознания смысла истории.

*Список литературы:*

1. Герасимова, И. Марш жизни. Как спасали долгиновских евреев / И. Герасимова. – М. : Издательство АСТ, 2016. – 352 с.
2. Неретина, С.С. Бердяев и Флоренский: о смысле исторического / С.С. Неретина // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 67–83.
3. Романо, К. Авантюра времени. Три эссе по феноменологии события / К. Романо. – М. : РИПОЛ-классик, 2019. – 220 с.
4. Хайдеггер, М. Вклады в дело философии. От события / М. Хайдеггер // 'Ερμηνεία (Герменейя). Журнал философских переводов. – 2009. – № 1. – С. 56–94.

## **ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА**

*Н.О. Плющакова  
Могилёв, ГУО «Средняя школа № 32 г. Могилёва»*

Тема исторической памяти и государственной идеологии, как и тесно связанные с ней вопросы национального наследия, традиций, самосознания, национального возрождения, с неожиданной остротой встали в нашем обществе в последние десятилетия, явившись закономерным следствием распада Советского Союза и образования на его месте молодых независимых государств, в которых – и наша страна не стала тут исключением – началась активная работа по поиску своих национальных корней и истоков государственности. И порой чем более смутными и неопределёнными были эти корни, тем напряжённее были изыскания по их

выявлению и прояснению, превращавшиеся сплошь и рядом в откровенное мифотворчество, имевшее крайне отдалённое отношение к историческим исследованиям и к науке вообще.

Ярким примером подобных подходов явилось творчество белорусского историка и писателя Николая Ермоловича, многие исторические построения которого – небесспорные, мягко говоря, с научной точки зрения – стали краеугольным камнем определённого направления новейшей белорусской историографии и оказывают немалое влияние на историческое сознание некоторой части белорусской интеллигенции. Под видом разоблачения советских «мифов» Ермолович по сути создал новую, хорошо продуманную и выверенную, подкреплённую многочисленными аргументами (по большей части сомнительного свойства) национальную мифологию, в идеалистическом и романтическом духе трактующую вопросы происхождения белорусов как нации и возникновения белорусской государственности. При этом безоговорочно отвергался и отбрасывался как нечто негодное и безнадежно устаревшее тезис советской и, шире, марксистской – а в какой-то мере и вообще традиционной позитивистской – науки о нации как сложившейся на определённой территории общности людей с единой культурой, традициями, языком, психическим складом, в процессе складывания которой решающую роль играют экономические факторы. Всё это для Ермоловича и его последователей не очень существенно и отнюдь не является определяющим. Экономика, как и в целом материальные факторы, для них не главное. Главное – национальный дух, главенствующая идея, вдохновляющая и ведущая нацию в продолжение всей её истории по пути к величию и процветанию. [1, с. 131]. И пусть путь этот не всегда ровен и гладок, не усыпан розами, а напротив, довольно часто изрезан ухабами и рытвинами, затрудняющими движение вперёд, само это движение неуклонно и неостановимо, а цель его неизменна и рано или поздно достижима. А нация – не обусловленная экономическими причинами общность, как утверждают материалисты, а живой организм, единое целое, на протяжении всего своего существования одушевлённое и вдохновлённое великой идеей, владеющей всеми её представителями без исключения, вне зависимости от класса, возраста, пола, религиозных и политических убеждений.

Подобные взгляды не новы, и Ермолович далеко не первый, кто их исповедует. Это определённый тренд в мировой науке, получивший особенно активный отклик в постсоциалистических странах, научная общность которых рьяно избавляется от марксистского прошлого, порой, образно говоря, вместе с водой выплёскивая и младенца, то есть многое ценное и содержательное, что было наработано предшествующими поколениями учёных. Всё это без достаточно убедительных оснований объявляется устарелым и непригодным для новых задач и целей, стоящих перед современной наукой. Что, кстати сказать, по-своему логично

и оправданно, поскольку методы достижения целей должны соответствовать самим этим целям.

Но, быть может, сторонники подобных взглядов и подходов не так уж неправы? Может быть, в их теориях есть определённое рациональное зерно, позволяющее более широко, всесторонне и свободно, без навязчивого давления жёсткого экономического детерминизма, рассмотреть проблему возникновения и развития наций и в целом весь комплекс проблем, связанных с национальным вопросом? Может быть, нация – это действительно не результат длительной, проходящей несколько больших этапов, исторически обусловленной и закономерной эволюции этнической общности, последовательно проходящей сложный, многообразный путь развития от рода и племени к более крупным и устойчивым объединениям, а некий идеологический конструкт, произвольно, а порой и искусственно создаваемый правящими элитами в своих политических целях [2, с. 31]?

Как бы там ни было, нельзя не признать, что в истории практически любого народа есть переломные моменты, своего рода реперные точки, важнейшие, эпохальные события, заставляющие различные, порой разрозненные и даже враждующие между собой части населения сплотиться, консолидироваться ради достижения общей цели, оставляющие в коллективной народной памяти глубокий отпечаток и на долгое время определяющие основы национального самосознания. Как правило, это события, связанные с отражением иностранной агрессии или глубокими, революционными преобразованиями в жизни общества. Так было, например, в Древней Греции в период греко-персидских войн, когда жители разных греческих полисов, никогда не испытывавшие взаимной симпатии, соперничавшие и воевавшие друг с другом, в условиях нависшей над страной угрозы завоевания и порабощения забыли на время о своих длившихся веками противоречиях и распрях, преодолев недоверие и подозрения, объединили свои силы для отпора общему врагу и впервые ощутили себя не афинянами и спартанцами, коринфянами и аркадцами, а в первую очередь эллинами, сыновьями и дочерьми одной страны, нуждающейся в их помощи и защите. И не тускнеющая со временем память о героях Фермопил и Саламина, отстоявших в неравной борьбе свободу и независимость Родины, вот уже две с половиной тысячи лет является для греков вдохновляющим примером народного единения, неиссякаемым источником национальной гордости, помогавшим греческому народу сохранять мужество и надежду в самые тяжёлые и мрачные периоды своей истории. Другой, не менее яркий пример – Франция времён Столетней войны, когда жители различных областей страны – нормандцы и бретонцы, гасконцы и шампанцы – в длительной совместной борьбе с иноземным вторжением впервые почувствовали себя прежде всего французами, единой нацией с общей историей, культурой, языком, традициями, национальными интересами и целями. Примерно то же самое произошло с войнами русских княжеств, до этого веками изнурявших себя в бесконечных



кровавых междоусобицах, когда в 1380 г., одержав легендарную победу на Куликовом поле, они возвращались домой с осознанием неразрывного единства всех русских людей [3, 60].

Не являются ли подобные точки высшего напряжения, пассионарного взрыва народной энергии и патриотизма исходным пунктом рождения нации? Или, по крайней мере, мощным толчком к началу либо более стремительному развитию этого закономерного исторического процесса, который так или иначе проходят все более или менее значительные этносы, не важно даже, имевшие либо не имевшие своей государственности. На этот вопрос можно ответить скорее утвердительно. Подобные события играют роль, используя выражение Маркса, «локомотивов истории», подталкивающих исторический прогресс, в частности, в такой сложной и специфической его сфере, как этногенез.

Таким образом, только таким – естественным, исторически обусловленным, закономерным – путём происходит процесс возникновения и формирования наций, а на этой основе – формирование исторической памяти народа и идеологии государства. Путь этот, как правило, трудный, драматический, подчас мучительный, далеко не всегда прямолинейный, чреватый задержками, остановками, а то и временными откатами вспять, но в конечном итоге неизбежный и неотвратимый.

#### *Список литературы*

1. Основы идеологии белорусского государства: Учеб. для вузов/ под ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 2004. – 690 с.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории. Е М., 1990.
3. Яскевич, Я.С. Человек и общество. Вопросы и ответы: Справочное пособие. Е Мн., 2001.

## **ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК СОБЫТИЕ ОБЩЕГО ПРОШЛОГО В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН**

*В.Н. Ракачев, Д.Н. Ракачев  
Краснодар, Кубанский государственный университет*

В условиях современного общества обращение к исторической памяти является чрезвычайно важным и актуальным, особенно в фокусе информационной войны. Устоявшиеся исторические схемы подвергаются переосмыслению и переоценке. Наиболее интенсивно эти процессы происходят в республиках бывшего Советского Союза, где конструируется новая национально-государственная идентичность и изучению национального прошлого отводится ведущая роль. В этом плане интересен

и полезен опыт России и Беларуси, которые формируя национальную политику, в то же время сумели в трактовке ряде исторических периодов сохранить определенный консенсус. К числу таких событий относится Великая Отечественная война.

Представления о войне сохраняются и воспроизводятся на разных уровнях и находят свое отражение в историческом сознании и памяти белорусов и россиян. Изучению данной темы посвящены ряд работ российских и белорусских ученых: И.Л. Мерзлякова, А.А. Линченко, Э.В. Овчинникова [1], В.И. Филоненко, Л.А. Штомпель, А.С. Магранов., О.М. Штомпель, М.А. Никулина, М.В. Ткачев [2], Н.А. Сосновской [3] и др.

В рамках проведенного нами социологического исследования были опрошены представители молодого поколения двух стран на предмет знаний о Великой Отечественной войне и отношения как собственно к событиям военной эпохи, так и к тем практикам и мероприятиям, которые связывают с войной современников. Исследование проведено среди студентов двух вузов Кубанского государственного университета (Краснодар) и Белорусского государственного технологического университетов (Минск) в апреле–мае 2021 г. Выборочная совокупность представлена двумя группами студенческой молодежи: российской (N=2032) и белорусской (N=233). В исследовании наряду с когнитивно-содержательным компонентом исторической памяти (знаниями и представлениями о событиях Великой Отечественной войны) определялся также эмоционально-ценностный компонент, включающий отношение молодых людей к этому событию, его оценки и интерпретации.

Несмотря на значительное временное удаление, Великая Отечественная война имеет значительный отклик и эмоциональную окраску у молодежи двух стран, вызывая такие чувства как волнение, сопереживание, а также сожаление о жертвах и неприятие войны в целом как явления. Чувства волнения и сопереживания возникают у 87,1% белорусов и 94,8% россиян, принявших участия в исследовании, когда они говорят о войне, смотрят фильмы и слушают музыку связанные с войной.

90,2% российских и 73,8% белорусских респондентов испытывают гордость за победу, а также 93,4% и 94,4% соответственно сожалеют о жертвах войны и выражают стойкое неприятие войны как явления в целом.

В числе основных причин победы 92,9% опрошенных в России и 84,5% в Беларуси выделили мужество и героизм народа. Также немало значимым видится молодым людям такой фактор как верное руководство военачальников и государственных деятелей. Примерно половина респондентов в Беларуси – 54,5% и 72,5% в России указали эту причину как первоочередную. Важное значение, по мнению 36,9% россиян и 42,1% белорусов, имела ресурсная база страны, без которой победа на их взгляд была невозможна. Значимый вклад союзников в победу над фашизмом указали 41,2% в Беларуси и 36,3% в России.

Основным источником информации, формирующим у современной молодежи знания и представления о событиях военного прошлого, по мнению респондентов является школа. К числу других каналов получения информации они отнесли: непосредственное общение с живыми свидетелями, ветеранами, детьми войны, кинематограф, СМИ, исторические компьютерные игры по тематике Великой Отечественной войны.

Сравнение оценок белорусских и российских студентов с одной стороны показывает сходную картину, а с другой некоторые различия, в том числе в эмоциональной оценке: в российской выборке больше присутствует героические составляющие, в белорусской – трагические, в российской также шире знакомство с ресурсами сети Интернет содержащих материалы о участниках и героях Великой Отечественной войны. Более активное участие белорусских респондентов в компьютерных играх о Великой Отечественной войне, обусловлена, по всей вероятности, и тем, что одним из лидеров разработки компьютерных игр о Второй мировой войне на мировом рынке является белорусская компанией «Wargaming».

*Статья подготовлена в рамках совместного российско-белорусского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом», реализуемого при финансовой поддержке РФФИ № 20-59-00017/20 и БРФФИ № Г20Р-227.*

#### *Список литературы:*

1. Мерзлякова, И.Л. Об историческом сознании современной студенческой молодежи / И.Л. Мерзлякова, А.А. Линченко, Э.В. Овчинников // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 89–96.
2. Филоненко, В.И., Великая Отечественная война в представлениях учащихся вузов: формирование российской гражданской идентичности (анализ результатов социологических исследований): монография / под общ ред. В.И. Филоненко; Южный федеральный университет. – Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2015.
3. Сосновская, Н.А. Историческая память о великой отечественной войне: поколенческий анализ /Н.А. Сосновская// Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г.Минск, 26-27 сентября 2019 г. / ред. кол.: Коршунов Г.П. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск: ООО «СУГАРТ», 2019. – С. 261–265.

## **V. ДУХОВНЫЙ МИР СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

---

### **ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ КАК ОСНОВА ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ**

*Ю.М. Аникина, Е.В. Быков, О.Л. Карпова  
Челябинск, Уральский государственный  
университет физической культуры*

Правовая социализация молодежи обусловлена в современных условиях рядом факторов. Одним из приоритетных выступает сегодня духовно-нравственное развитие личности. Особенно явно этот воспитательный вектор актуализируется в кризисные периоды, когда утрачиваются ценностно-смысловые ориентиры, изменяется общественное сознание и т.п. За последние годы в России появился ряд нормативно-правовых документов, регулирующих вопросы духовно-нравственного развития личности как основы правовой социализации обучающихся. Так, одним из целевых показателей, характеризующий достижение национальных целей согласно Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» является «создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций». В то же время, следует отметить, что, несмотря на высокую значимость данной проблемы, требуют разработки и научного обоснования содержательно-смысловые характеристики духовно-нравственного развития личности как основы правовой социализации студентов вуза.

Правовую социализацию студента мы рассматриваем как процесс вхождения индивида в мир конкретных социальных взаимоотношений и интеграции личности в различные типы социальных общностей через усвоение правовых знаний и норм, духовно-нравственных ценностей, на основе которых формируется активная жизненная позиция и выстраивается социально приемлемое поведение [2]. При этом, в качестве основы правовой социализации в исследовании выступает духовно-нравственное воспитание молодежи.

Раскрывая содержательно-смысловые характеристики духовно-нравственного развития личности, следует, прежде всего, остановиться на социально-психологических особенностях и проблемах социализации этой возрастной группы. В исследованиях К.А. Абульхановой [1], А.М. Езиева [4] и др. ученых, к таким особенностям отнесены следующие: поиск смысла

жизни; недостаток социального опыта; чувствительность к социальным изменениям; желание самоутвердиться; формирование «Я-концепции», собственной системы ценностей и моральных приоритетов и др. Помимо этого, следует отметить и такую особенность студенчества как чувствительность к социальным изменениям, что может приводить к социальной дезориентированности и психологической растерянности. Среди возможных проблем ученые А.М. Езиева, Д.Х. Накохова и М.Д. Напсо отмечают также: противоправность действий, пренебрежение своей безопасностью и безопасностью окружающих, формирование рискованного поведения, социальная дезориентированность и др. [4, с. 70–75]. Учитывая данные особенности, а также вероятность возникновения проблем, связанных с правовой социализацией, задачей института образования является их минимизация и создание необходимых условий для интеграции молодежи в единое экономическое, политическое и социокультурное пространство.

Основываясь на ключевых положениях аксиологического и деятельностного подходов, а также на проведенном нами сравнительно-сопоставительном анализе психолого-педагогических источников [1–5], были определены содержательно-смысловые характеристики духовно-нравственного развития личности студента вуза как основы его правовой социализации: 1) насыщение образовательной среды аксиологическими смыслами на основе диалогового пространства; 2) актуализация правового мировоззрения студента посредством рефлексии социальных норм; 3) повышение самоорганизации и развитие инновационного потенциала молодежи путем включения в научно-исследовательскую, общественную и проектную деятельность.

Раскрывая первую характеристику, мы опирались на аксиому о том, что в воспитательном процессе диалогические методы занимают ключевую позицию. Как верно отмечают Н.А. Асташова, С.К. Бондырева и А.П. Сманцер, «диалоговое пространство – жизненная среда, в которой переплетаются разные события, проблемы и противоречия, сталкиваются мнения людей, их представления и оценки. Разнородные компоненты такого пространства могут взаимодействовать, противопоставляться и требовать к себе особого внимания, но поскольку «диалог» – это множество разных смыслов, то в его пространстве предполагается равноправное взаимодействие, совместный поиск решения проблемы, симбиотическое обсуждение спорных вопросов, наличие выбора, выяснение особенностей сложившейся ситуации» [3, с. 47]. Как показывает практика, только получив реальный опыт ведения конструктивного диалога, уверенности в своих выводах и мыслительных изысканиях, формируется стабильная правовая позиция. В таком диалоговом пространстве, наполненном аксиологическими смыслами, студент отработывает варианты правомерного поведения, межличностного взаимодействия, в результате чего происходит интериоризация правовых ценностей и актуализация правового мировоззрения.

Существенное значение при актуализации правового мировоззрения студента имеют рефлексивные процессы. Мировоззрение – это целостная система взглядов на мир и свое место в нем. Исходя из этого, приоритетная задача образования – воспитание целостной личности, обладающей правосознанием и правовой культурой, умеющей самостоятельно принимать решения и нести за них ответственность, способной к успешной правовой социализации. Инициированные преподавателем рефлексивные процессы способствуют постоянному наращиванию истинного знания благодаря расширению у студента картины мира, самопознанию, поиску истины, пониманию и переосмыслению имеющегося опыта.

Важное значение, как показывает опыт, имеет повышение самоорганизации и развитие инновационного потенциала молодежи. Это во многом осуществляется благодаря вовлечению обучающихся в общественную и спортивную жизнь вуза, инициированию научно-исследовательских проектов и др. [5, с. 152–155]. В результате такого рода активности и самоорганизации происходит интериоризация духовно-нравственных ценностей (стремление к саморазвитию, гуманность, терпение, долг, совесть, толерантность к неопределенности, ответственность, умения взаимодействовать с другими людьми и др.), имеющих значимость для формирования правовой социализации личности.

Таким образом, проведенное нами исследование позволило определить ключевое основание правовой социализации студентов вуза – духовно-нравственное развитие личности. Выявленные и обоснованные содержательно-смысловые характеристики духовно-нравственного развития личности представляют собой методологические ориентиры в формировании правовой социализации студентов. Именно в таком образовательном пространстве, наполненном аксиологическим контекстом, представляется реализация национального приоритета – духовно-нравственного воспитания молодежи.

#### *Список литературы:*

1. Абульханова, К.А. Социокультурные и психологические проблемы социализации молодежи : монография / К.А. Абульханова и др. – М. : МГПУ, 2019. – 298 с.
2. Аникина, Ю.М. Ценностно-ориентирующие технологии содействия правовой социализации личности студентов вуза / Ю.М. Аникина, О.Л. Карпова [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология. – 2021. – Т. 9. – № 1, <https://mir-nauki.com/PDF/13PDMN121.pdf> (дата обращения : 3.03.2022).
3. Асташова, Н.А. Развитие аксиосферы будущего педагога в диалоговом пространстве современного образования / Н. А. Асташова, С. К. Бондырева и А. П. Сманцер // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 7. – С. 32–67.
4. Езиев, А.М. Социально-психологические особенности современной молодежи / А.М. Езиев, Д.Х. Накохова, М.Д. Напсо // Педагогика. – 2018. – № 10. – С. 70–75.
5. Коломиец, О.И. Организация воспитательной деятельности в УралГУФК / О.И. Коломиец, Н.В. Аксенова, Е.В. Быков, Д.К. Плачи // Система менеджмента качества в вузе : здоровье, образованность, конкурентоспособность : сб. науч. тр. – Челябинск : УралГУФК, 2018. – С. 152-155.

## СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Е.Л. Буслаева*

*Москва, Московский государственный  
лингвистический университет*

Проблема цифровой социализации является одной из актуальных проблем педагогики и психологии, но и современного общества в целом. Процесс социализации детей в современном обществе имеет существенные отличия. С первых дней детей окружают взрослые, которые активно взаимодействуют в интернет-пространстве: находят необходимую информацию, проводят конференции, совершают покупки, общаются с другими людьми. Современные цифровые технологии стали неотъемлемыми атрибутами жизни общества. Сегодняшние дети родились в век информационных технологий, и не представляют свою жизнь вне этого пространства, становясь с раннего детства активными зрителями, а потом и пользователями. Цифровая среда вызывает большой интерес детей уже с раннего детства. Уже в пяти-шестилетнем возрасте дети приобщаются к компьютеру, планшету, смартфону и активно усваивают их. Они получают огромное количество информации посредством электронных ресурсов. Усвоение информационных технологий, нового языка, новых технических устройств идёт легко, быстро, поскольку мозгу ребенка свойственна пластичность. Информатизация и цифровизация изменили механизмы формирования личности. Их влияние привело к возникновению новых социально-психологических феноменов, проявляющихся в общении, новых форм взаимоотношений и поведения. Информатизация и цифровизация общества выдвигают системе образования и воспитания новые требования, связанные с необходимостью выработки новой концепции психосоциального развития детей и подростков в цифровом пространстве.

Социализация – это процесс усвоения и воспроизведения общественного опыта, норм, ценностей. Результатом социализации является личность, обладающая необходимыми знаниями и умениями социального взаимодействия.

Киберсоциализация предполагает качественные изменения в структуре личности под воздействием и с использованием индивидом информационных и компьютерных технологий коммуникации.

Цифровая социализация понимается как процесс овладения и присвоения индивидом социального опыта посредством инфокоммуникационных технологий, в онлайн-контекстах [4].

В младшем школьном возрасте идет формирование первых представлений об окружающем мире. Эти познания являются основой социального

развития ребенка [1]. В системе отношений «ребенок–взрослый–окружающая действительность» происходит своеобразная трансформация, где роль посредника между ребенком и обществом занимает информационная цифровая среда, выступающая фактором социализации. Наличие разнообразных источников информации, естественно, расширяет возможности расширения кругозора, знакомства и усвоения социального опыта, но ребенок младшего школьного возраста ещё не умеет переосмысливать получаемую информацию и вследствие этого воспринимает её некритично.

Важнейшим средством социализации выступает общение, социальный смысл которого заключается в передаче общественного опыта. Общение с другими людьми определяет поведение человека, его деятельность, его отношение к миру и к себе. Развитие цифровых технологий повлияло на нормы, ценности и содержание межличностной коммуникации. Вместо реального межличностного общения отдается предпочтение взаимодействию в формате цифрового общения.

Е.П. Белинская, С.В. Бондаренко, А.Е. Войскунский, В.В. Гудимов, А.Е. Жичкина, Л.Ю. Иванов и другие авторы в своих работах анализировали специфику социализации и общения в Интернет-пространстве.

Общение в виртуальной среде дает возможность нахождения друзей и единомышленников. Особенно это актуально для детей, имеющих затруднения в установлении реальных контактов. Благодаря виртуальному общению такие дети не чувствуют себя одинокими, приобретают определенный опыт в построении взаимодействия. Но полноценное формирование личности возможно только при непосредственном взаимодействии с окружающим миром и людьми, принимающими эмоциональное участие в его жизни, которые помогут приобрести навыки социального взаимодействия.

В младшем школьном возрасте меняется социальная ситуация развития ребенка, меняется его социальный статус, происходят изменения в выстраивании взаимоотношений со взрослыми и сверстниками [2]. Меняются цели, функции, формы, содержание и стили общения. Только процесс реального общения, включающий различные стили, формы и содержание, позволит ребенку научиться рефлексировать, и как следствие, поможет в преодолении трудных коммуникативных ситуаций. Общение с виртуальными собеседниками в Интернет-пространстве или общение посредством гаджетов снимают многие коммуникативные барьеры, но не способствуют приобретению навыков эффективной коммуникации в реальном общении.

Под влиянием мировых цифровых технологий изменили нормы межличностной коммуникации и факторы социализации человечества в целом, и детей, в частности. По мнению И.И. Зарецкой, содержание и результат процесса социализации детей младшего возраста заключается не в адаптации, а в интеграции ребенка в окружающую среду [3].

Следовательно, показателями социализации детей младшего школьного возраста в условиях информатизации является возможность их



интеграции в цифровое пространство, эффективность которого зависит от системного и целенаправленного формирования у них цифровых компетенций. Именно на обеспечение эффективности протекания процесса социальной интеграции детей, как составной части социализации, необходимо направлять психолого-педагогические усилия и воздействия.

*Список литературы:*

1. Буслаева, Е.Л. Цифровизация общества как фактор психического и психосоциального развития младших школьников / Е.Л. Буслаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2020. – № 2(835). – С. 159–172.
2. Власова, Н.В. Развитие ценностно-смысловой сферы на различных этапах формирования личности / Н.В. Власова // Психологическое благополучие современного человека : Материалы Международной заочной научно-практической конференции, Екатеринбург, 20 марта 2019 года / Уральский государственный педагогический университет; ответственный редактор С.А. Водяха. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2019. – С. 60–65.
3. Зарецкая, И.И. Инновационный подход к управлению процессом социализации через новые функции воспитания / И. И. Зарецкая // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2015. – № 6. – С. 6–12.
4. Солдатова, Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г.У. Солдатова // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 71-80. – DOI 10.17759/sps.2018090308.

## **СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

*Н.В. Власова*

*Москва, Московский государственный  
психолого-педагогический университет*

В эпоху цифровизации и стремительного развития информационных технологий проблемы коммуникации, безопасности и информированности в интернет-пространстве становятся настолько злободневными, что начинают привлекать повышенное внимания педагогов, психологов, социологов и других ученых. Интернет вторгся практически во все сферы общественной жизни и уже стал неотъемлемой ее частью. Результаты исследования киберпространства как принципиально нового социального института позволяют однозначно утверждать, что Всемирная сеть в значительной степени влияет на систему ценностей, норм, установок, поведение людей, в первую очередь – подростков и молодежи.

В настоящее время граница между реальным и виртуальным мирами стирается; процесс коммуникации трансформируется таким образом, что та часть виртуальной жизни, о которой раньше говорили как об особом мире,

сейчас становится частью нашей повседневности. Наряду с огромным количеством позитивных сторон, которые вносит цифровизация в жизнь современного человека – преимущества в поиске информации, быстрота и доступность контактов, повышение эффективности работы при одновременном снижении трудозатрат и т.д., можно выделить наиболее важные, которые существенным образом затрудняют, а в некоторых случаях – и препятствуют – полноценной адаптации и социализации человека.

Так, проведенные нами исследования показали, что в период самоизоляции, вызванной пандемией новой коронавирусной инфекции, культура и нормы поведения в интернете заметно изменились. Более 70% респондентов подросткового возраста заявили, что в этот период они подвергались кибербуллингу. В то же время в допандемийный период лишь 32% подростков встречались с данным явлением в отношении себя. Также дети отмечали, что на их взгляд, в карантинный период в общении, реализованном посредством различных мессенджеров, появилось значительно больше элементов раздражения, агрессии заметно выросло распространение ложной и вводящей в заблуждение информации [1, с. 227].

В подростковом возрасте процесс социализации приобретает наиболее важное значение. Именно в этом возрасте ребенок усваивает морально-нравственные правила, вырабатывает собственные жизненные смыслы и ценности, которые затем реализует в своем поведении, межличностном общении, формируя целостность и идентичность собственной индивидуальности. При этом, как отмечает И.А. Черненко, «одним из важнейших факторов социализации личности в информационном обществе становится медиакультура» [3, с. 109]. Следовательно, современный медиаконтент, который реализуется в киберпространстве, способен оказывать на формирование личности ребенка наиболее значимое влияние. Так, по данным социологического исследования Э.И. Рудковского, основным источником получения информации для современной молодежи являются социальные сети и популярные мессенджеры, в то же время другие СМИ имеют значение лишь для менее чем третьей части опрошенных респондентов [2, с. 113].

Таким образом, основным источником формирования личности, ее социализации все больше становятся идеи, ценности, этические, нравственные и профессиональные стандарты, которые транслируются, популяризируются, а иногда и навязываются через Интернет. В таких условиях киберсреда может стать как источником просоциальной направленности, с актуализацией и формированием гуманитарных ценностей, основанных на уважении и доброжелательности по отношению к другим, свободе и самореализации личности, так и ресурсом для пропаганды идей асоциального характера, безнравственности, лжи и экстремизма. Учитывая, что социализация подростков – это процесс многофакторный, включающий в себя формирование идеалов, норм поведения, принципов и методов достижения целей, навыков, умений и знаний, важно отслеживать ту среду,

где непосредственно он осуществляется – киберпространство. Следовательно, основной проблемой в адекватной и успешной социализации подростков в информационном пространстве должно стать формирование конструктивной модели профилактики, которая позволит обеспечить информационную безопасность ребенка.

В то же время меры, предпринимаемые правоохранительными структурами в разных странах и связанные с ограничением доступа к опасным и вредоносным интернет-ресурсам, хотя и необходимы, тем не менее не являются достаточными для противодействия их влиянию. Наиболее важным аспектом социализации подростка посредством киберпространства как в психологическом, так и в философском смысле является воздействие как на индивидуально-психологические особенности современного подростка, так и на внешние средовые условия, в которых осуществляется данный процесс формирования личности. Так, оказывать влияние на личностные особенности ребенка можно посредством повышения его медиакультуры. Одной из возможностей такого развития является формирование цифровой компетентности, благодаря которой подросток сможет не только быстро овладевать новыми технологиями и интернет-ресурсами, но и получит возможность критически оценивать получаемую информацию, уметь определять ее достоверность, противодействовать манипулированию. Следующим фактором формирования медиакультуры выступает развитие навыков самореализации в киберпространстве. Здесь необходимо создавать максимально большее количество ресурсов, которые позволят подростку удовлетворить свои потребности в сфере самых разных интересов и склонностей. Данный формат позволит ребенку сформировать и развить навыки в области искусства и творчества, обогатит его коммуникацию, путем общения со сверстниками, разделяющими его интересы, а также обеспечит возможность реалистично оценивать себя и других.

Более сложной задачей представляется формирование позитивных, просоциальных внешнесредовых факторов. Это во многом зависит от социальных, экономических, политических и моральных ценностей общества. Как следует из практики, интернет является сообществом с разнонаправленными целями, смыслами, категориями и оценками. Так, популярные у подростков медиа-личности, блогеры, лидеры общественного мнения часто становятся неоспоримыми кумирами, идеалами и привносят в жизнь ребенка пропагандируемые ими ценности. Следовательно, популяризация в обществе идей гуманизма, пропагандирование высоких критериев морали и нравственности, веры в идеи добра и справедливости, развитие культурных и эстетических ценностей, помогут создать в процессе социализации подростка духовно-нравственные идеалы, опираясь на авторитет личностей, способные их сформировать.

Таким образом, социализация современных подростков в условиях информационного общества характеризуется высокой степенью

зависимости от влияния разнонаправленных тенденций в киберпространстве: от позитивных и творческих до асоциальных и деструктивных. В связи с этим, для формирования полноценной социальной и личностной зрелости подростка необходимо уделять повышенное внимание как созданию просоциальных внешнесредовых факторов, так и повышению медиакультуры ребенка.

*Список литературы:*

1. Власова, Н.В. Особенности поведения в конфликте подростков с разной гендерной идентичностью / Н.В. Власова, Е.Л. Буслаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. – № 4 (837). – С. 225–239.
2. Рудковский, Э.И., Особенности социализации молодежи в условиях информационного общества / Э.И. Рудковский // Ученые записки УО ВГУ имени П.М. Машерова: сб. науч. трудов. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – Т. 35. – С. 112–115. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/33566>.
3. Черненко, И.А., Медиаобразование как фактор социализации личности в условиях перехода к информационному обществу / И.А. Черненко // В сборнике: Медиакультура и медиаобразование в поликультурном обществе // Сборник научных статей по материалам Всероссийской научной заочной конференции с международным участием. Южный филиал Российского института культурологии. 2014. – С. 109–115.

## **МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**

*Н.Е. Захарова  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Молодежь является объектом изучения всех социогуманитарных наук: философия, психология, педагогика, демография, социология проявляют к ней неизменный интерес. Это связано с ростом социально обусловленных требований общества к высокой квалификации молодежи, ее гражданскому самосознанию, умению самостоятельно и творчески мыслить, правильно оценивать ситуацию, брать на себя ответственность и т. д. В рамках Организации Объединенных Наций определена специфика положения молодежи в современном обществе, сформулированы основные направления деятельности государств и общественных организаций по социальной защите интересов молодежи, разработаны ее права и оценены возможности. В настоящее время молодежь во всем мире является значительной и быстро растущей по численности социальной группой.

И если общество подвержено ряду рисков, связанных с трансформацией социально-экономических отношений, кризисом традиционной культуры, экологическими, технологическими и информационными вызовами,

то молодежь имеет продиктованный спецификой ее возраста, психологии, культуры ряд присущих ей проблем, которые также являются социальными рисками. Помимо того, современное общество предъявляет повышенные требования к молодежи, а сама молодежь становится все более требовательной и активной в отношениях с обществом.

В Республике Беларусь проживает 1,5 млн человек в возрасте 15–30 лет – это 16,5 % от общей численности населения [5]. Современная белорусская молодежь может считаться одной из проблемных групп общества, которые претерпевают внутренние изменения и постоянное усложнение взаимосвязей и отношений со всеми элементами социальной, политической и других общественных структур. Молодежные проблемы не существуют сами по себе, они органично вплетены в самую плоть социального развития [2, с. 5].

Поиск адекватных концепций развития социокультурного пространства в начале XXI в. сопровождается возрастающей потребностью современного социума в качественных образовательных услугах, развитии культуры, социально-экологической устойчивости как адаптации социокультурного пространства к современным социально-экономическим, культурным, технологическим основаниям. Поэтому концепция социокультурного пространства выступает из теоретических ориентиров в выборе альтернативных путей развития молодежной политики государства.

Социальные, экономические, политические, информационно-культурные перемены последних десятилетий в максимальной степени затрагивают молодежь, как социальный и духовный ресурс развития общества. С одной стороны, наблюдается рост социально-культурного творчества различных групп и слоев молодого населения, которое активно участвует в становлении институтов гражданского общества. Расширяется спектр культурных инициатив за счет развития молодежных объединений, движений, клубов, ассоциаций, формируются новые жизненные стили, стереотипы мышления, способы освоения социального пространства [8].

С другой стороны, не всегда концептуально обоснованные преобразования вызвали целый комплекс проблем, характеризующих неблагоприятные социальные условия и психологическое самочувствие молодежи, которая помимо своей воли оказалась в роли жертвы прошлого и заложника проводимых (или не проводимых) социально-политических и экономических преобразований. На фоне всех общественных изменений молодежь оказалась сегодня одной из самых самой социально уязвимых групп населения. Наблюдается снижение социально-профессионального статуса молодежи, выросла доля низко-статусных и маргинальных групп молодежи. Эмпирические исследования фиксируют явное противоречие между стремлением молодежи к рынку и растущим пониманием невозможности включиться в рыночные отношения, соблюдая декларируемые обществом требования. Происходит отток молодежи за границу для получения работы

и образования. Большая доля молодых людей работает не по специальности, около 20% не имеют возможности повысить квалификацию, 30% - повысить реальную зарплату и продвинуться по службе.

Значительная часть молодых людей испытывает существенные материальные и психологические затруднения, с трудом интегрируется в «свободную» экономику, скептически и пессимистически настроены по отношению к своему будущему. Резкая поляризация молодежной среды по материальному положению вызывает рост индивидуализма в его наиболее острых проявлениях. Идет ломка устоявшихся взглядов и стереотипов, растет правовой и нравственный нигилизм, индивидуализм в его наиболее крайних формах выражения (насилие, агрессивность, вандализм). Все большее распространение получает катастрофический тип сознания (И.М. Ильинский), утверждается философия выживания «здесь и теперь» [1]. Именно молодежь чаще всего составляет почву для социальных конфликтов [2; 3].

Поскольку задачи безопасного устойчивого развития социума связаны с качеством молодежи, на первый план выходит обеспечение комплекса условий развития личности. Параметрами социокультурного пространства являются сотрудничество, совместная деятельность, взаимодействие при условии активной деятельностной позиции всех субъектов социальной, культурной и педагогической деятельности [6]. Базисным компонентом социокультурного пространства выступает территория, которой свойственен специфический комплекс социальных и культурных отношений, видов деятельности, локальных практик. Необходимость выделения регионального социокультурного пространства в качестве предмета исследования определяется возрастанием роли малых социальных сообществ в больших социальных процессах. Внутренний мир человека зависит не только от общих материальных, политических и социальных отношений в пределах всего общества, но в значительной степени от конкретных условий, системы ценностей, традиций и правил, которые существуют в данной малой группе.

Так, к примеру, в городской среде наблюдается смешение разных культур, где отсутствует жесткая формализованная структура, имеют преимущество неформальные, нерегламентированные социальные отношения. В этих отношениях наличествует широкий диапазон разнообразных форм общения, сложная многоуровневая система контактов, а это влияет на характер и содержание работы не только городских учебных заведений, но и на условия становления и развития личности молодого человека, который живет в этом пространстве [7, с. 104]. С позиций гуманистической парадигмы важным является прежде всего комплекс условий становления социокультурного пространства, в которых происходит становление личности.

Социальное развитие молодежи связано с основными этапами ее творческого роста в культурно-досуговой деятельности. Первоначально заложенные в ней возможности изменяются в соответствии с личностным

смыслом молодого человека. Развитая личность, как отмечал С.Л. Рубинштейн, есть развитая сущность исходной сущности человека. Определяющие детерминанты этого процесса, очевидно, заложены не в каких-то одних потенциалах, а в их совокупности, включающей деятельность, культуру, индивидуальность и духовный мир личности. В них немалую роль играют инициативно-творческие образования, молодежная и юношеская субкультуры, непрерывно взаимодействующая с макросредой и создающая самостоятельную канву для вхождения в нее [4]. Не случайно многие авторы считают, что молодое поколение само формирует свой социум [3; 6].

Таким образом, возрастает актуальность разработки приоритетов и технологий молодежной политики, отвечающей реальным вызовам и угрозам молодому поколению. Необходимо критическое осмысление теоретических разработок и рекомендаций в области совершенствования молодежной политики, созданных в ином/предыдущем социокультурном контексте. Необходимо определить специфику, условия и механизмы оптимизации социально-культурной интеграции молодежи в обществе перед лицом культурных, технологических, экологических и информационных вызовов и разработать технологию формирования и реализации молодежной политики.

*Список литературы:*

1. Кон, И.С. Психология ранней юности / И.С. Кон. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.
2. Кондратьева, Я.В. Проблемы социальной работы с молодежью: учебник / Я.В. Кондратьева. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2011. – 278 с.
3. Налимов, В.В. В поисках иных смыслов / В.В. Налимов. - М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 464 с.
4. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2015. – 705 с.
5. Численность населения на 1 января 2021 г. в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dataportal.belstat.gov.by/Indicators/Preview?key=144299>. – Дата доступа: 12.10.2022.
6. Хабермас, Ю. Понятие индивидуальности / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1989. – №2. – С. 35–41.
7. Ядов, В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция / В.А. Ядов. – 2-е расширенное изд. – М.: ЦСПиМ, 2013. – 376 с.
8. Яницкий, О.Н. Социология риска: ключевые идеи / О.Н. Яницкий // Мир России. – 2003. – № 1. – С. 3–35.

## **БАРЬЕРЫ И РИСКИ НРАВСТВЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА**

*Т.Ю. Кирилина*

*Королёв, Технологический университет  
имени дважды Героя Советского Союза,  
летчика-космонавта А.А. Леонова*

Цифровое общество – новый этап развития современной цивилизации, который характеризуется доминированием знаний, науки, искусственного интеллекта, технологий и информации во всех сферах жизнедеятельности. Одним из принципов Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы объявлен приоритет традиционных российских духовно-нравственных ценностей и соблюдение основных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий [1]. В стратегии, в частности, отмечается, что для формирования информационного пространства знаний необходимо:

- проводить мероприятия в области духовно-нравственного воспитания граждан;
- сформировать безопасную информационную среду на основе популяризации информационных ресурсов, способствующих распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [1].

В условиях информационного общества особую актуальность приобретает процесс нравственной социализации молодежи. Нравственная социализация молодежи – это сложный, многоступенчатый процесс усвоения молодыми людьми системы моральных знаний, ценностей, норм и образцов поведения, позволяющих им быть полноценными членами общества; процесс приобщения молодежи ко всем сферам жизни и общества на основе их оценки через призму добра и зла [3, с. 15].

Сегодня существенно возрастают неопределенность и непредсказуемость результатов нравственной социализации молодежи как для отдельного человека, так и в целом для общества. Стремясь приспособиться к изменяющимся условиям, молодые люди вынуждены искать способы, позволяющие рационализировать реальность и процесс социализации в ней. Важно учитывать, что идет процесс формирования новой системы ценностей, отражающей специфику современного трансформирующегося общества. Отношение ко многим явлениям (харассмент, однополые браки, чайлдфри, феминизм и т.п.) находится в российском обществе в стадии формирования. Все это обуславливает особенности нравственной социализации молодежи.



Изучение процесса нравственной социализации современной российской молодежи позволяет утверждать, что её осуществление предусматривает преодоление определенных преград, мешающих этому процессу, которые можно определить, как барьеры нравственной социализации. Они отличаются по уровню распространения в пространстве: глобальному, государственному и уровню социальной группы, в данном случае молодежи.

На глобальном уровне барьеры нравственной социализации обусловлены универсальными процессами, происходящими в целом в мире и имеющими всеобщий характер. З. Бауман проанализировал такого рода процессы и отнес к ним: 1) исчезновение общей морали, единых для всех норм и ценностей; 2) трансформацию и краткосрочность всех социальных связей; 3) хроническую аномию; 4) ориентацию на все новое, часто противоположное сформировавшимся в обществе моделям поведения, формам эстетической самореализации [2, с. 52].

Кроме глобальных барьеров, есть целый ряд характерных российских тенденций, формирующих барьеры на уровне государства. В первую очередь это:

- неудовлетворительная моральная атмосфера в обществе;
- отсутствие господствующей морали;
- ослабление роли важнейших институтов социализации;
- отсутствие разделяемых большинством россиян социокультурных, в том числе и нравственных критериев, на основании которых можно было давать оценку успешности и завершенности процесса нравственной социализации молодежи.

Указанные проблемы формируют барьеры нравственной социализации молодежи на уровне социальной группы:

- подрыв этики ответственности;
- склонность молодых людей к неоправданному риску;
- социальную отчужденность и инфантилизацию молодежи;
- толерантное отношение к несоблюдению этических норм.

Одной из наиболее серьезных нравственных проблем в современном обществе является проблема межпоколенной передачи духовно-нравственных ценностей. Трансляция культурных и моральных ценностей и межпоколенное взаимодействие как базовые явления, на основе которых общество воспроизводится, трансформируется и сохраняется, являются одними из основных концептов в понятийно-категориальном аппарате социологии. В социологических опросах молодежь с большим трудом называет тех, кого она считает образцом нравственности. Согласно нашим многолетним исследованиям, наиболее важным агентом передачи духовно-нравственных ценностей, по мнению молодежи, являются родители, друзья и учителя в школе [3, с. 81].

В последнее время взаимодействие поколений чаще всего привлекает внимание исследователей в аспекте конфликта, «разрыва» поколений,

нежели с точки зрения преемственности. Конфликт поколений усиливается из-за того, что: во-первых, понизился статус пожилых людей в обществе; во-вторых, опыт, накопленный старшими поколениями, обесценивается и становится малополезным для молодёжи, в-третьих, разные источники информации у поколений (для старшего поколения (поколения беби-бумеров) важнейшим источником информации остается телевидение, а у поколения Y и Z – Интернет). Это формирует различное восприятие действительности. Важно учитывать, что основой «разрыв» поколений возникает не между детьми (поколения Y+Z) и родителями (поколение X), а между поколениями детей и родителей (поколения X, Y и Z), с одной стороны, и – поколением дедушек и бабушек («Молчаливое поколение» и поколение беби-бумеров) – с другой.

Сегодня процесс межпоколенной трансляции духовно-нравственных ценностей носит билатеральный характер, так как каждое поколение является одновременно как субъектом этого процесса, так и его объектом. Необходимо учитывать, что межпоколенная трансляция духовно-нравственных ценностей подразумевает наличие встречных информационных потоков как от старших поколений к младшим, так и наоборот, т.е. восприятие молодёжью современной ситуации и культурного наследия оказывает влияние на старшее поколение. Важно осознавать, что именно преемственность при смене поколений обеспечивает трансляцию опыта, культуры, ценностей и ценностных установок и является составляющей естественного механизма эволюции социума.

#### *Список литературы:*

1. Указ президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [электронный ресурс], url: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>
2. Бауман, З. Текущая современность / З. Бауман ; Зигмунт Бауман ; [пер. с англ. С.А. Комаров]. – Москва [и др.] : Питер, 2008. – 238 с.
3. Кирилина, Т.Ю. Особенности нравственной социализации молодежи в современной России / Т.Ю. Кирилина, Н.В. Омельницкая. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Издательские решения», 2018. – 164 с.

## **СОЦИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ**

*И.А. Климентьева  
Витебск, Витебская ордена «Знак Почета»  
государственная академия ветеринарной медицины*

В середине XX века произошла информационно-технологическая революция человечества, обусловленная появлением и развитием микропроцессорной техники, компьютеров, компьютерных сетей, коммуникативных,

электронных, цифровых и интернет-технологий. Современные компьютерные технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни человека XXI века. Внедрившись во все сферы человеческой жизнедеятельности, информационно-компьютерные технологии способствовали формированию «новых механизмов культурного развития человечества, поколение назад перешедшего, фактически, на сетевой уровень эволюции и деятельности – киберэволюцию» [3, с. 13]. Культуру XX века, связанную с изобретением радио, телевидения, видеомэгнитофонов, называют телекоммуникационной. «Благодаря перманентной киберэволюции компьютерных технологий и особенно всемирной глобальной сети Интернет (англ. WorldWideWeb), современный человек – Homo Sapiens – на рубеже XX–XI вв. становится еще и «HomoCyberus'ом», человеком, включенным в процесс инновационного вида социализации – киберсоциализации» [3, с. 14]. Под воздействием современных информационно-коммуникативных, цифровых и компьютерных технологий, социализация личности в киберпространстве имеет качественные особенности, связанные с изменением самосознания и потребностно-мотивационной сферы индивида. Киберпространство динамически развивается за счет увеличения объемов информации и пользователей сети Интернет, распространения мобильных технологий.

Анализируя процесс киберсоциализации в современном обществе, В.А. Плешаков в монографии «Киберсоциализация человека: от HomoSapiens'a до HomoCyberus'a» определяет модель киберсоциализации, включающую четыре основных аспекта. Первый аспект связан с влиянием киберпространства на жизнедеятельность человека. Киберпространство предъявляет человеку определенные требования, влияющие на процесс социализации. Постоянно растущее количество информации, обусловило проблему соотношения информации и знания. С одной стороны, активно развивается онлайн-педагогика и онлайн-образование, открываются возможности для реализации креативных проектов, развиваются медиа-грамотность и технические навыки. С другой стороны, «поток информационного мусора (в лучшем случае) и агитации формирует дезориентирующее пространство, в котором представлены все информационные патологии и их последствия – от информационных войн до откровенных девиаций» [4, с. 151].

Второй аспект обусловлен удовлетворением потребностей в киберпространстве. Для тех, кто ограничен в физических возможностях, или тех, кому сложно строить социальные отношения, интернет-коммуникации и интернет-общение играют положительную роль в процессе социализации, а нередко киберпространство становится единственным источником социализации. Киберпространство используется человеком, в особенности молодым поколением, для киберкоммуникации, различных игр и проведения досуга, получения информации, то есть расширения своих познавательных возможностей, а также удовлетворения других многочисленных потребностей (духовных, социальных, экзистенциальных, физиологических и др.).

В связи с этим, нередко, оценка успешности современного молодого человека осуществляется посредством количества и качества затрачиваемого времени в киберпространстве.

Третий аспект раскрывает негативные последствия киберсоциализации, а в четвертом – обозначаются опасности киберпространства и их источники. К самым безобидным негативным последствиям киберсоциализации можно отнести неправильное питание, пренебрежение сном и домашними делами. Молодые люди начинают реже общаться и встречаться с друзьями в реальной социальной среде, так как испытывают скуку и чувство пустоты без Интернета. «Среднестатистический современный подросток (от 10 до 14 лет), не имеющий иных увлечений и интересов, уделяет от 80 % до 100 % своего свободного времени компьютеру и Интернету» [3, с. 24]. В связи с этим появляется более серьезная проблема – кибераддикция или интернет-зависимость. В итоге, молодой человек становится жертвой киберсоциализации. Кроме того, киберсоциализация таит в себе такие опасности как эксплуатация доверия, доступ к порнографии, сайты с деструктивным содержанием, увлечение жестокими играми, троллинг, кибербуллинг, которым подвергаются, в первую очередь, дети, подростки и молодежь.

Как отмечают российские ученые-психологи Айсина Р.М. и Нестерова А.А. «пребывание в киберпространстве, так или иначе, всегда влияет на социализационные процессы. Интернет создал новую культуру социализации, социального научения...» [1, с. 48]. Эти ученые выделяют два типа киберсоциализации: позитивная киберсоциализация, т.е. безопасное освоение киберпространства и перенесение полезного опыта, полученного в виртуальной среде в реальный социум, и негативная киберсоциализация, т.е. характеризующаяся высокой вовлеченностью в виртуальные коммуникации, сочетающуюся с низкой способностью к саморегуляции при использовании электронных и интернет-ресурсов.

Таким образом, процесс киберсоциализации осуществляется как относительно направленно, так и стихийно, а самоизменение человека в процессе киберсоциализации в Интернете может быть как позитивным, так и негативным. Вопросы киберсоциализации молодежи требуют более детального изучения. «Необходимо разрабатывать и применять на государственном уровне программы и методики, направленные на обучение детей и молодежи компьютерной грамотности и информационной культуре. Кибервоспитание молодежи должно минимизировать негативные воздействия и последствия интернет-среды и виртуальной реальности» [2, с. 158]. Современные молодые люди должны осознавать, что киберпространство не тождественно социальной реальности и не может заменить ее, оно лишь расширяет возможности человека для самореализации в реальном мире.

*Список литературы:*

1. Айсина, Р.М. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникативном пространстве современного мира: эффекты и риски / Р.М. Айсина, А.А. Нестерова // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 4. – С. 42–57. Doi:10.17759/sps.2019100404/.
2. Климентьева, И.А. Некоторые аспекты виртуальной социализации современной молодежи // Проблемы саморозвитку особистостів сучасному суспільстві: Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції, 26–27 березня 2021 р. / НЮУ ім. Ярослава Мудрого. – Х.: Друкарня Мадрид, 2021. – С. 157–158.
3. Плешаков, В.А. Киберсоциализация человека: от HomoSapiens'адо HomoCyberus'a: Монография: Прометей; Москва; 2012. – 45 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=8927492](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8927492). – Дата доступа: 02.10.2022.
4. Шаповалова, И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи / И.С. Шаповалова// Социологические исследования. – 2015. – № 4. – С. 148–151.

**УРОВЕНЬ  
КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ  
КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ  
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

*Е.С. Макеева*

*Минск, Белорусский государственный университет,*

*И.И. Рифицкая*

*Минск, Академия управления  
при Президенте Республики Беларусь*

Изучением вопроса коммуникативной толерантности в рамках психолого-педагогических исследований занимались Н.А. Асташова, Е.А. Балданова, В.В. Бойко, Е.С. Гребенец, В.М. Гришук, Е.А. Калач, Е.Ю. Клепцова, Л.А. Николаева, С.В. Русакова, О.В. Скрыбина, С.Н. Толстикова, Л.П. Яцевич и др.

Впервые в научный оборот этот термин был введен В.В. Бойко, который понимал его как «характеристику отношений личности к людям, показывающую степень переносимости ею неприятных и неприемлемых, по ее мнению, психических состояний, качеств и поступков партнера по взаимодействию» [3, с. 107].

С.К. Бондырева, Д.В. Колесов отнесли к основным критериям толерантного поведения [2, с. 116]:

– проявление уважения, доброжелательности и терпимого отношения к людям, установление равноправных отношений, основанных на взаимном

доверии, заинтересованности, стремлении понять другого, дружеской расположенности к партнерам;

– выносливость к различиям, признание за партнером права на индивидуальность, отсутствие стремления перевоспитать его в соответствии с собственными представлениями о «правильном» взаимодействии;

– сдержанность при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров, такими как высокомерие, грубость, хамство, пренебрежение, жестокость, умение находить общий язык, темы для общения с разными людьми в различных ситуациях, умение слушать собеседника, отношение к собеседнику как к равноправному участнику диалога;

– умение прощать другому ошибки, проявления неловкости, непреднамеренной грубости, отсутствие агрессии по отношению к окружающим людям, высокая адаптивность, умение приспосабливаться к привычкам и характерам партнеров по взаимодействию.

Таким образом, коммуникативная толерантность представляет собой приобретаемую человеком способность выстраивать эффективный процесс общения, проникнутый взаимным уважением. Коммуникативная толерантность оказывает огромное значение на условия жизнедеятельности человека. Умение взаимодействовать с членами общества, неотъемлемой частью которого является каждый из нас, влияет на способность минимизировать негативные явления внешней и внутренней среды. Построение взаимоотношений с людьми подразумевает, что человек старается снисходительно относиться к различиям, которые он находит в партнерах по общению и которые считает для себя неприятными, что помогает ему реже осуждать индивидуальность непохожих на него людей, а также не раздражаться по поводу их отличительных особенностей.

Целью нашего исследования было определение уровня коммуникативной толерантности студентов экономического профиля обучения. В исследовании приняли участие испытуемые 1 и 2 курсов, в количестве 50 человек (девушки – 33 человека (66,0 %); юноши – 17 человек (34,0 %), специальности «Международный маркетинг» – 30 человек и специальности «Ценообразование» – 20 человек, Факультета маркетинга и логистики УО «Белорусский государственный экономический университет». Для определения уровня и выявления особенностей коммуникативной толерантности будущих экономистов нами использовался «Опросник коммуникативной толерантности» В.В. Бойко [3, с. 107].

Полученные в ходе исследования данные говорят нам о том, что среди студентов-экономистов ярко выражен средний показатель коммуникативной толерантности (29 человек – 58,0 %). Он указывает на ситуативную готовность испытуемых к участию в коммуникативном процессе, проявляющуюся в согласованном сочетании толерантных и интолерантных установок. Оценивая условия окружающей среды, свои личностные особенности и предпочтения, эмоциональный фон и психические состояния, студенты

выбирают ту форму поведения, которая наиболее уместна или выгодна им. Так, в одних случаях, они могут проявить терпение, быть корректными и понимающими в отношении к разнообразным социальным группам, их принципам и традициям, желаниям и интересам. В других же случаях, испытуемые могут оказаться пренебрежительными к чувствам других людей, к чертам их характера, увлечениям, национальности.

Высокий уровень коммуникативной толерантности выражен слабее (21 человек – 42,0 %). Он описывает личность, способную при любых обстоятельствах понять и принять индивидуальность другого человека. Для нее также типично быть готовой к открытому и непредвзятому диалогическому взаимодействию с партнером. Умение прощать другому его ошибки, неловкости и нечаянно причиненные субъекту неприятности тесно связано с терпимостью к дискомфортным состояниям собеседника. Личность с высоким уровнем коммуникативной толерантности может сопереживать физическому и психическому дискомфорту, в котором оказался другой человек. Она также обладает высокими показателями саморегуляции поведения. Последнее, представляет для нас отдельный интерес, ведь самоконтроль является одной из важных отличительных черт высокого уровня толерантности. Это доказывает, что ситуация оказывает незначительное влияние на субъекта общения. Также характерный для высоко толерантных личностей позитивный настрой к отдельным участникам общения позволяет им быть приятными слушателями и собеседниками.

В анализируемой выборке вообще отсутствуют студенты с низким уровнем толерантности в общении и ярко выраженном неприятием окружающих (0 %).

Для доказательства значимости различий между группами «высокий», «средний» и «низкий» уровень коммуникативной толерантности нами применялся Хи-квадрат критерий Пирсона, показатель которого полученный в исследовании ( $\chi^2=7,82$ ) позволил обнаружить достоверные различия в выборке будущих экономистов на 5 % уровне значимости.

Исходя из полученных в нашем исследовании результатов, можно сделать вывод о том, что студенты-экономисты 1 и 2 курсов обучения, в возрасте от 17 до 19 лет, обладают достаточно развитыми коммуникативными способностями для построения эффективного процесса общения, и поддержания доверительных отношений с другими людьми. В целом, для них характерны такие проявления коммуникативной толерантности как: вежливое отношение к позиции оппонента, корректное разъяснение собеседнику его заблуждений, признание собственных ошибок и принесение извинений за грубость, если таковая имела место быть.

#### *Список литературы:*

1. Логвинова, О.К. Особенности коммуникативной толерантности студентов разной профессиональной направленности / О.К. Логвинова [и др.] // Мир науки, культуры, образования [Электронный ресурс]. – 2018. – № 1 (68). – Режим доступа :

<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kommunikativnoy-tolerantnosti-studentov-raznoy-professionalnoy-napravlenosti>. – Дата доступа : 23.10.2022.

2. Маслова, Т.М. Коммуникативная толерантность студентов как социально-психологическая характеристика / Т.М. Маслова // Международный научно-исследовательский журнал [Электронный ресурс]. – 2022. – № 1 (115). – Режим доступа [https:// research-journal.org/psychology/kommunikativnaya-tolerantnost-studentov-kak-socialnopsichologicheskaya-karakteristika/](https://research-journal.org/psychology/kommunikativnaya-tolerantnost-studentov-kak-socialnopsichologicheskaya-karakteristika/) . – Дата доступа : 23.10.2022.

3. Фетискин, Н.П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. – М. : Изд-во Института Психотерапии. – 2009. – С. 107–109.

## **ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА\***

*В.А. Максимович  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Становление информационного общества, интенсивное развитие цифровых технологий, совершенствование сетей коммуникаций, ряд иных обстоятельств актуализировали необходимость переосмысления традиционных национально-культурных ценностей и их адаптации к новым социальным реалиям. Традиционные ценности как базовый элемент национальных оснований общества имеют решающее значение в упрочнении и развитии его жизнеустроительных, идентификационных, ценностно-регулирующих составляющих, служащих сохранению и укреплению национально-этнического своеобразия, обеспечению духовной безопасности и целостности страны. Это значимое составляющее формирования национально-культурной идентичности и обеспечения стабильности общественной жизнедеятельности.

В данном контексте система традиционных ценностей играет значимую роль в социокультурной адаптации личности, служит ориентиром в системе межличностных и социальных отношений. Без изучения аксиологической составляющей анализ современного состояния и перспектив становления личности в условиях информационного общества не представляется возможным. Ведь именно традиционные ценности задают векторы динамического и устойчивого развития, запуская механизмы социализации и осуществления социально одобряемого выбора и жизненных стратегий. Система ценностей является наиболее устойчивым гарантом формирования

---

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке БРФФИ (договор № Г22 Мн-008 от 04.05.2022 г.).



полноценной личности, способной к самоопределению и творчеству, решению важных задач, требующих взвешенных и обдуманных подходов.

В контексте происходящих в обществе изменений возрастает необходимость в осмыслении проблем процесса социализации молодежи, так как современность отличается множественностью и многогранностью проявлений культуры, испытывающей на себе, с одной стороны, влияние глобализирующих и унифицирующих тенденций, а с другой, стремящейся сохранить уникальные национально-этнические, региональные черты. Это весьма важно в ситуации накапливания конфликтного потенциала, переоценки ценностей, когда начинают складываться новые приоритеты и ценностно-нормативные координаты жизнедеятельности молодежи, так как именно с молодежью связываются надежды на качественное изменение и улучшение социально-экономической и социально-культурной жизни общества. По свидетельству исследователей, «молодежь как была, так и остается наиболее проблемной частью населения любого общества как в социально-экономическом, так и в социально-правовом плане. Ведь сама по себе молодость не обеспечивает ни профессионализм, ни нравственно-политическую позицию вступающих в самостоятельную жизнь поколений, ни их социальный статус и экономическое положение. Молодежь и ее жизненные проблемы во многом определяются социально-демографическим, социально-культурным, социально-экономическим и другим развитием всего общества, и эти проблемы имеют весьма многообразный и далеко не явный характер» [1, с. 22].

Несмотря на очевидные проблемные зоны, связанные с периодом взросления молодого поколения, все же следует признать, что именно молодежь объективно позиционирует себя «в качестве субъекта выражения требований социального времени» [1, с. 23]. Согласно утверждению специалистов, социализация трактуется, прежде всего, как процесс активного или пассивного усвоения индивидом социальных и культурных ценностей, норм общества с последующим формированием на их основе осознанной системы социокультурных установок, определяющих позиции и поведение индивида в обществе. Молодежь наиболее подвержена процессу социокультурной трансформации и наиболее уязвима, так как в силу психофизиологических особенностей именно эта возрастная группа предрасположена к быстрому восприятию новых ценностей, социальной и культурной идентичности, находясь в процессе постоянного поиска истинности и обретения жизненного смысла. Бесспорно, что результат социализации как процесса становления взаимоотношений личности и социума, самопознания и самореализации личности, приобретения новых навыков и знаний, усвоения социальных норм и культурно-исторических ценностей, образцов поведения может быть достигнут при наличии осознанности и системности данного процесса, что гарантируется структурой конкретной культуры. Поэтому следует согласиться с тем, что «формирование самосознания молодежи как важнейшей составляющей этнического самосознания является неотложной

задачей выработки соответствующей молодежной политики и политики воспитания подрастающего поколения» [1, с. 26].

Процесс социализации неразрывно связан с освоением духовных атрибутов как исторического прошлого, так и современности, что способствует сохранению ментального, духовного мира современного молодого человека, его ценностных ориентаций, нравственных качеств, активной мировоззренческой позиции. В процессе социализации человек овладевает миром культуры, при этом социальное окружение выступает необходимым условием и предпосылкой структурирования его собственного культурного опыта. Не следует забывать о таких особенностях процесса социализации, как относительная стихийность влияния среды, которую трудно учитывать и регулировать, произвольность усвоения социальных норм и ценностей в процессе взаимодействия со своим ближайшим окружением, возрастающая по мере взросления самостоятельность индивида в отношении выбора предпочтений.

Традиционные ценности находят свое полноценное выражение в художественно-эстетической культуре, которая отражает все особенности эпохи, но в отличие от других форм социокультурной жизни воздействует не только на интеллектуально-логическое освоение мира, но и на эмоционально-чувственное, эстетическое, ценностное восприятие действительности. К наиболее важным факторам социализации молодежи средствами художественно-эстетической культуры можно отнести целенаправленное формирование ценностного, эстетического сознания, саморегуляцию своего внутреннего мира, что способствует фундаментальной интеграции всесторонних способностей, активизации творческой доминанты личности. Творческое усвоение культурных артефактов означает прежде всего отношение к ним не как к догме, а как к открытой, вариативной системе поиска аксиологических оснований, в том числе отрефлексированных личностных смыслов. Постигание ценностно-смысловых значений художественных артефактов предполагает отношение к ним не как к некой абсолютной истине, а как к специфическому духовно-практическому феномену, способствующему конструированию образцов социальных действий и поиску собственных решений. Усвоение комплекса ценностей, представлений, норм и принципов жизнедеятельности является в данном случае результатом культивирования соответствующих духовных идеалов, паттернов, представляющих собой своеобразную квинтэссенцию как общечеловеческих, так и национальных ценностей.

В настоящее время для молодежи предоставлены широкие возможности для реализации своих способностей, актуализации духовно-творческого потенциала путем усвоения богатого и неоценимого потенциала сокровищницы мировой художественно-эстетической культуры. И в данном случае бытийно-культурный уровень общества в большей степени зависит от человека как субъекта творчества, от его этического сознания, целеполагания,

ценностных ориентаций, потому как собственно процесс творчества, обучения, интеллектуально-преобразовательной деятельности в своей основе имеет интегрированный характер, выступая единством когнитивного, морального и эстетического.

В нашем случае эстетическое приобретает особую роль и значимость. Необходимость актуализации эстетических доминант всех компонентов национальной культуры продиктована не только желанием определить мировоззренческий базис национальной культуры, но и повлиять на чувственно-эмоциональную природу аксиосферы национальной культуры. Сложнозависимая и взаимообусловленная синтезированность чувственных переживаний, в которых проявляется национальный характер, и рациональных осмыслений, отражающихся в национальном сознании, образуют единую систему, представляющую уникальные черты национальной культуры, духовно-поведенческую специфику, призванную способствовать консолидации нации на уровне общности взглядов, ценностей, поведения. Иными словами, эстетизирующие ценностно-смысловые факторы напрямую связаны с задачей сохранения духовно-культурного потенциала, с формированием национальной идентичности, которая сегодня во многом осложнена глобализационными, модернизационными и трансформационными процессами во всех сферах общества. При всей неоднозначности и противоречивости происходящих изменений есть основания констатировать остроту вопроса о преемственности образа жизни, о сохранении антропологической и культурной идентичности, о ценностных ориентирах национальной идентификации, национального самосознания. Направление эстетических представлений индивида во многом зависит, в ряду других факторов, и от выявленной гражданско-патриотической позиции, отношения к традиционным национально-культурным ценностям, формирующим мировоззренческий комплекс интенций и эстетически питающим духовные начала сопереживания исторической миссии своего народа, его исторической судьбе. В этом проявляются эстетические позиции в системе идентификации. С учетом возрастания потребности в культуре в современном обществе возникают основания для позиционирования социокультурной идентичности, которая подразумевает самоотождествление себя отдельным субъектом с определенными идеями, культурными ценностями, конкретными социальными стратегиями, национально-этническими убеждениями, верованиями, нормами жизни, позволяющими личности осознать свою социально-ценностную и эмоционально-психологическую значимость как субъекта определенной общности.

Социализация и формирование культурной картины мира посредством освоения художественно-эстетической культуры сегодня наиболее актуальна в свете современных социокультурных проблем, которые, в свою очередь, отражают переживаемые современным обществом пертурбации в социальной сфере: недооценка в социальной практике роли художественной культуры как важного фактора гуманистического развития общества; культурный нигилизм и чрезмерный прагматизм значительной части

молодежи, когда ценности высокого искусства и их роль в культуре подвергаются сомнению или даже отрицаются и замещаются откровенными суррогатами, фетишами; второстепенная роль, которая отводится предметам художественно-эстетического и культурологического цикла в образовании. В данном случае важную роль следует отводить этнопедагогике, способствующей формированию духовно-нравственной, личностной основы молодого человека, интегрируемого в мировое сообщество и общецивилизационный процесс.

Процесс приобщения человека к культуре идет по двум направлениям: от общества к личности (социализация) и от личности к обществу (творческая активность субъекта, интериоризация). Находясь в неразрывном единстве, культура и человек взаимодополняемы и взаимоопределяемы. Тенденции современности, заставляющие человека активизировать творческий потенциал, обогащать свой культурный капитал, способы саморазвития обусловлены необходимостью освоения художественно-эстетической культуры как фактора самореализации и самопрезентации, являющихся основой успешности деятельности индивидуума в социокультурной среде. Многие исследователи подчеркивают важность художественного творчества как общедоступной формы искусства, способствующей развитию креативности, потому что «если человек не обладает определенной зрелостью восприятия, устоявшимся мировоззрением, некоторой степенью собственной свободы, творческим подходом к решению сложных ситуаций, то ему трудно противостоять сложившейся в обществе идеологии» [2]. Следовательно, социализация молодежи предполагает прежде всего создание действенного механизма, обеспечивающего вхождение человека в культуру: понимание ценности актуальной культуры для саморазвития, профессионального роста; формирование аксиологических приоритетов, нравственных идеалов, эстетического вкуса и творческих интересов молодежи; коррекционная работа по взаимодействию с окружающим миром; культивирование эстетических ценностей с целью эстетической социализации и эстетического воспитания подрастающего поколения; позиционирование и продвижение положительного имиджа нации, основанного на притягательности традиционных ценностей и ценностей национальной культуры.

Можно констатировать, что традиционные ценности, художественно-эстетическая культура отыгрывают незаменимую роль в социализации и духовно-нравственном воспитании молодежи. Художественно-эстетическая культура выступает интегральной частью объединяющего символического универсума, действенной формой познания жизни, воспринимается в качестве способа мирозидения, напрямую влияя на формирование смыслового контекста собственного жизненного мира молодого поколения. Каждый отдельный индивид, обладающий эстетической культурой на личностном уровне, через эстетическое восприятие и осознание значимости национальных ценностей формирует собственную позицию и готовность

к культуротворческим актам, становясь активным субъектом и движущей силой качественных изменений социума.

*Список литературы:*

1. Левко, А.И. Молодое поколение как субъект выражения требований социального времени / А.И. Левко // Молодежь в зоне риска: социально-культурные основы профилактики пьянства и алкоголизма / под ред. О.А. Павловской ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларуская навука, 2015. – С. 22–32.

2. Суминова, Т.Н. Художественная культура как информационная система (мировоззренческие и теоретико-методологические основания) / Т.Н. Суминова. – М. : Академический проект, 2006. – 383 с.

## **МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ И ЕГО РИСКИ**

*А.О. Притука, О.А. Вашко  
Минск, Белорусский государственный  
экономический университет*

Общество потребления – результат глобализации и действий международных корпораций. Суть общества потребления заключается в диспропорции между необходимым производством и потреблением благ. Французский философ Ж. Бодрийяр определял общество потребления как систему отношений в социуме, при которой ключевая функция принадлежит обособленному потреблению каждого индивидуума, опосредованному рынком [1, с. 45]. Это привело к упадку морали и социальных институтов во всех развитых странах. Если в Европе данный тип общества появился уже более 50 лет назад, то в белорусской реальности общество потребления существует около 20 лет. Человек в наши дни даже в самом незрелом возрасте перегружен колоссальным объёмом рекламы, будь то коммерческой, либо нативной. Результат – потребитель, с детства знающий, какой продукт и бренд ему необходим для отражения высокого социального статуса, какая машина заставит всех окружающих его уважать, какие часы на его запястье помогут добиться расположения собеседника.

Общество потребления представляет собой тип социального устройства, при котором люди покупают то количество товаров и услуг, которое не в состоянии потребить. Современная молодежь стремится скорее к увеличению растущих потребительских appetитов, чем к удовлетворению существующих на данный момент. С помощью покупок молодые потребители пытаются приблизиться к некому идеалу благополучной жизни, существующему только в их сознании и сформированному не ими, а маркетологами, дизайнерами и требованиями окружающего их социума. «Потребительский социум выступает в роли закономерного итога развития капиталистической системы. Современный этап существования технологий и прогресса становится залогом создания гигантской добавочной стоимости, погружая

рядового индивида в мир благ, давая ему средства на разветвленную систему потребления» [1, с. 48].

Потребительский предмет становится прежде всего способом обозначить себя, функциональные и практические свойства уходят на второй план. В результате конкуренция идёт не на уровне технических прорывов, создания инновационных технологий, а на уровне маркетинга и донесения информации до потребителя. Так, человек может пользоваться техникой единственного производителя, игнорируя остальных. Маркетинг формирует вкусы, желания, ценности, нормы и интересы людей. Реклама окружает человека повсеместно. Общество постепенно перестаёт замечать, как его нужды и вкусы начинают прямо зависеть от рекламы. Вещи, которыми владеет человек, в конце концов овладевают им. Современная молодежь перестаёт рассуждать об истинной ценности вещей, она не мыслит критически. К тому же расширяется информационное потребление. Процесс общей деградации общества, вызван быстрым обновлением информации в сознании человека, в тех объёмах, которые он не способен осмыслить. Индивид утрачивает возможность фокусироваться на целях и задачах, так как его мозг вырабатывает привычку к быстрой смене информационного потока. В результате миллионы людей существуют в чётких рамках и бездумно следуют им. Принося в жертву личное время, интересы и удовольствие от процесса накопления средств и опыта, как самого длительного этапа в потреблении вещей, человек превращается в шестерёнку неумолимо шагающего вперёд механизма современного общества потребления. Этот хтонический (господствующий) механизм имеет всего одну цель – заставить все составляющие функционировать на пределе возможностей, не обращая внимания на их износ. На смену предыдущих поколений выдвигаются новые, а технологии и прогресс позволяют с ещё большей интенсивностью разгонять конвейер потребления, лишь видоизменяя и совершенствуя его. По мере течения времени, страдает не только человек, но и наш дом – Земля. Сотни тысяч фабрик и производств по всему миру уничтожают флору и фауну, становится неизбежной экологическая катастрофа.

Кроме этого, общество потребления влечет за собой множество социальных проблем. Отстающие в развитии страны становятся источниками сырья и дешевой рабочей силы, большая часть производимых ими благ возвращается в развитые регионы. В итоге разрыв между богатыми и бедными странами усугубляется. Современный человек становится просто потребителем, одержимый внешней атрибутикой преуспевания. Современную молодежь не волнует война, голод, насилие, а центральное значение в ее интересах занимают знаменитости, скандалы, новостная лента и бирки брендов. Человек в этом мире научился любить, чувствовать и исповедует лишь потребительские ценности. М. Уэльбек в своём эссе «Остаться живым» (1991 г.) писал следующее: «Скупая тоннами увлажняющие средства для кожи, драгоценности, элементы роскоши для отражения своего социального статуса, современное общество потеряло последние крупницы

рациональности и лишено всякого смысла. Иными словами – обречено» [2, с. 60]. Отмечается, что человек перестаёт существовать как личность. М. Уэльбек высказывает мысль о том, что «освободившись от ограничений, которые накладывают на личность происхождение, привычки, устойчивые правила поведения, современный человек готов занять своё место во все-ленской системе торговых сделок, где ему будет однозначно присвоена определённая меновая стоимость» [2, с. 65]. Действия человека определяются не его волей и желанием, а определённой структурой навязанного ему мышления. Люди, посещая супермаркет, боятся старости больше, чем смерти, что является странным. Ведь именно смерть – окончательная потеря возможности потреблять.

Таким образом, современный человек в той или иной мере является частью общества потребления и вряд ли сможет полностью от него отказаться. Несмотря на все недостатки, такое общество успешно существует долгие годы. В результате любое действие человека не будет иметь никакого смысла, ведь для международных корпораций люди как потребители – лишь цифры в налоговых и бухгалтерских отчётах. Современной молодежи прививают уверенность в том, что именно корпорации лучше знают, какую одежду и обувь следует носить, чем чистить зубы и какие гаджеты использовать. У молодого поколения создается иллюзия безопасности и заботы. Тем не менее, корпорации не смогут существовать без человека, как и человек без них. Круговорот потребления, как великая работа маркетологов, консультантов и имидж-дизайнеров, привела к всеобщей стагнации и духовному упадку, аккумуляции миллиардов долларов на счетах, которые никогда не будут потрачены, и, прежде всего, к вырождению смысла.

*Список литературы:*

1. Максименко, С. В. Общество потребления: проблема генезиса и методологии социально-философского анализа// Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2017. – № 2. – С. 44–48.
2. Уэльбек, М. Остаться живым: стихи / М. Уэльбек. – М.: Иностранка, 2005. – 343 с.

**СОЦИАЛИЗИРУЮЩАЯ РОЛЬ  
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА  
В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ СИСТЕМЫ СПО**

*Т.В. Романенко*

*Смоленск, Смоленский государственный университет*

Информационное пространство – это пространство, где все средства информационной техники, т. е. компьютеры, интегрированные системы, кабельная и всякая другая связь, видеоустройства, программное обеспечение, научные исследования нацелены на то, чтобы сделать информацию общедоступной и активно внедряемой в производство и жизнь всех социальных

групп. Пространство пропитывается обществом, в котором в изобилии циркулирует высокая по качеству информация, а также есть все необходимые средства для ее хранения, распределения и использования. «Информация легко и быстро распространяется по требованиям заинтересованных людей и организаций и выдается им в привычной для них форме. Стоимость пользования информационными услугами настолько низка, что они доступны каждому. Япония в 1960-е гг. первая выдвинула концепцию «информатизации» и «информационного общества» [2, с. 47].

Конец прошлого столетия ознаменовался появлением нового типа информационного пространства – пространства, созданного с помощью цифровых телекоммуникационных технологий с центральным элементом – Интернетом, неотъемлемым атрибутом жизни самой активной социальной группы - современного студенчества.

«Этот атрибут оказался не просто неким новым фрагментом социальной ткани, но и фактором, изменяющим социокультурную жизнь в целом: интенсифицировались социальные взаимодействия, увеличился объем информации и соответственно расширился выбор моделей и мотивов поведения, родились новые формы зависимостей как на индивидуально-психологическом (компьютерная зависимость), так и на региональном, и государственном уровнях (информационная блокада), появились новые способы трансляции и усвоения социального опыта, новые средства управления и контроля над обществом» [3, с. 76].

Адекватное восприятие информации, в том числе из Интернета, и критический подход к ее поиску у студентов системы СПО, как будущих профессионалов системы СПО различных сфер экономики, является предметом неиссякаемой актуальности, а Интернет становится мощным инструментом социализации, несводимый ни к первичной, ни к вторичной, поскольку осуществляется внутри виртуального пространства, а его результаты сказываются на конкретном человеке. «Этот новый вид социализации может иметь разную направленность и, соответственно, двоякий результат: обеспечивать развитие как позитивной жизненной ориентации (привитой в результате первичной и вторичной социализации в реальном социуме), так и негативной (вести к десоциализации в реальном социуме)» [4, с. 4].

Под влиянием Интернета меняется стиль жизни студенческой молодежи – меняются структура досуга, привычные каналы получения информации, характер межличностных взаимодействий.

К сожалению, некоторые из них уделяют использованию Интернета слишком много времени, что может привести к различным негативным явлениям, в том числе так называемым зависимостям. На базе СОГБПОУ «Техникум отраслевых технологий» было проведено анкетирование для понимания отношения студентов к сети Интернет. Всего было опрошено 200 человек. Каковы результаты анкетирования?



Прежде всего, следует отметить, что все респонденты имеют доступ к сети Интернет (95% с телефона), что определяет мобильность и доступность сети и регулярно ей пользуются. Были выделены некоторые виды деятельности в Интернете: общение – 95%; игра, досуг, скачивание/просмотр видео, музыки, тренировки – 80%; познание, поиск информации – 70%; работа, покупки – 40%.

По сроку пользования сетью практически все указали ежедневно (90%); более пяти лет; в среднем в сумме до пяти часов в день (35%).

Следует отметить весомое для студентов преимущество пользования таким типом информационного пространства: интернет является самым большим кладом знаний, где можно найти практически любую информацию, но из-за большого потока данных необходимо корректно ее сортировать. Также можно интерпретировать как бонус использование социальных сетей в учебных целях. Но имеются и недостатки, на которые нельзя не обращать внимание. Общедоступность и обилие информации провоцируют студентов на прекращение полноценной самостоятельной работы, а популяризация использования мобильных телефонов, имеющих доступ в интернет, упрощает поиск нужной информации еще больше и это приводит к падению образованности студентов. Но, несмотря на это, информационное пространство и сеть Интернет могут стать лучшими помощниками для тех, кто желает получить качественные знания в любой сфере, и является эффективным инструментом в руках студента, при условии его корректного и грамотного использования.

Таким образом, использование сети Интернет только интенсифицируется со временем и в рамках информационного пространства проявляется в виде потребности психологического характера. Эту потребность можно отнести на уровень вторичных потребностей человека, без которых о полноценной социализации формирующегося профессионала говорить не приходится. «Актуализируется новый показатель статусной престижности, фиксирующий количество доступных каналов информации. Происходит интенсивная выработка новых паттернов взаимодействия со средой, поиск личностно-ориентированных смыслов. Активизируется роль Интернета в подготовке студентов к практической профессиональной деятельности, где студенты все чаще ориентируются на виртуальность» [3, с. 79].

Таким образом, информационное пространство со всеми его особенностями становится неотъемлемой частью реальной жизни современного молодого человека, будущего профессионала. И, так как среднее профессиональное образование остается одной из важных и востребованных форм получения профессиональной специализации учащимися (о чем нам сообщает тот факт, что от 40 до 70% работников различных сфер экономики, а в особенности во внепроизводственной сфере, – это специалисты со средним профессиональным образованием), то отрицать влияние информационного пространства на социальное и профессиональное развитие молодежи

не представляется разумным [1]. Информационное пространство буквально «накрывает» любого потребителя информации практически с рождения и сопровождает на протяжении всей жизни, что обязывает относиться к информации аккуратно и грамотно для ее качественного использования.

*Список литературы:*

1. Баранников, К.А. Обзор современного состояния среднего профессионального образования в России (статистика и аналитические замечания) / К.А. Баранников // Вестник Московского университета МВД России. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2009. – № 7. – С. 16–19.

2. Ищенко, М.В. Информационное общество: подходы к определению сущности категорий / М. А. Ищенко // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2007. – № 1. – С. 47–54.

3. Микрюков, В.А. Влияние интернет-социализации на личность современного студента / В.А. Микрюков // Научные и образовательные проблемы гражданской защиты. - Химки: Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика, 2010. – № 4. – С. 76–82.

4. Чистяков, А.В. Социализация личности в обществе Интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: автореф. дис. ... док. социол. наук : 22.00.06 / А.В. Чистяков; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова – Новочеркасск, 2006. – 54 с.

## **СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА**

*Е.Э. Рудковская  
Витебск, Витебский государственный  
университет имени П.М. Машерова*

Древнекитайский полководец Сунь Цзы, разрабатывая правила и принципы успешных военных кампаний, указывал в том числе на необходимость психологического слома населения противника, рекомендуя обесценить традиции, разорвать связь поколений через неприятие опыта старших. Сегодня мы становимся свидетелями претворения данных наставлений в жизнь на Западе, когда видим осквернение и снос памятников советским воинам, павшим на фронтах второй мировой войны. Особенно корбит, что данное варварство совершается и на территории бывших союзных республик людьми, воспитанными когда-то в атмосфере глубокого почитания героев тех трагических событий. В этой связи крайне актуальным и оправданным представляется уточнение в ст. 15 Конституции Республики Беларусь ответственности государства за сохранение не просто историко-культурного и духовного наследия, но «исторической правды и памяти

о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» [1, с. 7].

Ситуационность влияет на подвижность иерархии целей, содержания и методик воспитания. Сегодня понятие «историческая память», введенное почти век тому назад французским социологом М. Хальбваксом, является весьма востребованным в научных кругах и в педагогическом сообществе. В связи с чем в «Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг.» основным направлением указано идеологическое воспитание, результатом которого должно стать «осознание обучающимися ответственности за судьбу страны, гордости за сопричастность к деяниям своих предков, формирование ценностного отношения к Родине, понимание важности сохранения исторической памяти (особенно о событиях Великой Отечественной войны, жертвах и героизме соотечественников)» [2]. Чтобы события прошлого стали не сухим знанием фактов и дат, а эмоционально окрашенным, прочувствованным «воспоминанием», педагоги используют не только учебный материал уроков истории, но и коммеморативные практики (исторический туризм, фильмы, памятники, праздники, реконструкции событий), технологии активного обучения (проектные технологии, драматизация, т.н. устная история). Ослабленная историческая память будет не способна сопротивляться вытеснению традиционных ценностей чуждыми, слому национальной идентичности, навязыванию «правильной» версии исторического прошлого. В чем видятся препятствия, неблагоприятные факторы, которые осложняют реализацию изложенных в программе задач?

1. Ответственность за сохранение исторической памяти мы передаем поколению Z, «племени младому, незнакомому» нам. Наблюдаемое складывание у молодежи новых смысловых конструктов, на наш взгляд, укладывается в теорию американского антрополога, этнографа М. Мид, которая проследила переход от постфигуративной культуры к кофигуративной, а впоследствии – префигуративной. В первом случае старшее поколение выступает в качестве непогрешимого авторитета, примера для подражания; его опыт, ценности, стиль жизни задают автоматизм поведения детей. Во втором случае мы имеем дело с конфликтом поколений, когда молодежь не нуждается в поколении дедов, считая опыт старших недостаточным (а то и непригодным); ориентируется на сверстников и ищет новые эталоны, идеалы, способы жизнедеятельности и самоутверждения. По прогнозам исследователя, в будущем обращение к опыту прошлого, взаимодействие поколений станет еще более дискретным, непрочным вследствие интенсификации общественных трансформаций, ускорения темпов развития. Как говорится, не дети живут в наше время, а мы - в их времени. Среди факторов, продуцирующих новые тенденции в духовной культуре, можно назвать кардинальные социально-политические, экономические изменения, технические новации.

2. Поколение Z, по словам М. Пренски, – «цифровые аборигены», в наибольшей степени подверженные влиянию виртуальной медиасреды, соцсетей. Диджитализация таит в себе множество рисков. Во-первых, кибернетический человек сосредотачивается на собственных интересах, фантомной реальности, выключаясь из настоящей жизни, сферы общественных идеалов, социальных связей. Э. Фромм назвал такого аутичного человека больной личностью больного мира. Во-вторых, в сети каждый сам себе историк, размещая далекие от научной верификации посты, комментарии. Накрученные лайки и количество просмотров влияют на интерес аудитории к размещенному материалу, что становится инструментом управления отношением людей к событиям прошлого. Молодые люди не всегда умеют отделять зерна от плевел, фильтровать контент. В-третьих, круг интересующих молодежь вопросов достаточно узок, она обращает внимание, как говорил П. Сорокин, только на «пустые банальности, яркие и вредные забавы и непрочный «успех» [3]. В-четвертых, субъекты интернет-пространства становятся лидерами мнений для молодежи, конкурируя за авторитет с педагогами и родителями.

3. По конъюнктурным соображениям отдельных политических сил сражения за историю резко обострились. Безответственная и безапелляционная интерпретация событий прошлого, этическая и аргументационная раскованность в оценках, распространение конфликтогенных текстов, дезинформация и дискредитация, подлог и фальсификация, избирательность отбора информации и односторонность ее подачи, изобретение мифов стали привычными суггестивными, манипулятивными практиками в деле миромоделирования. «Русский сегмент Интернета в последние годы стал полем ожесточенной информационно-психологической войны (далее – ИПВ)... Акторами ИПВ, провоцирующими идеологические межгрупповые конфликты, являются общественные деятели, публицисты, блогеры, а также многие рядовые пользователи социальных сетей, пишущие комментарии к постам, демотиваторам и другим вербальным и поликодовым текстам на идеологически значимые темы (религия, социально-экономическое неравенство, политика, переоценка событий прошлого и др.)» [4, с. 63]. Молодым людям сложно разобраться в подобном информационном хаосе, что провоцирует скепсис, идеологическую индифферентность, утрату интереса исторической проблематике. А ведь историческое сознание обращено не только в прошлое, но и в будущее. Не получим ли мы в результате манкуртов или, в случае повышенной внушаемости, деструктивно зомбированных субъектов?

4. Препятствием на пути формирования исторической памяти, патриотизма выступает также общая ментальная специфика эпохи постмодернизма, несущая заряд социокультурной эмплозии. Постсовременному миру множества рисков стало присуще отсутствие безопасности во всех смыслах. В постмодернистской культуре нигилизма действуют гибкие правила, культура отмены. Общественное вытесняется индивидуальным, историчность –

попури сведений о прошлом, авторитеты – деканонизацией традиционных ценностей, символов и героев, систематичность знания – мозаичной информацией, содержание – формой, этические принципы – гедонизмом, историко-социокультурная идентичность – нежеланием помещать себя в какую-либо идентификационную матрицу. В результате, культ свободы выбора, многообразия и рядоположенности обернулись, по мнению философа Ю. Харина, рождением нового явления, – хома цвишенс – дезориентированного, неуверенного человека «междубытия», отягощенного выбором между множеством вариантов; существующего по принципу де-: дегуманизации, децентрации, дерационализации, деформации, деструкции.

Но человек как существо, взыскующее смысла, не может бесконечно находиться в состоянии неопределенности на распутье, не может без укорененности в историческом, нравственном субстрате: перекачиполе – все же исключение. Как на индивидуальном уровне человеку рекомендуется, «чтобы жить вполне разумно и извлекать из собственного опыта содержащиеся в нем уроки, следует почаще припоминать прошлое и пересматривать все, что было прожито, сделано, познано и прочувствовано при этом...» [5], так и обществу следует проводить ответственную политику памяти для формирования национального самосознания, укрепления интеграции и единства общества. Названные риски должны сподвигнуть субъектов социализации к интенсификации работы по выработке системы национальных приоритетов, противодействию деструктивного информационного воздействия, поиску новых форм работы с молодежью в целях ее социокультурной гравитации.

#### *Список литературы:*

1. Конституция Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.). – Минск: Национальн. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
2. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс]: постановление Министерства образования Республики Беларусь, 31 декабря 2020, № 312 // Национальный образовательный портал. – Режим доступа: <https://adu.by/images/2021/03/programma-vospitaniya-2021-2025.pdf> – Дата доступа: 01.11.2022.
3. Сорокин, П.А. Долгий путь : Автобиограф. роман / пер. с англ. П.П. Кротова, А.В. Липского. – Сыктывкар : Союз Журналистов Коми АССР : Шыпас, 1991. – 304 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?num=4768&t=page> – Дата доступа: 04.11.2022.
4. Волчок, К.В. Функционально-прагматические особенности конфликтогенных текстов о Великой Отечественной войне / К.В. Волчок // Политическая лингвистика. – 2021. – № 2 (86). – С. 62–72.
5. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/aforizmy.txt\\_with-big-pictures.html](http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/aforizmy.txt_with-big-pictures.html) – Дата доступа: 03.11.2022.

## **VI. ПУТИ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НОВЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

---

### **ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫЗОВАМ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

*Л.В. Вонсович  
Минск, Белорусский государственный  
университет физической культуры*

Первые десятилетия XXI века знаменовались прогрессирующим во всем мире ростом количества угроз военного, социального, экономического, экологического характера. Современным вызовам присуща чрезмерная сложность, обусловленная технологическими, финансовыми и политическими взаимосвязями в социально-экономических системах. Именно эти связи определяют трудно предсказуемые варианты риска угроз и масштабы их последствий. Из-за неопределенности причин и неэффективного управления ими современные вызовы представляют собой самоподдерживающийся процесс и напоминают замкнутый круг, из которого сложно вырваться. Это ставит на повестку перед многими государствами задачу разработки механизмов противодействия тем реальным вызовам и угрозам, которые могут привести человечество к глобальной катастрофе. Одним из таких механизмов является идеологическая безопасность государства.

Проблема идеологической составляющей развития белорусского общества достаточно давно стоит на повестке дня. В нынешних условиях политического, экономического и иного давления на Республику Беларусь со стороны западного мира эта проблема приобрела особую значимость. Встал вопрос об обеспечении идеологической безопасности государства и общества, усилении мер, используемых государственной властью для формирования особых ценностных ориентаций граждан на консолидацию социума, защиту конституционного строя, обеспечение законности и правопорядка, независимость, территориальную целостность, поступательное развитие в постиндустриальном формате.

Конституция Республики Беларусь в редакции 2022 года закрепила положение о том, что демократия в стране осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений. Отказ от идеологического многообразия, на что ориентировалась Беларусь в предыдущие десятилетия, стал вполне закономерным. Такое многообразие, как показали события двухлетней давности, создали угрозу существующим в государстве политическим отношениям, привели к размыванию единой системы идей, ценностей, целей белорусского

пути общественного развития. И здесь можно быть солидарным с мнением российского ученого К.С. Гаджиева, который указал, что высказываемые рассуждения относительно «необходимости отказа от идеологии в пользу деидеологизации как неперемного условия строительства демократического государства лишены каких бы то ни было серьезных оснований» [1, с. 382]. Действительно, политика в современном мире как арена столкновения различных интересов немислима без идеологии.

Идеология государства как раз-таки и призвана выступать своеобразным конструктом, который помогает обосновывать интересы общества через систему ценностей, идеалов, норм и стандартов поведения, консолидировать социум, активизировать солидарность различных социальных групп. Такая идеология как выразитель общественного интереса предопределяет политику, является способом реализации этого интереса через особую форму мировоззрения на цели и содержание политической активности. Эта роль идеологии обусловлена тем, что, с одной стороны, она является продуктом социальных процессов, а с другой – сама может участвовать в утверждении определенного общественного порядка и его рационально обосновывать. Идеология государства выступает как система ценностей, формирующая моральное основание общественных отношений. Она является своего рода посредником между потребностями человека и окружающей действительностью, указывает на легитимные способы и методы удовлетворения этих потребностей в условиях функционирования определенной политической системы.

Государственная власть в Республике Беларусь заинтересована в функционировании идеологии, которая включает в себя представления об основных направлениях развития государства и общества и определяет основные приоритеты государственной политики. Задача такой идеологии – сделать политику средством консолидации общества, создать убедительные концепты, которые бы придали ей смысл, сформировали образы, которые бы сделали ее доступной для восприятия.

Наличие и функционирование государственной идеологии, поддерживаемой основной массой граждан, способствует обеспечению идеологической безопасности государства. Речь идет о реализации мер, которые направлены на защиту интересов страны и народа, противодействие внутренним и внешним угрозам и иным неблагоприятным воздействиям. Эти меры призваны поддерживать стабильный всесторонний прогресс общества и людей, живущих в нем. Идеологическая безопасность, другими словами, есть способность государственной власти обеспечивать эффективное функционирование государственного механизма в существующих общественных условиях, разрешать возникающие идеологические противоречия. Действительно, именно государственная власть в современном обществе, в том числе и нашем белорусском, является главным объектом идеологической безопасности. Это обусловлено, во-первых, тем, что

функционирование властных институтов обеспечивается стабильностью взаимосвязей между ними, между ними и гражданами страны на основе определенной совокупности идей, ценностных ориентаций и принципов. Во-вторых, деятельность органов государственной власти подчинена условиям существующей идеологической среды. Есть и третья причина. Государственная власть имеет возможности обеспечить идеологическую безопасность всего государства в целом.

Для определения сущности идеологической безопасности государственной власти важным является понимание того, что безопасность – это с одной стороны пределы допустимого, с другой - возможность вернуть систему в состояние стабильного, устойчивого развития после воздействия внешних или внутренних угроз. Наличие определенной совокупности идей, ценностей, принципов, определенных государством и отражающих волю и стремления граждан, является необходимым условием функционирования государственной власти и таким же признаком государства, как государственный суверенитет, территория, право, управление. Ослабление идеологических основ может грозить разрушением государства.

Таким образом, обеспечению идеологической безопасности Республики Беларусь способствует функционирование идеологии государственной власти, идеологической политики, институциональных преобразований и необходимых механизмов, устраняющих или смягчающих воздействие факторов, подрывающих устойчивость политической системы страны. Среди таких факторов, несущих угрозу Беларуси, можно назвать: активную деятельность западных СМИ, которые искажают информацию о процессах, идущих в белорусском обществе, публичные заявления отдельных деятелей, эмигрировавших из страны, слухи и домыслы, распространяемые идеологическими институтами отдельных стран относительно позиции Республики Беларусь в российско-украинском конфликте. Предназначение идеологии государства и состоит в том, чтобы обезопасить общество от недостоверной информации, противостоять навязыванию чуждых белорусскому народу идеалов и ценностей. В этом случае политическая система страны будет устойчивой и управляемой. Вялость идеологических процессов в государстве, размытость идеологических приоритетов может привести «к разрушению системы, или к невыполнению ею своих задач, или как минимум к ухудшению качества управления» [2, с. 98].

*Список литературы:*

1. Гаджиев, К.С. Метаморфозы идеологии в век информатики / К.С. Гаджиев. - М. : Университетская книга, 2016. – 456 с.
2. Тамбиянц, Ю.Г. Идеология и социальная иерархия: механизмы взаимодействия : дис. ... доктора философских наук : 09.00.11 / Тамбиянц Юлиан Григорьевич; [Место защиты: Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств]. – Краснодар, 2007. – 396 с.



## КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ И ЦИФРОВАЯ РИТОРИКА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.В. Воробьева

Минск, Белорусский государственный университет

Кризис идентичности в виртуальном пространстве обусловлен трансформациями в механизмах конструирования личности, затрудняющими самоопределение относительно смысла, что ведет к росту неопределенности. Постмодернизм провозгласил замену трансцендентного происхождения смысла происхождением трансцендентальным. Такая замена «извне» на «изнутри» обернулась рядом проблем, решаемых в контексте цифровой риторикой, предоставляющей концептуальные инструменты для перехода к рефлексивной ориентировке в виртуальном мире. Поэтому цель заключается в выявлении точек их пересечения.

Идея риторических механизмов самоидентификации как инструмента построения личной и публичной жизни, восходящая к античному миру, раскрывается в онтологическом контексте отношений между людьми и управления социальными процессами. Концептуально такие механизмы были сведены Аристотелем к трехэлементной структуре – логос, этос, пафос, раскрываемой в конкретной ситуации («кайрос»). В риторике логоса доминируют факты и формальные и содержательные аргументы, в риторике этоса – авторитет, в риторике пафоса – экзистенциальные аргументы. Конкретная ситуация составляет контекст, в котором событие обретает прагматические свойства, например, актуальности, своевременности, новизны, поддержки или подтверждения.

Риторические механизмы самоидентификации в виртуальном пространстве несовместимы с рынками поведенческих фьючерсов, формирующих привычки и паттерны рефлекторного поведения. Первая причина несовместимости заключается в том, что познавательная активность осуществляется преимущественно в виртуальной среде с уменьшением осознанности выбора. Вторая – в одновременности упрощения и ускорения информационного влияния и замедления и усложнения критического восприятия по отношению к нему. Как следствие, в контексте информационного воздействия реализуются не познавательные стратегии, а деструктивные изменения сознания и ментальный терроризм. Например, Ш. Зубофф, выявляя причины «надзорного капитализма», раскрывает угрозы человеческой природе в XXI веке, в котором все подчинено новым средствам модификации мышления и поведения [1]. Г. Ловинк обосновывает необходимость развития сетевой культуры [2].

В фокусе цифровой риторики обоснование указанных причин кризиса идентичности предполагает уточнение феноменов *истина/правда, ложь/фейк, паррезия*. Если истина рождается только в гомологии

(диалогическом, или диалектическом, единомыслии), поддерживаемой логикой, то правда есть следствие устойчивых убеждений, обнаруживаемых в ракурсе антропоцентризма. Обоснование истины в диалогическом мышлении осуществляется в пределах более чем одной перспективы, что позволяет оценить силу и слабость противоположной точки зрения. Феномен правды обусловлен казуистикой, т.е. разбиванием темы на множество частных случаев и деталей применительно к различным обстоятельствам, как в аргументации Сократа или в качестве кейс-метода в образовательных технологиях. Если обратной стороной истины выступает ложь, то обратной стороной правды – фейк. Фейки – это казуистическое акцентирование нужных деталей в отрыве от основной темы и ее сокрытии. Подобные софистические симуляции невозможно верифицировать, поэтому их нельзя принимать без сомнений.

Феномен паррезии связан с правдой. Платон под паррезией понимал говорение правды во всех ситуациях и в полном объеме, даже если она нелицеприятна. Таков образ мыслей Сократа, который свободен в выражении своих убеждений, противопоставляя правду лжи или молчанию, критику – лести, долг – равнодушию. Античное искусство правды раскрывается как искренность в высказываниях, сопряженная с риском потерять благополучие, положение или жизнь. Но такое искусство несовместимо с критиканством, которое обусловлено чаще всего невоспитанностью, высокомерием, пренебрежением к людям и обществу. Критиканская подача информации является антитезой ее критического осмысления, так как за ней стоит человек, не умеющий себя сдерживать вследствие вечного недовольства и провоцирующий окружение к неоправданным действиям и мыслям, не умеющий воспринимать критику и проигрывающий в публичных спорах вследствие собственной демагогии.

Критиканские стратегии используются для самоутверждения, привлечения внимания к своей персоне, для сведения счетов и пр. Отдельные блоггеры выражают откровенное заискивание перед хамством правдоискателей (например, в образе мыслей Навального), выдавая его риторику за паррезию. Подобного рода правдоискательство свойственно аутсайдерам социально-культурных процессов, а также культурно и социально слабым группам. Пафос их аргументов отражает вызывающе-презрительное отношение к миру. Риторика аутсайдеров – это не ироничные филиппики, а цинизм, граничащий с высокомерием или пренебрежением к культурным или иным нормам и допускающий публичные оскорбления. Подобный ментальный терроризм сопряжен с отрешением от любых форм условностей, что делает софистическую казуистику экстерриториальной, принимающей порой формы цинизма.

Тролли в интернете могут служить иллюстрацией радикального цинизма, заключающегося в самоутверждении посредством вызывания отрицательных эмоций у партнеров по коммуникации. Подобное

самоутверждение поддерживается относительной анонимностью и безнаказанностью. Ощущение и демонстрация своего превосходства не является формализованным выражением убеждений, так как их границей выступает не логика, а чувственно-рефлекторное познание, стимулом к действию – риторика зависти или ненависти. Подобная риторика преодолевается иронией. Если зависть и ненависть наделяют человека ложным чувством превосходства, то риторика иронии позволяет сделать метонимическое смещение в восприятии. Образ мыслей Сократа опирается на эту риторику, в которой различимы три типа иронии – остроумие, насмешка и сарказм. Они, согласно Х. Уайту, указывают «на потенциальную глупость всех языковых характеристик реальности, как и на абсурдность всех убеждений, которые она пародирует» [4, с. 56].

Ирония позволяет одновременно усомниться в истине/правде и неявно сформулировать антитезис, что ведет к реконструкции миропонимания посредством противопоставления явного и скрытого, буквального и фигурального. Такая реконструкция способствует критическому осмыслению существующих порядков вещей как противоречивых, парадоксальных или абсурдных. Для этого необходимо установление правильной дистанции к описанию, позволяющей достичь определенного критического сдвига в восприятии. В результате, опираясь на игру с отрицанием и диалектику противоположностей, противоречия, парадоксы и абсурд осмысливаются как неизбежность. Это позволяет высветить возможности в закрытой семантике клипового мышления и перейти к смысловой мобильности, исходя из того, что смысл заключен не в бытии, как в материализме, и не в языке, как в феноменологии, а в ментальности, допускающей иное в личный опыт [3, с. 115].

Таким образом, преодоление кризиса идентичности в виртуальном пространстве предполагает распознавание идентификационных механизмов, связанных с пониманием того, как работает цифровая риторика. Ее концептуальный инструментарий позволяет определить точки уязвимости сознания и мышления в виртуальных условиях многозначности самоопределения и самореализации человека.

#### *Список литературы:*

1. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф. – М.: изд-во института Гайдара, 2022. – 784 с.
2. Ловинк, Г. Критическая теория интернета / Г. Ловинк. – М.: Ad Marginem, 2019. – 304 с.
3. Малиновская, М.А. Концепция смысла в постмодернистской теории Ж. Делёза: семиотические и когнитивные аспекты / М.А. Малиновская, С.В. Воробьева // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития. – В 3 т. – Т. 1. – Минск: Чет. четверти, 2020. – С. 113–116.
4. Уайт, Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург: УрГУ, 2002. – 528 с.

# ДЕТСКИЙ ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ТЕАТР КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

*А.А. Дорожинская*

*Минск, Белорусская государственная академия искусств*

Осознание того, что театральное искусство помогает прояснять причинно-следственные связи событий, разрешать межличностные и социальные конфликты сделало этот синтетический вид искусства средством борьбы с угрозами современного мира. Это подтверждается тем фактом, что после II Мировой войны, в 1961 году по инициативе делегатов IX конгресса Международного института театра при ЮНЕСКО был установлен «Всемирный день театра» под девизом: «Театр как средство взаимопонимания и укрепления мира между народами».

Попытки структурировать глобальные проблемы предпринимались неоднократно. Например, в монографии «Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов» [1] авторы выделили десять «узловых» проблем: образование и воспитание; проблемы мира и конфликтных ситуаций; продовольственные проблемы; транспорт; здравоохранение; город и жилище; загрязнение окружающей среды; семья, труд и досуг; общество; исследование будущего. Проблемы образования и воспитания были определены как наиболее приоритетные, поскольку именно формирование компетенций и личностный рост дают человеку возможность правильно оценивать происходящие события и принимать адекватные им решения.

Детский любительский театр, имеющий в своей основе образовательную и воспитательную функции, становится в условиях современных реалий важным средством формирования нового поколения. Именно детский самодеятельный театр в своём репертуаре чаще других театров поднимает вопросы дружбы, морального выбора, веры в силу добра, важности детства и защищенности ребёнка в семье, социуме. Кроме того, детский любительский театр закладывает важнейший навык – экологического решения проблем, через общение.

Сегодня, в век информационных технологий под угрозу попала культура общения детей и молодёжи, легко развиваемая в процессе театрального творчества. Автор проекта «Таланцікі» руководитель детского образцового театра «Ялінка талантаў» Леонид Курц говорил: «Сегодня молодёжь, пребывая в рамках гаджетов – разного рода электронных устройств, в том числе, и коммуникативного назначения, исподволь отвыкает от живого общения. Этот дар Божий человеку надо возвращать. Не все участники «Талантиков» связали свою судьбу с актёрской или режиссёрской деятельностью ... Но тесное соприкосновение с театральным творчеством, радость

живого общения и созидания на театральных подмостках навсегда осталась в их сердцах» [3]. Культура общения личности отнюдь не является врожденным качеством. Ее основу составляет совокупный опыт человеческого общения. Высокоразвитая речь, социализация личности, коммуникативная деятельность, взаимоотношение личности с обществом – вот коренные проблемы общественного развития. Театральное искусство способствует развитию навыка самопрезентации личности, повышению её деловой активности и решению профессиональных задач в различных сферах. Приобщение ребенка к коммуникативной культуре – неотъемлемая часть развития, включающего систему знаний, норм, ценностей и образцов поведения. А также принятых в обществе механизмов речевого взаимодействия, предполагающих умение индивидуума организовать речевую деятельность языковыми нормами, адекватными ситуациям общения. «Смолевичская театральная команда» – так назвала смолевичан Ольга Смолюгова (художественный руководитель, организатор фестиваля), «От вашего коллектива исходит невероятная энергия, вы как семья, единый организм. Все на одной волне позитива». И не спроста: на открытии и закрытии фестиваля флаги со Смолевичским гербом дружелюбно приветствовали каждый коллектив, на дискотеке «Театрона» ребята показали, как нужно «зажигать», а на мастер классе – стараться во время обучения, «Смолярики» присутствовали на всех спектаклях, демонстрируя высокий уровень воспитанности и дисциплины. Сами же ребята считают эту поездку самой лучшей, объединившей их и подарившей им опыт общения, и много новых друзей за пределами РБ» [2].

Даже в детском самодеятельном театре, в основе постановки лежит драматическое искусство, в детском любительском театре интегрируются самые различные виды деятельности, и он обладает мощными ресурсами воспитывать творческое начало человека, пробуждать в нем творческие силы для реализации замыслов в самых разных видах деятельности. Задачами детского самодеятельного театра являются развитие духа, формирование потребностей, ценностная ориентация, эмоциональное развитие. И для этого хороши все жанры, кроме скучных, как сказал Вольтер. Это может быть драма, трагедия, комедия, сказка.

Сегодня, во времена роста тенденции раннего всестороннего развития детей набирает популярность театр как форма дошкольного образования и воспитания. Однако сегодня пьесы для детей зачастую примитивные. Сценарии, как правило, предназначены для проведения классных часов, открытых уроков, для работы учителей-организаторов общеобразовательных школ без театрального уклона. Такие сценарии не художественны, поверхностны, бессюжетны, безыдейны. Это некое действие на заданную тему, лишённое кульминационного события, перипетий и композиции. К счастью, специалисты понимают это и развивают подобные сценарии различными средствами выразительности, повышая художественность постановки.

Пьес для детского театра не много. Мало было написано, не достаточно пишется. Поэтому режиссёры и руководители детских театральных коллективов прибегают к инсценировкам известных сказок, классических произведений школьной программы, и самостоятельному сочинению пьес. Основной жанр, в котором сегодня работает детский любительский театр – сказка-пьеса. Темы добра и зла, мотив выбора, тема личности в окружающей действительности, темы смысла жизни и её ценности, поиска радостей и веры в себя, свои силы, тема светлого будущего, вот основная тематика таких сказок. Не потеряли своей актуальности постановки на тему II Мировой войны, человеческих страданий, тему детей войны, несправедливостей жестокого военного мира. Так с ранних лет закладывается фундамент моральных ценностей, подкреплённый художественным образом, который воздействует на новое поколение на чувственном и подсознательном уровне. Детский любительский театр, как и взрослый профессиональный театр, а порой и в большей степени, так же является «учебным пособием по выживанию в меняющемся мире».

*Список литературы:*

1. Байнхауэр, Х. Мир в 2000 году. Свод международных прогнозов: Пер. с нем / Х. Байнхауэр, Э. Шмакке. – М.: Прогресс, 1973. – 240 с.
2. Ильинский, И. Смолевичские театралы на фестивале «Театрон» /И.Ильинский// Край Смалявіцкі.– 2021. –29 апр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kraism.by/obshhestvo/55834-smolevichskie-teatraly-na-festivale-teatron.html>. – Дата доступа: 29.10.2022.
3. Кузовкина, М. В Вилейском Дворце культуры начинает работу детский образцовый театр «Ялінка талентаў» /М.Кузовкина//.– Вилейская районная газета – свежие и интересные новости. – 2015. – 16 янв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://peramoga.by/novosti/v-vileyskom-dvortse-kulturyi-nachinaet/>. – Дата доступа: 29.10.2022).

## **ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО НАСИЛИЯ**

*В.А. Ксенофонов*

*Минск, Военная академия Республики Беларусь*

В условиях геополитической нестабильности и хаотизации международных отношений особую актуальность приобретает прогнозирование военно-политической обстановки и определение наиболее вероятных сценариев возможных агрессивных действий в отношении государства. Это обусловлено необходимостью обеспечения военной безопасности Республики Беларусь.

В настоящее время явно обозначилась тенденция усиления насилия в межгосударственных отношениях, кроме того, военное насилие стало частью общественных отношений и социальной практики. Со времен К. Клаузевица, определившего войну как продолжение политики другими

средствами, ее сущность не изменилась, она заключается в политических отношениях. Существенно поменялась международная политика, которая впитала в себя самые разнообразные технологии принуждения и насилия. Мы вправе утверждать, что «сама политика все больше становится войной, которую ведут другими средствами. Иными словами, война становится основным принципом организации общественной жизни, а политика – лишь одним из ее инструментов или воплощений» [1, с. 24].

Исходя из данного тезиса, *нет четкой грани между войной и миром, наше социальное бытие осуществляется в мировоенных отношениях*, а гражданский мир наступает тогда, когда завершается одна разновидность насилия (войны), чтобы дать развернуться следующей. Мы живем в эпоху тотального глобального насилия, когда к классическому военно-силовому фактору добавились иные неклассические «инструменты» насилия на социальные системы и общественные отношения (экономический, политико-дипломатический, информационный, научный, образовательный и др.). Идет мировая гибридная война (А.А. Бартош). Поэтому, в интересах обеспечения национальной безопасности в военной сфере необходимо глубоко разбираться в существующих и потенциальных технологиях насилия для своевременной научной и практической реакции.

Комплексное использование различных видов насилия на социальную систему (государство) привело к появлению феномена так называемой гибридной войны (ГВ). Как отмечает военный эксперт А.А. Бартош, *под ГВ понимается «использование по единому замыслу и плану силовых и несиловых способов межгосударственного противоборства в интегрированной компании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, проведение масштабных и стремительных подрывных операций в административно-политической, военной, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой сферах, информационные и кибероперации, военное использование космоса, прикрытие и сокрытие других разведывательно-диверсионных действий»* [2, с. 13].

Подчеркнем, что современные конфликты охватывают все сферы управления общественной жизни людей, что придает войне универсальный, многоплановый характер [2, с. 14]. Военное насилие в форме войны приобрело комплексный и многосферный характер. Война стала тотальной в отношении к социальным системам. Сегодня активно развивается парадигма неклассической войны [3]. Это свидетельствует о том, что *современную войну целесообразно изучать не только военной наукой, а всеми, в первую очередь социальными науками*, учитывая то, что она из явления в основном военно-технического в значительной степени трансформировалась в социальный феномен, стала скрытой социальной технологией насилия.

По взглядам руководства ВС США, *военные конфликты современности могут быть сведены в три группы: межгосударственные, гибридные и конфликты с участием негосударственных вооруженных формирований.*

В первом случае задействуются крупные группировки регулярных сил с применением современных средств вооруженной борьбы для нанесения гарантированного поражения противнику на различных территориях.

В гибридном конфликте осуществляются комбинированное применение ВС и иррегулярных формирований для создания обстановки неопределенности, захвата инициативы и лишения противника возможностей маневра силами и средствами. Используются как традиционные, так и асимметричные схемы.

Конфликт с участием негосударственных вооруженных формирований характеризуется тем, что противники задействуют относительно небольшие группы для организации подрывной деятельности и манипулирования населением.

Именно ГВ представляет собой компонент стратегии, присутствующий на каждом из этапов развития межгосударственного противоборства, и позволяет дозировать воздействие на противника от мягких форм вплоть до прямого применения силы, а также осуществлять снижение напряженности конфликта [2, с. 18]. В интересах управления конфликтом со стороны политических и военных руководителей важно понимать его развитие, представленного в виде «лестницы эскалации». Еще в середине 60-х годов американский ученый Герман Кан разработал «лестницу эскалации», состоящую из 44 ступеней, отражающую масштабность и разрушительность войны, на которой верхний уровень именовался «спазматической войной», в ходе которой применялось бы неограниченно ядерное оружие [4, с. 55]. Государственные и военные деятели России разработали современную «лестницу эскалации», которая не имеет законченного характера и включает 17 ступеней: *от обострения обстановки до войны с массированным применением ядерного оружия и других видов оружия массового поражения* [4, с. 60–65].

Элементами эскалации на начальных этапах современных военных конфликтов являются: экономические санкции и информационно-психологические операции; наращивание военно-силового давления; использование пятой колонны и НПО для подрыва единства общества и формирования манипулируемой толпы в цветной революции; операции в киберсфере; подготовка и использование иррегулярных вооруженных формирований; скрытое проникновение групп ССО для осуществления диверсионных акций и ведения разведки; использование технических средств, включая разведывательные и ударные БПЛА, космические системы [2, с. 20]. Названные и другие деструктивные действия на систему национальной безопасности требуют совершенствования не только системы государственного и военного управления, но и всего гражданского общества к адекватной реакции на эскалацию конфликтов, нелинейный характер которых позволяет достигать значительных разрушительных результатов.



Стратегия ГВ или прокси-войны уже превратилась в реальный инструмент геополитического противоборства. Необходимо уяснить насилие в серой зоне как театре гибридной войны [5].

В интересах обеспечения национальной безопасности важно дальнейшее системное исследование технологий насилия на социум. В условиях нарастания военного насилия целесообразно переосмыслить систему подготовки не только военных, но и гражданских управленцев. Они должны быть способны успешно решать задачи в рамках ГВ и деструктивного воздействия на все сферы общества. Необходимо уточнить содержание образования, включив в учебные планы дисциплины военно-философской направленности, такие как «Философия войны», «Неклассические войны», «Гибридные и информационные конфликты».

*Список литературы:*

1. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Культурная революция, 2006. – 559 с.
2. Бартош, А. А. Театры гибридной войны. Учебное пособие для вузов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2022. – 356 с.
3. Ксенофонов, В. А. Современные западные концепции военного насилия / В. А. Ксенофонов // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серія гуманітарных навук.– 2022. – Т. 67. – № 2. – С. 135–148.
4. Кокошин, А.А. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн / А.А. Кокошин, Ю.Н. Балуевский, В.И. Есин, А.В. Шляхтуров. – М. : ЛЕНАНД, 2021. – 88 с.
5. Бартош, А.А. Серая зона: театр гибридной войны / А.А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 308 с.

## **«НАЦИОНАЛЬНОЕ» ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЗИКИ**

*М.Я. Мацевич, В.В. Валеитёнок  
Минск, Белорусский национальный  
технический университет*

Что может быть общего между теоретической физикой и нынешней политической ситуацией в Украине? На первый взгляд, ничего. Но, если мыслить немного глубже, метафора и проливает свет на неизбежную реальность современного конфликта. Поскольку Соединенные Штаты пытаются выйти из двух самых длительных войн в своей истории и пытаются осмыслить полученные уроки, возможно, самым большим уроком является то, что Вернер Гейзенберг, председатель Мао Цзэдун объединяют нас. В течение многих лет, во время конфликтов в Ираке и Афганистане, командиры из всех сил пытались найти методы для снижения уровня активности противника. Прежде чем некто приступает к тому или иному военному «иностранным приключению», должно помнить один простой факт: принятие

моральной ответственности за неуправляемые пространства. Принятие этой простой истины приводит к анализу затрат и выгод нашей страны в свете воспринимаемых национальных интересов.

Вернер Гейзенберг был физиком-теоретиком, впервые введшим принцип неопределенности, тесно взаимосвязанный с «эффектом наблюдателя». Проще говоря, «эффект наблюдателя» описывает изменения, которые простой акт наблюдения за явлениями оказывает на поведение этих явлений. Зоолог, наблюдающий за агрессией льва, повлияет на проявление этой агрессии. Чтобы физик мог наблюдать электрон, сначала должен взаимодействовать фотон, изменяя траекторию движения для этого электрона. Поскольку принцип неопределенности и эффект наблюдателя часто путаются, а детали являются прочными в стратегическом смысле, в тезисах говорится о физике Гейзенберга с точки зрения простого обывателя.

Последнее относится и к операциям на территории Украины, а также к стабильности в регионе, поскольку невозможно надлежащим образом оценить статус безопасности в данном театре действий без учета присутствия аутсайдеров. Мы не хотим видеть себя оккупантами, как американцы. Но наше мнение не учитывается в этих вопросах. Русские вынуждены воевать, рассматривать территориальные проблемы и с точки зрения русскоязычного коренного населения. Независимо от аксиологических установок «галичан», они носили оружие, и уже только это делало их оккупантами. Какими бы ни были обстоятельства, в которых находились украинцы, борющиеся за «европейские ценности», их присутствие в конечном итоге будет рассматриваться как внешнее вторжение в жизнь местного населения Донбасса. Подобное вторжение порождает негодование и дает достаточно времени для перерастания обиды, жертв, страданий в необходимость осознанного ответа.

Желание очистить страну, свой дом от иностранных захватчиков может быть достаточно сильным для объединения даже самых непримиримых врагов. К 1936 году китайские коммунисты Мао Цзэдуна и националистические силы Чан Кайши сражались друг с другом за контроль над Китаем почти десять лет. В ответ на внешнюю угрозу эти двое создали временный союз, чтобы изгнать Японию со своей родины. Мао и Чан Кайши смогли сотрудничать в течение четырех лет, кульминацией стала битва в Ухане в 1938 году. Стратегическая победа Китая помешала Японии начать еще одно крупное наступление в Китае до 1944 года.

Мао Цзэдун в книге «О партизанской войне» очень поучительно раскрывает мысли революционного командующего повстанцами. Придумывая книгу, Мао еще не был лидером крупнейшей нации на планете, но уже являлся лидером повстанцев в смертельной борьбе с одной из самых жестоких военных машин, когда-либо видевших мир. Имперская Япония обладала гораздо большей военной мощью, чем китайские силы. Мао считал, что китайцы могут победить с использованием мобильных децентрализованных операций, выполняемых в «таймфрейме», продиктованном его силами, а не в Японии. Победа будет достигнута путем выживания, не позволяя себе

решительно заниматься и продлить войну на неопределенный срок, пока японцы не потеряют волю к борьбе.

Означенная концепция слишком хорошо знакома любому ветерану Ирака или Афганистана. Ключевой особенностью всех этих конфликтов была неуловимая природа противника. Именно такого рода разочарование Мао пытался разжечь среди своих врагов. Мао, в частности, написал книгу, чтобы побудить людей продолжать партизанскую кампанию до тех пор, пока это необходимо для победы над японцами. Пока японские войска оккупировали Китай, Мао продолжал нападать на них.

Народное ополчение Донбасса действовало так же, как и партизаны Мао. Несмотря на заявления о стратегических целях в отношении операций стабильности, государственного строительства и свободных выборов, силы коалиции оставались на оккупированных территориях в основном из-за отсутствия безопасности. Независимо от того, что делали коалиционные силы, украинская сторона продолжала атаковать мирных жителей ДНР и ЛНР. В этом суть книги Дэвида Килкаллена «Случайный партизан». Любая оккупированная страна является, по сути, дестабилизированным регионом. Поэтому проведение операций устойчивости бессмысленно, поскольку «стабилизирующая сила» является основным источником нестабильности. Украина – сложный пример, ибо по своей природе неустойчивая страна, не являющаяся ни единой нацией в глазах большинства ее людей, ни единым законным цельным государством. Искусственный характер ее границ, созданный советской властью, был обречен на индуцирование нестабильности, с которой страна столкнулась с момента ее проектирования как суверенного государства. С аналогичной ситуацией столкнулся и Ирак из-за искусственных границ, установленных после Первой мировой войны, и в результате сектантских разломов между курдами, арабами (шиитами и суннитами). Но на протяжении многих лет он имел относительную стабильность. Саддам Хусейн, будучи нераскаявшимся тираном, фактически являлся стабилизирующей силой в Ираке. Силы коалиции быстро свергли режим Хусейна, и иракские военные перестали функционировать как эффективная военная сила. Под руководством госсекретаря Колина Пауэлла коалиционные силы были обязаны восстановить страну. Этот ход действий никогда не оспаривался на официальном уровне историческим Западом. Казалось просто само собой разумеющимся, что они обязаны остаться и помочь иракскому народу вернуть в свою страну порядок.

Исходя из текстов современного философа Дж. Агамбена, сегодня отсутствует собственно аргументированное и сознательное изучение гражданского конфликта, то есть попытка философски осмыслить кризис и конфронтацию. Доказательством тому служат отсутствие юридических и политических референтных текстов, а также, сам кризис термина «гражданская война», в международном контексте сводящийся к простому регулируемому вмешательству международных организаций.

В эссе «Апокалипсис разочаровывает» М. Бланшо в очередной раз поставил под сомнение проблему конца человечества. Кажется, полагает Бланшо: такая апокалиптическая перспектива обязательно разочаровывает, потому что она представляет собой силу в руках человечества чего-то, что на самом деле этим не является. В сущности, это «сила, которая не в нашей власти, которая указывает на возможность, которой мы не владеем. Мы не хозяева самих себя...» [1] Продолжая тему, в одном из последних своих текстов «Атомная война и конец человечества» Агамбен рассуждает о невозможности возложить на некий европейский «разум» задачу направлять человечество в его бесконечном движении к зрелости. «Здесь уже четко сформулирована альтернатива между “исчезновением Европы, которая становится все более чуждой себе и своему рациональному призванию”, и “возрождением Европы” благодаря “героизму разума”. Но там, где нужен “героизм”, больше нет места для “рационального призвания” (о нем уточняется, что оно отличает европейское человечество от “дикого папуаса”, по крайней мере настолько, насколько последний отличается от зверя)» [1].

*Список литературы:*

1. Agamben, D. la guerra atómica y el fin de la humanidad [Электронный ресурс] / D. Agamben – Режим доступа: <https://ficcionalarazon.org/2022/10/11/giorgio-agamben-la-guerra-atomica-y-el-fin-de-la-humanidad/> (дата обращения 15.10. 2022).

## **ОБОБЩЕННАЯ СТРУКТУРА ПОНЯТИЯ «МЯГКИЕ НАВЫКИ». ЗНАЧИМОСТЬ «ГИБКИХ» НАВЫКОВ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА**

*О.А. Минич, П.В. Синица  
Минск, Белорусский государственный  
педагогический университет имени Максима Танка*

Постиндустриальное общество, утвердившее ценность личностного развития и саморазвития, обусловило необходимость перехода к новой образовательной парадигме. Согласно данной парадигме, образование должно носить творческий, инновационный характер, учащимся следует овладевать не только объемом знаний, а также и способами мышления. Учащиеся должны также обладать умениями самостоятельно находить источники информации и добывать из них знания, искать креативные способы решения текущих задач, мыслить нестандартно, творчески [1, с. 347–352]. Эти умения и навыки помогают человеку для достижения успеха в учебной, профессиональной, личностной сферах жизни. В широком понимании, все навыки, формируемые системой образования, можно разделить на две большие категории: «hard skills» и «soft skills». В современном динамично развивающемся мире для того, чтобы быть успешным в своей области помимо

глубоких знаний и опыта («hard skills») необходимы и еще так называемые «мягкие» навыки («soft skills»).

«Hard skills» (с англ. «жесткие навыки») – профессиональные, технические компетенции, которые можно наглядно продемонстрировать, оценить и проверить. Например, знание иностранных языков, умение читать, умение решать задачи по физике, математике, навыки работы в программном продукте, умение управлять пневматическими или гидравлическими системами, мехатронными станциями. Они неизменны для конкретной профессии и не зависят от того, в какой компании или в каком коллективе работает человек.

Словарь английского языка определяет термин «soft skills» как «желательные качества для определенной трудовой деятельности, которые не зависят от приобретенных знаний. Они включают: здравый смысл, способность общаться с людьми и позитивный гибкий подход» [2]. «Мягкие» навыки – универсальные социально-психологические качества, которые не зависят от профессии, но непосредственно влияют на успешность человека. К ним относят коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект, способность решать конфликты, умение убеждать, работа в команде, креативность, стрессоустойчивость. В таблице представлено сравнение сущностных характеристик указанных типов навыков, составленное на основании анализа научной литературы.

Таблица – Сравнительная характеристика навыков

Hard skills	Soft skills
Простота измерения с помощью тестов	Высокая сложность проверки и измерения
Необходимость высокого уровня IQ и логики	Необходимость высокого уровня эмоционального интеллекта EQ
Неизменны в зависимости от коллектива, компании, условий труда в рамках одной профессии, независимо от окружения человека	Изменяются в зависимости от условий, определенного коллектива
Действия выполняются по определенному алгоритму, инструкции, шаблону	Видоизменяются (адаптируются) под конкретную производственную ситуацию
Подтверждаются дипломами, сертификатами	Не подтверждаются специальными документами
Требования к навыкам практически идентичны в рамках профессии	Требования в различных компаниях могут кардинально отличаться

Исследование состава и сущности «гибких» навыков активно проводятся различными группами ученых по всему миру в последние несколько десятков лет. Например, в 2015 г. группа международных ученых под руководством Laura H. Lippman провела анализ 172 научных работ по данной тематике. На основе анализа литературных источников, описывающих как теоретические, так и эмпирические исследования, ими было выделено 10 навыков, важных с точки зрения работодателя: социальные навыки; мышление высшего порядка; самоконтроль; позитивная Я-концепция; общение в коллективе; трудолюбие и надежность; самомотивация; командная работа; ответственность; позитивный настрой [3]. Была дана оценка их изменчивости и развития в процессе развития личности.

В России в ходе исследований была сформирована модель «гибких» навыков «4К». Это ключевые компетенции, первой буквой которых является «К». Их необходимо начинать развивать каждому человеку еще в школе, чтобы в будущем быть востребованным на рынке труда.

К ним относятся:

- креативность;
- критическое мышление;
- коммуникативные навыки;
- координация.

В настоящее время существует огромное множество различных учебных платформ, обучающих программ, обучающих школ для развития «гибких» навыков различного направления. Причем выбор навыков в малой степени зависит от сферы деятельности.

Наряду с изучением сущности выделенного понятия исследователи выделяют и различные дидактические средства для их формирования и развития. К ним относятся спортивные, интеллектуальные, некоторые виды настольных игр, квестов. Также важным фактором является проектная деятельность, внеурочная деятельность (КВН, подготовка праздников, различных массовых мероприятий).

В Республике Беларусь в последние несколько лет при разработке профессиональных и образовательных стандартов «мягкие» навыки стали включаться в перечень компетенций, которыми должен обладать выпускник учебного заведения по данной специальности. В частности, в 2019 году П.В. Сеница, являясь руководителем рабочей группы при министерстве образования РБ, разрабатывал первый профессиональный стандарт в стране по специальности «технологическое оборудование машиностроительного производства» (мехатроника). Список «мягких» навыков активно обсуждался с заказчиками кадров и членами рабочей группы, после чего необходимые навыки были внесены в макет профессионального стандарта. В состав мягких навыков были включены следующие: креативность и гибкость мышления, умение работать в команде, стрессоустойчивость, коммуникативные навыки, умение работать с источниками информации [4]. Опыт

подготовки команд по компетенции «мехатроника» для республиканских чемпионатов, евразийских чемпионатов и чемпионатов мира по стандартам Worldskills также показывает высокую необходимость формирования «мягких» навыков у участников. Развитие навыков командной работы, стрессоустойчивости, креативности мышления и поиска способов нестандартного решения задач является важной частью подготовки команд.

Таким образом, проведенный краткий анализ показывает их востребованность работодателями во всем мире и доказывает актуальность вопросов изучения структуры понятия, а также классификации «гибких» навыков, вопросов создания единой модели «гибких» навыков (4К). Однако, для успешного построения карьеры важно не только наличие навыков, а еще и умение их правильно использовать.

#### *Список литературы*

1. Щеглов, Б.С. Постнеоклассический подход к образованию/ Б.С. Щеглов, М.В. Лойтаренко. – Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2015. – № 2.
2. Словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dictionary.com/browse/soft-skills>. – Дата доступа: 24.10.2022.
3. Workforce connections: Key soft skills that foster youth workforce success // Child Trends. 2015. June.
4. Республиканский институт профессионального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://ripo.by/umosso/standart-ss0/files/2-36%2001%2056-51%2003-2013.pdf>. – Дата доступа: 01.11.2022.

## **«ХОЛОДНЫЙ МИР» ИЛИ МИР БЕЗ СВЕРХДЕРЖАВ?**

*А.В. Панченко  
Минск, Белорусский национальный  
технический университет*

Современный мир находится на переломе, обусловленный интенсивностью, непредсказуемостью и масштабом изменений. Пандемии и другие биологические риски, сокращение биоразнообразия в природе, эскалация энергетического и экологического кризисов, кибер- и цифровые угрозы, международные экономические перебои, затяжные гуманитарные кризисы, активизация экстремизма и терроризма, распространение ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения – все это создает в некотором смысле экзистенциальную опасность стабильному и предсказуемому развитию современного мира. Международные отношения стремительно деградируют и возвращаются в архаическое состояние с опорой на военно-силовые компоненты. Распад прежней системы международных отношений и формирование новой происходит в условиях крупномасштабных экономических, социально-политических, духовных и военно-политических конфликтов между ведущими центрами силы современного мира.

Ожесточенная борьба развернулась по линии США, ЕС (лидеры западного мира) – Россия, Китай (не западные лидеры). В военно-политическом кризисе на Украине, разразившимся в 2022 г. Западом делается ставка на новое геополитическое оружие – русофобию, неонацизм, идеологический проект Украины как «анти-России», масштаб реализации которых настолько беспрецедентен, что эти явления окончательно компрометируют представления о глобализации как о взаимозависимости, солидарности и всеобщем благе. При этом подчеркивает президент России В.В. Путин, «Россия никогда не считала и не считает себя врагом Запада. Есть как минимум два Запада: Запад христианских, и теперь уже еще и исламских ценностей, этот Запад нам в чем-то близок. У нас во-многом общие, еще античные корни даже. И есть другой Запад – агрессивный, неоколониальный. И с его диктатом Россия никогда не смирится. Никто не сможет диктовать нашему народу, какое общество и на каких принципах мы должны строить. При этом Россия не бросает вызов элитам Запада и не собирается становиться каким-то новым гегемоном. Не предлагает заменить доминирование Запада властью Востока или Юга. Россия просто отстаивает свое право на существование и свободное развитие» [1].

Результатом трансформации современного мира становится война, которая превращается в ведущий фактор, способный к определению нового мирового порядка («на поле боя»). Очевидно, в обозримой исторической перспективе военные столкновения различной степени интенсивности станут возрастать, что возвращает **проблеме войны и мира** ее традиционное историческое верховенство в международных отношениях, а разрешение этой проблемы порождает новый мировой порядок. С начала 2000-х гг. современный мир вступил в полосу затяжных экономических кризисов, эпицентрами которых становились США и страны ЕС (ипотечный кризис 2008 г.; кризис суверенного долга; кризис свободы торговли, что на фоне санкционных запретов стимулирует протекционизм и недееспособность ВТО; кризис платежных систем и международных расчетов в долларах США). Эти развитые страны, предполагавшиеся в качестве носителей всеобщих благ, превратились в источник опасных издержек. Очевидно, что по итогам экономических кризисов станут формироваться незападноцентричные экономические структуры нового типа, поскольку прежняя односторонняя направленность станет рассматриваться как неоправданный риск. Новая экономическая система потребует принципиально нового политического реформирования в условиях невозможности управления глобальными процессами из одного центра – государства-гегемона США. В 2022 г. один из столпов американского консерватизма и либерализма Американский институт предпринимательства (American Enterprise Institution) напоминает американцам и всему миру о том, что «не только сама страна с ВВП в 21,5 трлн. долл. продолжает оставаться лидером мирового развития, но и каждый ее штат, даже самый небольшой, имеет свой ВВП, который больше



ВВП какой либо страны мира, что условно понимается как размещение на территории США 51 страны мира и одной территории (округ Колумбия)», и это «демонстрирует величие и превосходство США над другими странами мира и эффективность их экономики» [2, с. 12–13; 14–16], Вместе с тем реально справиться с экономическими кризисами и другими вызовами способно лишь государство, имеющее не только экономические ресурсы. В США девиз «чем меньше государства, тем лучше» сохраняет актуальность, хотя и порождает надежду. В этой связи нарастание внутренних проблем в США носит системный характер: агрессивное небелое население – афроамериканцы, мексиканцы, небелое население в целом, диктует свою волю, а белым все больше запрещают говорить о своих правах, языке, культуре, истории. По прогнозам специалистов, в обозримом десятилетии они превратятся в меньшинство населения, и столкнутся с худшими формами дискриминации, ущемлений и притеснений. Сохраняется перспектива массовых запросов о предоставлении политического убежища и их эвакуации в Канаду, Австралию и др. регионы мира, в том числе в Россию. В этих условиях США могут оказаться неспособными поддерживать высокий уровень технологий, экономики и жизненных стандартов.

Как бы то ни было, считают эксперты Международного дискуссионного клуба «Валдай», центральный вопрос о перспективах управления современным миром в условиях наличия большого разнообразных независимых государств, большинство из которых не в состоянии автономно развиваться – остается открытым. В этом контексте принципиально важная роль отводится средним государствам, таким как Бразилия, Вьетнам, Индонезия, Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Узбекистан, ЮАР, Южная Корея и др., способными к выполнению функции амортизаторов в периоды наибольшей геополитической турбулентности [3]. Очевидно, что после окончания острой фазы кризиса, система безопасности в современном мире станет основываться на взаимной враждебности. При этом конфликтующие стороны будут стараться избегать напористого провоцирующего поведения. В результате, вероятно, сформируется **«холодный мир»** по типу «мирного сосуществования», достигнутого во времена конфронтации двух мировых социально-политических систем – капитализма и социализма. Однако это станет не оптимальным, а вынужденным и весьма неустойчивым типом международных отношений или основой для выработки принципиально новой системы. Окончание гегемонии США способно прекращать сверхдержавное доминирование вообще. При этом Китай не готов и не собирается принимать на себя бремя и риски глобального доминирования. Кроме того, структура международных политических отношений изменилась таким образом, что принятие внешнего доминирования наиболее значимыми государствами современного мира становится невозможным. В этой ситуации логика развертывания мирового политического процесса объективно подводит к зарождению такого мирового порядка, который станет опираться

на региональные государственные пространства, образующих региональную общность («государственное стягивание»). В перспективе демократизация международных отношений потребует не ущемления, а гармонизации интересов ее участников, уважения плюрализма подходов, мнений и оценок. Международная иерархическая система уступит место распределенному взаимодействию государств. В конечном итоге современный мир в условиях **отсутствия сверхдержав** станет искать опоры для формирования системы саморегулирования, что предполагает более высокую степень свободы действий и ответственности за них.

*Список литературы:*

1. Доклад на XIX Ежегодном заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24.10.2022–27.10.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [www.ru.valdaiclub.com](http://www.ru.valdaiclub.com). – Дата доступа: 02.11.2022.
2. Латухина, К. «Никто никогда не сможет диктовать нашему народу, какое общество и на каких принципах мы должны строить». О чем говорил Владимир Путин на выступлении перед участниками клуба «Валдай» / К. Латухина // Российская газета. – 2022. – 27 окт.
3. Пороховский, А.А. Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США / А.А. Пороховский // США-Канада: экономика, политика, культура. – 2022. – № 6 (630). – С. 5–20.

## **АЛЬТЕРНАТИВНАЯ СЛУЖБА В КОНТЕКСТЕ НАРАСТАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ**

*К.В. Стволыгин*

*Минск, Белорусский государственный университет*

Обострение военно-политической обстановки в Восточной Европе неизбежно ведет и к нарастанию военно-политической напряженности в Республике Беларусь. Данные обстоятельства, а также опыт проведения Россией специальной военной операции в Украине требуют принятия ряда превентивных мер, направленных на повышение обороноспособности страны. В числе этих мер – отношение к отказам граждан вследствие убеждений от военной службы, организация альтернативной службы в условия проведения мобилизационных мероприятий, в ходе ведения боевых действий и/или подготовки к ним.

Проведение в России частичной мобилизации в рамках специальной военной операции выявило ряд узких мест в организации альтернативной гражданской службы. Если не вдаваться в детали, то ключевая проблема может быть обозначена как возможность мобилизованных граждан вместо соответствующей подготовки и участия в боевых действиях в Украине проходить альтернативную гражданскую службу. Сложившаяся ситуация во многом схожа

с той, что имела место в России в 90-е годы XX века. Начиная с 1992 г., Конституция Российской Федерации закрепила за гражданами право на замену военной службы альтернативной гражданской службой. Однако соответствующий закон или необходимые изменения в других законодательных актах, позволяющее российским гражданам на практике реализовать свое конституционное право на отказ вследствие убеждений от военной службы и замену ее альтернативной гражданской службой, не были приняты в течении последующих десяти лет<sup>†</sup>. Это привело к созданию правового вакуума в вопросах альтернативной службы: право на замену военной службы альтернативной службой было прописано в Конституции, а механизм его реализации отсутствовал. Таким образом, в России в 90-е годы XX века возник еще один способ уклонения от военной службы по призыву. Причем применение этого способа на практике получило широкое распространение и вполне легальную профессиональную юридическую поддержку (например, в виде различных памяток и наставлений по оформлению необходимых документов), что делало его еще более эффективным, а, значит, и привлекательным [2]. В итоге существовавшая тогда проблема комплектования российских вооруженных сил солдатами и сержантами еще больше обострилась [3, с. 195–196].

Исходя из изложенного выше, вполне очевидно, что в сложившихся условиях проблема организации альтернативной службы требует решения на законодательном уровне. Логично предположить, что в качестве возможного варианта решения данной проблемы может рассматриваться приостановка действия института альтернативной гражданской службы на время ведения боевых действий. Этот вариант безусловно лучше, чем правовой вакуум, ведущий к росту числа уклонений от военной службы и дискредитации самой идеи альтернативной гражданской службы. Однако, если принять во внимание исторический опыт, этот вариант решения проблемы не представляется оптимальным.

Отечественный исторический опыт, также, как и зарубежный, свидетельствует о том, что во все времена были люди, отказывающиеся брать в руки оружие, вследствие своих пацифистских убеждений. При этом они были готовы за свои убеждения нести не только еще большие тяготы и лишения, чем на военной службе, но и подвергаться суровому уголовному преследованию. Численность и организованность таких идейных отказников могла варьироваться. Так или иначе государства вынуждены были с этим считаться и решать проблему не только через ужесточение наказания отказников от военной службы, но и через определенные послабления для них. К примеру, в Российской империи, начиная с 1874 г., за меннонитами, переселившимися на российские земли, официально признавалось право

---

<sup>†</sup>Государственная Дума приняла Федеральный закон «Об альтернативной гражданской службе» 28 июня 2002 года, в юридическую силу этот закон вступил только с 1 января 2004 г.

на отказ от воинской повинности вследствие их религиозных убеждений и замену военной службы обязательной службой (так тогда называлась альтернативная служба). В последующем стоял вопрос о необходимости введения обязательной службы не только для меннонитов, но и для всех россиян, отказывающихся по своим религиозным убеждениям брать в руки оружие [2, с. 108–109]. В Советском государстве, начиная с 1918 г., этот вопрос был решен положительно, несмотря на ведение боевых действий. Значимо, что в годы Гражданской войны местом прохождения альтернативной службы декрет СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» определял «преимущественно заразные госпитали» [1]. Практика замены воинской повинности другой гражданской обязанностью по религиозным убеждениям граждан существовала юридически с 1918 г. по 1939 г., а фактически – эта практика была свернута в самом начале 30-х годов [2, с. 184–185]. Характерно, что при этом подавляющее большинство властных структур исходило из того, что отказы от военной службы по убеждениям в большинстве своем были продиктованы антисоветскими настроениями, «шкурничеством», трусостью отказников, а альтернативная служба рассматривалась как отступление от краеугольных принципов советского законодательства, «базирующимся на весьма шатких основаниях компромиссом» [4]. В настоящее время право граждан на отказ по убеждениям от обязательной военной службы является одним из значимых международных стандартов в области прав человека. В соответствии с этим Конституция Республики Беларусь (ст. 57), гарантируя гражданам свободу убеждений, предусматривает возможность замены воинской службы службой альтернативной.

Анализ отечественного исторического опыта свидетельствует о том, что толерантное отношение государств и общества в целом относительно отказов от военной службы вследствие пацифистских убеждений граждан имеет тенденцию к усилению. Страны постсоветского пространства, в том числе и Республика Беларусь, в этом плане не являются исключением. Не менее значимо и то, что Российская империя, а затем и Советское государство прошли через первую мировую войну, Гражданскую войну и военную интервенцию, сохранив институт альтернативной гражданской службы. При рассмотрении варианта приостановки действия института альтернативной гражданской службы на время ведения боевых действий важно учитывать и еще одно значимое обстоятельство, фиксируемое в соответствующем историческом опыте. Военное руководство всегда понимало, что действующий институт альтернативной службы безусловно, приводит к некоторому сокращению призывных ресурсов. Наряду с этим было понимание и того, что иметь в составе боевых частей военнотружеников, которые в самый решающий момент боя могут отказаться применять оружие или, что еще хуже, будут стрелять мимо цели, да еще и вести антивоенную пропаганду, недопустимо [Подробнее см. 2 с. 60, 143–144].

Таким образом, изложенные выше обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что в условиях не только нарастания военно-политической напряженности, но и непосредственного ведения боевых действий институт альтернативной службы должен быть сохранен. Однако без ущерба для обороноспособности страны это возможно только при условии достижения реального паритета военной и альтернативной служб по тяготам, лишениям, опасностям, связанным с их прохождением. Именно в этом направлении должна решаться проблема организации альтернативной службы в ситуации обострения военно-политической обстановки.

*Список литературы:*

1. Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1968. – Т. IV. – С. 283–284.
2. Маранов, Р.В. Альтернативная гражданская служба. Практическое пособие / Р.В. Маранов. - Пермь, 1998. – 111 с.
3. Ствольгин, К. В. Отказы от военной службы вследствие убеждений и альтернативная гражданская служба в России / К. В. Ствольгин. – Минск: БГУ, 2020. – 247 с.
4. Урсынович, С. К вопросу об освобождении от воинской повинности по религиозным мотивам / С. Урсынович // Революция и церковь. – 1923, 1–3. – С. 13–16.

## **ТЕХНОЛОГИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ**

*И.В. Фролов, И.А. Кабирова  
Глазов, Глазовский государственный педагогический  
институт имени В.Г. Короленко*

В настоящее время официально признано существование информационной войны, ведущейся всеми странами мира с применением доступных технологий и источников. В ведении современной информационной войны задействованы средства массовой информации, литература, кино, театр, интернет и даже компьютерные игры. Компьютерные игры обладают рядом определённых преимуществ перед остальными: привлекательность для игроков возможностью принять участие в событиях, которые в реальном мире не могут иметь место (жанры фэнтези, альтернативная история и т.д.), популярность среди молодёжи – самой восприимчивой среди населения, эффективная маскировка культурной пропаганды.

На сегодня компьютерные игры являются доступным средством развлечения для большей части общества. Однако значительная часть игр имеет легко внушаемый скрытый пропагандистский подтекст. Вследствие этого многие государства ограничивают доступ поступающим извне компьютерным играм. А посредством распространения отечественных игр на своей или чужой территории внедряется пропаганда, необходимая государству.

Политика государств в отношении компьютерных игр имеет разные направления. Первый путь можно назвать «Изоляционным». В настоящее время он применяется такими государствами как: КНДР, Иран, Венесуэла. Эти государства запрещают покупку, провоз или использование каких-либо компьютерных игр, как проамериканскую пропаганду. В КНДР и Иране существуют специальные компании для создания отечественных компьютерных игр, находящихся под контролем государства. Компании создают патриотические компьютерные игры разных жанров, прославляющие рабочий класс и вооруженные силы своей страны. Государство является монополистом на отечественном рынке компьютерных игр и получает эффективный инструмент для распространения государственной идеологии среди населения. В этом случае страна не имеет возможности вести ответные действия за рубежом или быстро приобретать новые технологии. В результате игры обладают низким качеством из-за устаревших технологий [4]. Поэтому, любое нелегальное проникновение компьютерных игр на территорию государства, может иметь очень серьезные последствия для отечественного игрока, который под влиянием более качественного продукта будет предпочитать зарубежные компьютерные игры и попадет под влияние иностранной пропаганды.

Второй путь можно назвать «Адаптационным». Он присущ большей части европейских стран. Ярким примером может послужить Германия. Государство допускает распространение иностранных компьютерных игр на своей территории, выставляя незначительные требования цензуры. Так в Германии до 2018 г. существовал запрет на демонстрацию нацистской символики в компьютерных играх, показ террористических актов и террористов-смертников. Германский игровой промышленный комплекс (далее ИПК) является полностью частным сектором и влияние государства на его идеологическую составляющую ограничивается буквой закона и государственными заказами [3]. Эта стратегия не подразумевает противостояния играм, продвигаемым более сильными в экономическом и технологическом плане странами, а включает адаптацию, подражание и копирование технологий и идей в пользу главного распространителя. В данном случае США.

Третий путь можно назвать «Импортозамещающим». В большей степени он присущ Китаю. Правительство Китая ещё с 2000 г. смотрело на компьютерные игры как на источник американской пропаганды и создало специальное «Управление по делам радио и телевидения», которое занималось продажей лицензий на распространение игр. Лицензии предоставлялись компаниям, игры которых соответствовали требованиям правительства Китая: игра не должна пропагандировать нетрадиционные ценности, выставлять в неблагоприятном свете Китай, его идеологию и народ. В 2018 г. функции этой комиссии были переданы в ведение «Комитета по этике в онлайн-играх». В Китае есть свои игровые студии, находящиеся под контролем государства, копирующие чужие игры, заменяя их содержание на идеологически верное [1]. Эта стратегия подразумевает достаточно сильную защиту от влияния игр из-за рубежа и адаптацию отечественного ИПК

под современные реалии. Китайский ИПК проникает на западные игровые рынки, за счет внешней привлекательности игры, не стараясь начинить её идеологическим содержанием, открыто прославляющим Китай.

Четвертый путь можно назвать «Монополистическим». Это путь США и Японии, чьи игры стабильно занимают доминирующее положение на международном рынке. Благодаря передовым технологиям и большим финансовым вложениям игры обладают высоким качеством, и являются важной частью заграничной пропаганды. Эти государства не вводят строгих ограничений по содержанию импортных игр, понимая, что их товар является образцовым и проникновение конкурентов на внутренний рынок не может уничтожить их гегемонию. Эта стратегия является полностью наступательной, благодаря профессиональному ИПК. Отечественная территория надёжно зачищается высококачественным продуктом, который засылается за рубеж, и продвигает необходимые идеи в чужой стране [2, с. 110–115].

Россия в настоящее время находится в сложной ситуации. Доступ заграничных компьютерных игр является практически открытым. Фактически государство игнорирует существование компьютерных игр. Их производство находится в руках частных инициаторов, которые до сих пор производят компьютерные игры патриотической направленности, но их качество мало конкурентно. Причиной этого являются незначительные финансовые средства, которыми обладают производители игр.

Исходя из этого, России следует избрать свой путь, схожий с путём «Импортозамещения». Правительство России имеет слишком незначительный опыт в работе с компьютерными играми, но обладает необходимыми для их производства финансами. Отечественный ИПК обладает обширным историческим опытом в производстве игр и имеет патриотически настроенных руководителей компаний. Между этими силами следует установить взаимовыгодную связь. Государство должно финансировать производство патриотических игр, созданных в реалиях необходимости воспитания защитников и патриотов своей родины, на основе исторической правды и культурного достояния России.

В настоящее время вполне очевидно усиление роли компьютерных игр в аспекте воспитания молодёжи. Наряду с кино и литературой, игра формирует личность подростка, и недооценивание возможностей игр приводит к тому, что заграничные культурные источники настраивают молодёжь против своего государства и Родины.

#### *Список литературы:*

1. Вышел полный список гласных и негласных требований к играм, издаваемым в Китае [Электронный ресурс] / Вероника Михайлова // Игровой портал. – 2018. – Режим доступа: <https://app2top.ru/industry/vy-shel-polny-j-spisok-glasny-h-i-neglasny-h-trebovanij-k-igram-izdavaemy-m-v-kitae-141562.html>. – Дата доступа: 01.11.2022.
2. Демин, К.А. Компьютерные игры военного жанра как элемент пропаганды в информационной войне России и США / К.А. Демин [и др.] // Политическая лингвистика : материалы Десятой всероссийск. полит.лингв. конф., Екатеринбург 16-18 фев. 2019 г. : в 1 т. / Уральск. фед. ун-т ; редкол.: Б.П. Руженцев [и др.]. – Екатеринбург, 2019. – С. 110–115.

3. Цензура, коммунистический Pac-Man и прочие прелести немецкого игростроя [Электронный ресурс] / Дарья Буданова // Игровой журнал. – 2018. – Режим доступа: [https://igromania-ru.turbopages.org/igromania.ru/s/article/30316/Cenzura\\_kommunisticheskiy\\_Pac-Man\\_i\\_prochie\\_prelesti\\_nemeckogo\\_igrostroya.html](https://igromania-ru.turbopages.org/igromania.ru/s/article/30316/Cenzura_kommunisticheskiy_Pac-Man_i_prochie_prelesti_nemeckogo_igrostroya.html). – Дата доступа: 01.11.2022.

4. The Korea Times: Компьютерные игры набирают популярность в Северной Корее, государство выпускает собственные проекты [Электронный ресурс] / Денис Королёв // Игровой журнал, 2016. – Режим доступа: <https://gamemag.ru/news/130758/the-korea-times-kompyuternye-igry-nabirayut-populyarnost-v-severnoy-koree-gosudarstvo-vypuskaet-sobs>. – Дата доступа: 01.11.2022.

## **АКТУАЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ СИСТЕМЫ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

*А.Н. Цыганкова*

*Смоленск, Смоленский государственный университет*

Среднее профессиональное образование сегодня является важным элементом российского образования. Огромное количество молодых людей, заинтересованных в скорейшей личной и профессиональной самореализации, получают необходимые компетенции и квалификации в стенах профессиональной школы.

Однако стоит отметить важность развития не только профессиональных качеств выпускника при получении среднего профессионального образования, но и формирования обучающегося как носителя общей культуры, обеспечивающей его успешную социализацию и полноценное существование в окружающем мире.

Очевидно, что, выйдя на рынок труда через три-четыре года обучения в колледже или техникуме, молодому человеку придется принимать участие в экономической жизни общества. Помочь успешно социализироваться и адаптироваться к новым условиям «взрослой жизни» может система образования через формирование основных практических знаний в области экономики и финансов. Подчеркнем, что полученные знания и умения не должны носить чисто теоретический характер, а должны соответствовать реальным положениям дел в экономической жизни. Поэтому при формировании финансово-экономических компетенций необходимо учитывать ряд важных условий и факторов.

Один из таких факторов – это цифровизация. «Цифровизация как процесс лежит в основе цифровой экономики. Цифровизация делает возможным использование новейших технологий для лучшего и более быстрого выполнения операций, а также позволяет использовать технологии для деятельности, которая в прошлом была невозможна» [2]. Мощный толчок развития цифровизации дала пандемия короновирусной инфекции. Значительная часть экономической деятельности была переведена в режим



виртуальной реальности, когда коммуникации и финансово-экономические операции осуществляются преимущественно через интернет. Сегодня практически любую финансовую услугу можно получить не выходя из дома. Будь то денежные переводы, платежи, кредитование, инвестирование, страхование, оформление покупки или продажи товара и т.д. Однако такие возможности создают и дополнительные финансовые риски и уязвимости при неграмотном использовании цифровых каналов получения каких-либо финансовых услуг. С возникающими рисками не всегда может справиться взрослый человек, не говоря уже о подростках. Это, в первую очередь, финансовое мошенничество, «виртуальность» в восприятии денежных средств, рост закредитованности, потеря накоплений при неграмотном инвестировании и т.д. Кроме того, цифровизация создает риск «выпадения» некоторых социально уязвимых групп населения из финансовой системы из-за невозможности грамотного использования цифровых технологий. К таким социально уязвимым группам можно отнести некоторые категории обучающихся среднего профессионального образования – студенты из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; студенты из малообеспеченных семей и семей «группы риска» и т.д.

Неграмотное использование цифровых технологий в области финансов связано, в первую очередь, с отсутствием достаточных знаний и опыта в этой области. Как правило, подростки 15–17 лет являются активными пользователями различного рода современных гаджетов и интернет технологий. Но в тоже время они не могут отличить выгодное финансовое предложение от финансового мошенничества; заказать справку или выписку с банковской карты через онлайн-приложение; грамотно оформить заявление или претензию, не обращаясь в офис банка; рассчитать онлайн стоимость кредита или выбрать наиболее выгодный тарифный план. Кроме того, подростки халатно относятся к конфиденциальности своих персональных данных, что также может привести к уязвимостям и финансовым потерям. Поэтому в вопросах формирования финансовой грамотности студентов важно обращать внимание на формирование цифровой финансовой грамотности.

Современные исследователи, раскрывая содержание понятия «цифровая финансовая грамотность», под финансово грамотным поведением понимают «не только эффективное, но и безопасное потребление цифровых финансовых продуктов, то есть, осведомленность о финансовых рисках и способах финансовой защиты» [3].

Согласно НАФИ, индекс цифровой финансовой грамотности населения России в 2020 г. составил 26,69 (максимальное значение – 100) [1, с. 98]. Это еще раз подчеркивает актуальность задачи по поиску инструментов, способствующих снижению рисков и повышению финансовой грамотности населения в условиях цифровой реальности.

В качестве таких инструментов для студентов среднего профессионального образования можно предложить адаптированные программы повышения финансовой грамотности с учетом специфики обучающихся.

Здесь целесообразным будет использование информационных и цифровых технологий.

Важно отметить, что педагог, реализующий формирование финансовой грамотности, должен быть не только педагогически компетентен, но и иметь личный высокий уровень финансовой и цифровой грамотности, а также владеть передовыми современными технологиями обучения. В идеале такой преподаватель должен иметь практический опыт использования тех финансовых и цифровых инструментов, которые будут рассматриваться в процессе обучения. Он должен обладать актуальной информацией о современном финансовом рынке и об экономической ситуации в стране и мире, должен постоянно повышать свой личный уровень финансовой и цифровой грамотности и культуры.

Таким образом, цифровизация, с одной стороны, открывает новые возможности и повышает доступность финансовых услуг, а с другой – порождает новые вызовы и угрозы для потребителей этих финансовых услуг. Достижение баланса между финансовыми возможностями и рисками является актуальной социально-педагогической задачей, решить которую возможно через целенаправленное формирование цифровой финансовой грамотности.

#### *Список литературы:*

1. Гимранова, Г.Х. Цифровая финансовая грамотность в эпоху цифровой трансформации экономики // Экономика и управление: научно-практический журнал, 2021. – № 1 (157). – С. 98–102.
2. Скляр, М.А. Цифровизация: основные направления, преимущества и риски / М.А. Скляр, К.В. Кудрявцева // ЭВР, 2019. – № 3(61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-osnovnye-napravleniya-preimuschestva-i-riski> (дата обращения: 01.11.2022).
3. Попова, Е.М. Финансовая грамотность в эпоху цифровизации: новые возможности и вызовы / Е.М. Попова, Т.В. Никитина // Финансы и управление, 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-gramotnost-v-epohu-tsifrovizatsii-novyye-vozmozhnosti-i-vyzovy> (дата обращения: 02.11.2022).

## **ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НОВЫМ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ СОВРЕМЕННОГО МИРА**

*Д.Р. Шарипова*

*Минск, Белорусский государственный университет*

Жизнестойкость можно рассмотреть как способ противодействия новым вызовам и угрозам современного мира, так как сложные жизненные ситуации приводят к различным изменениям в жизни. Жизненные изменения происходят очень быстро, заставляя индивида быть гибким и под них подстраиваться. Успешная адаптация в таких условиях может достигаться путем отказа от жесткой модели будущего в пользу более гибкой. Мы не отказываемся от образа будущего, но принимаем в расчет специфические

принципы его построения [1]. Другими словами, важно формировать такую жизнестойкость, которая в дальнейшем трансформирует эти вызовы и угрозы как на личностном уровне, так и на социальном [3]. Актуальность изучаемой темы определяется наличием противоречия между условиями современного мира, предъявляющими свои требования к адаптации, и недостаточной изученностью жизнестойкости, а также в слабой разработанности системы конкретных действий, которые позволят наилучшим для индивида образом противодействовать современным вызовам и угрозам. Цель данной работы – охарактеризовать жизнестойкость как способ противодействия вызовам и угрозам современного мира.

Существует множество определений жизнестойкости, однако наиболее полно этот феномен изучал С. Мадди, поэтому опираться будем на его определение. По С. Мадди жизнестойкость – это «один из способов преодолеть онтологическую тревогу, связанную с обдумыванием или принятием решений в пользу будущего» [4 с. 18]. Жизнестойкость составляет ядро системы, которая смягчает действие стрессогенных факторов, онтологической тревоги и помогает сохранить здоровье [4].

Автор выделил три компонента жизнестойкости: вовлеченность, контроль и принятие риска (вызов). Индивиды с развитым компонентом вовлеченности в разных трудных ситуациях находят интересное и ценное для себя. Это осуществляется за счет включенности в процесс трудной задачи и активной позиции по отношению ко всему тому, что с ним происходит. Те индивиды, у которых развит компонент контроля, убеждены в том, что их активные действия могут повлиять на результативность ситуации, и они сами могут контролировать ее ход. При высоком воспринимаемом контроле, то есть убежденности личности в том, что она может повлиять на важные для неё результаты, она концентрируется на выполнении задачи. Стоит учесть, что сама же задача, трудная ситуация может находиться не только в пределах возможностей личности, но и за её пределами. В этом случае она активно прикладывает усилия, ставит трудные цели, не боится нового. В то время, как индивиды с низким уровнем развития компонента «контроль» избегают сложностей, ставят легкие цели, зачастую пассивны, не верят в то, что их действия принесут результат. Индивиды, имеющие развитый компонент принятия риска (вызов), воспринимают все происходящие с ними ситуации (позитивные и негативные) как опыт, который поможет в дальнейшем и на котором можно чему-либо научиться. Этот компонент дает личности возможность переживать события в качестве стимула для развития собственных возможностей. Такие индивиды вызовы и угрозы современного мира воспринимают как сложные задачи, которые в очередной раз изменяют жизнь, побуждая их к непрерывному росту. Это означает, что у жизнестойкого индивида наблюдается готовность извлекать опыт из сложившихся ситуаций, действовать в ситуации неопределенности, нестабильности.

Это компоненты проявляются в убеждениях активно включаться в события, вере в свои возможности, готовности рисковать для достижения положительного результата. Благодаря таким убеждениям, индивид принимает и трудность, и сложность того мира, в котором он живет и действует.

Таким образом, чем более развиты компоненты жизнестойкости, тем вероятнее, что индивид будет реально воспринимать все вызовы и угрозы современного мира. Развитая жизнестойкость снижает разрушительную силу психологического дистресса, а также усиливает ощущение счастья и удовлетворенности в различных ситуациях, повышает адаптивность [2]. Жизнестойкость изменяет воздействие стрессоров, прежде всего, воздействуя на их когнитивную оценку, способствуя повышению самооценки, активации личностных ресурсов совладания. С. Мадди считает необходимым развитие всех трех компонентов жизнестойкости. Это позволяет жизнестойкости быть способом противодействия новым вызовам и угрозам современного мира. Но стоит отметить, что речь идет о развитых компонентах жизнестойкости, что помогает сохранять хороший уровень работоспособности и активности в стрессогенных условиях. Однако рассматривая индивидов с низкими показателями жизнестойкости сложно говорить о жизнестойкости как способе противодействия новым вызовам и угрозам современного мира. Так как им трудно будет находить интересное и ценное в новом опыте, они будут стараться избегать сложностей, которые будут стрессовыми для индивида. В таком случае можно отметить, что показатели жизнестойкости динамичны и на них возможно воздействовать, что открывает пространство для дальнейших исследований того, как эти компоненты жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска) могут быть ресурсом для человека, могут качественно изменяться и в дальнейшем быть помощником в противодействии новым вызовам и угрозам.

#### *Список литературы:*

1. Волкогонова, О.Д. Представления современной вузовской молодежи о будущем / О.Д. Волкогонова // Мир России. – 2002. – Т. 4. – № 11. – С. 157–178.
2. Волобуева, Н. М. Жизнестойкость и религиозность как ресурсы современного человека в трудных жизненных ситуациях / Н.М. Волобуева, Т.А. Сережко // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2015. – Т. 28. – №. 24(221). – С. 151–158.
3. Климов, А.А. Жизнестойкость и ее взаимосвязь с личностными ценностями студентов / А.А. Климов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. – 2011. – №. 2. – С. 14–23.
4. Митрофанова, Е.Н. «Два мужества»: к концепции жизнестойкости С. Мадди / Е.Н. Митрофанова // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. №1. Психологические и педагогические науки. – 2018. – №. 1. – С. 17–26.

## **VII. ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ, ГОТОВНОСТИ К СОЗИДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА**

---

### **ПАТРИОТИЧЕСКОЕ И НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ ЧЕРЕЗ ПОИСКОВО-ЭТНОГРАФИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

*И.И. Бобровская  
автор поисково-этнографического проекта «ВсПомни»  
Минск, ГУО «Средняя школа № 215 г. Минска»*

Проблеме гражданско-патриотического и нравственного воспитания учащихся в настоящее время уделяется большое внимание. Однако наряду с достижениями учащихся в конкурсах, научно-практических конференциях, акциях и фестивалях, охватывающих наиболее мотивированную молодежь, есть часть учащихся, не вовлеченных в процесс воспитания. Классные и информационные часы такие учащиеся посещают без интереса, воспринимают информацию без осознанности и вдумчивости.

Именно эта категория учащихся часто допускает такие высказывания: «для чего мне идти убирать обелиск неизвестному солдату, когда есть дворники», «чего в день Победы сделали минуту молчания, разве кто-то умер». Именно эта категория учащихся делает радостные фотографии в мемориальных комплексах, залазят с ногами на экспонаты выставки военной техники, садятся на элементы оформления мемориальных зон.

Наличие постоянно убранных, с возложенными цветами и лампадами, памятников создает у учащихся иллюзию, что о войне все известно, все обелиски на учете, и отдельно взятый учащийся не может внести в сохранение Памяти ощутимого вклада. Упоминание поисковых отрядов у таких подростков также вызывает скепсис, так как присутствует доля уверенности, что отряды – для избранных, для высокомотивированных, для победителей олимпиад по истории.

Показать столичным подросткам, насколько хрупка Память, достаточно сложно: у городских памятников военной истории действительно образцовый порядок. Однако внимание учащихся целесообразно обратить на историю малой Родины: деревень, поселков, хуторов. Именно в небольших населенных пунктах можно встретить обветшалые кресты, выцветшие военные обелиски, безымянные памятники со звездой, позволяющие создать контраст с городским порядком и чистотой.

Наиболее эффективным является воспитательный процесс, вызывающий положительные эмоции у воспитуемого. Положительные эмоции делают воспитуемого открытым по отношению к субъекту, осуществляющему воспитательное воздействие [1]. Современное молодое поколение привыкло получать эмоции здесь и сейчас: во время просмотра новостной ленты

в социальной сети или видеороликов в Тик-Ток. Согласно данным отчета Digital 2021 и внутренней статистике интернет-платформ, более 82,8% жителей Беларуси являются пользователями интернета. Около 50% трафика белорусов приходится на мессенджеры, более 40% – на социальные сети. Основная активность приходится на пользователей возрастной группы 15–35 лет [2]. Получать положительные эмоции от изучения параграфа из учебного пособия могут разве что высокомотивированные учащиеся, тогда как основную массу подростков утомляет изучение большого количества дат и сведений.

Источником положительных эмоций в процессе гражданско-патриотического и нравственного воспитания может служить поисково-исследовательская деятельность. Рассмотрим один из вариантов организации такой деятельности на примере поисково-этнографического проекта «ВсПомни».

Поисково-этнографический проект «ВсПомни» направлен на поиск и сохранение «забытых историй» – информации о малоизвестных и почти забытых местах памяти, воспоминаний участников и свидетелей военных событий.

Первым этапом в организации поисковой деятельности является изучение картографического материала. Например, публичной кадастровой карты Республики Беларусь с возможностью отображения слоя «Памятники Великой Отечественной войны». Учащиеся выполняют поиск воинских захоронений, стоящих на государственном учете, изучают литературные и документальные источники, связанные с этими захоронениями.

Вторым этапом является выезд непосредственно на место. Стоит отметить, что в целях формирования у учащихся ощущения включенности в поисковую деятельность целесообразно отказаться от услуг экскурсовода или проводника. Точное расположение объекта известно лишь сопровождающим педагогам, тогда как задача учащихся – самостоятельно найти памятник.

Вторым этапом является изучение воспоминаний связанных с населенным пунктом участников и свидетелей военных событий. Именно в воспоминаниях, как правило, находятся «забытые истории». Например, у мемориальной доски на месте бывшего санатория «Крынка» (Осиповичский район Могилевской области) растет аянская ель, побеги и кору которой обгрызали узники детского гетто. В настоящее время ель никак не обозначена, но, несомненно, является памятником военной истории.

Поиск объектов «забытых историй» уже не такой очевидный, как поиск захоронений, стоящих на государственном учете. К таким объектам, как правило, нет готовых GPS-координат и маршрутов, да и их сохранность не гарантирована. Однако в случае обнаружения таких мест Памяти учащимися формируется ощущение сопричастности к краеведческой деятельности, к изучению и сохранению истории родного края.

Участниками поисково-этнографического проекта «ВсПомни» к ноябрю 2022 года было осуществлено четырнадцать выездов, найден целый ряд малоизвестных мест Памяти, собран фото- и видеоматериал. Налажен контакт и обмен информации с Могилевским областным историко-патриотическим поисковым клубом «Виккру». Создан ряд творческих работ,

посвященных «забытым историям». Именно учащимся, принимавшем участие в поисково-этнографическом выезде было установлено расположение сохранившегося фундамента на месте уничтоженной в 1943 году деревни Межное Осиповичского района Могилевской области. Также участники проекта «ВсПомни» реализовали инициативу по актуализации информации о захоронении жертв войны № 7888 на публичной кадастровой карте Республики Беларусь.

Результатом участия в проекте является осознанное отношение к истории родного края, формирование гордости за Родину, сопричастности к процессу сохранения и передачи исторической памяти.

Принимавшие участие в поисково-этнографических выездах учащиеся приобретают уверенность, что найти что-то новое может каждый. Однако условием успешных поисков является именно поисково-исследовательская работа с литературными и картографическими источниками.

«Изучение истории государства и привитие любви к ее, порой нелегкому, ходу событий, должно начинаться с изучения своей малой Родины – города и края, в котором живешь, приобщения к тому трепетному отношению, которое человек испытывает при виде родных мест, людей, при общении с людьми старшего поколения» [3, с. 10]. Приобщение к поисково-этнографической деятельности позволяет формировать у школьников чувства сопричастности к сохранению истории родных мест, чувства ответственности за передачу объективной и всесторонней информации последующим поколениям.

#### *Список литературы:*

1. Груздова, И.В. Психология воспитания школьника : электрон. учеб.-метод. пособие / И.В. Груздова, Г.А. Медяник. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2017. – 160 с.
2. Интернет-статистика и аудитория социальных сетей в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iso.minsk.edu.by/main.aspx?guid=41163>. – Дата доступа: 05.11.2022.
3. Касимова, Т.А., Яковлев Д.Е. Патриотическое воспитание школьников: Методическое пособие. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 64 с. – (Методика).

## **ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА**

*Э.В. Григорук  
Могилёв, ГУО «Средняя школа № 32 г. Могилёва»*

Начало XXI в. – время формирования гражданского общества и правового государства, признания прав человека и его свобод высшей ценностью. Изменения, происходящие в обществе, определяют новые требования к образованию. Успешная самореализация личности в период обучения и после его окончания, ее социализация в обществе, активная адаптация на рынке труда являются важнейшими задачами школы. А важнейшей задачей

воспитания школьника является формирование патриотизма и гражданственности, основанных на любви и своей земле, народу, языку, уважении к истории своего Отечества, национальной культуре, традициям, обычаям.

Вопросы формирования патриотизма и гражданственности во все времена все государства относили к главным, приоритетным. Только человек, уважающий основы общественного устройства, в которых проживает, способен проявить готовность встать на защиту своего Отечества. Гражданственность следует рассматривать как осознание и реализацию прав и обязанностей по отношению к самому себе как к личности, своей семье, окружающим, Родине, планете Земля [3, с. 4]. Вся работа школы направлена на становление высоконравственной личности, человека с твердой социальной позицией, истинного гражданина и патриота своей страны. Урок является одной из основных форм воспитания, где дети узнают о достижениях выдающихся личностей государства в различных областях жизни, перспективах и путях дальнейшего развития общества, получают знания о прошлом и настоящем Беларуси. Учителя – предметники используют большой потенциал уроков русского и белорусского языка и литературы, истории, обществоведения, географии, искусства, музыки, биологии, курсов «Мая Радзіма – Беларусь».

Школьный музей Боевой Славы является центром патриотического воспитания. На базе музея проходят встречи с ветеранами Великой Отечественной войны, классные и информационные часы, приём в пионеры, организация передвижных выставок, организовывается работа экспедиционных отрядов, проводятся квест – игры, заочные экскурсии и уроки Мужества. Особое место в системе работы музея Боевой Славы занимает научно – исследовательская деятельность учащихся, основанная на воспоминаниях свидетелей войны 1941 – 1945 гг.

Гражданско-патриотическое воспитание – одно из основных направлений работы классных руководителей. Классные руководители используют различные активные и интерактивные формы и методы, воспитывая любовь к Родине, национальной культуре, истории Беларуси. Сотрудничество с музеями города, республики, встречи с известными людьми, часы общения и познания, классные часы, проведение акций, экскурсий способствуют формированию гражданина-патриота. Особую роль в патриотическом и гражданском воспитании учащихся играет информационно-пропагандистская работа. Информационный час – форма просветительской работы среди учащихся, направленная на воспитание гражданской, нравственно-правовой, информационной культуры молодежи, формирование её кругозора, социальной и политической зрелости. Задача информационных часов - помочь подрастающему поколению сориентироваться в потоке событий, выработать свою активную гражданскую позицию, почувствовать собственную социальную значимость, осознанно участвовать в общественно-культурной жизни, отстаивать личные интересы с учётом собственной социальной безопасности. «Проект «ШАГ» (школа активного гражданина) расширяет знания учащихся о политических и социально –



экономических событиях в Республике Беларусь, развивает умение анализировать информацию о социальных явлениях и процессах, вести дискуссию по проблемам развития современного общества, что позволяет школьникам в будущем участвовать в общественно-политической жизни страны, самостоятельно принимать решения в сфере государственно – общественных отношений, нести ответственность за принятые решения и их последствия.

В школе ведется работа по популяризации государственной символики, воспитанию уважительного отношения к гербу, флагу и гимну Республики Беларусь. Формирование активной жизненной позиции школьников проходит через участие в несении Вахты Памяти. Подрастающее поколение отдаёт дань памяти и уважения героям Великой Отечественной войны: солдатам, партизанам, подпольщикам, труженикам тыла, - всем, кто отстоял свободу и независимость нашей страны. Продолжая традиции отцов и дедов, сегодняшняя молодёжь строит наш общий дом во имя счастья будущих поколений. Найти свое место в этом доме, внести конкретный вклад в личное развитие помогают подросткам детские общественные объединения, ОО «БРПО» и БРСМ.

Для успешного воспитания гражданина - патриота в школе моделируются элементы взрослой гражданской жизни. Это школьное самоуправление. Его задача состоит в формировании активной гражданско-патриотической позиции школьников на основе их участия в совместной социально значимой деятельности. Важное направление работы педагогов – организаторов – популяризация деятельности школьных волонтерских отрядов. Участие в мероприятиях по благоустройству и наведению порядка в рамках операций «Обелиск». «Аллея героев», «По дорогам той войны» на месте установленных мемориальных знаков, памятников с размещением информации на интернет – портале школы, в СМИ, в сообществе «ВКонтакте» формирует в подрастающем поколении потребность в изучении и познании истории родного края, развивает чувство национальной гордости, воспитывает высокий нравственный и культурный потенциал, умение применять его в своей жизни.

Школьная библиотека обладает мощным инструментарием для воздействия на чувства и нравственное становление личности. Она является накопителем исторической памяти, выступает информационным проводником между поколениями, остается достойным хранителем патриотических традиций. Велика роль методической работы в совершенствовании профессиональных знаний и умений классных руководителей по формированию модели гражданина и патриота. На заседаниях методических объединений систематически обобщается и распространяется передовой опыт учителей, классных руководителей по гражданско-патриотическому воспитанию учащихся. Педагоги школы проводят мастер – классы, участвуют в семинарах и конференциях городского, областного и республиканского уровней.

Становится все более очевидным, что формирование гражданско-патриотического сознания, привитие ребенку нравственных качеств, развитие стремления к преодолению трудностей и готовности к жизни в высокотехнологичном конкурентном мире, воспитание уважения к окружающим людям, порядочности, честности, жизненного оптимизма невозможно без тесного взаимодействия и взаимопонимания между школой и семьей, без учета мнения детей и их родителей. Ведь именно семья является главной формой передачи социального опыта, исторической памяти и культурных традиций. Именно с отношения ребенка к семье, самым близким людям, прошлому народа, изучения родной культуры через народную сказку, песню, игрушку, исследования родословной, родительского примера начинается любовь к Родине. Поэтому обязательным условием гражданско-патриотического воспитания личности является взаимодействие школы и семьи. Движущей силой прогресса являются не материальные блага, а патриотизм. Движение вперед невозможно без искренней любви к Родине, земле предков, к своему народу. Патриотизм проявляется не в словах и лозунгах, а в жизненной позиции человека, его повседневных трудах. В том, что он живет не только для себя, но и для своего Отечества. Многие могут меняться вокруг нас, но эта истина останется непоколебимой. Патриотизм был, есть и должен оставаться незыблемым постулатом нашей государственности. Это вечная ценность, которая скрепляет поколения. Сегодня гражданско-патриотическое воспитание – это не единичная акция, а сложнейшая задача, решение которой предусматривает всеобъемлющую деятельность школы, семьи, общества [2, с. 9].

*Список литературы:*

1. Старостенко, В.В. Становление национального самосознания белорусов: этапы и основополагающие идеи (X – XII вв.) / В.В. Старостенко. – Могилёв: МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. – 200 с.
2. Богомазов, А.П. Воспитательная работа в учреждении высшего образования: социологический и педагогический анализ / А.П. Богомазов, О.Л. Жук, Ю.Г. Черняк // Адукацыя і выхаванне. – 2019. – С. 3–12.

**СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ  
И ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА  
У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

*О.В. Ковалева, Е.С. Глушко  
Горловка, Автомобильно-дорожный институт  
ГОУВПО «Донецкий национальный технический университет»,*

Патриотическое воспитание сегодня – это вопрос национальной безопасности страны. Это особого рода государственная политика. Именно так напоминает сегодня в своих речах президент страны В.В. Путин. И неслучайно с 2001 года существует федеральная программа «Патриотическое

воспитание граждан Российской Федерации». Идёт информационно-идеологическая война со сносом и осквернением памятников истории и культуры, мемориалов, посвященных Великой Отечественной войне. Блокируется вещание телеканалов России, разгромлены редакции неугодных им СМИ, причём всё это происходит при массивной поддержке Запада. Мы видим систематическую дезинформацию общества на Западе, русофобию, разжигание межнациональной ненависти среди славянских народов. Идет война, которая, прежде всего, рассчитана на участие молодежи.

Ряд исследователей России отмечает, что в обществе отсутствует понимание того, что происходит эрозия исторической памяти народа, осмеивается его прошлое. А полное или частичное забвение исторического опыта, культуры своей страны и своего народа ведет к амнезии, что ставит под сомнение возможность существования народа в истории. Ослабление исторической памяти иногда оборачивается утратой связей между поколениями, ослаблением патриотических и гражданских чувств. Ведь сегодня нередко среди молодёжи бытует мнение, что «Родина там, где тепло». Так их учили все 30 лет. Сейчас крайне необходимо сделать так, чтобы патриотизм стал идеей большинства.

Не случайно в национальной доктрине отмечается, что молодому государству, в целом, нужны специалисты высокой квалификации, обладающие духовными принципами, гражданской зрелостью, готовностью к служению Родине.

Большую роль в процессе формирования исторической памяти молодежи играют социально-гуманитарные дисциплины. Особую роль играют такие дисциплины, как «История России», «История культуры России», которые читаются недавно, а также, «Культурология», «Философия». Не только знание исторических фактов, понимание исторических закономерностей, но и ощущение сопричастности и ответственности должны давать эти занятия. Они формируют уважительное отношение к нашим предкам, для кого вера, долг, служение Отечеству были смыслом всей их жизни. Глубокие исторические корни народа формируют патриотическое самосознание студентов. Важной составляющей этой работы является посещение Музея истории города Горловки и художественного музея – одного из крупнейших музеев в Донецкой области. На базе музеев студенты участвуют в различных мероприятиях: диспутах, концертах, в круглых столах, встречах с известными людьми Горловки. Никакие ресурсы интернета не могут заменить впечатление от настоящих предметов, благодаря которым чувствуешь дух времени, они представляют собой базу для воспитания гражданина своего Отечества. Музеи способствуют продвижению патриотизма, воспитанию чувства сопричастности с наследием своих предков, любви к своей малой Родине.

Формирование гражданина – патриота сегодня является одним из центральных направлений воспитания студенческой молодежи в деятельности Автомобильно-дорожного института Донецкого национального технического университета (АДИ ДОННТУ).

Человек должен знать, откуда он родом, и кто его предки. Мы считаем, что так формируется связь между ним и обществом, рождается понимание своего назначения в современной жизни. Доцентами кафедры «Общественные науки» издана монография «Великие имена Донбасса» о наших выдающихся земляках, которая широко используется на занятиях.

Студенты участвуют в разработке проекта о родных и близких, которые принимали участие в Великой Отечественной войне. Их работы принимают участие в Международных конференциях и конкурсах студенческих научных работ, посвященных Великой войне. Уже более 10 лет кафедра общественных наук проводит такие конференции.

В последние восемь лет особое внимание уделяется героям-горловчанам, защищавшим нашу Родину от врагов в прошлом и современных героях, которые защищают нас сегодня. О них публикуются статьи в научных сборниках и местной печати. Собирается и обновляется материал к бессмертному полку, без которого мы уже не представляем себе праздник «День Победы». Интересный проект «Детство, опаленное войной» о преподавателях и сотрудниках института – детях Великой Отечественной войны, сделанный на базе студенческих работ, уже завершился изданием монографии.

Благодаря этому у студентов формируются перспективные навыки, умения в приобретении простейших знаний, необходимых для понимания того, что мало знать историю наших предков, нужно еще ценить и перенимать их опыт. У ребят появляется чувство единения с родным городом, с его историей и культурой.

Большой популярностью пользуется волонтерское движение по сохранению исторической памяти Победы в Великой Отечественной войне в рамках всероссийского движения «Вахта Памяти».

Большую работу по патриотическому воспитанию студентов кафедра проводит совместно со студенческим дискуссионным клубом «Резонанс», где рассматриваются самые важные проблемы Республики и студенчества. Пользуется популярностью среди студентов общественное военно-патриотическое движение «Молодая гвардия – юнармия». Юнармейцы – это юноши и девушки, небезразличные к проблемам общества и страны.

Наши студенты принимают активное участие в общереспубликанских и городских молодежных акциях. Студклуб вуза шефствует над Центром социальной реабилитации для инвалидов и детей. Волонтерский центр отряда «АВТОДОР», проводит концерты, конкурсы, собирает средства для больных детей этого Центра.

Но для того, чтобы работа по патриотическому воспитанию была эффективной, на наш взгляд, главное внимание необходимо уделить подготовке педагогических кадров, которые будут активно внедрять в содержание вузовских дисциплин элементы патриотической идеи, расширять рамки чтения спецкурсов патриотического содержания.

Опыт воспитательной работы педагогов АДИ ДОННТУ со студентами института позволяет сделать следующие выводы:

– для успешного формирования гражданственности, патриотизма, духовных качеств студентов очень важным является единство обучения и воспитания;

– формированию личности студента необходимо предоставлять приоритетное значение в учебно-воспитательной работе современного высшего учебного заведения;

– необходима качественная социально-гуманитарная подготовка студенчества.

Формирование патриотизма, духовных качеств должно буквально пронизывать все стороны педагогического процесса в учебном заведении на всех его этапах, быть непрерывным, постоянным и, главное, проводиться системно.

Мы считаем, что государство, в котором нивелированы исторические и культурные ценности и прервана связь народа с его героическим прошлым, можно считать недееспособным.

## **ПАТРИОТИЗМ – НОВЫЙ ПРИОРИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ**

*А.С. Комаровская*

*Минск, Белорусский государственный университет*

Современная ситуация кластерного мирового противостояния актуализирует необходимость переосмысления идеи патриотизма. Особенно острую потребность в научной проработке указанного понятия испытывают страны постсоветского региона, включая систему белорусского общества, демонстрирующего, начиная с 2020-го года, явный недостаток консолидирующих установок и механизмов. Очевидно, что вне профессиональной дискуссии о патриотизме невозможно говорить о стабильной поступательной эволюции как белорусского государства, стремящегося к самостоятельности и экономической независимости на мировой арене, так и белорусского общества, безопасное и перспективное развитие которого возможно только при условии единства белорусского народа.

Ценность патриотизма осознается на всех уровнях государственной власти. При этом представления о патриотизме среди белорусов весьма размыты и имеют явные разногласия среди представителей разных поколений. Более того, идея патриотизма как основы национальной идеи, реализуемая государством, не всегда совпадает с общественным мнением.

Патриотизм является чрезвычайно сложным и многоаспектным понятием. В каждую историческую эпоху идея патриотизма наполнялась

различным ценностным содержанием, способствующим или ограничивающим её реализацию на практике. Традиционная дефиниция связана с этимологическим контекстом слова патриотизм, – от греческого *patris* – «родина», латинского *patria* – «отечество». Семантический анализ понятия демонстрирует взаимосвязь человека с родной страной, базирующуюся на эмоционально-чувственной составляющей. Подобная интерпретация фиксирует генетическую определенность отношения человека к месту рождения, априорную вовлеченность в историю страны, гордость за прошлое и готовность борьбы за будущее.

Сегодня аксиологический, этический, психологический подходы к определению понятия патриотизм, акцентирующие внимание на эмоциональном контакте человека с Родиной, весьма распространены и достаточно часто встречаются на различных уровнях применения, при этом именно глубокий личный смысл, вкладываемый в понятие, является наиболее уязвимым местом патриотизма. Возможность спекуляции на понятии патриотизм возникает в момент сакрализации смысла, взываний к героическому историческому прошлому, призывов к выполнению долга перед Родиной. В современном мире подобного рода тактика малоэффективна. Агрессивное навязывание патриотизма приводит к отрицанию, нигилизму, неприязни самой идеи и наиболее ярких ее «проповедников». Идеализация идеи патриотизма ведет к ее несостоятельности в современном мультикультурном мире и требует не просто пересмотра, но создания кардинально нового инструментария реализации идеи патриотизма.

С конца 90-х годов XX века в Республике Беларусь наблюдалась высокая динамика развития всех сфер жизни, сопровождающаяся укреплением государственности. При этом новые демократические стандарты стали активно внедряться в повседневную жизнь; понятия гражданских прав и свобод, социального равенства, справедливости в гипертрофированном виде легли на существовавший в Беларуси постсоветский патриотизм. Здесь стоит достаточно внимательно подойти к оценке патриотического контекста в современных белорусских реалиях. Результаты очевидно будут ниже ожидаемой нормы, ведь к актуальному моменту уже выросло ни одно поколение с ориентацией на ценности западной цивилизации и практически полным отсутствием знаний об уникальности своей истории, культуры и важности сохранения национально-культурной целостности.

Инициатором разработки компетентной научной модели патриотического воспитания выступил президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, результатом стала Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы, утвержденная Постановлением Советом Министров Республики Беларусь 29.12.2021 года № 773 [См. 1]. Об эффективности предложенных в Программе механизмов патриотизации населения говорить пока рано, однако, отмечу, что уже сегодня процесс популяризации патриотической идеи реализуется на всех уровнях

государственной системы, особое место среди которых должна занимать система образования. Воспитание подрастающего поколения, формирование патриотического сознания и корректной гражданской позиции, развитие чувства принадлежности уникальной культуре, ценностям белорусского народа являются первостепенными задачами именно образовательного процесса.

Однако стоит отметить и тот факт, что актуальная система образования нуждается в существенных изменениях. Эта необходимость, прежде всего, связана с дешифровкой культурного кода и переориентацией системы образования в соответствии с приоритетами страны и потребностями современного общества, среди которых именно патриотизм занимает лидирующую позицию.

*Список литературы:*

1. Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022-2025 годы, утвержденная Постановлением Советом Министров Республики Беларусь 29.12.2021 года №773 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 24.06.2022.

## **ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ**

*И.И. Морозова  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Сегодня, когда в мире предпринимаются попытки фальсификации истории и активной девальвации духовно-нравственных ценностей, способствующих деформационной трансформации общественного сознания, особенно представителей молодого поколения, как никогда остро стоит вопрос о необходимости актуализации последовательной и настойчивой декларации развенчания фальшивых моделей и схем человеческого существования, жесткого противостояния массовому зомбированию сознания реципиентов в насаждении асоциальных ценностей и норм. Значение художественной литературы, значимость книги, чтения и восприятия в этом важном этико-эстетическом процессе огромно. При этом социальная функция художественной литературы, связанная со степенью проникновения автора как субъекта, как носителя общественного, индивидуального и художественного сознаний в общие закономерности эпохи, сохраняет свою эстетическую значимость, предоставляя возможность моделирования идеалов и ценностей, имеющих практическое значение для общества, принимая во внимание аксиологическую и суггестивную функции литературы, роль которой в

формировании мировоззрения и самосознания человека, системы его ценностных установок неизменно велика.

Важно отметить, что доминирование темы Великой Отечественной войны, ставшей основополагающей для белорусской литературы, играет существенное значение для формирования патриотического самосознания личности. Изменившаяся ситуация в общественной жизни страны предоставила возможность переосмыслить и заострить проблемы, ранее не звучавшие в художественных текстах в осмыслении событий Великой Отечественной войны, восстановить историческую правду, способствуя адекватному восприятию национальной истории и формированию патриотического самосознания. Активно в этом плане работает Николай Чергинец, представив на суд читателей роман «Операция «Кровь», поражающий отраженным в нем трагизмом [1]. У читателей этого произведения формируются новые представления о зверствах фашистов над евреями, оказавшимися в оккупации на территории Минска и его окрестностей (Семково, Тростенец), об издевательствах над детьми, используемых в качестве доноров крови для немецких военных, о функционировании Минского гетто (как известно, в Беларуси в годы войны было уничтожено 715 тысяч евреев, на принудительные работы вывезено около 400 тысяч человек, в том числе 24 тысячи детей); о деятельности прибалтийских полицейских на территории Беларуси, нашедших художественное воплощение в романе. Авторское сознание отражает панорамное изображение войны, трагизм и ужас военного времени, базирующееся на исторических документах и многочисленных архивных материалах.

Художественный текст, фактически, является иллюстрацией и гневным осуждением основных положений плана «Ост», который пытались реализовать гитлеровские захватчики. Вот выдержки из директивы А. Гитлера А. Розенбергу о введении в действие Генерального плана «Ост» (23 июля 1942 г.): «Славяне должны работать на нас, а в случае, если они нам больше не нужны, пусть умирают. Прививки и охрана здоровья для них излишни. Славянская плодовитость нежелательна... образование опасно. Достаточно, если они будут уметь считать до ста... Каждый образованный человек – это наш будущий враг. Следует отбросить все сентиментальные возражения. Нужно управлять этим народом с железной решимостью... Говоря по-военному, мы должны убивать от трех до четырех миллионов русских в год...» [2, с. 143–144]. Такая информация, которая не может быть предана забвению, достаточно эффективно отрезвляет сознание и самосознание человека, заставляя адекватно воспринимать прошлое и формировать активную гражданскую позицию и истинные патриотические ценности.

Николай Чергинец в романе подчеркивая и народную трагедию, и народное мужество, всенародную войну, развенчивая различного рода фальсификации и аберрации в освещении исторических фактов, наметившиеся в последнее время. Неслучайно М. Тычина в своей концептуальной



работе «Народ и война» проводит мысль о том, что «свет нагружены жахлівамі відамі зброі знішчэння. У пісьменнікаў таксама ёсць свая магутная зброя – распаўсюджванне народнай праўды пра вайну» [3, с. 425].

Современную белорусскую литературу о Великой Отечественной войне пополнило еще одно произведение, повествующее о драматических событиях, происходящих в Западной Беларуси в июне 1941 года. Автор остросюжетного романа «Самый долгий день» [4], основанного на реальной истории, Вячеслав Бондаренко художественно отражает диверсионную деятельность групп, сформированных из хорошо обученных этнических немцев России, Украины, Прибалтики, заброшенных на территорию Западной Беларуси для захвата небольшого районного центра и превращения его в перевалочную базу для наступающих немецких танковых частей, жесткое сопротивление сотрудников НКВД, их мужественную борьбу с диверсионными группами, подчеркивая идеологическую убежденность об осознании необходимости защиты своей Родины. Роман «Самый долгий день» не только является, по мнению автора, данью памяти всем сотрудникам советской милиции, честно и храбро выполнившим свой долг в первые дни Великой Отечественной, но и способствует формированию патриотического мировоззрения, активной гражданской позиции, высоких духовных ценностей и нравственных идеалов.

Перед писателями открылась возможность переосмыслить и такие проблемы, как, например, разъединенность белорусов в военное время, тему национального самосознания, новые аспекты партизанского движения и состояние белорусской деревни, а обращенность писателей к вопросам исторического прошлого актуализирует патриотические ценности в общественном сознании. Художественная реальность явственно свидетельствует о том, что трагическая ситуация войны актуализировала социально-нравственную составляющую национальной принадлежности. Авторское сознание отражает изображение трагизма и ужаса военного времени, подчеркивая и народную трагедию, и народное мужество, представленное во многих прозаических произведениях Алеся Жука.

Подобные процессы, отраженные в литературе, должны занимать господствующее положение, принимая во внимание тот общеизвестный факт, что литература ориентирована на разные слои социума, но в «искусстве социально ценно не только то, чем овладела масса, но и то, до чего она сегодня не доросла» [5, с. 13]. Осознание писателями личной ответственности за каждое написанное слово, понимание смысла совершаемых действий и последствий для общества сохраняет свою актуальность, принимая во внимание аксиологическую, суггестивно-катарсическую, воспитательную функции литературы, ее способность воздействовать на самосознание человека, поскольку «во взаимодействии сознания и восприятия литература...может стать экспериментальным полем для социальной фантазии,

полем, где могут испытываться различные формы адекватного познания человеком самого себя, общества и мира» [5, с. 287].

*Список литературы:*

1. Чергинец, Н. Операция «Кровь»: роман / Н. Чергинец. – Минск: Маст. літ., 2013. – 326 с.
2. Гнедько, А.В. Наследие войны и вызовы современности: материалы междунар. науч.-истор. конференции / редкол.: В. Г. Моисеенко [и др.] / А.В. Гнедько, Л.С. Прокопенко. – Минск: ГУО «ИПС РБ», 2015. – С. 142–145.
3. Тычына, М.А. Народ і вайна / М.А. Тычына. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 433 с.
4. Бондаренко, В.В. Самый долгий день / В.В. Бондаренко. – Минск: Харвест, 2015. – 256 с.
5. Общество, литература, чтение: восприятие литературы в теоретическом аспекте / пер. с нем.; под ред. О.В. Егорова. – М.: Прогресс, 1978. – 294 с.

**АКСИОЛОГИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА  
В ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЕ КАК УСЛОВИЕ  
ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ  
БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ  
(НА ПРИМЕРЕ ДИСЦИПЛИНЫ «ФИЛОСОФИЯ»)**

*С.А. Пономарёва, О.Н. Пономарёва  
Пенза, филиал Военной академии материально-технического  
обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва в г. Пензе,  
Пензенский артиллерийский инженерный институт*

В настоящее время отечественное образование много внимания уделяет совершенствованию организации обучения, обновлению арсенала педагогических технологий, позволяющих улучшить качество подготовки высококвалифицированных кадров.

Следует признать, что социально-политическая обстановка в мире требует от каждого преподавателя корректировки учебной тематики, откликающейся на вызовы XXI века. Если посмотреть на современную ситуацию, связанную с дестабилизацией мирового порядка, активным воздействием на индивидуальное, групповое и общественное сознание, характеризующуюся морально-нравственной дезориентацией, то очевидна необходимость укрепления и развития духовного наследия страны, сохранения и распространения исторических, гуманистических, культурных ценностей, формирования социальных, нравственных, эстетических ориентиров в мировоззрении индивида. Особое значение имеют базовые ценности, сформированные у будущих офицеров как людей, ответственных за защиту и безопасность государства. В этом ракурсе увеличивается потребность в философии, в архитектонике современного образовательного пространства, поскольку именно эта область знания как квинтэссенция

гуманитарных наук призвана укреплять духовно-нравственный «стержень личности» обучающихся, создавать стимулы овладения профессиональной деятельностью, развивать критическое мышление.

Для реализации целей образования по УД «Философия» была взята в качестве основы проектирования учебно-воспитательного процесса концепция О.Н. Васиной и О.Н. Пономарёвой о ведущей роли опыта эмоционально-ценностного отношения (ЭЦО) в формировании личностного опыта обучающихся [1; 2]. Суть концепции – акцент на значимости ценностного наполнения содержания образования. По мнению указанных авторов, именно через Личность Наставника (преподавателя), подобранные им конкретные примеры, подтверждающие транслируемую им ценностную идею, происходит освоение и присвоение (или отрицание) ценностно-смыслового вектора изучаемой темы [1; 2].

С позиций военной дидактики следует конструировать занятие с использованием интерактивных методов преподавания прежде всего – разнообразных неигровых методических приёмов: кейс-задания (кейс-стади), ПОПС-формула, «Бортовой журнал», кинолекторий и другие, но обязательно – работа в малых группах.

Безусловно, философия обладает богатейшим потенциалом в плане раскрытия с аксиологической стороны обозначенной темы, которая является сложной и профессионально-значимой для формирования личности офицера вооружённых сил страны. Используя ментально-значимые военно-философские взгляды мыслителей, педагог может выстроить диалог с обучающимися, стимулируя и поощряя их размышления с аксиологических позиций, формируя тем самым опыт эмоционально-ценностного отношения к миру.

Так, многие идеи русских мыслителей (И.А. Ильина, В.С. Соловьёва, Ф.М. Достоевского, А.А. Керсновского, Ф.А. Степуна, Н.А. Бердяева и других) остаются актуальными и сегодня: горячо любящие Родину, авторы давали ценные замечания о природе войны, о её смысле, противоречиях, основных категориях [5; 6].

Таким образом, востребованное в современном педагогическом процессе использование интерактивных методов и приёмов, выступая в качестве средств активизации познавательной деятельности курсантов, позволяют развивать базовый комплекс компетенций обучающихся, формировать необходимые умения и навыки, вырабатывать инициативное отношение к поиску и использованию информации, корректировать собственную позицию, развивать исследовательский опыт и умение работать в команде, презентационные и коммуникативные навыки.

Наполнение заданий аксиологическим содержанием помогает активизации познавательной активности курсантов, развивая и совершенствуя обучающихся как мыслящих людей, понимающих и осознающих своё профессиональное предназначение, готовых неукоснительно соблюдать законы государства, самоотверженно выполнять свой долг защитника Отечества.

Тщательное планирование занятий, грамотное применение методик позволит не только улучшить эффективность образовательного процесса и гарантировать достижение запланированных результатов обучения, но и наполнить обучение необходимым комплексом ценностей, формировать государственно-значимый опыт эмоционально-ценностного отношения будущих офицеров к Отечеству, Профессии, Миру в целом [1; 2; 4; 7].

Преподаватель выступает как «фасилитатор», отвечающий за приумножение продуктивности обучения и развития субъектов педагогического процесса за счёт определённого стиля общения, создания особой доверительной межличностной атмосферы, оптимизации процесса совместной работы. Педагог, являющийся участником военно-образовательного процесса, должен быть способен грамотно определять ценностные приоритеты и делать смысловые акценты, тем самым подталкивая курсантов к самостоятельному поиску решений или к дискуссии на общечеловеческие и военно-профессиональные темы с позиции ценностей [3]. Всё это в совокупности будет способствовать формированию социальных ценностей в военно-образовательном процессе, опыта эмоционально-ценностного отношения к миру, военно-профессиональной деятельности, себе самому.

Акцент в образовательном процессе на развитие ценностно-смысловой сферы обучающегося выступает важным направлением работы военного вуза, способным сформировать необходимый морально-нравственный облик офицера, готового служить Родине и своему народу, добросовестно выполнять профессиональный долг по обеспечению безопасности страны.

Как показывает опыт, ценностное насыщение образовательного процесса, грамотный подбор методов и приёмов преподавания философии, развитые навыки критического анализа позволяет вывести обучающихся в сферу мировоззренческого осмысления социальной и профессиональной реальности, приобщает будущих военных специалистов к ценностям культуры, заложит фундамент опыта эмоционально-ценностного отношения к окружающему миру, самостоятельно курсантам выработать аксиологическую основу своего духовного мира, что в дальнейшем повлияет на их мотивационно-деятельностную сферу.

#### *Список литературы:*

1. Васина, О.Н. Конструирование содержания образования по ведущему компоненту социального опыта [Электронный ресурс] / О.Н. Васина, О.Н. Пономарёва // Современные проблемы науки и образования. – 2022. – № 5. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=32027>. – Дата доступа: 04.11.2022.

2. Васина, О.Н. Структурные связи при конструировании содержания образования учебной дисциплины / О.Н. Васина, О.Н. Пономарёва // Драгомировские образовательные чтения: сб. научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2021. – С. 27–35.

3. Далимаева, Е.О. Анализ представлений о войнах в современности / Е.О. Далимаева // Наука - образованию, производству, экономике. Материалы 73-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. – Витебск, 2021. – С. 139–141. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26913>.

4. Писарева, С.А. Аксиологические основания диссертационных исследований в сфере образования / С.А. Писарева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2010. – № 128. – С. 125–136.

5. Пономарева, С.А. Война как социальный феномен в русской философии XIX–XX веков: Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, И.А. Ильин, Ф.А. Степун / С.А. Пономарева // SocioTime / Социальное время. – 2017. – № 3. – С. 27–40.

6. Пономарева, С.А. Об основных принципах преподавания философии в системе военного вузовского образования / С.А. Пономарева // Драгомировские образовательные чтения: сб. научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. – С. 83–86.

7. Яковлева, Е.В. Аксиологические аспекты научного познания / Е.В. Яковлева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 10-2 (112). – С. 116–119.

## **ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ВЫСШЕМ ВОЕННОМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ**

*В.В. Цыбулько, Е.Ю. Бертош  
Минск, Военная академия Республики Беларусь*

Трудно переоценить значение и роль преподавателей высших военных учебных заведений в решении задач по формированию профессиональных и нравственных качеств у курсантов в ходе проведения ими учебных занятий. Именно от их усилий и знаний, педагогического мастерства, активной, жизненной позиции в решающей степени зависит успех в подготовке качественного специалиста.

Курсанты внимательно следят за действиями педагога, перенимают у него приёмы работы, зачастую и манеру поведения. Опыт показывает, что именно преподаватели воплощают собой в сознании курсантов образец для подражания, служат эталоном поведения, интеллектуального развития, добросовестного выполнения служебного долга. Исходя из этого успешное решение задач обучения возможно только при тесном взаимодействии и сотрудничестве педагога и обучающегося.

Педагогическое взаимодействие – это основа педагогического общения, которое в современной образовательной деятельности реализуется в виде педагогического диалога, для которого важно контактное взаимодействие. Говоря о диалоге, следует отметить, что это контакт, имеющий особое положение в объединении педагога и обучающихся, который характеризуется взаимопониманием, сопереживанием и готовностью к взаимодействию.

В целом педагогическое сотрудничество в образовательном процессе представляет собой разветвленную сеть взаимодействий и взаимоотношений по следующим четырем направлениям: педагог – обучающийся; обучающийся – обучающийся в парах, тройках; общегрупповое взаимодействие, обучающийся во временно созданном учебном коллективе или в учебной группе; педагог – педагогический коллектив. Важнейшее место в системе сотрудничества занимают отношения «педагог – обучающийся».

Традиционное обучение основано на том, что педагог является субъектом, а обучающейся – объектом педагогического процесса. А педагогика взаимодействия и сотрудничества представляет обучающегося как субъекта. Исходя из этого подхода следует, что два субъекта должны взаимодействовать, быть партнерами, сотоварищами, представляя собой содружество более старшего и опытного с менее опытным, менее подготовленным.

Необходимо отметить, что сотрудничество и взаимодействие принимает различные формы, такие как соучастие, содружество, сотворчество, сопереживание и соуправление. В зависимости от учебной дисциплины и методических требований может меняться подход к сотрудничеству между педагогом и обучающимся. Среди основных идей педагогики сотрудничества можно выделить такие как учение без принуждения, опережение, свобода выбора, совместная деятельность учителей и учеников, обучение в зоне ближайшего развития, развитие творческих способностей и самоуважение. Педагоги и обучающиеся рассматриваются в образовательном и воспитательном процессе педагогики сотрудничества как равноправные партнеры. Сотрудничество педагога и обучающегося можно охарактеризовать как совместную деятельность в процессе образования, направленную на освоение знаний, умение обучающихся и повышение их мотивации к обучению. Благодаря взаимопониманию в педагогическом процессе начинают развиваться самоуправление, равноправие личностных позиций всех участников.

Педагогическое сотрудничество состоит из трех этапов:

первый – постановка целей сотрудничества. Первый (подготовительный) этап, как правило, осуществляется в двух направлениях: первое направление – это деятельность педагога, направленная на формирование условий для педагогического сотрудничества с обучающимися; второе направление предполагает личную подготовку преподавателя для эффективного педагогического сотрудничества с обучающимися;

второй – вовлечение в действие. На втором этапе педагогического сотрудничества основной задачей педагога является установление прямого контакта со слушателями. Одним из основных педагогических условий является организация совместной деятельности на основе принципов педагогического сотрудничества (активность участников, их творческая позиция, партнерские отношения и наличие обратной связи). В ходе педагогического сотрудничества обучающиеся приобретают знания и навыки по педагогическому общению, повышают уровень своего развития, свой общий культурный потенциал;

третий – координация образовательной деятельности. Третий этап педагогического сотрудничества характеризуется диалогом. При этом во всех образовательных мероприятиях присутствует взаимное доверие, приветствуется и поддерживается творчество, присутствует стремление к активному обучению. Участники процесса имеют возможность согласованно работать вместе. Это является ключевым фактором повышения эффективности образовательного процесса в высших учебных заведениях.

В ходе педагогического сотрудничества курсанты выполняют следующие основные функции: конструктивные (обсуждение и объяснение содержания материала, его реализация), организации (организация совместных действий, взаимный интерес), коммуникативно-стимулирующие (сочетание разных форм обучения и познавательной деятельности), эмоционально-регулируемый (доверительное общение), контроль и оценка (организация взаимного контроля) [1].

Оценивая состояние педагогического сотрудничества преподавателей и курсантов следует, установить влияние личностных особенностей на предрасположенность к сотрудничеству, на степень усвоения полученного материала, уровень сформированности навыков и умений общения, взаимодействия, взаимопонимания и взаимопомощи.

Таким образом, рассматривая общение как форму сотрудничества или взаимодействия субъектов образовательного процесса, необходимо отметить: взаимодействие – это взаимная, то есть обоюдная, касающаяся обеих сторон связь явлений; умение преподавателя строить свои взаимоотношения с коллективом курсантов как единым целым, умение искать и находить основания для гармонизации индивидуальных и коллективных интересов, имеет особое значение. Идеальная ситуация – общение преподавателя с коллективом, не выпуская из поля зрения ни одного своего курсанта; общение необходимо рассматривать как двусторонний процесс, в котором все курсанты – полноправные партнеры. Контакты с обучающимися нужно налаживать постоянно, иначе невозможно преодолеть психологию приспособленчества, безразличия у курсантов; педагогическое общение, учебно-педагогическая деятельность, являясь объектом воздействия множества внешних и внутренних факторов, включают в себе большое количество сложных противоречивых моментов, затруднений. Преодоление этих затруднений требует от участников взаимодействия осознания и коррекции вызвавших их причин в процессе самостоятельной работы или в специальных тренингах [2].

В завершении следует отметить, что для того, чтобы сотрудничество между педагогом и обучающимся состоялось, очень важно наличие положительных эмоций и отношений в деятельности как одного, так и другого. Когда обучающийся заинтересован, то тогда передача опыта и знаний от педагога будет, проходит более плодотворно. Он будет учиться самостоятельно, принимать решения под руководством опытного наставника и, конечно же, двигаться вперед в приобретении необходимых ему знаний и умений.

#### *Список литературы:*

1. Баширова, Г.И. Формирование оптимальной модели педагогического взаимодействия преподавателей и обучаемых в образовательном процессе специальных вузов / Г.И. Баширова // Проблемы педагогики. – 2019. – № 5(44). – С. 33–38.
2. Шестериков, С.В. Педагогическое взаимодействие как одно из составляющих педагогического мастерства преподавателей военного ВУЗа / С.В. Шестериков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandia.ru/text/79/105/45363.php>. – Дата доступа: 03.10.2022.

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА «КЛИО» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОЗИДАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ ГГПИ

*И.А. Кабирова, О.И. Цыганов  
Глазов, Глазовский государственный  
педагогический институт имени В.Г. Короленко*

На сегодняшний день в период обучения молодых людей в высших учебных заведениях всё большую значимость и актуальность приобретает тенденция образования студенческих объединений как естественной и необходимой составляющей их развития. Автор многих исследований по данному вопросу А.А. Колчина [3] установила, что именно на этом этапе жизни девушки и юноши испытывают очень острую нужду в сопереживании, сочувствии, а главное – в общении. Одним из путей преодоления подобного «кризисного» состояния является вступление ребят в различные студенческие сообщества, где они могут удовлетворить свои естественные потребности, обрести и развить массу новых знаний, умений и навыков, реализовать себя. Зачастую все вышеперечисленные качества приобретаются через активное участие студенческой молодежи в созидательной деятельности.

В научно-исследовательской литературе существует большое количество определений созидательной деятельности. Мы остановимся на интерпретации данного явления, предложенной доктором педагогических наук А.В. Бычковым, поскольку считаем её наиболее полной и содержательной. По его мнению, созидательная деятельность есть «...целесообразная, продуктивная, лично или общественно значимая деятельность с большим количеством действий в её составе и принципиальной новизной в результате» [1, с. 22].

Ярким примером созидательной деятельности студентов ГГПИ является их активная работа в историческом дискуссионном клубе «Клио» – «добровольное, самоуправляемое, некоммерческое объединение, созданное по инициативе студентов историко-лингвистического факультета ГГПИ им. В.Г. Короленко в конце 2020 года». Цель создания – «организация на базе института определенной площадки, где формируются условия для самообразования студентов, обмена опытом, времяпрепровождения с пользой» [4, с. 115]. Основными целями деятельности клуба являются: «развитие организаторских способностей... сплочение студентов в ходе командной работы, повышение у них интереса к истории. Кроме того, развитие... навыков публичного выступления и умений аргументировано защищать свою позицию является одной из главных составляющих деятельности клуба» [4, с. 116].

Активность членов исторического дискуссионного клуба «Клио» в созидательной деятельности проявляется, во-первых, в предложении



преподавателям новых, альтернативных форм работы (вместо лекций и семинаров), позволяющих не только глубже изучать материал при подготовке к ним, но и развивать коммуникативные навыки. Так, например, членами клуба была подготовлена и проведена дискуссия по теме «Индустриализация и коллективизация: альтернативные пути развития СССР», в которой приняли участие как студенты, так и преподавали историко-лингвистического факультета.

Во-вторых, к созидательной активности студентов относится регулярная организация и качественное проведение интеллектуально-исторических игр: «Да будет свет!», «Воспитание спартиатов», «Vitabrevis, arslonga» и многие другие.

В-третьих, члены клуба «Клио» принимают активное участие в создании условий для творческого досуга студентов-историков. Например, были проведены следующие мероприятия: литературный вечер, посвященный античной поэзии: «И пробуждается поэзия во мне...», кураторский час «Gaudeamus igitur», на котором разучивался старинный студенческий гимн, вечер античных крылатых фраз и т.п.

Кроме того, студенты исторического клуба ведут интенсивную международную деятельность, которая проявляется в подготовке и проведении интеллектуально-исторических конкурсов с зарубежными странами. Так в 2021–2022 учебном году в дистанционном формате прошли два мероприятия. Первое было посвящено истории развития Новгородского и Полоцкого княжеств в XII–XIII вв.: «История Белоруссии и России XII–XIII веков: «О полоцкой свободе абы Венеции» и «Господин Великий Новгород» (участники: команды БГПУ им. М. Танка и ГГПИ им. В.Г. Короленко), второе – развитию культур Беларуси, Узбекистана, России и точкам их соприкосновения: «Культура XII–XIII веков: от Запада до Востока» (участники: команды БГПУ им. М. Танка», НГПИ им. Ажинияза и ГГПИ им. В.Г. Короленко). Вместе с тем в июле 2022 г. в рамках «Университетской смены» для детей ДНР и ЛНР члены клуба «Клио» организовали и провели квест-игру «Родниковый край» с целью познакомить ребят с нашей малой Родиной – Удмуртией.

Приведенные примеры работы членов историко-дискуссионного клуба на международном уровне наглядно свидетельствует об активной созидательной деятельности студентов.

Одним из очень важных и значимых направлений в созидательной работе клуба «Клио» является воспитание в подрастающем поколении чувства патриотизма. Для этого студенты-историки не один раз посещали школы города Глазова, где проводили классные часы, интеллектуально-исторические игры, мини-лекции. Созидательная активность членов исторического дискуссионного клуба, прежде всего, была направлена на ознакомление ребят с героическими страницами истории Отечества, приобщение учеников к богатому культурному наследию России, напоминание школьникам о том, что

сила наших народов в интернационализме. Например, для девятиклассников была организована и проведена интеллектуальная игра «По страницам Северной войны», посвященная 300-летию со дня подписания Ништадтского мирного договора. Кроме того, в рамках всероссийской акции «Урок правды» члены клуба «Клио» провели классный час для учеников 10 класса, посвященный специальной военной операции российских войск на территории Украины. Студенты-историки объяснили ребятам цели и задачи проведения спецоперации, рассказали о преступных деяниях необандеровцев и неонацистов на территории Украины, сделали ссылки на ресурсы с достоверной и проверенной информацией.

В социальной сети «ВКонтакте» есть группа клуба «Клио»[2], где регулярно освещаются все сведения о его деятельности, публикуется интересная информация в рамках оригинальных рубрик «Исторические зарисовки» и «История в лицах». Данные рубрики пользуются особым интересом как среди студентов историко-лингвистического факультета, так и других факультетов ГГПИ.

Таким образом, созидательная активность членов исторического дискуссионного клуба «Клио» осуществляется через разные формы деятельности (интеллектуально-исторические мероприятия, квест-игры, дискуссии и т.п.), которые не только являются наиболее интересными, но и нацелены на сплочение ребят посредством командной работы. В нашем клубе каждый может реализовать и проявить свои лучшие качества, развить навыки публичного выступления, получить необходимые ему знания и умения. Интенсивная деятельность членов клуба высоко ценится не только преподавателями, но и студентами всех курсов, поскольку её результаты полезны и значимы для обеих сторон. С нашей точки зрения, созидательная деятельность студентов является и наилучшей формой патриотического воспитания молодежи.

#### *Список литературы:*

1. Бычков, А.В. Созидательная педагогика / А.В. Бычков. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 148 с.
2. Исторический дискуссионный клуб «Клио» – [Электронный ресурс]: <https://vk.com/hist.disc.club>.
3. Колчина, А.А. Вовлечение студентов в деятельность созидательных сообществ в вузе / А.А. Колчина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2015. – № 178. – С. 166–171.
4. Лихачева, Л.А. Интерес к истории и студенческая инициатива: о деятельности клуба «Клио» в ГГПИ / Л.А. Лихачева, О.И. Цыганов // Основные тенденции гуманитарного образования: векторы современного развития: материалы Итоговой очно-заочной научно-практической конференции / под ред. С.Л. Скопкаревой, И.А. Гришановой. – Ижевск, 2022. – С. 114–118.

## ПРИМЕР ЛИЧНОСТИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ. Ф. УШАКОВ

*Р.Б. Шакиров, И.А. Кабирова  
Глазов, Глазовский государственный  
педагогический институт имени В.Г. Короленко*

На сегодняшний день проблема формирования патриотизма среди молодежи стоит довольно остро. По данным института воспитания РАО на 15.09.2022 патриотами среди российских учеников средней и старшей школы назвали себя 68% опрошенных, при этом 46% из них заявили о готовности эмигрировать из страны [6]. Помимо этого, чем старше молодежь, тем меньше доля подростков с патриотическими взглядами. Несомненно, в данной ситуации наиболее приоритетным направлением *государственной политики* является *патриотическое воспитание молодежи, ориентированное на нравственное чувство (эмоциональный уровень)*. В связи с этим наиболее актуальным является «погружение в жизнь» выдающихся лиц российской истории, в контексте их «очеловечивания» и понимания.

Таким человеком был адмирал Ф.Ф. Ушаков. Будучи «знаменитейшим флотоводцем со времен Петра Великого» [2], он являлся великолепным тактиком, стратегом и посвятил всю свою жизнь служению родине. Адмирал известен своими блистательными победами во время русско-турецкой войны (1787–1791) и второй антифранцузской коалиции. За военные подвиги Ушаков был удостоен множеством наград, а иностранцы прозвали его морским медведем. В отечественной историографии, а также в информационном пространстве Федор Федорович представлен как военачальник-новатор морской тактики, «святой и праведный воин» [3; 4; 7]. Однако, ученые-историки, изучая военные достижения адмирала, не уделяли должного внимания другой стороне его жизни – работе по организации и деятельности российского флота вне военных действий.

Такой подход не позволяет в полной мере оценить деятельность флотоводца, что в свою очередь мешает молодому поколению увидеть «истинный» портрет Ушакова. Слава адмирала, не проигравшего ни одного сражения, заслоняет в нем простые человеческие качества. Так Ушаков осуществлял много «невидной» работы, которая укрепляла российский флот, способствуя победам России.

Стоит отметить, что организаторская деятельность адмирала на Черноморской флоте была одной из ключевых сфер его службы. Она включала в себя: управленческую работу (подготовку флота к выходу в море, решению проблем с поставкой продовольствия, дислокацией флота, ремонтом кораблей и т.д.), морские экзерциции, социальную политику и воспитательную работу по отношению к морякам и офицерам [8, с. 50].

Федор Федорович всегда старался держать свою эскадру в полной боевой готовности, чтобы в случае объявления приказа моментально

атаковать противника. Так во время русско-турецкой войны (1787–1791) фельдмаршал Г. Потемкин приказал, Ушакову «наискорее исправить и приуготовить флот... и начать действия...» [1, с. 124]. Флотоводец «с наивозможной поспешностью» подготовил эскадру для генерального сражения и близ Керченского пролива одолел турецкие корабли.

Организаторская деятельность адмирала была «прочной основой фундамента победы над турецким флотом» [8, с. 54]. После боев, при неусыпных стараниях, в короткие сроки флотоводец восстанавливал эскадру, капитально ремонтировал корабли: «разбитые мачты, стеньги и реи». Ушаков дорожил каждым судном, «изыскивал возможные способы и употреблял... старание в сбережении флота» [1, с. 125–126]. Благодаря его великолепной организаторской деятельности во время русско-турецкого компании «ни одно и малейшее судно не потеряно и в руки неприятелю из оногo флота ни один человек не достался» [1, с. 127–128].

Помимо этого, флотоводец применил на практике новую методику военной подготовки, которая предусматривала ежедневные военные учения [8, с. 65]. Адмирал составлял рейтинг показателей обучения «служителей» и смотрел, кто из военного состава успешно выполнил задание, а кто нет [8, с. 67]. Таким образом, благодаря мерам Федора Федоровича моряки совершенствовали свои боевые навыки.

Ушаков с добротой относился к матросам и старался сделать все возможное, для улучшения их быта. Так, например, по его поручению были сооружены первые казармы для «служителей» его команды. В 1786 году «казармы построили на мыску первые, и магазины сделали на пристани каменные...» - вспоминал современник [5, с. 694]. Федор Федорович дорожил жизнью каждого моряка не только в ходе сражений, но и в мирное время [8, с. 69]. Так в июне 1790 года он распорядился построить госпиталь. В следующем году пожертвовал на его сооружение часть трофейных денег (1001 рубль) [8, с. 68] и завершил все строительные работы. Помимо этого, адмирал установил специальные нормы питания для больных матросов и предписывал капитанам кораблей заботливо следить за здоровьем личного состава [8, с. 69].

В любой ситуации Ушаков старался не терять самообладания. Так в сентябре 1787 года, когда эскадра адмирала потерпела крушение, он смог проявить выдержку и произнес перед матросами воодушевляющую речь: «Дети мои! Лучше будем в море погибать... нежели у варвара быть в руках» [5, с. 696]. В итоге поврежденный флот был сохранен и благополучно вернулся к родным берегам.

Адмирал каждый день совершал не очень заметную, но тяжелую и «нудную», работу по организации службы и повседневной жизни Черноморского флота. Он проявил себя как грамотный управленец, беззаветно, бескорыстно и каждодневно служа Отечеству «день и ночь неусыпно» [8, с. 76]. «Нигде ни одной минуты праздно» он не пропускал. Ушаков был верен своему делу, полностью отдавая себя службе. Он не был карьеристом,

не кичился своими заслугами, и не возвышал себя над другими [9, с. 153]. Флотоводец не любил геройствовать на публике и добился хорошего обеспечения Черноморской эскадры, сохранил ее и превратил в один из передовых флотов того времени.

Таким образом, бескорыстный труд Федора Федоровича на благо Родины, является ярким примером самоотверженности человека. Такие люди вызывают чувство гордости, способствуют формированию патриотизма у молодых людей, их готовности к созидательной деятельности и защите отечества. Современная молодежь может по праву гордиться тем, что в истории России был такой замечательный человек.

*Список литературы:*

1. Адмирал Ушаков: письма, записки. – М.: Воениздат, 2004. – 463 с.
2. Милютин, Д.А. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I. В 3 т. / Д.А. Милютин. – СПб., 1852–1857. – С. 668, 574, 678.
3. Овчинников, В. Д. Святой адмирал Ушаков (1745–1817). Историческое повествование о земном пути святого праведного воина / В.Д. Овчинников. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 511 с.
4. Овчинников, В.Д. Адмирал Федор Ушаков – святой праведный воин / В.Д. Овчинников. – Ярославль, 2014. – 656 с.
5. Полномочный, И.А. Род мой и происхождение. Краткие автобиографические записки офицера Черноморского флота Ивана Андреева Полномочного (1764–1833) / И.А. Полномочный // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1889. – Т. 15. – С. 683–710.
6. Почти половина российских школьников-патриотов пожелали эмигрировать [Электронный ресурс] / Михаил Добрунов // РБК. – 2022. – Режим доступа: Почти половина российских школьников-патриотов пожелали эмигрировать – РБК (rbc.ru). – Дата доступа: 03.11.2022.
7. Святой Фёдор Ушаков: праведник в адмиральских погонах [Электронный ресурс] / Моисеенков Александр // Журнал ФОМА. – 2017. – Режим доступа: Святой Фёдор Ушаков: праведник в адмиральских погонах – Православный журнал «Фома» (foma.ru). – Дата доступа: 03.11.2022.
8. Шакиров, Р.Б. Отдавая полное уважение победе ... / Р.Б. Шакиров // Сборник лучших работ историко-патриотического конкурса научных работ «Непобедимая Россия – непобедимый адмирал». 2021. – С. 48–77.
9. Шакиров, Р.Б. «Имел всегдашнее упражнение о пользе службы, нимало не стараясь о собственной пользе» / Р.Б. Шакиров, И.А. Кабирова // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 29 октября 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Лазаревич (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – С. 213–214.

## **VIII. МЕСТО И РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

---

### **КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ КАК УСЛОВИЕ СБЕРЕЖЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

*О.Н. Васина*

*Пенза, Пензенский государственный университет*

*О.Н. Пономарёва*

*Пенза, филиал Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва в г. Пензе, Пензенский артиллерийский инженерный институт*

В соответствии с действующими ФГОС ВО в России с 2021 года реализуется программа воспитания в образовательных организациях высшего образования. В целях, задачах и разделах программы значительно представлена ценностная составляющая, акцентирована роль ценностей, проявляющихся в «мировоззрении через систему ценностно-смысловых ориентиров и установок, принципов и идеалов, взглядов и убеждений, отношений и критериев оценки окружающего мира, что в совокупности образует нормативно-регулятивный механизм их жизнедеятельности и профессиональной деятельности» [5, с. 8]. Вновь актуализируется проблема ценностного наполнения содержания образования как основы передачи новому поколению накопленного человечеством социального опыта, закреплённого в материальной и духовной Культуре. Отсюда переход к новым моделям образования «влечёт за собой опору на такие универсалии культуры, как ценности, мировоззрение, миропонимание» [4, с. 115]. Полагаем, что архиактуальной задачей для современного развития образовательной системы России является грамотно сконструированный опыт эмоционально-ценностных отношений (ЭЦО), позволяющий минимизировать опасность негативного обогащения личностного опыта ЭЦО обучающихся ценностями и идеями в условиях нового информационного общества. Опыт ЭЦО включает социальную и личностную составляющие (В.Н. Баранок, О.Н. Васина, И.М. Осмоловская, О.Н. Пономарёва, И.В. Шалыгина) [1, 2, 4].

Социальный опыт ЭЦО всегда зависит от различных социокультурных процессов и общественно-исторических событий; может быть представлен информацией о важности и ценности изучаемых объектов или явлений, произведениями научно-популярной и художественной литературы, этнокультурой, опредмеченной в ценностях, традициях, нормах, языках (на уровне учебной дисциплины, учебного материала, процесса обучения)

[1, 2]. Подобного рода информацию мы рассматриваем как значимый фактор трансформации опыта ЭЦО.

*Личностный опыт* ЭЦО представлен индивидуальной системой ценностей, ценностных ориентаций, убеждений. Сформированный личностный опыт ЭЦО к Природе, другим людям и себе самому, здоровью, профессии, Отечеству, Миру в целом определяет стратегии нравственного поведения, характер целей и мотивов взаимодействия с объектами и явлениями окружающего мира [2].

Специфика личностного опыта ЭЦО состоит в ценностном отношении к объектам и явлениям окружающего мира в логике «хорошо – плохо, важно/значимо – не важно/ не обязательно». Поэтому важно направить формирование опыта ЭЦО обучающихся на значимые ценности для конкретного социума. Ключевая роль в решении данной проблемы должна быть отведена разработанной И.Я. Лернером и В.В. Краевским культурологической теории отбора содержания образования, согласно которой цель образования заключается в передаче Культуры, фиксированной во всём многообразии социального опыта [6]. Состав содержания образования – структура социального опыта, накопленного человечеством и представленного четырьмя взаимосвязанными компонентами: опыт познавательной деятельности (ОПД); опыт способов деятельности (ОСД); опыт творческой деятельности (ОТД); опыт эмоционально-ценностного отношения к объектам и явлениям окружающего мира (ОЭЦО). Целостное освоение и усвоение всех компонентов социального опыта определяет вектор взаимодействия человека в обществе, способность самостоятельно действовать и адаптироваться к окружающей среде [2].

Отметим, что авторы культурологической теории отбора содержания образования не выделяли значимость того или иного компонента. Все компоненты рассматривались ими как равнозначные. Мы предлагаем рассматривать опыт ЭЦО как базовый компонент социального опыта и как фундаментальную основу отбора содержания профессионального образования. Считаем, что опыт ЭЦО как ведущий компонент содержания образования влияет на отношение человека к поиску и приобретению системных знаний, умений, деятельности и является в дальнейшем основой обогащения ОПД, ОСД, ОТД и личностного опыта ЭЦО.

Таким образом, конструирование содержания профессионального образования (военного, географического, математического, медицинского и т.д.) на уровне учебной дисциплины (УД) при организации педагогического процесса должно проводиться с учётом направляющей роли формирования опыта ЭЦО. Опыт свидетельствует, что высоким ценностным потенциалом обладает эколого-ориентированный учебный материал, интеграция которого в различные УД является важным педагогическим условием формирования личностного опыта ЭЦО.

Как правило, преподаватель грамотно конструирует содержание образования с учётом ОПД, ОСД и ОТД, при этом «наполнение» опыта ЭЦО часто даже не предусматривается. Считаем, что системное и целенаправленное включение эколого-ориентированных материалов открывает и реализует возможности воспитания студента, следовавшего, моральным и нравственным нормам профессии и позволяет эффективно: а) решать текущие задачи (изучение конкретной темы, пополнение и обновление знаний, овладение информационными технологиями, повышение уровня профподготовки); б) «тренировать» обучающихся в решении сложных профессиональных задач и развитии коммуникативных способностей, что возможно при командной работе, предусматривающей активное применение групповой работы, которая должна быть нацелена на решение поставленных задач; в) совершенствовать самостоятельную работу обучающихся, позволяющую заложить основы самоорганизации и самовоспитания, развить потребность в повышении своей профессиональной компетенции и умение грамотно выстраивать траекторию своего профессионального развития.

Анализ результатов системной работы в филиале ВАМТО в г. Пензе при изучении учебных дисциплин «Безопасность жизнедеятельности», «Основы медподготовки», «Радио-, химическая и биологическая защита», «Экология» и др.; в Пензенском госуниверситете при изучении учебных дисциплин «Биология», «Биологические основы живых систем», «Здоровьесберегающие технологии обучения», «Возрастная анатомия, физиология и гигиена» и др. – позволяют:

1) рассматривать опыт ЭЦО как фундаментальную основу отбора содержания профессионального образования и как ведущий компонент для формирования социального опыта обучающихся;

2) конструировать опыт ЭЦО по различным учебным дисциплинам в логической цепочке «Природа – сама Личность и другие люди – Здоровье – Труд /Профессия/ – Отечество – Мир в целом»;

3) учитывать, что личность педагога имеет функцию «проводника» в передаче социального опыта, а потому имеющийся сформированный личностный опыт ЭЦО преподавателя транслируется в профдеятельности.

#### *Список литературы:*

1. Баранок, В.Н. Патриотическое воспитание школьников / В.Н. Баранок // Современное образование Витебщины. – 2021. – № 4 (34). – С. 29-35.

2. Васина, О.Н. Конструирование содержания образования по ведущему компоненту социального опыта / О.Н. Васина, О.Н. Пономарёва // Современные проблемы науки и образования. – 2022. - № 5.

3. Давлатова, Е.В. Аксиологические основания духовного мира и образа жизни современной молодежи / Е.В. Давлатова, Э.И. Рудковский, М.А. Слемнев // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. – 2020. – Т. 31. – С. 111–115. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/23524>.



4. Осмоловская, И.М. О культурологическом подходе к формированию содержания образования / И.М. Осмоловская, И.В. Шалыгина // Образование и наука. Известия УрО РАО, 2006. – № 2 (38). – С. 120–127.

5. Примерная рабочая программа воспитания в образовательной организации высшего образования. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [minobrnauki.gov.ru](http://minobrnauki.gov.ru)... 2021... программа воспитания в... – Дата доступа: 07.10.2022.

6. Теоретические основы содержания общего среднего образования / под ред. В.В. Краевского, И.Я. Лернера. – М.: Педагогика, 1983. – 352 с.

## **ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК РЕСУРС ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

*Т.В. Карнажицкая  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Понимание роли художественной культуры в качестве ресурса духовной безопасности в современном мире оказывается достаточно актуальным. Духовные критерии развития современного общества важны для обеспечения гуманитарного благополучия любой нации. При этом в современных исследованиях используются разные концептуальные подходы к пониманию сути и социальной значимости художественной культуры. Развитие социальной философии оказало влияние на историческое формирование концептуализации художественной культуры в культурологии. Само понимание художественного пространства, как особого мира человека, связанного с его переживанием мира и сопереживания отношений с людьми, открывало возможности для осмысления художественного пространства культуры в категориях психологического переживания реальности средствами художественного отражения. В дальнейшем такой поворот в концептуализации художественной культуры будет способствовать развитию нескольких практико-ориентированных направлений знания, среди которых актуализируются художественная педагогика, художественная психология. Раскрытие социально-интегративных и регулятивных функций художественной культуры повлияло на развитие систем арт-рынка, требующего формирования арт-менеджмента, как системного комплекса воздействия на все процессы художественного пространства культуры. Значимость и технологии позиционирования художественных ценностей как системы развития духовного пространства в некоторых позициях начали отходить на второй план.

Для концептуализации художественной культуры как духовного ресурса важным оказалось понимание общей системности культуры. В культурологии на эту тему было написано много исследований, как в советской науке, так и в зарубежной. Концептуализация и поиск сущности понятия художественной культуры долгое время были «привязаны» к поиску

ее системных связей с разными сферами культуры (как внешняя системность), так и к раскрытию ее морфологии (как внутренняя системность). В этот период духовные составляющие воздействия искусства разделились на понимание религиозного и светского начал культуры.

Известной работой стала диссертационное исследование М.Б. Глотова, который концептуально рассматривал художественную культуру как систему социальных институтов, представленных комплексом процессов, среди которых считал главными такие, как художественное производство, художественную коммуникацию, художественное познание, художественную критику и художественное потребление. Таким образом, в данной концептуализации проявлен один из важнейших принципов системности, основанной на различии художественной культуры (построенной на комплексах социальных институтов) и художественной жизни (функционирующей в пределах социальных процессов) [1]. Однако духовные ресурсы не представлены в данной системе.

В традициях советской школы доминирует теоретическая концепция М.С. Кагана, который в рамках системно-морфологический рассмотрения художественной культуры, представлял ее в общем комплексе культуры. Концептуально в его теории художественная культура оказывается одним из внутренних сфер культуры, своеобразным ее подвидом. М.С. Каган предложил такое понимание культуры, которое должно вписываться в общую систему бытия, предполагающую наличие ее трех основных форм: материально-практической, духовно-теоретической и практически-духовной. Таким образом, само понимание культуры, предлагаемое философом, образует три подсистемы: материальная культура; духовная культура; художественная культура [2]. Важно отметить, что духовная культура в теории данного исследователя не включает религиозные ценности.

В зарубежной традиции доминирующим моментом концептуализации художественной культуры стал структурно-функциональный подход. Данное направление связано с такими исследователями, как Б. Малиновский, А. Радклиф-Браун, М. Глакмен, Т. Парсонс, Р. Мертон, М. Леви. В работах этих исследователей обозначено, что если представить культуру как систему, то необходимо не просто выделять ее структурные элементы и связи, устойчивость и изменчивость, но и их функциональные роли в обществе. Духовные доминанты, являясь наиболее устойчивой аксиологической составляющей, отсутствуют в данном направлении.

Современный мир существенно меняет не только жизненные практики, но и принципы концептуализации современного теоретического знания. Понимание и осмысление новых реалий мира требует и новых научных направлений. Современность привнесла существенное понимание деятельности человека, как деятельности духовного характера, как гаранта гуманитарной безопасности. Формирование и дальнейшее стремительное развитие социально-культурных отношений, привело к возникновению новых

системных образований, которые «угнетают» духовные ресурсы культурного пространства. Результатом этих процессов стала не только интеграция многих культурных сфер, но интеграция культуры с другими формами деятельности, которые традиционно не связывались с художественной культурой (экономика культуры, культура быта, культура здорового образа жизни, культура образования, религиозная культура и др.). Именно эти направления необходимо рассматривать как новые ресурсы духовного развития общества. Именно духовное ядро должно доминировать во всех практиках художественной деятельности, нести в себе потенциал духовного, нравственного оздоровления современного человека, способствовать его духовному развитию, нравственному совершенствованию.

#### *Список литературы*

1. Глотов, М.Б. Художественная культура как система социальных институтов: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. / М.Б. Глотов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1974. – 15 с.
2. Каган, М.С. Общее представление о культуре [Текст] / М.С. Каган // Введение в культурологию. Курс лекций / под ред. Ю.Н. Солониной, Е.Г. Соколова. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис». – 2003. – 232 с.

### **НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ РОССИЕЙ И США В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (2000-Е – П.П. 2010-Х ГГ.)**

*А.П. Косов  
Витебск, Витебский государственный  
университет имени П.М. Машерова*

В 1990-е гг. российская наука оказалась в тяжелом состоянии. Государственное финансирование научной отрасли практически полностью прекратилось. Многие научные организации возлагали все надежды на зарубежные фонды, преследовавшие свои интересы. Из сферы науки наблюдался отток кадров. Если, в 1990 г. насчитывалось 992,6 тыс. исследователей, то в 2000 г. только 425,9 тыс. В первую очередь кадровые потери касались технических и естественнонаучных специальностей [2].

С начала 2000-х гг. российское государство стало финансировать научные исследования и активно поддерживать ученых, чего не наблюдалось в ушедшем десятилетии. Власти страны, используя благоприятную экономическую конъюнктуру, предприняли усилия по сдерживанию «утечки мозгов» за рубеж. В 2000-е гг. замедлилось падение численности научных кадров, а в п.п. 2010-х гг. их количество дажеросло [2]. Научные и образовательные учреждения наконец-то стали получать достойное финансирование. Одновременно наращивалось сотрудничество РФ с другими

государствами. Кооперация в сфере науки и образования стала неотъемлемой частью поступательного развития России. Участниками международных связей с российской стороны стали РАН, РФФИ, Росатом, Роскосмос, университеты и другие организации.

Еще с 1990-х гг. одним из приоритетных направлений научно-образовательного сотрудничества России являлось взаимодействие с США – лидером по целому ряду критериев в сфере мировой науки и образования. В 2000-е – п.п. 2010-х гг. наблюдалось его дальнейшее поступательное развитие. Практическое наполнение основывалось на подписанных сторонами соглашениях и меморандумах.

В рассматриваемый период правовая основа российско-американского сотрудничества в сфере образования и науки включала следующие документы: «Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях» (1992); «Соглашение между правительствами России и США о научно-техническом сотрудничестве» (1993); «Меморандум о взаимопонимании между правительствами РФ и США о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации» (1998); «Меморандум о взаимопонимании между Минобрнауки России и Министерством торговли США о сотрудничестве в области технологий и инноваций» (2004); «Меморандум о взаимопонимании между Минобрнауки России и США о расширении сотрудничества и обменов в области образования» (2006); «Соглашение о сотрудничестве в области сейсмологии и геодинамики между Минобрнауки России и Национальным научным фондом и Геологической службой МВД США» (2012); «Соглашение между правительствами России и США о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах» (2013). В рамках реализации указанных соглашений ряд документов с американскими партнерами был заключен Российской академией наук [1, с. 120]. Кроме того, в целях содействия партнерам принятия решений в научной сфере Россией и США были созданы совместные рабочие органы – Российско-Американская президентская комиссия по сотрудничеству, Рабочая группа по науке и технологиям при Министерстве образования и науки Российской Федерации, Рабочая группа по развитию деловых связей и торгово-экономическим отношениям Российско-Американской президентской комиссии при Министерстве экономического развития РФ [1, с. 118].

Для России был крайне важен научно-технический аспект отношений с США. Очевидно, что без интенсивного научного сотрудничества с наиболее развитыми государствами мира, такими, как Соединенные Штаты, было бы сложно поддерживать и обеспечивать соответствующий уровень развития высоких технологий в РФ, необходимых для модернизации страны. Оно предполагало не только взаимное посещение конгрессов, симпозиумов

и конференций, но и совместные проекты, а также работу российских ученых по контракту в научных центрах и лабораториях США.

В результате большое количество российских исследователей из различных научных организаций наладили успешное взаимодействие с коллегами из Соединенных Штатов по многим фундаментальным и прикладным направлениям в различных научных отраслях. Фактически США стали ведущим партнером РФ в сфере науки. В первую очередь, российских ученых в сотрудничестве с американцами привлекала финансовая сторона и комфортные условия работы. Это позволяло им получать американские гранты на исследования и закупку оборудования, проходить стажировки в научных центрах Соединенных Штатов, участвовать в американских исследовательских проектах, а российским научным организациям приглашать американских коллег к себе. Основными источниками американского финансирования науки в России были Национальный научный фонд, Госдепартамент, а также частные фонды. Американцы, сотрудничая с коллегами из РФ, достигали своих целей: распространяли американское влияние в российской академической среде, а также эксплуатировали научные ресурсы России.

В 2000-е – п.п. 2010-х гг. в качестве приоритетных направлений двустороннего научного сотрудничества с США РФ рассматривала такие сферы, как международная безопасность, глобальное изменение климата, энергетика, космос, науки о жизни. Наиболее важных результатов в рассматриваемый период Россия и США достигли в таких областях, как нераспространение ядерных материалов и технологий, обращение с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами, космические исследования, исследования Мирового океана, сейсмология, биотехнологии, здравоохранение и фундаментальная медицина, биотехнологии и образование [3]. Ярким примером российско-американского сотрудничества стала Международная космическая станция. Россия присоединилась к американскому проекту по ее созданию еще в 1993 г. Заключивший контракт с «Боингом», космический центр имени М.В. Хруничева изготовил шесть основных модулей МКС, где до сих пор проводятся эксперименты, исследования, хранятся грузы и стыкуются космические корабли [4]. В рамках двустороннего взаимодействия с 2011 г., после проблем с шаттлами, на российских «Союзах» осуществлялись полеты в космос американских астронавтов. Этот факт свидетельствовал о невозможности американцев обойтись без россиян.

Достигнутый уровень научного сотрудничества между РФ и США позволял с оптимизмом оценивать перспективы дальнейшего развития подобного взаимодействия в интересах обеих держав. Однако нарастание с середины 2010-х гг. конфронтации между Москвой и Вашингтоном негативно отразилось на состоянии двусторонних отношений в целом, пусть научное сотрудничество и оказалось затронуто в наименьшей степени.

Таким образом, в 2000-е – п.п. 2010-х гг. Россия была заинтересована в развитии научного сотрудничества с США, являвшимися мировым лидером по многим направлениям науки. Взаимодействие выстраивалось на имевшейся правовой базе. В процессе сотрудничества российская сторона рассчитывала на американские инвестиции; американская – распространить свое влияние на академическое сообщество России и получить результаты труда ученых из РФ. Россияне и американцы руководствовались собственными интересами, но все же следует отметить, что ведущая роль принадлежала Соединенным Штатам. Именно США обладали необходимыми финансовыми средствами и условиями для осуществления исследовательской деятельности, что привлекало российских ученых.

*Список литературы:*

1. Барабашев, А.Г. Правовое регулирование сотрудничества Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере науки и технологий / А.Г. Барабашев, Д.В. Пономарева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 7(104). – С. 115–122.
2. Котельников, К. Утечка мозгов в 1990-е – эмиграция российской науки [Электронный ресурс] / К. Котельников // Дилетант. – 12.03.2021. – Режим доступа: <https://diletant.media/articles/45307093/>. – Дата доступа: 10.06.2022.
3. Решетникова, Н. Президент РАН Юрий Осипов о прямых контактах с коллегами в США [Электронный ресурс] / Н. Решетникова // Российская газета. – 26.06.2009. – Режим доступа: <https://rg.ru/2009/06/26/osipov.html>. – Дата доступа: 10.06.2022.
4. США и Европа не хотят работать с учеными из России. Как это угрожает мировой науке и будущему человечества в космосе? [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. – 09.06.2022. – Режим доступа: <https://m.lenta.ru/articles/2022/06/09/otmenanauki/>. – Дата доступа: 10.06.2022.

**РОССИЙСКИЙ ПОДХОД  
К НАУЧНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ С США  
В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНОГО ВЫЗОВА  
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ (2014–2022 ГГ.)**

*А.П. Косов*

*Минск, Белорусский государственный университет*

После начала украинского кризиса и последовавшего ухудшения отношений между РФ и США двустороннее сотрудничество в научной сфере продолжало развиваться, но в ограниченном объеме. Основной причиной стали американские санкции, введенные против России, в беспрецедентных масштабах, затронувшие научно-технологический комплекс страны. По мере их усиления, партнеры из Соединенных Штатов стали отказываться от сотрудничества. Американцы продолжали взаимодействие с россиянами лишь по тем направлениям, где не могли обойтись собственными силами.

Уже в 2014 г. в результате действий американской стороны была остановлена работа на уровне профильных министерств в рамках «Соглашения между правительствами России и США о научно-техническом сотрудничестве» [2]. Российская сторона, по словам президента РАН В. Фортова, продолжала считать, что сотрудничество полезно и выгодно обеим державам, особенно в той части, которая связана с нераспространением ядерного оружия и ядерных технологий, освоением космоса, а также борьбой с международным терроризмом. Согласно ему: «Во все времена, даже самые плохие и опасные, у нас было понимание того, что наука вне политики» [3]. Подобной точки зрения придерживался и посол РФ в Вашингтоне С. Кисляк, который отмечал: «Те трудности, которые мы проживаем, наверное, могут сказываться на двусторонних отношениях, но научные связи были и будут оставаться приоритетными для нас. И я надеюсь, что и для американских коллег тоже» [1].

Дальнейшее ухудшение российско-американских отношений тем или иным образом все больше и больше стало затрагивать весь спектр сотрудничества двух стран. Не обошла стороной политизация двустороннего взаимодействия и научную сферу. Так, в 2016 г. в ответ на действия Соединенных Штатов по приостановке сотрудничества по некоторым упомянутым в «Соглашении между правительствами России и США о сотрудничестве в научных исследованиях и разработках в ядерной и энергетической сферах», подписанного главой Росатома С. Кириенко и министром энергетики США Э. Монизом в 2013 г., направлениям после того, как в отношении России ввели санкции, Москва заявила о его приостановке [5]. Соглашение позволяло странам совместно работать над проектами реакторов, уменьшавшими риск ядерного распространения. В частности, документ предусматривал сотрудничество РФ и США по таким направлениям, как производство топлива и разработка его новых видов.

В последние годы «свертывание» проектов затронуло даже сферу космоса. Соединенные Штаты шаг за шагом стали отменять совместные научные эксперименты на МКС в области физики плазмы, медицины и наблюдения за земными катастрофами, несмотря на продолжение сотрудничества между Роскосмосом и НАСА, поскольку отделить американскую часть от российской части невозможно. Кроме того, после проблем с шаттлами с 2011 по 2019 г. астронавты летали только на орбиту на российских ракетносителях. Однако в условиях западных санкций глава Роскосмоса Д.О. Рогозин объявил, что Россия прекращает обслуживать двигатели РД-180, оставшиеся у США, и прекращает поставлять РД-181, с помощью которых американцы запускали к МКС грузовые корабли [6].

После начала Россией 24 февраля 2022 г. специальной военной операции на Украине российско-американское сотрудничество в научной сфере стало сворачиваться еще больше. Действия американцев вызвали ответную реакцию Москвы. Например, 14 апреля 2022 г. президент РАН А. Сергеев заявил, что Национальная академия наук США заморозила отношения

с российскими коллегами [6]. В мае 2022 г. Минобрнауки совместно с МИДом проанализировали нормативно-правовую базу российско-американских соглашений в сфере научно-образовательного сотрудничества «на предмет их прекращения или приостановления». Результатом стало решение Москвы 1 июня 2022 г. уведомить Вашингтон о прекращении действия «Меморандума о взаимопонимании между правительствами РФ и США о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации» от 1998 г. Это стало ответным шагом РФ на действия Соединенных Штатов в отношении России в последние годы. По словам официального представителя МИД России М.В. Захаровой, «то, что сейчас делают США и их сателлиты по преследованию российского культурно-исторического наследия в мировом масштабе, имеет целью, и они прямо об этом говорят, как они это формулируют, отмену всего того, что связано с Россией» [4]. Поэтому сохранение данного меморандума утратило всякий смысл.

Со своей стороны, 11 июня 2022 г. Управление научно-технической политики Белого дома опубликовало заявление о «свертывании» научного сотрудничества США и РФ на межправительственном уровне. Правительственным органам и научным центрам было рекомендовано ограничить взаимодействие с руководством российских государственных научных организаций и вузов. Прежде всего, данная рекомендация была адресована таким научным центрам, как Лаборатория Линкольна при Массачусетском технологическом институте, работающая на Пентагон, или Аргоннская национальная лаборатория при Чикагском университете, занимающаяся программами в интересах Министерства энергетики США. Однако официальный курс Вашингтона оставил неправительственным учреждениям, в частности, научным институтам и университетам, право решать самим, прекращать или нет сотрудничество с российскими партнерами, в зависимости от разных обстоятельств. Этот «нюанс» объясняется «крайней децентрализованностью исследовательской системы США, где решения принимаются с учетом очень многих факторов». В результате большинство американских университетов заняли достаточно взвешенную позицию с учетом мнения своих сотрудников относительно сотрудничества с коллегами из России, не вняв призыву украинского президента В. Зеленского «занять более активную позицию в поддержке Украины», прозвучавшему 16 мая 2022 г. в его видеообращении к участникам встречи Ассоциации американских университетов [7].

Таким образом, в рассматриваемый период российская сторона продолжала придерживаться мнения о том, что двустороннее сотрудничество в научной сфере не должно зависеть от политической конъюнктуры. Россия прилагала усилия сохранить достигнутый уровень взаимодействия с США, но действия Вашингтона в отношении Москвы в 2014–2022 гг. все же привели к тому, что и оно вслед за другими направлениями, к сожалению, стало снижаться.



#### *Список литературы:*

1. Кисляк: Сотрудничество России и США в науке не должно зависеть от политики [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. – 09.11.2014. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2014/11/9/714442.html>. – Дата доступа: 10.06.2022.
2. Лежнева, Л. Выход из напряжения: сохранятся ли научно-образовательные соглашения РФ и США [Электронный ресурс] / Л. Лежнева // Известия. – 30.05.2022. – Режим доступа: <https://iz.ru/1338648/liubov-lezhneva/vykhod-iz-napriazheniia-sokhraniatsia-li-nauchno-obrazovatelnye-soglasheniia-rf-i-ssha>. – Дата доступа: 10.06.2022.
3. Президент РАН: Россия и США готовы развивать научное сотрудничество [Электронный ресурс] // ТАСС. – 26.04.2015. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/1931732>. – Дата доступа: 10.06.2022.
4. Россия и США прекратят сотрудничество в области культуры, науки и СМИ [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 03.06.2022. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220603/ssha-1792845071.html>. – Дата доступа: 10.06.2022.
5. Россия приостановила научное сотрудничество с США по мирному атому [Электронный ресурс] // BBC News. Русская служба. – 05.10.2016. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-37568552>. – Дата доступа: 10.06.2022.
6. США и Европа не хотят работать с учеными из России. Как это угрожает мировой науке и будущему человечества в космосе? [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. – 09.06.2022. – Режим доступа: <https://m.lenta.ru/articles/2022/06/09/otmenanauki/>. – Дата доступа: 10.06.2022.
7. Шаров, А. Есть нюансы. Каким может быть научное сотрудничество России и Запада? [Электронный ресурс] / А. Шаров // Поиск. – 26.06.2022. – Режим доступа: <https://poisknews.ru/international/est-nyuansy-kakim-mozhet-byt-nauchnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-zapada/>. – Дата доступа: 10.06.2022.

## **НАРРАТИВ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫХ УСТАНОВОК ОБУЧАЮЩИХСЯ**

*А.А. Максименко*

*Луганск, Луганский государственный педагогический университет*

Интенсификация процессов информатизации современного общества связана с высокими темпами социального прогресса и необходимостью своевременного доступа к разноректорной информации для получения исчерпывающих данных в той или иной области знаний. Общество формирует запрос на индивидуума, владеющего навыками работы с техническими устройствами и программными продуктами, способного к восприятию и обработке значительных объемов информации. Социальный заказ информационного общества находит отражение в образовательной сфере: уделяется внимание внедрению информационных средств и педагогических технологий в образовательный процесс, овладению обучающимися навыками работы с современными техническими средствами. При этом обучающемуся зачастую сложно сориентироваться в значительных массивах информации и вписать себя в социокультурные координаты, не утратив при этом личной идентичности.

Пространство современного информационного общества характеризуется нарративностью, что связано с усвоением знания, получаемого от другого носителя информации. Нарратив определяется как повествование о событиях, представленное в определенной последовательности. В процессе конструирования автор вносит в повествование не только логическую структуру, но и эстетико-эмоциональные компоненты. Нарратив продуцирует смыслы, что дает основания квалифицировать его как наиболее эффективную и опасную технологию в современном информационном обществе, в некотором смысле аналогичную пользе и рискам использования человечеством атомной промышленности. Современный мир – это борьба нарративов за интерпретацию бытия, за каждую формирующуюся личность, за перспективные пути его развития. Нарративы идентичности являются основами государственности и культурно-национального своеобразия, духовности и исторических традиций народа. Глобализация общества создает условия для нивелирования традиционных устоев, ценностей за счет возможности бесконтрольного насаждения деструктивных идей, популяризации дезинформации через информационно-коммуникационные средства. В контексте данных тенденций образовательная система, как социальный институт, выполняя задачу обучения, особое внимание должна уделять задаче воспитания, максимально используя возможности нарративного подхода. О перспективах его применения в педагогическом процессе идет речь в работах Е.В. Казанцевой, М.В. Луканиной, О.Н. Рябининой, А.В. Серого, А.А. Утюганова, М.С. Яницкого и др., в частности, о формировании отношения к изучаемому предмету, репрезентации личного опыта, «соблазнении» знанием, актуализации профессионально важных ценностей обучающихся.

Нарратив – всегда субъективное повествование. Эта основная его сущностная характеристика предполагает внесение в относительно нейтральный рассказ субъективных эмоций и оценок автора-повествователя с целью вызвать определенную реакцию, заинтересовать, произвести впечатление. Опытный педагог не просто транслирует материал, он осмысливает учебную тему с учетом всего объема существующей информации. Соответственно, можем говорить лишь об относительной нейтральности учебного повествования, ведь даже объективный научный текст требует от рассказчика выстраивания причинно-следственных связей, установления логических цепочек между явлениями и событиями.

Теоретико-концептуальная структура личностно ориентированного обучения, предполагающая гуманитаризацию образовательного процесса, предусматривает усиление эмоционального аспекта обучения, эстетической направленности посредством использования произведений художественной литературы, музыкального и изобразительного искусства. Однако не только художественная литература, как один из видов нарратива, но и автобиографические тексты, личные нарративы преподавателя и обучающегося способны придать этическую и эстетическую значимость изучаемым явлениям.

А. Гудсон подчеркивал весомость личных историй-повествований, «ту важную роль, которую нарратив играет в личностном самосознании, особенно в развитии нравственного «я» [2, с. 15].

Е.В. Казанцева, О.А. Липовая говорят о нарративной структуре социальных представлений, рассматривая взаимосвязь между нарративами, описывающими индивидуальный опыт личности, и социальными установками индивида, его социальными представлениями. Авторы апеллируют, в том числе, ко мнению Я. Лазло о способности нарратива придать «глубину» исследовательской работе [1]. Показательно, что в своем рассуждении Я. Лазло ссылается на позицию Л.С. Выготского о возможности рассмотрения литературы как социальной технологии формирования эмоций [3]. Формулируя одну из важнейших функций нарратива в педагогическом процессе, А. Гудсон указывает: «истории рассказываются, чтобы прививать определенную ценность и продвигать определенные идеи или модели поведения [2, с. 15].

Важно, что нарратив способен не только создавать аксиологическое поле в образовательном процессе, но и дает возможность через конструирование личных нарративов обучающихся считывать полный спектр информации от уровня усвоения знания до духовно-нравственных установок индивидуума. Е.В. Казанцева, О.А. Липовая обращают внимание, что «понимание знаний, оценок, мнений и включение их в картину персонального мировосприятия – это и есть процесс построения нарратива». Исследователи, изучая вопрос соотношения социального и индивидуального в социальных представлениях человека, говорят о формировании персонального «на основе социально заданных представлений» [1]. Образовательная система, как социальный институт, имеет фундаментальное значение в трансляции ценностно-смысловых установок, которые будут способствовать становлению личности духовно богатой с твердыми нравственными ориентирами и ощущением своей культурно-исторической идентичности.

Применение нарратива дает возможность отказаться от прямых трансляций смыслов, от так называемой пропаганды. Нарратив дает возможность транслировать косвенные смыслы, которые в сознании слушателя-реципиента отождествляются с собственными мыслями и выводами, что делает их более достоверными для воспринимающего. Примером косвенного привнесения смысла может быть даже рассказывание сказки («Сказка ложь, да в ней намек!»). Когда во внутреннем пространстве личности сложились определенные ценностно-смысловые установки, обучающийся способен сравнивать, анализировать и делать выбор, не следуя слепо навязываемым регрессивным смыслам из поступающей разнородной информации.

Таким образом, в современном информационном обществе особое внимание следует уделять возможностям использования нарративов в образовательной сфере для формирования ценностно-смысловых ориентиров личности. Важным направлением, наряду с освоением

профессиональных знаний, становится умение обучающегося понимать специфику и уметь работать с нарративами на основе их аналитической обработки.

*Список литературы:*

1. Казанцева, Е.В. К вопросу о характеристике нарративной структуры социальных представлений [Электронный ресурс] // Е.В. Казанцева, О.А. Липовая // Психология и Психотехника. – 2019. – № 1. – С. 33–43. – Режим доступа: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=29275](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29275) - Дата доступа: 7.10.2022.
2. Goodson, I. Narrative Pedagogy: Life History and Learning / Ivor Goodson, Scherto Gill. – Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 2011. – 174 p.
3. Laszlo, J. Narrative organisation of social representations / Janos Laszlo // Papers on Social Representations. – 1997. – № 6. – P. 155–172.

## **БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС: ИТОГИ И РЕЗУЛЬТАТЫ**

*А.Б. Погребняк  
Витебск, Витебский государственный университет  
имени П.М. Машерова*

На протяжении последних лет, и даже десятилетий в научной среде Республики Беларусь, а в большей степени в Российской Федерации не прекращаются дискуссии о значимости и необходимости нововведений и изменений в системе образования этих стран, связанных с вхождением в Болонскую систему.

События произошедшие 11 сентября 2022 года в значительной степени помогли разобраться в истинных целях руководства Болонского процесса. В этот день было опубликовано решение Наблюдательной группы по Болонскому процессу о приостановке представительства в Болонском процессе Российской Федерации и Республики Беларусь. Причиной такого решения стало обращение Российского союза ректоров вузов о поддержке президента России в связи с началом спецоперации в Украине. Это в полной мере можно расценивать как попытку вмешательства во внутренние дела суверенного государства и давления на определенные социальные группы внутри страны. И такая политика уж никак не связана с преследованием главной цели Болонского процесса: сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы для создания единого Европейского пространства высшего образования.

Аналогичный сценарий и попытка давления на суверенное государство с позиций Болонского процесса была осуществлена в 2015 в отношении Республики Беларусь.

В 2012 году Республика Беларусь предприняла попытку официального вступления в Болонский процесс, однако Беларуси было отказано. Главными мотивами такого решения были: минимальные академические свободы в белорусских вузах, слабое развитие студенческого самоуправления; отсутствие прозрачности в работе администраций вузов; отсутствие выборов ректоров вузов. Нельзя сказать, что в последующие годы у нас в стране проводилась бурная деятельность по ликвидации отмеченных

«недостатков» в образовательной сфере. Вместе с тем в мае 2015 года на совещании министров образования стран-участников Болонского процесса Республике Беларусь было предложено стать участником этой организации. Правда с оговорками и на определенных условиях. Беларуси была предложена «Дорожная карта» - которая содержала поэтапные шаги по реформированию системы образования Республики Беларусь и приведению ее в соответствие с европейскими образцами. Наряду с уже известными требованиями, озвученными в 2012 году, этот документ содержал и новые, а именно: ввести 3-уровневую систему высшего образования (бакалавриат, магистратура, докторантура.); наладить выпуск бесплатных приложений европейского образца к дипломам; разработать план международной мобильности студентов и преподавателей; пересмотреть практику «обязательного распределения»; принять законодательную базу для выполнения «дорожной карты» и принять новый Кодекс об образовании, который бы соответствовал европейским критериям и требованиям [1]. Необходимо отметить, что ни одному из государств бывшего Советского Союза подобные требования, при вступлении в Болонский процесс, не выставлялись.

Следует напомнить, что Болонский процесс – это добровольное движение государств к гармонизации образовательных систем, и он основан на добровольном участии в нем всех государств, где каждая страна – участница вправе в его рамках продолжить отслеживать свои национальные интересы. И никакие регламентирующие акты и установки бюрократов из Брюсселя не должны мешать этому процессу. В документах Болонского процесса отсутствуют какие-либо юридические последствия за невыполнение тех или иных обязательств. И навязывать эти обязательства отдельным странам никто не вправе.

Поэтому можно с высокой долей вероятности предположить, что Болонский процесс на современном этапе используется западными государствами для оказания политического давления на наше государство с целью изменения его политического строя. Очень показательным и откровенным в этом отношении заявление одного из членов Болонского процесса, министра образования Исландии Иллуги Гуннарссона: «Дорожная карта – это не предложение, а требование, которое должно быть выполнено. Важно, чтобы все ее условия были выполнены как минимум. Мы должны очень внимательно следить за происходящим в Беларуси, соблюдаются ли там академические свободы, принципы мобильности и в целом права человека» [3, с. 130]. Несомненно, что такая позиция со стороны руководства Болонским процессом была неприемлема для нашей страны.

Республика Беларусь, осознав бесперспективность участия в Болонском процессе, уже с 2018 года прекратила исполнение «дорожной карты» и начала свой путь дальнейшего совершенствования отечественной системы высшего образования.

Начинается постепенный отказ от рекомендаций со стороны Болонского процесса. В первую очередь это касается модульного-рейтингового подхода в организации и преподавании цикла социально – гуманитарных

дисциплин. Поэтому в начале 2018 г. Министерством образования РБ было принято решение о создании рабочей группы в области социально-гуманитарных наук с целью разработки ими новой «Концепции преподавания социально-гуманитарных наук». В результате этой работы, в ноябре 2018 года была разработана новая «Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования». В основу был положен принцип вариативности и выборности дисциплин. Все дисциплины, рекомендованные к изучению в вузах, делятся на три группы: в первую включены «Философия» и «История белорусской государственности», обязательные для изучения во всех учреждениях высшего образования. Вторая группа формируется за счет квоты ее вариативной части по выбору учебно-методического объединения. После этого они становятся обязательными в тех вузах, которые курирует это учебно-методическое объединение. Ну и третья группа учебных дисциплин выбирается по решению каждого учебного вуза [2]. После широкого обсуждения обновленная «Концепция» была принята и с этого учебного года такая система организации учебного процесса вводится во всех учебных заведениях Республики Беларусь

Позицию Российской Федерации по отношению к факту приостановки, а по сути исключения из Болонского процесса России обозначил зам. министра науки и высшего образования России Д. Афанасьев 6 июня 2022 года на заседании Совета Федерации по науке, образованию и культуре, заявив, что интеграция российского образования в Европейскую систему не состоялось и теперь нужно думать прежде всего о кадрах для российского рынка труда. Вместе с тем было заявлено, что уходить от Болонской системы нужно постепенно, без резких переходов. Опыт показывает, что кардинальные меры ни к чему хорошему не приведут. И в первую очередь нужна корректировка законодательной базы под новую отечественную систему образования.

Главное: оценка политики руководства Болонского процесса дана и она противоречит интересам суверенных государств России и Беларуси в области дальнейшего реформирования высшего образования.

*Список литературы:*

1. Дорожная карта для Беларуси. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://ag2.bsu.by/ru/main> Дата доступа: 15.11.2022.
2. Концепция оптимизации содержания, структуры и объема социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования [ Электронный ресурс] / Режим доступа: [http://www.nihe.bsu.by/images/norm-c/project-doc/nd\\_kont.-](http://www.nihe.bsu.by/images/norm-c/project-doc/nd_kont.-) Дата доступа: 23.01.2021.
3. Погребняк, А.Б. Современный этап Болонского процесса и перспективы регионального сотрудничества в сфере образования / А.Б.Погребняк. //Глобализация, регионализация, пограничье: [коллективная монография] / П.А. Водопьянов [и др.] – под ред. д.ф.н. Слемнёва М.А. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С.129–139.

## СУЩНОСТЬ СИМПЛИЦИТНОГО ПОДХОДА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ

*С.Н. Сиренко*

*Минск, Белорусский государственный  
педагогический университет имени Максима Танка*

Совершенствование подготовки будущих учителей с учетом новой социокультурной ситуации, характеризующейся неустойчивостью, является актуальной проблемой. Ее решение позволит сделать значительный вклад в воспроизводство человеческого капитала, обеспечение интеллектуальной и духовной безопасности нашего государства. Именно учителя непосредственно влияют на будущее страны, обучая и воспитывая людей нового поколения, которые будут активно работать в цифровую эпоху.

В Белорусском государственном педагогическом университете имени Максима Танка на кафедре педагогики с 2020 года проводится опытно-экспериментальная работа по реализации междисциплинарной интеграции в профессиональной подготовке студентов и приданию ей опережающего характера [1]. Отличительными чертами такой подготовки выступают: междисциплинарность, направленность на формирование готовности выпускников работать в русле современных образовательных трендов: цифровизация, реализация межпредметных связей и метапредметности в школьном образовании, STEM-образование, инклюзия, тьюторское сопровождение индивидуальных образовательных траекторий, поликультурность, реализация образования в интересах устойчивого развития, усиление проблемно-исследовательской составляющей обучения.

Методологическими подходами, которые определили важнейшие ориентиры исследования, а затем и опытно-экспериментальной работы, выступили: системный, синергетический, компетентностный, средовой. Данные подходы хорошо известны в педагогической науке. В процессе опытно-экспериментальной работы нами был апробирован новый подход, который позволяет реализовать в более полной мере междисциплинарную интеграцию, повышая качество подготовки будущих учителей [2, 3]. Этот подход был назван симплицитным. Остановимся на нем подробнее.

Симплицитный подход (от греческого *σύν*, или «син» – с, вместе, совместно и латинского *explicātus*, или эксплицитный – явный, понятный), который предполагает выявление, объяснение на основе принципов системного подхода и синергетики при использовании цифровых технологий и моделей целостного междисциплинарного смысла процессов или явлений. Симплицитный подход базируется на системном и синергетическом методологических подходах, предполагает использование в качестве метода исследования моделирование (в том числе компьютерное), позволяющее

глубоко понять суть самоорганизации многоэлементных систем различной природы, а в качестве инструментов – современные цифровые технологии.

Важнейшими положениями синплицитного подхода выступают следующие. Во-первых, диффузный принцип включения фундаментальных, общенаучных знаний в содержание специальных дисциплин через интегрирующие проблемы, сквозные темы, например, проблемы устойчивого развития, эффективного использования энергоресурсов, эволюции жизни, самоорганизации в сложных системах, эффективного управления, развития способностей человека на основе новых технологий, искусственного интеллекта и др. Сами по себе указанные проблемы охватывают широкий спектр наук и приложений, а будущему специалисту они могут стать тем основанием, на котором он будет строить свою проектную, учебно-исследовательскую деятельность. В процессе обучения в университете студент знакомится с рядом масштабных проблем, связанных с развитием науки и/или его профессиональной сферы, а также путями их решения. Формами проведения таких занятий, помимо традиционных лекционных и практических занятий, могут выступать: комплексная лабораторная работа, круглый стол, публичная лекция, конференция, дебаты с привлечением ведущих специалистов в области науки, производства, культуры и т.д. Следующим шагом является выполнение студентами проектов (в том числе учебно-исследовательских, курсовых, дипломных), предполагающих рассмотрение проблем во взаимосвязи и на основе методов и моделей синергетики и с использования цифровых технологий. Цифровые технологии используются для сбора, анализа информации, визуализации данных, моделирования, создания цифровых продуктов, реализации комплексных проектов исследовательской, инновационной, социальной направленности.

Во-вторых, принцип интенсификации образования и активизации интеллектуальной работы, предполагающий включение в содержание образования междисциплинарных методов и моделей, например, из области синергетики; заданий, требующих интеллектуальных действий высокого порядка (анализ, синтез, оценка). Также этот принцип предполагает усиление поискового, исследовательского, проектного компонента во всех формах организации учебной деятельности (на лекционных, практических занятиях, в курсовых и дипломных работах); формирование ценности и овладение средствами дальнейшего самостоятельного познания и самообучения. Повышение интенсивности обучения в названных направлениях поможет сохранить баланс между практико-ориентированностью обучения и приемлемым уровнем научности.

В-третьих, принцип обобщенности, который предполагает, с одной стороны, возможность введения спектра целостных (укрупненных) блокомодулей по изучению родственных дисциплин, а с другой – использование в учебном процессе учреждения высшего образования обобщенных комплексных задач (заданий) междисциплинарного характера. Следуя этому принципу, в обновленных с 2021–2022 уч. года образовательных стандартах



для педагогических специальностей на первом курсе присутствует интегрированная дисциплина «Основы психологии и педагогики», которая обеспечивает комплексное, на основе междисциплинарных связей психологии и педагогики изучение студентами сложных феноменов «личность», «образование» и «развитие» в современных контекстах. Дополняется изучение дисциплины ознакомительной практикой с рефлексивными заданиями.

Обобщенные комплексные задачи (задания) получили свое название, поскольку их решение способствует освоению обобщенных умений, т.к. задания предполагают использование внутри- и межпредметных связей, нахождение общего способа решения целого класса задач; развитию умений создавать, реализовывать целостный замысел и представлять его результаты, т.к. большинство задач являются по сути проектами; переносу полученных знаний в новые условия, поскольку решение предполагает освоение обучающимися ключевых идей, моделей, закономерностей.

В-четвертых, важным является принцип учета цивилизационных различий, который предполагает проектирование содержания образования с учетом и на основе укладов и культурных традиций, характерных для региона, отказ от слепого копирования чужих образцов.

Результаты проведенной опытно-экспериментальной работы показывают, что совершенствование подготовки будущего учителя на основе синплицитного подхода способствует: повышению проблемно-исследовательского уровня обучения за счет междисциплинарной интеграции; приданию опережающего характера образовательному процессу; формированию у студентов междисциплинарного ядра компетенций, необходимых для эффективного участия в инновационном развитии страны в сферах науки, развития человеческого потенциала, экономики и экологической деятельности; развитию умений будущих педагогов решать междисциплинарные профессиональные задачи.

#### *Список литературы:*

1. Сиренко, С.Н. Модернизация подготовки будущих учителей на основе принципов междисциплинарного взаимодействия и опережающего образования / С.Н. Сиренко // Адукацыя і выхаванне. – 2021. – № 8. – С. 58–68.

2. Сиренко, С. Н. Педагогическая подготовка для образования будущего: вызовы и стратегия изменений // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 5-й Международной конференции (3-4 февраля 2022 г., Москва). – М.: ИПМ им. М.В. Келдыша, 2022. – С. 260–271.

3. Сиренко, С.Н. Имплементация идей и принципов устойчивого развития в содержание педагогического образования на основе междисциплинарной интеграции / С.Н. Сиренко // Адукацыя і выхаванне. – 2022. – № 6. – С. 27– 37.

## **IX. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ И ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

---

### **ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ УПРАВЛЯЕМОМУ ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННОМУ РАЗВИТИЮ**

*С.А. Бурьянов, М.С. Бурьянов*  
*Москва, Московский городской педагогический университет*

На современном этапе человеческая цивилизация находится на информационном этапе развития, сулящим небывалые блага, но при этом чреватые беспрецедентными негативными последствиями. Актуальность данного исследования связана с усилением глобального цивилизационного кризиса [9, с. 7] в условиях информационного общества и внедрения глобальных цифровых технологий [5, с. 35–40], что требует переосмысления многих правовых вопросов, включая развитие системы информационного права [8, с. 75] и роль прав человека в контексте достижения устойчивого развития [7, с. 103].

Под глобальным цивилизационным кризисом следует понимать дисфункции планетарного масштаба в сфере общественно-техноприродных и космических взаимодействий, взаимосвязанные со снижением их эффективности, чреватые масштабными негативными последствиями (вплоть до катастрофических) и подразумевающую необходимость (и возможность) совместных усилий для их устранения и перехода к устойчивому развитию.

В последние десятилетия появляется все больше доказанных данных о том, что человеческая цивилизация подвергается дисфункциям планетарного масштаба во всех сферах жизнедеятельности общества, включая его взаимодействия с природой и техносферой. В сфере общественных отношений следует выделить вызовы миру и безопасности (в т.ч. ядерной), социально-экономические, демографические и др. Обострение экологических, и климатических проблем также вызывает беспокойство ученых, международных организаций и общества [10]. В последнее десятилетие появляются новые вызовы в сфере взаимодействий общества и техносферы, связанные с внедрением новых цифровых технологий, включая искусственный интеллект, а также цифровые гонку вооружений, тотальный контроль, неравенство, угрозы безопасности.

Отдельного упоминания заслуживают экзистенциальные вызовы, нерешенность которых может привести к прекращению развития и даже к исчезновению человеческой цивилизации: ядерная война, климатическая катастрофа, экологический коллапс, искусственная пандемия, сверхсильный искусственный интеллект.

Из числа исследовательских структур, изучающих глобальные негативные последствия следует выделить: Чикагский университет, Бюллетень ученых-атомщиков (Dooms day Clock, Bulletin of the Atomic Scientists); Римский клуб (Club of Rome); Фонд глобальных угроз Сколла (Skoll Global Threat Foundation); Всемирный экономический форум (World Economic Forum (WEF)); Институт будущего человечества, Оксфордский университет (Institute for the Future of Humanity, University of Oxford); Фонд глобальных вызовов (Global Challenges Foundation); Центр изучения экзистенциального риска, Кембриджский университет (Center for the Study of Existential Risk, University of Cambridge); Институт будущего жизни (Institute for the Future of Life).

Современное общество развивается под влиянием: усложняющихся и глобализирующихся (интегрирующихся, взаимопроникающих, открытых, взаимозависимозависимых) общественно-техноприроднокосмических взаимодействий в целом, которые призвано регулировать право; технологий, посредством которых осуществляется взаимодействие человека и информации, а именно (создание, поиск, сбор, обработка, передача, хранение, накопление, распространение, потребление и использование различных данных).

В указанном контексте можно предположить, что современные информационные технологии в значительной мере имеют глобальную природу, т.е. являются продуктом глобальных процессов и систем. В свою очередь, в последние годы влияние информационных цифровых технологий на глобальные общественно-техноприроднокосмические процессы весьма существенно растет, позволяя говорить о цифровой глобализации и глобальных процессах 4.0.

Основные этапы развития информационного права взаимосвязаны с развитием электронных технологий, где до электронное информационное право постепенно сменяется электронным информационным правом (компьютерное право, интернет-право, развивающееся информационное право глобальных цифровых технологий 4.0 и 5.0). Таким образом можно обозначить следующие основные этапы развития информационного права: до электронное информационное право; компьютерное информационное право; информационное интернет право; современное информационное человекоориентированное право глобальных цифровых технологий 4.0 и 5.0.

Поиск эффективных подходов к преодолению глобальных вызовов требует открытости, системности, интеграции. Для поиска адекватных решений глобальных вызовов необходимо учитывать все упомянутые виды взаимодействий в их взаимной связи, зависимости и развитии.

Цифровая трансформация глобального общества [1] и появление новых угроз международной безопасности требуют существенного развития международного права [6], основанного на приоритете прав человека [3]. Данная проблематика прав человека в контексте цифровой трансформации отражена в программном докладе Генерального секретаря Организации

Объединенных Наций А. Гуттериша «Наша общая повестка дня» [12] и других материалах ООН [11].

Цифровые права человека отражают эволюционный современный этап, связанный с необходимостью закрепления в формах международного и внутригосударственного возможностей доступа к глобальным цифровым технологиям, а также пользования соответствующими общественно-техноприроднокосмическими благами. Летом 2020 г. М.С. Бурьяновым был разработан проект Декларации глобальных цифровых прав человека, а в повестке дня World Economic Forum опубликована статья в ее поддержку. В 2022 г. вышла монография о цифровых правах человека в контексте глобальных процессов [2].

В качестве перспективы перехода к устойчивому управляемому человекоориентированному развитию отметим необходимость «постепенного эволюционного перехода к человекоориентированному глобальному управлению через опережающее развитие глобального права как науки, системы принципов и норм, совокупности учебных дисциплин (юридического образования)»[4, с. 99]. Особо подчеркнем, что одним из ключевых условий преодоления глобального кризиса информационной цивилизации является правовое закрепление и реализация нового поколения глобальных цифровых прав человека.

#### *Список литературы:*

1. Алисиевич, Е. Влияние цифровизации на международные стандарты в области прав человека и обязательства государств по их соблюдению / Е. Алисиевич, А. Николаев, К. Кебурия // Международное правосудие. –2021. – № 4 (40). – С. 1–20.
2. Бурьянов, М.С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации : монография / М.С. Бурьянов ; под науч. ред. С.А. Бурьянова. –Москва: РУСАЙНС, 2022. –148 с.
3. Бурьянов, С.А. О необходимости глобального права в контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития / С.А. Бурьянов // Век глобализации. –2019. – № 4. – С. 129–142. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.12.
4. Бурьянов, С.А. Концепция эволюционного перехода к человекоориентированному глобальному управлению / С.А. Бурьянов, М.С. Бурьянов // Век глобализации. –2021. – № 3. – С. 86–100. DOI: 10.30884/vglob/2021.03.07.
5. Бурьянов, С.А. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного права/ С.А. Бурьянов, М.С. Бурьянов // Евразийский юридический журнал. –2020. –№ 11 (150). – С. 35–40.
6. Елифанов, А.Е. К вопросу о влиянии международного права на формирование механизмов защиты прав и свобод человека (вопросы теории и истории) / А.Е. Елифанов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. – Т. 15. – № 2. – С. 14–20.
7. Лукашева, Е.А. Права человека и устойчивое развитие / Е.А. Лукашева, Н.В. Кроткова // Государство и право. –1998. – № 1. – С. 103–119.
8. Полякова, Т.А. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации / Т.А. Полякова, А.В. Минбаев, Н.В. Короткова // Государство и право. –2020. – № 5. – С. 75–87.

9. Савенков, А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации / А.Н. Савенков – М., 2020. –448 с.

10. Heatwaves to impact almost every child on earth by 2050: UNICEF report. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/news/2022/10/heatwaves-impact-almost-every-child-earth-2050-unicef-report> (Дата обращения: 27.10.2022).

11. Human Development Report 2021/2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2021-22> (дата обращения: 21.09.2022).

12. United Nations Secretary-Generals Report «Our common agenda» // [Электронный ресурс]. – URL: [https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common\\_Agenda\\_Report\\_English.pdf](https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf) (дата обращения: 27.10.2022).

## **УЧЕТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ФАКТОРА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

*Е.С. Викторович*

*Минск, Республиканский институт высшей школы*

В любой стране можно говорить о так называемом «региональном менталитете», т.е. о совокупности стереотипов сознания, традиций и привычек, образа мысли, ценностей, присущих жителям определенной местности. «Региональный менталитет» влияет на восприятие окружающей действительности, и, например, одно и то же событие может вызвать разные реакции у жителей города или села, Полесья или восточного региона Беларуси. Многие регионы Беларуси имеют специфические экономические, производственные, социальные, ландшафтные и историко-культурные особенности.

Среди объективных причин, оказывающих влияние на электоральный выбор, современные политические географы и социологи называют территориальный фактор. «Географическая общность избирателей, – отмечает А. Ковлер, – политические традиции регионов, политический микроклимат в городе, районе имеют существенное значение при формировании политических позиций большого числа избирателей» [1, с. 23].

Территориальный фактор может проявляться как в региональном, так и в социокультурном измерениях. Если первое предполагает изучение влияния на голосование географического положения территории, то второе – ее социальных и этнокультурных характеристик. Разделение труда и управленческих функций в регионе ведет к формированию различных и зачастую противоречивых политических интересов, связанных с отдельными социальными группами. Этнокультурный состав территории (этнические и конфессиональные группы) имеет исключительное значение для понимания специфики поведения электората. Как указывает И. Охременко, при определенных обстоятельствах принадлежность к национальной группе может оказывать большее воздействие на политический выбор, чем социальный статус [3, с. 31–32]. Региональное и этнокультурное измерения тесно взаимосвязаны.

В отечественных реалиях избирательные технологии должны учитывать объективные условия проведения выборов: правовое пространство, практику избирательных кампаний, национально-политические традиции, организационные и материальные возможности государства. Следует также помнить, что каждая избирательная кампания имеет общие и специфические черты. К общим относятся единая законодательная и инструктивная база, правовое регулирование создания и деятельности избирательных комиссий, действия в рамках законодательства претендентов на выборные должности и т.д.

Однако зачастую субъекты избирательного процесса прибегают только к использованию традиционных общих технологий, не адаптированных под местную специфику. А между тем, особенности тех или иных избирательных гонок составляет, в том числе и региональная специфика. Она включает количественные и качественные показатели участников соревнований, электората, характеристики и масштаб территориального округа. Профессиональная нацеленность на округ позволяет в ходе избирательной кампании эффективно использовать избирательный фонд, заручиться поддержкой лидеров общественного мнения и элиты региона и, самое главное, выбрать наиболее оптимальные способы воздействия на местный электорат. Поэтому объективная оценка электорального поля является важной составляющей и современным требованием к построению успешной избирательной кампании.

Внедрение избирательных технологий должно ориентироваться, прежде всего, на удовлетворение желаний и ожиданий избирателей, на оценку потребностей, целей и реальных возможностей отдельных приоритетных групп избирателей. Выявление данных адресных групп во многом определяется региональной спецификой: уровнем социально-экономического развития, рынком труда, сложившимися традициями, менталитетом и другими факторами.

Скажем, выдвигая кандидата в том или ином округе, организаторы кампании должны учесть, что из себя этот округ представляет: является ли он однородным (прежде всего в социальном отношении, т.е. живут ли здесь люди преимущественно одного и того же достатка) или дифференцированным; какие социально-демографические, культурно-политические и прочие характеристики здесь доминируют. Суть этой процедуры заключается в том, что, исследуя рынок, то есть совокупность потребителей товара, «нужно ориентироваться не на первого попавшегося покупателя, а только на того, кто может заинтересоваться товаром и в перспективе его купить» [2, с. 87].

Существует своя специфика поведения селян и горожан в период избирательных кампаний. Деревенский уклад определяет, с одной стороны, тесную социально-психологическую зависимость селян друг от друга, высокий уровень социального контроля в сообществе, где все друг друга знают и жизнь каждого проходит на виду у всей общины, с другой – слабость

коммуникационных связей между жителями различных поселений. Нередко сословная принадлежность, фактор землячества, биографические данные претендента играли большую роль в электоральном выборе, чем его политические предпочтения.

Учет территориального фактора означает, что применять избирательные технологии ко всем избирателям нельзя. Поэтому необходимо выделить определенную группу, которой необходимо уделить приоритетное внимание, не оставляя вне поля зрения и остальных избирателей. Выбор адресной группы помогает выработать лозунги, т.к. если известно, к кому апеллируют, то известно, что и как сказать. Также это помогает более эффективно использовать имеющиеся средства с максимальной отдачей и дает возможность, особенно на местном уровне, выдвигать лозунги, отражающие нужды потенциального избирателя.

Итоги избирательных кампаний в нашей стране, которые показывают, что электоральные предпочтения отдаются тем претендентам на депутатский мандат, которые реализовали себя в сфере, представляющей интерес для жителей конкретной местности, либо те, кто с помощью авторитета и возможностей неоднократно решал конкретные проблемы и реагировал на просьбы избирателей до начала кампании.

Одним из основных факторов формирования позитивного восприятия избирателями выборной кампании является стабильная социально-политическая обстановка в регионе, отсутствие точек социального напряжения, позитивная динамика экономического развития, результативное решение имеющихся местных проблем, стабильность на рынке труда своевременность выплаты заработной платы, пенсий и пособий, выполнение государственных социальных гарантий.

Таким образом, при применении избирательных технологий в период проведения общественно-политических кампаний, необходимо выявлять, анализировать и учитывать региональную специфику и социальные запросы конкретных поселенческих общностей и регионов, осуществлять поиск эффективных форм и методов работы с людьми. Недоучет социокультурной дифференциации различных регионов страны, приводит, как правило, к упрощенным, стандартизированным подходам к решению задач регионального развития, в том числе в политической и идеологической сферах.

#### *Список литературы:*

1. Ковлер, А.И. Избирательные технологии: российский и зарубежный опыт / А.И.Ковлер. – М.: УРСС, 1995. – 115 с.
2. Колесников В.Н., Семенов В.А., Политический менеджмент: Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.: ил. – (Серия «Учебное пособие»).
3. Охременко, И.В. Электоральное поведение: теория вопроса: Учебное пособие: в 2 ч. Ч.1 / И.В. Охременко. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. – 52 с.

## **ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: АФФЕКТИВНЫЕ И РАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ**

*В.Б. Гнучих, С.В. Воробьева*

*Минск, Белорусский государственный университет*

Актуальные вопросы человеческого существования в информационном обществе обусловлены двумя группами факторов, выявить которые можно посредством прояснения двух аспектов – аффективных и рациональных. Указанные аспекты выходят за рамки классического понимания информационного общества, формировавшегося в контексте трех основных реалистических подходов. Первый подход отразил отношение к информационному обществу как к инструменту повышения его управляемости (Й. Масуда), второй – как к политико-идеологическому идентификатору (Э. Гидденс, М. Маклюэн), третий – как к интегрирующей конструкции «единого мира», основанной на информационных технологиях (Э. Тоффлер).

В антропогенетическом ракурсе первичными аспектами человеческого существования в информационном обществе необходимо признать аффективные аспекты, обусловленные зависимостью от телесной конституции. Это означает, что сознание (значит, и любая форма рациональности) телесно, так как зависит от соответствующей (телесной) конституции. В частности, на «зависимость структур субъективности от телесной конституции» указывает К.А. Очеретяный. Он, ссылаясь на идею Т. Малдонадо, подчеркивает, что «не существует ни одной человеческой активности, которая не имела бы своим истоком тело» [4, с. 54–55]. Это значит, что аргументы «от тела» предшествуют аргументам «от разума».

Образ, роль и параметры тела, а вслед за этим и конфигурации мира, изменяются или трансформируются в соответствии с медиальными, или посредническими, инстанциями. Эту тенденцию можно иллюстрировать фактом, согласно которому пространство в структуре существования человека в информационном обществе уступает времени, частично или полностью нивелируясь. П. Вайбель называет такое явление «рассеиванием действительности» [2, с. 168]. Применительно к существованию в информационном обществе это означает, что шагать в ногу со временем оказывается более значимым, чем привязки к какому-либо месту в цифровых экстерриториальных условиях [3].

Субстанциальное и функциональное понимание телесности исходят из разных допущений. Система допущений в субстанциальном понимании строится на несводимости друг к другу различных структур. Функциональное понимание, напротив, исключает такого рода несводимость, рассуждая о наблюдаемых эффектах взаимодействия структур под влиянием многочисленных цифровых технологий и аппаратов, производящих реальность.



Данная реальность, являясь, согласно концепции Ж. Бодрийяра, симулирующей, диктует модели жизни, программируя «опыт телесного переживания бытия в мире» [4, с. 60]. Его предметом становятся, в частности, дисперсия телесности в виртуальном пространстве, чувственная аффектация как следствие перцепции и апперцепции (например, что нужно желать или как нужно выглядеть).

Человек с позиции философской антропологии не обладает свойством центризма, так как он не укоренен в природном бытии. Свойство центризма могло бы прояснить его сущностное начало, а укоренение в природе, если бы было признано свойством центризма, подразумевало бы соматическую сущность. Отсюда выводимо следствие об эксцентричности человека как сущностной экстерриториальности, раскрывающей возможности человека, связанные с поиском символического (например, социально-культурного) тела [3, с. 42]. В информационном обществе таким телом становятся информационно-коммуникационные технологии.

В традиционном пространственно-временном континууме телесные практики, поддерживаемые перформативными элементами, неразрывны с дисциплинарным пространством. В типологии перформативных элементов просматриваются три дисциплинарные перспективы: социальное действие как культурное представление, речь как действие, телесно-чувственное действие. Глобально-цифровая среда информационного общества задает иные условия перцепции и перцепции. Они являются текучими, подвижными, анонимными, массовыми условиями, задавая новые образы рациональности. Подобные образцы необходимы для установления пространственно-временных границ в непрерывных информационных потоках и для определения способов существования в них.

Образы рациональности, участвующие в стабилизации пространства и выборе способов существования, обусловлены представлениями о телесности. Эти представления включают рефлекторные и рефлексивные практики, происходящие, соответственно, от телесного опыта и от мышления. Из них выводимы рациональные аспекты существования, связанные с компенсирующей трансформацией телесности в онтологически-социальное присутствие. Компенсирующий характер трансформации проявляется в различных видах симуляций (например, компенсируются соматические ограничения), отражающих ценностные подтексты аргументации. Ценности как регуляторы в рационализации жизни проявляются в информационно-цифровых условиях сетевых коммуникаций двойственным образом. Это, в одном ракурсе, привычки мышления, детерминирующие способы понимания бытия, в другом, – способы понимания бытия, имеющие свои чувствительные пороги [4, с. 80]. Уместной иллюстрацией является описание Ж. Бодрийяром неприятия героем самого себя из-за физического дефекта тела [1].

Рациональные аспекты существования человека в информационном обществе сопряжены не с универсализмом, подразумевающим всеобщность

истины, правил норм и иных типов регуляторов, а с релятивизмом, исключая единые критерии. Поэтому рациональные аспекты в медиальных условиях информационного общества обусловлены, во-первых, конвенциями, определяемыми программной оболочкой, во-вторых, связностью коммуникативного поля, образуемого в информационном пространстве. Амбивалентность связности обусловлена, с одной стороны, целостностью (единством) коммуникативного поля, так как в отношении к другим полям оно сохраняет свою инвариантность, с другой, – связательностью дискурсивных практик, реализуемых в нем, так как в антропологическом ракурсе они вариативны. В первом случае рациональность поддерживается в большей степени аргументами «от разума», во втором – аргументами «от тела».

Обобщая, можно сделать следующие выводы. Существование человека в информационном обществе раскрывается через его аффективные и рациональные аспекты. Аффективные аспекты подразумевают зависимость существования от соматической конституции и телесных практик, базирующихся на опыте перцепции и апперцепции и предопределяющих состав и качество аргументов «от тела», следовательно, специфику присутствия в информационном пространстве. Рациональные аспекты зависимы от ментальных практик, предусматривающих переопределение или установление пространственно-временных границ в условиях непрерывных информационных потоков.

#### *Список литературы:*

1. Бодрийяр, Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / Ж. Бодрийяр. – М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019. – 347 с.
2. Вайбель, П. Рассеивание действительности. Новые опыты действительности в искусстве между гиперреальным и гипермедиальным / П. Вайбель // 10++ программных текстов для возможных миров. – М.: Логос-Гнозис, 2011. – С. 163–174.
3. Воробьева, С.В. Сетевая идентичность и социальная эпистемология: диалектика экстерриториальности и территориальности / С.В. Воробьева // Женщины-ученые Беларуси и России: материалы международной научно-практической конференции, Минск 26 марта 2021 г. / БГУ; [редкол.: И.В. Казакова (отв. ред.) и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 41–48.
4. Очеретяный, К.А. Конфигурация медиальной телесности / К.А. Очеретяный // Медиафилософия XIII. Универсум цифрового разума: новые территории смысла / под ред. В.В. Савчука. – СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2017. – С.
5. Сарычева, А.В. Ценности студенческой молодежи в когнитивном контексте аргументации / А.В. Сарычева, С.В. Воробьева // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: материалы международной научно-практической online-конференции, Витебск, 6 декабря 2019 г. / Витеб. гос. ун-т. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – С. 80–82. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/19587>.

## КРИЗИС СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВА И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

А.В. Козлов

*Витебск, Витебская ордена «Знак Почета»  
государственная академия ветеринарной медицины*

Интенсивное развитие теории и практики социально ориентированного государства начинается после окончания Второй Мировой войны. Именно в это время многие государства становятся на путь развития подобной модели. Однако, в настоящее время, в связи с возросшими экономическими затратами на социальные нужды, ростом иждивенческих настроений, старением населения, системными финансовыми кризисами, обострением военных конфликтов, активными миграционными процессами, отмечается упадок теории государства всеобщего благоденствия и невозможность полноценно выполнять возложенные на него функции. Эти трансформации указывают на дальнейшую нежизнеспособность идеи социального государства и потребность в серьезной концептуальной ревизии этого социально-политического института.

В зависимости от выстроенной модели, государство всеобщего благосостояния выполняет ряд функций: 1) формирование институтов социальной защиты [3]; 2) перераспределение рисков и доходов [1]; 3) развитие правового государства, демократических основ и гражданского общества [2]; 4) гуманизацию [6]; 5) смягчение негативных последствий капитализма и уменьшение социальных противоречий. Именно благодаря деятельности подобного рода государства, в XX в. было решено множество проблем, из-за которых общество не могло конструктивно развиваться. Государство всеобщего благосостояния уменьшило социальное расслоение и социальное напряжение, обеспечило правовой механизм защиты нуждающейся части населения, сформировало гражданскую солидарность. Несмотря на это, существует мнение, что социальное государство не сможет дальше выполнять свои функции по причине нарастающих расходов, с которыми уже не способно справиться [7]. В связи с этим можно выделить несколько концептов, отвечающих на вопрос о дальнейшем функционировании государства общества благоденствия.

Первым вариантом трансформации социального государства можно назвать переход от *модели благоденствия* (hyvinvointimalli, well-being) к *модели «благодействия»* (hyvätoimintamalli, well-doing) [8] или «общества активного участия», в котором ответственность за социальную сферу переходит от государства к индивиду. В данной системе щедрые пособия по безработице будут отменены. Ответственность за здоровье и страхование система станет личным делом гражданина. Государство как социально-политический институт должно будет предотвращать кризисные явления и выстраивать

экономическую и правовую систему таким образом, чтобы она способствовала повышению доли самостоятельно зарабатывающих членов общества. Но такой подход содержит в себе предпосылки к кризисным явлениям, с которыми боролись в Новейшее время и, для устранения которых, и возникла социальная модель государства. Социальное государство перераспределяло доходы и социально-экономические риски граждан. Отказ государства от этой функции может привести к резкому социальному расслоению, общественным недовольствам, увеличению безработицы и бедности.

Также считается, что идея гарантированного базового дохода может заменить существующую модель социального государства. Базовый доход – это пожизненное гарантированное обеспечение каждого гражданина минимально необходимыми ресурсами, независимо от его личного дохода и рабочего статуса [5]. При таком подходе все существующие экономические и социальные гарантии аннулируются и заменяются денежным пособием для каждого члена общества, а он, в свою очередь, сам решает, как им распорядиться. Эта модель кардинально отличается от деятельности социального государства. Во-первых, общество благоденствия несет обязательство перед самыми незащищенными и уязвимыми слоями населения: пенсионерами, инвалидами, многодетными семьями, безработными, больными, требующими дорогостоящего лечения и др., во-вторых, помощь предоставляется в большем или меньшем размере в зависимости от нужд человека. А гарантированный доход уравнивает всех в выплатах и при необходимости не способен компенсировать большие затраты отдельным гражданам. Эта модель содержит следующие трудности реализации: 1) осуществима только в экономически развитых обществах; 2) требует увеличения налоговой нагрузки на общество; 3) осуществляется за счет ликвидации сложившейся системы социально-экономического обеспечения со стороны государства, что несет в себе дополнительные риски и потери.

Еще одним альтернативным вариантом социального государства выступает либертарианская модель [7]. Подобный подход предлагает уменьшить функции и обязанности самого государства перед гражданами и передать их общественным инициативам и объединениям, приватизировать государственные предприятия и общественные службы. Причина отхода от классического социального государства – стремление сдержать социальное иждивенчество и расширение бюрократического аппарата, в надежде на то, что местные гражданские объединения, инициативы и самоуправления лучше справятся с помощью населения. Либертарианское движение активно критикует социальное государство, т.к. считает его причиной экономических рецессий и предлагает вернуться к классическому либерализму [4].

Таким образом, в современной дискуссии о судьбе социального государства определились две точки зрения: первая позиция утверждает, что причиной экономического кризиса является социальное государство из-за огромных затрат на социальную сферу; вторая позиция носит противоположный характер и отстаивает мнение, что из-за недостаточного

финансирования социальных программ происходит стагнация экономики. В последние годы наблюдается тенденция к изменению подхода к социальной политике, созданию государства социального инвестирования, в котором государство будет инвестировать в человеческий капитал. Однако данные подходы не имеют четкой проработанной программы, отличаются не по сути, а по названию и ограничиваются идеей расширения рынка труда и ликвидацией уже действующих социальных проектов. Отмена социального государства как организованной системы социальной помощи может привести к возврату всех экономических проблем и социальных потрясений, с которыми боролось общество благоденствия и для чего оно было создано. Но и существовать в прежнем виде такая система не может, поэтому требуется ее реформирование, что будет способствовать переходу от государства всеобщего благосостояния к благосостоянию трудящихся, а также приведению социальной политики в соответствие с экономическими возможностями государства, поощрению благотворительных фондов и культивации общества участия.

*Список литературы:*

1. Baldwin, P. The Politics of Social Solidarity: class bases of the European welfare state 1875-1975. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 353 p.
2. Flora, P. Modernization, Democratization and the Development of Welfare States in Western Europe [Text] / P. Flora, J. Alber // Flora P., Heidenheimer A.J. The Development of welfare states in Europe and America. – New brunswick; London, 1981. – 417 p.
3. Maurice, B. The coming of the welfare state / B. Maurice. - b.t. Bastford ltd, London, 1961. – 307 p.
4. Квашнин, Ю.Д. Социальное государства в странах ЕС: прошлое и настоящее : монография / Ю.Д. Квашнин [и др.]. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. – 189 с.
5. Козлов, А.В. Гарантированный базовый доход: этическое и экономическое измерение /А.В. Козлов // Философско-гуманитарные науки : сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2019. – С. 374-381.
6. Козлов, А.В. Имидж Беларуси: становление, состояние, продвижение : монография / М.А. Слемнев [и др.]. – Витебск : ВГУ имени Машерова, 2019. – С. 96–107. URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/19553>
7. Щербик, Д.В. Либертарианская альтернатива социальному государству: конституционно-правовые аспекты / Д.В. Щербак // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г.А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 466-471.
8. Эрнрут, Я. Мнение: государству всеобщего благоденствия пришел конец [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://yle.fi/novosti/3-10267251> – Дата доступа: 29.10.2022.

## ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ В КРИЗИСНОЕ ВРЕМЯ КУЛЬТУРЫ

*С.П. Кулик*  
*Витебск, Витебский государственный*  
*медицинский университет*

Кризис ценностей мировой культуры можно считать одной из глобальных проблем современности, наряду с такими, как близость экологической катастрофы или опасность ядерного конфликта. В то же время, проблема аксиологического кризиса культуры не пользуется таким же пристальным вниманием общественности, как, например, угроза уничтожения природной среды или перспектива ядерного мирового пожара. Культурный кризис скорее смутно переживается, чем трезво оценивается.

Целью данной работы является рассмотрение проблемы предназначения философии в кризисное время культуры.

Обострение глобальных проблем и пандемия, усиление экономической, политической и социальной напряженности в современном мире, глубокий кризис, охвативший многие страны, заставляет всех граждан – от простого обывателя до ученого, от политика до философа – задавать себе и другим одни и те же вопросы: что представляет собой нынешний кризис? Какие пути выхода из кризиса? Предлагаются самые различные ответы на эти вопросы, а публичное их выражение часто инициирует информационное и идеологическое противостояние, но в то же время свидетельствует: в обществе идет поиск и «проигрывание» возможных вариантов будущего развития современной культуры.

В осмыслении феномена кризиса культуры следует исходить из того, что кризис – это обязательный и закономерный этап в развитии каждой культуры в отдельности и общечеловеческой культуры в целом. Культура не может развиваться без преодоления возникающих в ее русле внутренних противоречий. Переломные процессы внутри культуры еще не свидетельство распада и тем более гибели культуры. Кризис культуры – это лишь тяжелое, переходное состояние к новому типу культуры. «Мы живем и действуем в один из поворотных моментов человеческой истории, когда одна форма культуры и общества... исчезает, а другая форма лишь появляется», – констатировал в свое время ситуацию в мировой культуре П. Сорокин [1, с. 267]. Сущность кризиса – переоценка и перекомпоновка слагаемых духовного, ценностного ядра культуры. Кризис способен парализовать культурную динамику, вызвать безвременье, привести к краху культуры в ее прежнем облике. Таким образом, культура не может развиваться вечно по единой, универсальной схеме. В ее развитии наступают сложности, коллизии, кризисы. Кризис не случайное наказание, но и не жестокий приговор. Кризис – это предвестие нового этапа в развитии

культуры. Кризис, однако, может быть и роковым, если социум не располагает средствами для его преодоления.

Каково предназначение философии в кризисное время культуры? Способна ли она помочь человеку, обществу в преодолении кризиса? Дело в том, что в кризисные моменты своего развития общество и человек тяготеют к постановке и решению мировоззренческих вопросов, испытывают неудовлетворенность существующим уровнем философского знания. Главные проблемы философии «вылезают» на поверхность как проблемы повседневной жизни: как жить, для чего жить, на что надеяться.

Наиболее отчетливо и масштабно жизнь ставит философские вопросы в переломные эпохи, в кризисные моменты развития культуры, когда происходит «ломка» устоявшихся мировоззренческих оснований. Так, характеризуя «кризисное время», известный немецкий мыслитель К. Ясперс (XX в.) отмечает, что в это время философия – «уже не занятие узких кругов; по крайней мере, в качестве вопроса отдельного человека, спрашивающего, как ему жить, она – дело бесчисленно многих...» [2, с. 376]. Конечно, обращение «бесчисленно многих» к постановке и решению смысложизненных проблем отнюдь не свидетельство духовного благополучия и комфорта в обществе. Это означает, что человек лишился понятных и привычных для него целей и идеалов, которые он принимал и которым он доверял и следовал в своей жизни, что относительно устойчивая система ценностных ориентаций личности дала трещину. А как нельзя построить дом, не имея в голове заранее плана этого дома, так нельзя осуществлять продуктивную жизнедеятельность без образов должного и желаемого, т.е. без ценностных норм и идеалов. Поэтому отмеченное Ясперсом обращение «бесчисленно многих» к смысложизненным проблемам и к философии следует трактовать также сугубо оптимистически: в обществе срабатывает своеобразный «инстинкт самосохранения», начинается собирание интеллектуальных сил и «нащупывание» духовной опоры для выхода из засасывающего болота кризиса. Дискредитация и обесценивание старых идеалов рождает потребность в поиске новых ценностей, будят волю и нравственную веру в существование возможных путей переустройства себя и общества.

Таким образом, потеря прежних идеалов, утрата ценностных оснований сознания приводят к тому, что люди начинают искать в философском знании практических советов, конкретных рекомендаций. Хотя философии трудно выполнять те функции, которые ей не свойственны, но благодаря обращению к философии индивидуальное и общественное сознание поднимаются над обыденностью и стремятся ответить на вопрос о цели существования человека и человечества. Видимо поэтому так прижился и закрепился за философией и философом введенный немецким мыслителем Гегелем и глубокий по смыслу образ совы Минервы, вылетающей в сумерках и рассекающей своими крыльями наступающую «темноту» обыденного мышления.

Таким образом, смысл и предназначение философии в кризисное время состоит в том, чтобы способствовать в гуманистическом ключе развитию свободы человека, формированию образов должного и желаемого будущего как нравственных регуляторов жизнедеятельности человека в культуре. Философия разрабатывает и предоставляет духовные средства упорядочивания глобальной социокультурной энтропии состояния сознания, как индивидуального, так и массового. Благодаря постановке и решению философских проблем постепенно упорядочивается мировоззрение, критически осмысливаются противоречия настоящего, высвечиваются модели возможного будущего, идет процесс их субъективного освоения, а в конечном итоге реальное воплощение в культуру и постепенное преодоление кризиса.

*Список литературы:*

1. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [Общ. ред., сост. и предисл., с. 5–24, А.Ю. Согомонова]. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

## **ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА**

*А.И. Макаренко*

*Минск, Белорусский государственный  
университет информатики и радиоэлектроники*

*А.С. Червинский*

*Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Понятие «экологическая безопасность» является нормативным и отражает такое состояние социоприродных отношений, при котором достигается экономический эффект без превышения предельно допустимых нагрузок на биосферу, способных привести к деградации качества природной среды обитания человека.

Сама по себе экологическая безопасность человеческого существования находится в прямой зависимости от уровня оптимальности социоприродного взаимодействия в его практическом, большей частью хозяйственном проявлении, поэтому актуальность прикладных аспектов проблемы высока и обусловлена ситуацией в практике социального природопользования, сложившегося в Республике Беларусь.

В комплексном выражении экологическая безопасность сопряжена с факторами энергетической, экономической, социальной и, в какой-то



мере, военно-политической безопасности, что позволяет рассматривать феномен в качестве составного элемента общей системы обеспечения нормальной жизнедеятельности в условиях реальной угрозы экономического кризиса, как в глобальном масштабе, так и на уровне локального, собственно «белорусского» проявления.

Совершенствование социально-экономической политики, ориентированной на улучшение качества среды обитания, оптимизацию природоохранительной деятельности, совершенствование системы образования и повышение уровня экологической грамотности населения – основные ориентиры политики обеспечения экологической безопасности [1, с. 243]. В этом плане особую важность приобретает разработка национальной концепции коэволюции социально-экономического развития с изменением окружающей среды [2, с. 178]. Экологическая безопасность может быть представлена как функциональный аспект качества окружающей человека природной среды обитания, характерный в большей степени для уровней оптимальности социоприродного взаимодействия, предполагающих зрелые формы коэволюции социальной и природной систем. Функциональное выражение экологической безопасности заключается в обеспечении должного уровня сбалансированности между основными структурными элементами качества окружающей среды: экосистемным, биотическим и социальным [3, с. 154].

Оценка экологической ситуации по принципу «экологически опасно – экологически безопасно» должна осуществляться исходя из представлений о субъектно-объектных отношениях в сфере социально-природного взаимодействия. Негативное, экологически опасное воздействие на экологические комплексы (биоценозы) может рассматриваться в качестве опосредованного влияния на человека, в форме отрицательного воздействия на качество окружающей его природной среды обитания. Следует иметь в виду, что оценка состояния окружающей среды по принципу экологической безопасности обладает функциональной конкретностью, т.е. экологическая безопасность в своем качественном проявлении конкретна и реализуется, как правило, в одном отношении – медико-биологическом.

В связи с тем, что масштабы проблемы экологической безопасности традиционно не укладываются в рамки имеющихся теоретических разработок, то при рассмотрении глобальных процессов, включающих большое количество граней, сторон, форм проявления разумно ограничиться несколькими наиболее репрезентативными аспектами, способными выступить концентрированным выражением анализируемого феномена.

Экологическая безопасность явление многоаспектное, но из всех ее блоков энергетический блок имеет исключительное значение для развития Республики Беларусь, так как страна импортирует из Российской Федерации большой объем топливно-энергетических ресурсов, преимущественно природного газа. В этом контексте под белорусской экологической безопасностью понимается бесперебойное удовлетворение потребности

в энергетических ресурсах нужного качества и в необходимых количествах, без которых в природно-климатических условиях страны невозможно нормальное функционирование хозяйственного комплекса страны [4, с. 133].

Проблема экологической безопасности носит выраженную социальную направленность, поскольку в достаточно полной мере сопряжена с проблемой самого существования человека на планете.

#### *Список литературы*

1. Экологические проблемы: Что происходит, кто виноват и что делать?: Учебное пособие / Ю.М. Арский, В.И. Данилов-Данильян, М.Ч.Залиханов и др.; (ред. В.И. Данилов-Данильян) – Мн.: Изд-во МНЭПУ, 2007. – 322 с.
2. Моисеев, Н.Н. Человек, среда, общество / Н.Н. Моисеев. М., 1982. – 240 с.
3. Прохоров, Б.Б. Социальная экология: учебник / Б.Б. Прохоров. – М.: Академия, 2008. – 416 с.
4. Казанцев, В.И. Социология города: учебно-методическое пособие / В.И. Казанцев, М.Г. Светушков. – Ульяновск: УиГТУ, 2004. – 140 с.

## **ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ**

*В.С. Малафеевская, Т.В. Купчинова  
Минск, Белорусский государственный университет*

В современном мире происходит стремительное развитие технологий. За последние два десятилетия они изменили жизнь людей практически во всех ее сферах: образовании, экономике, медицине, культуре и искусстве. Искусственный интеллект наделяет машины способностью видеть, слышать, говорить, анализировать и обучаться, выполнять действия, которые раньше могли совершать только люди.

Беспилотный автомобиль обходится без водителя, сбор, обработка, интерпретация данных автоматизированы [3]. Искусственный интеллект самостоятельно проанализирует и сделает отчет, который будет предоставлен человеку, или же самостоятельно примет действия для решения сложившейся ситуации (как, например, автомобиль с автоматическим управлением, который самостоятельно тормозит, если движущееся перед ним транспортное средство замедлилось).

Искусственный интеллект становится частью нашей повседневной жизни: создает изображения, радикально меняет содержание видео, фото, клонирует голос, генерирует текст. Листая ленту новостей, мы можем стать жертвой фейков, созданных искусственным интеллектом, не подозревая об этом.

Искусственный интеллект ускорил процесс развития синтетических медиа (медиа, созданные или модифицированные программами, основанными на искусственном интеллекте и машинном обучении) [2]. Зачастую

термин «синтетические медиа» воспринимается людьми крайне негативно, ведь искусственный интеллект помогает создавать фейковые изображения, создавать видео, заменяя лица и пародируя голос (дипфейк). Как пример можно показать виртуального «Сальвадора Дали», который проводит экскурсии по музею Дали, рассказывая посетителям о своей жизни и созданных им работах [8]. Также искусственный интеллект может создавать абсолютно новых персонажей, не существующих в реальности, но имеющих все характеристики реального человека. Лил Микела или Микела Соуза – первый виртуальный инфлюенсер социальных сетей, созданный Тревором Макфедрисом и Сарой Деку как профиль в Instagram в 2016 году [7].

Примером использования искусственного интеллекта может являться и развитие медиаискусства – вида искусства, произведения которого создаются и представляются с помощью современных информационно-коммуникационных или медиа технологий [1].

Искусственный интеллект может не просто изменять какие-то существующие изображения, но и создавать новые по запросу пользователей. Для этого существуют специальные платформы, которые могут создавать изображения по словесному описанию или генерируя синтез изображений из уже существующих.

Jasper Art – универсальное решение, которое преобразует вводимый текст в изображение. Данная программа является платной.

Stable Diffusion – наиболее подходящая программа для создания новых изображений из уже существующих и при этом является абсолютно бесплатной.

Photosonic – программа, направленная преимущественно на блогеров и создателей контента, является платной, но дает возможность бесплатного использования во время пробного периода.

DALLE-E 2 – программа, которая лучше всего подходит для создания фотореалистичных изображений, однако на данный момент она отсутствует в общем доступе.

MidJourney дает пользователям возможность получать высококачественные изображения, тем не менее разработчики предусматривают возможность создания только 25 бесплатных изображений [4]. Несмотря на то, что программа является платной, она пользуется достаточно высоким спросом: многие пользователи создают целые странички, куда они выкладывают работы, выполненные с помощью сети MidJourney [5].

Midjourney существует как социальная сеть: его интерфейс – это чат-сервис Discord. Новые пользователи регистрируются на сервере Discord Midjourney и затем могут отправлять текстовые запросы для создания изображений вместе с многочисленными другими пользователями. Тем не менее, созданные любым из участников результаты (не важно, пользуется он платной или бесплатной версией) являются общедоступными для всех пользователей.

По словам соучредителя компании, разработавшей Midjourney, Дэвида Хольца «профессионалы используют сервис, чтобы ускорить свой творческий или коммуникационный процесс, тогда как большинство людей просто играют с ним, и я думаю, что это самое важное, потому что на самом деле речь идет не об искусстве, а о воображении» [5]. Пользоваться сервисом может любой человек, достигший возраста 13 лет. Это послужило одной из причин того, что условия предоставления услуг Midjourney гласят: «Никакого контента для взрослых или крови. Пожалуйста, избегайте создания визуально шокирующего или вызывающего беспокойство контента. Мы автоматически заблокируем некоторые вводимые текстовые данные» [5].

Создатели Midjourney очень негативно относятся к использованию сервиса для создания дипфейков: «Использовать его в редакционных целях для создания поддельных фотографий чрезвычайно опасно, никто не должен этого делать» [5]. При этом использовать созданные изображения в коммерческих целях создатели не запрещают: так в июне 2022 журнал Economist поместил на обложку иллюстрацию, созданную с помощью сервиса Midjourney [6].

С одной стороны, использование искусственного интеллекта в искусстве ориентировано на создание нового произведения, развитие креативности у людей. С другой стороны, это может создать ряд проблем, связанных с охраной интеллектуальной деятельности, привести к снижению критерия творчества, активному распространению фейкового контента. Очевидно, что, как и любая технология, искусственный интеллект, проникая в нашу повседневность, наряду с расширением возможностей, рационализацией действий, приносит и риски, которые требуют изучения.

#### *Список литературы:*

1. Глумова, М.Н. Медиаискусство и формы его проявления [Электронный ресурс] / М.Н. Глумова. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/stud/archive/439/17131/>. – Дата обращения: 01.11.2022.
2. Синтетические медиа и дипфейки [Электронный ресурс] / А. Багинова. – Режим доступа: <https://digitalskills.by/2021/08/19/sinteticheskie-media-i-dipfejki/>. – Дата обращения: 01.11.2022.
3. Технологии искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / Агентство промышленного развития Москвы. – Режим доступа: <https://apr.moscow/content/data/6/11%20Технологии%20искусственного%20интеллекта.pdf>. – Дата обращения: 01.11.2022.
4. 13 Best AI Art Generators of 2022 (Free and Paid) [Electronic resource] // Mode of Access: <https://www.codingem.com/best-ai-art-generators/>. – Date of Access: 31.09.2022.
5. Claburn, T. David Holz, founder of AI art generator Midjourney, on the future of imaging [Electronic resource] / T. Claburn // Mode of Access: [https://www.theregister.com/2022/08/01/david\\_holz\\_midjourney/](https://www.theregister.com/2022/08/01/david_holz_midjourney/). – Date of Access: 31.09.2022.
6. How a computer designed this week's cover Intelligence [Electronic resource] / M. Gentzkow // Mode of Access: [https://www.economist.com/news/2022/06/11/how-a-computer-designed-this-weeks-cover?utm\\_medium=affiliates.content.pd&utm\\_source=Adpump](https://www.economist.com/news/2022/06/11/how-a-computer-designed-this-weeks-cover?utm_medium=affiliates.content.pd&utm_source=Adpump).

&utm\_campaign=16002&utm\_content=Online%20Tracking%20Link&channel=Impact&ir-clickid = Q2jzLYws3xyNU-ww6-SRnzSDUkDXpMWsPziczs0&irgwc=1. – Date of Access: 31.09.2022.

7. Miquela (@lilmiquela) [Electronic resource] // Mode of Access: <https://www.instagram.com/lilmiquela/?hl=en>. – Date of Access: 31.09.2022.

8. Salvador Dalí's Museums [Electronic resource] // Mode of Access: <https://www.salvador-dali.org/en/museums/>. – Date of Access: 31.09.2022.

## **«СПОРНЫЕ ТЕКСТЫ» В БАХТИНОВЕДЕНИИ: ИСТОРИЯ ПРОБЛЕМЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

*А.Н. Никонов*

*Витебск, Витебский государственный медицинский университет*

В современной научной среде история жизни и творческое наследие выдающегося мыслителя XX в. М. Бахтина вызывает огромный и живой интерес. Начиная с 1970-х гг. за несколько десятилетий учёными была проделана колоссальная работа по изучению его биографии, окружения и философско-культурологического наследия. Результатом данной работы стали сотни и тысячи научных публикаций, как в отечественной, так и в зарубежной литературе. При этом в ходе анализа тех или иных отдельных аспектов жизни и творчества этого выдающегося мыслителя появляется много загадочных, непонятных и дискуссионных моментов. Среди таких сложных и неоднозначных проблем можно выделить проблему историко-интеллектуального пространства, в котором происходило зарождение, формирование и развитие творческой мысли философа. Именно в рамках изучения данной темы многие исследователи М. Бахтина рано или поздно приходят к вопросу о так называемых «спорных текстах» философа.

Суть данной проблемы заключается в том, что всемирную известность и популярность М. Бахтину принесли его так называемые поздние работы по философии языка, которые были опубликованы и стали доступны широкой публике в 1960–1970-х гг. В 1963 г. была переиздана книга «Проблемы поэтики Достоевского», в 1965 г. – напечатана работа «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», а в 1975 г. выходит сборник «Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет», включивший работы «Слово в романе», «Формы времени и хронотопа в романе» и др. По мнению Е. Богатырёвой, ключевым событием в раскрытии этой проблемы стало издание в 1986 г. в сборнике «Философия и социология науки и техники: ежегодник, 1984–1985» произведения из бахтинского архива под названием «К философии поступка», которое и по стилю, и по проблематике серьёзно отличалась от произведений, благодаря которым творчество мыслителя приобрело всемирную известность и популярность. Данная публикация и сопутствующие ей толкования привели исследователей

к идее о том, что *всё, что было известно о М. Бахтине – это лишь малая доля, что мы всё ещё далеки от истинного понимания и его биографии и его творчества*. Ярче всего эта точка зрения проявилась в отношении так называемых «спорных работ» философа, тех самых, которые бахтинисты стали называть «девторо каноническими» [2].

Под термином «спорные работы» ещё в 1980-х гг. К. Кларк и М. Холквист обозначили ряд работ, которые были опубликованы под именами В. Волошинова, П. Медведева и И. Канаева, авторство которых полностью или частично в реальности могло принадлежать М. Бахтину. В первую очередь речь идёт о работах В. Волошинова «Фрейдизм» (1927) и «Марксизм и философия языка» (1929) и работе П. Медведева «Формальный метод в литературоведении» (1928). Но под данную проблематику часто попадают и другие тексты представителей ближайшего «круга М. Бахтина». Например, иногда к «спорным текстам» относят все работы В. Волошинова, изданные в 1926–1930 гг., статью И. Канаева «Современный витализм», а также статью П. Медведева «Ученый сальеризм» [1].

Ещё в конце 1920-х – 1930-е гг. в среде советских учёных был распространён слух о том, что ряд произведений, напечатанных под именами представителей «круга», могли принадлежать на самом деле авторству М. Бахтина. Об этом, в частности, прямо или косвенно свидетельствуют воспоминания О. Фрейденберг, Л. Гинзбург, А. Чудинова и ряда других свидетелей событий эпохи [8]. В частности Брагинская Н.В. в статье «Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги: В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика» пишет о том, что воспоминания О. Фрейденберг являются самым ранним независимым от культа Бахтина свидетельством того, что подобного рода разговоры «существовали в ленинградской академической среде» [3, с. 40].

Публично впервые об авторстве М. Бахтина по отношению к «спорным текстам» заявил в начале 1970-х годов советский лингвист В. Иванов, который при этом сослался на свидетельства неких очевидцев [1]. Позже он заявлял, что узнал об этом ещё в 1950-е гг. На это же косвенно указывают и данные переписки М. Бахтина и В. Кожина (1960–1966) [6, с. 123].

В 1980-х гг. впервые о «спорных текстах» заговорили в англоязычной академической среде. При этом различные исследователи занимали диаметрально противоположные позиции. Например, К. Кларк и М. Холквист, которые в 1984 г. опубликовали первую цельную биографию философа, настойчиво указывали на принадлежность данных работ делу рук М. Бахтина. Однако высказывались и сомнения в авторстве М. Бахтина относительно «спорных текстов». В качестве примера можно привести работы таких исследователей, как Р. Титуник «Проблематика Бахтина: о Михаиле Бахтине Катерины Кларк и Майкла Холквиста» (1986), К. Эмерсон и Г. Морсон «Михаил Бахтин: создание прозы» (1990). В своих работах авторы указывали на то, что отсутствуют прямые доказательства авторства

М. Бахтина по отношению к «спорным текстам», кроме некоторых сомнительных с научной точки зрения личных свидетельств современников. К концу 1990-х гг. большинство западных исследователей склонялись к идее о неавторстве М. Бахтина над «спорными текстами». Своеобразную черту под данным спором в западном бахтиноведении 1980–1990-х годов поставил К. Хиршхоп в своей работе «Михаил Бахтин: Эстетика за демократию» (1999). После подробного разбора аргументов и доказательств с обеих сторон он приходит к выводу о том, что убедительных доводов в пользу того, именно М. Бахтин автор данных работ пока не предоставлено [7].

В бахтиноведении постсоветских стран дискуссия вокруг «спорных текстов» началась со статьи Н. Васильева «М.М. Бахтин или В.Н. Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М. М. Бахтину)». В ней автор высказывается против авторства Бахтина по отношению к «спорным текстам». В частности, в этой работе Н. Васильев впервые заговорил о том, что Бахтину необоснованно приписывают книгу «Марксизм и философия языка» [4, с. 42].

Большая часть зарубежных исследователей и бахтиноведов Баларуси, России и других стран считают достаточно обоснованной версию участия М. Бахтина в создании «спорных текстов». При этом обычно выделяются два варианта участия. Первый вариант – это единоличное авторство «спорных текстов», при котором фамилии В. Волошинова или П. Медведева лишь прикрытие для оригинальных текстов М. Бахтина. Второй вариант – это совместное авторство, при котором считается, что члены «круга М. Бахтина» всё же принимали участие в написании «спорных текстов», но доля их участия была очень незначительной. По мнению сторонников данной концепции, в пользу вышеизложенного говорят как устные свидетельства современников событий, особенно незаинтересованных, так и явная общность тех идей в «спорных» произведениях, которые Бахтин продолжал успешно развивать в своём последующем творчестве. Среди сторонников идеи о том, что именно М. Бахтин автор «спорных текстов» можно выделить С. Бочарова («Об одном разговоре и вокруг него»), Н. Николаева («Издание наследия Бахтина как филологическая проблема»), О. Осовского и В. Киржаеву («... мне, так сказать, приписывают...»: «спорные тексты» в бахтиноведении конца 1980-х – 1990-х») и др.

Среди тех, кто активно выступал и продолжает выступать против приписываемого М. Бахтину единоличного авторства «спорных текстов», необходимо отметить В. Алпатова и В. Захарова. Авторы в своих работах «Проблема жанра в «школе» Бахтина (П.Н. Медведев, В.Н. Волошинов, М.М. Бахтин) (В. Захаров) и «Волошинов, Бахтин и Лингвистика» (В. Алпатов) пытаются найти, определить и показать несходство позиций Бахтина и других участников его «круга». Данные факты должны указать на необоснованность версии бахтинского авторства [1]. Одним из наиболее решительных и последовательных противников того, что Бахтин является автором «спорных

тестов» был Ю. Медведев, который посвятил значительную часть своей жизни изучению наследия отца. Ю. Тамбовцев в своём исследовании под названием «Кто написал тексты Бахтина, Волошинова и Медведева?» для решения проблемы авторства «спорных текстов» прибегает даже к методу математической статистики. В своих выводах он указывает на то, что работы, которые подписаны М. Бахтиным, писал сам Бахтин. Тексты же, которые подписаны В. Волошиновым или П. Медведевым, достаточно сильно отличаются от работ Бахтина. Следовательно, по мнению Тамбовцева, это указывает на неавторство Бахтина по отношению к «спорным текстам» [9, с. 243].

Особую остроту проблема «спорных текстов» приобрела в начале 2010-х гг. когда бельгийские исследователи Ж.-П. Бронкар и К. Бот выпустили книгу «Бахтин без маски», в которой они выдвинули кардинально иную точку зрения на проблему. Авторы не только утверждали принадлежность «спорных текстов» В. Волошинову и П. Медведеву, но и отводили им решающую роль в создании работы «Проблема творчества Достоевского». При этом они указывают на то, что легенда о собственном авторстве «спорных текстов» была придумана и распространена самим Бахтиным и его поклонниками в 1960-е гг. [10]. Данная провокационная работа вызвала резкую критику со стороны бахтиноведов. Среди главных её критиков можно назвать С. Зенкина, который написал разоблачающую авторов статью «Некомпетентные разоблачители». Но, не смотря на критику работы Ж.-П. Бронкар и К. Бот, Зенкин признаёт существующую проблему авторства «спорных текстов» нерешённой [5].

Таким образом, на сегодняшний день в научной среде поиск ответа на вопрос о «спорных текстах» представителей «круга М. Бахтина» по-прежнему остаётся актуальной задачей. Каждое новое исследование открывает новые аргументы в пользу либо авторства, либо неавторства М. Бахтина по отношению к данным работам. И, если не появятся какие-то гарантированно веские доводы в пользу одной из сторон, эта проблема, вероятно, так и останется открытой.

#### *Список литературы:*

1. Алпатов, В.М. Волошинов, Бахтин и Лингвистика [Электронный ресурс] / В.М. Алпатов // ВикиЧтение – Режим доступа: <https://lit.wikireading.ru/48691> – Дата доступа: 10.09.2022.
2. Богатырёва, Е.А. Разноречие и разногласия: дискуссии о М. М. Бахтине в Бертиноро [Электронный ресурс] / Е.А. Богатырёва // Культурологический журнал. – Режим доступа: [http://cr-journal.ru/rus/journals/159.html&j\\_id=11](http://cr-journal.ru/rus/journals/159.html&j_id=11) – Дата доступа: 12.10.2022.
3. Брагинская, Н.В. Между свидетелями и судьями. Реплика по поводу книги: В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005 / Н.В. Брагинская // М.М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Вып. 2–3. – Саранск: [б. и.], 2006. – С. 39–60.
4. Васильев, Н.Л. М.М. Бахтин или В.Н. Волошинов? (К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М. Бахтину) / Н.Л. Васильев // Литературное обозрение. – 1991. – № 9. – С. 38–43.



5. Зенкин, С.Н. Некомпетентные разоблачители ) [Электронный ресурс] / С. Зенкин // Горький. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2013/1/nekompententnye-razoblachiteli.html> – Дата доступа: 12.09.2022.
6. Из переписки М. М. Бахтина и В. В. Кожина (1960–1966) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 2000. – № 3–4 (32–33). – С. 114–290.
7. Митрошенков, К. Тайны масок: писал-ли Михаил Бахтин книги за своих друзей (Об одной нерешённой загадке русской интеллектуальной истории) [Электронный ресурс] / К. Митрошенков // Горький. – Режим доступа: <https://gorky.media/context/tajny-masok-pisal-li-mihail-bahtin-knigi-za-svoih-druzej/> – Дата доступа: 12.09.2022.
8. Осовский, О.Е. «... мне, так сказать, приписывают...»: «спорные тексты» в бахтиноведении конца 1980-х – 1990-х» [Электронный ресурс] / О. Осовский, В. Киржаева // Cyberleninka. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mne-tak-skazat-pripisyvayut-spornye-teksty-v-bahtinovedenii-kontsa-1980-h-1990-h/viewer> – Дата доступа: 12.09.2022.
9. Тамбовцев, Ю.А. Кто написал тексты Бахтина, Волошинова и Медведева? / Ю.А. Тамбовцев // Вестник Омского университета. – 2011. – № 23. – С. 238–243.
10. Bronckart, J.-P. Bakhtine demasque. Histoire d'un menteur, d'uneescroquerieet d'un delire collectif / Jean-Paul Bronckart, Bota Cristian. – Genfve : Droz, 2011. – 629 p.

## **РОЛЬ ПОЛИТОЛОГИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

*А.В. Панченко  
Минск, Белорусский национальный  
технический университет*

Политология – авторитетнейшая дисциплина, соответствующие курсы которой читаются во всех сколько-нибудь крупных университетах мира. Переосмысление постсоветской политологии вследствие «все более ощутимого разрыва между политической теорией и политической практикой» [1, с. 84] порождает полемику, в которой все сильнее звучат призывы о проведении кардинальной модернизации и даже «национализации» политологии. Каким образом? Путем отбрасывания классических теорий и формирование особой национальной политологии, отрешенной от западных корней, западных научных школ и западных парадигм. Национализация политологии призывает, к примеру, российский исследователь А.Б. Шатилов, «нужна для преодоления в политологии либеральной парадигмы, отрицающей национальный суверенитет и альтернативность политического развития не западных стран» на основе «государственного патриотизма и национальных интересов как основания для исследователей в сфере политических наук» [2, с. 12–13]. Важно признать и другой факт. Постсоветская политология не столько наука Запада, сколько постперестроечный **результат** общественного развития постсоветского пространства, а также Центральной и Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. Политология

тесно связана с самим обществом, которое переживает некую точку бифуркации, следствием чего становится не столько проблема политологии, сколько экзистенциальная опасность, ощущаемая обществом и выражаемая повышенной неопределенностью, внутренней напряженностью и высокой конфликтогенностью. Это означает, что в условиях переходности резко увеличиваются возможности качественного изменения государственной политики, чреватых выбором принципиально нового варианта развития что, впрочем, не исключает появления неких «окон возможностей» для дальнейших демократических преобразований.

Целью исследований политики, власти, государства становится выработка особых механизмов регулирования и разрешения общественных конфликтов. Особенность этих механизмов состоит в поиске, нахождении и применении договорных технологий, позволяющих разрешать общественные конфликты, направлять течение общественных процессов, изменять конфигурацию и баланс общественных сил, выстраивать новые, перспективные связи и отношения для всего общества. К таким механизмам относят институциональные и неинституциональные, субъективные, или процессы (идеологии, культуры, коммуникации, массовое общественное сознание и пр. Институциональные (прежде всего институты государственной власти), демонстрируют постоянство в использовании одних и выборочность в применении других методов реализации власти. В целях сохранения социального порядка государство сохраняет неизменную ориентацию на применение силы, но при этом явно недостаточно использует неинституциональные механизмы или то, что называют «мягкой силой»<sup>‡</sup>. В условиях трансформационных процессов образ политики государства зачастую искажается, формируется без его участия, что приводит к накоплению стереотипов и клише, которые не дают возможности понять ни сути политики, ни государства, ни менталитета народа, что снижает уровни взаимопонимания и объективной оценки между сторонами. Один из инструментов подобной тактики – производство и демонстрация фильмов, в которых даются клише, и закрепляется безальтернативная национальная политическая характеристика. Например, в голливудских боевиках героям, выполняющим роли злодеев, даются славянские имена. А Россия устойчиво ассоциируется с набором таких клише, как «холод», «водка», «русская мафия» [3, с. 151–153]. Поскольку в политологии отсутствует единая теоретическая интерпретация политики, которая позволила бы сформулировать общие для всех ученых подходы и оценки, то по этой причине в политологии невелика доля бесспорных понятий и категорий. Это нередко осложняет достижение теоретического консенсуса среди ученых относительно трактовки того или иного явления. Примерами сложных в политологии остаются трактовки понятий

---

<sup>‡</sup> Американский исследователь Дж. Най в 1990-е гг. ввел в научный оборот это понятие, призвав реализовывать внешнеполитический курс с опорой на культурное наследие как «способ убедить других хотеть того же, чего хочешь ты».

«тоталитаризм», «авторитаризм», «демократия». Весь объем политологического знания условно аккумулируют **фундаментальная, теоретическая и прикладная политология**. При этом прикладная политология не тождественна политическим технологиям. Технологии не всегда опираются на теоретическое знание, но остаются набором умений, навыков и способов деятельности по реализации целей и задач конкретного актора при решении той или иной проблемы. Это означает, что не все технологии являются эффективными средствами решения прикладных задач. Поскольку не все процессы поддаются рациональной интерпретации, постольку они не могут быть полностью технологизированы. Следовательно, решающую роль на практике имеют «политическое чутье», «политическая интуиция». Разновидности технологий сводят к **политическому маркетингу; политическому менеджменту; политическому имиджмейкингу**. Теории политологии обусловлены реальными изменениями политической практики и по этой причине недолговечны. А выводы и оценки политологии, будучи привязаны к конкретной ситуации, не обладают всеобщностью (а зачастую просто банальны). Недолговечность выводов и оценок политологии компенсируется ее высокой адаптивностью к реальным изменениям политики, интенсивностью проводимых исследований, обновлением теоретических подходов, которые проводятся составными частями политологии – **«субдисциплинами»**. Переосмысление политологии – естественный процесс. Но если подходить к обновлению смыслов политологии с радикальной позиции, то существует опасность обесценить накопленный предшествующий теоретический опыт либо вовсе от него отказаться. В этом контексте политология оказывается в положении заложника самого общества, сталкивающегося с конкретными проблемами и переживающего собственные конфликты. В условиях трансформационных процессов необходимо больше внимания уделять проблемам власти, политической системы, политическим институтам и политическим процессам в целях укрепления социального правового государства и гражданского общества. Одновременно важнейшим условием успешности исследований является консенсус между учеными относительно понятийного аппарата политологии, жизнедеятельность научных политологических школ и направлений исследований. Такая солидарность способствовала бы упрощению внутринаучной коммуникации, преодолению раскола между учеными, а в идеале преодолению национальных научных границ.

Таким образом, приоритет политологии в системе наук социально-гуманитарного знания обусловлен не только проникновением политики во все науки, но интеграцией на этой основе всех значимых достижений исследований других дисциплин. По этой причине политология была и остается **ядром** знаний о политике в системе социально-гуманитарного знания. В этом качестве политология представляется некой **метанаукой**, распределяющей поля политики в социально-гуманитарном знании. И как метанаука политология не может претендовать на выражение абсолютной истины в знаниях

о политике, но имеет большую потребность в поиске общей истины и достижения среди ученых теоретического консенсуса.

*Список литературы:*

1. Панченко, А.В. Современная политология: кризис или развитие? / А.В. Панченко // Беларусь в условиях глобализации и интеграции: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 25 октября 2018 г. – 206 с.
2. Лебедева, М.М. Социально-гуманитарная трансформация современного мира: монография / М.М. Лебедева [и др.]: под ред. М.М. Лебедевой, Л.Р. Рустамовой. – М.: МГИМО-Университет, 2021. – 279 с.
3. Шатилов, А.Б. Российская политология: настало время модернизации и национализации? / А.Б. Шатилов // Власть. Общественно-политический журнал. – 2022. – № 04 (Т. 30), июль–август. – С. 9–13.

## **АКСЕЛЕРАЦИОНИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИНАМИКИ**

*Ю.П. Серета  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Философская задача рефлексии ключевых социальных процессов неизбежно сталкивается с ситуацией так называемой «методологической переконцовки» имеющихся в исследовательском поле концептуальных систематизаций в условиях глобальных трансформаций социального порядка как такового. При этом круг вопросов, требующих своего внимания, не сужается: неучтенное ранее, сложно калькулируемое, другое по существу – экономическое и социальное неравенство, религиозные/этнические/гендерные предрасудки, издержки массового потребления, социальный абсентеизм, проблема распределения общественных благ и т.д. – все это прорывается в поле социального и в своей актуализации усложняет механизмы самокоррекции всей системы.

Среди значимых социально-философских проектов следует выделить направление в социальной теории, связанное с (ре)актуализацией левой мысли и переосмыслением ее идейно-методологического инструментария, позволяющего разработать «новый проект» социальной эволюции. В этом отношении заслуживающим внимания представляется авторский подход социального теоретика Ника Срничека. Будучи лево-ориентированным интеллектуалом, он стремится концептуально оформить идейно-мировоззренческий поворот к посткапиталистической модели общества, но не благодаря масштабному революционному движению, а в силу выявленной им специфики взаимодействия современного общества и глобальной цифровой экономики с ее тенденцией на всестороннюю монетизацию. Автор критикует

и экономический фактор социального развития, и современную пассивную и во многом дезактивированную позицию левого движения. Другими словами, он пытается по-новому осмыслить вопрос о главных движущих силах общественного развития, механизмах их актуализации. Н. Срничек методологически расширяет аналитический горизонт критической концептуализации посткапитализма идеей «нового», т.е. неклассического акселерационизма. Разрабатываемая совместно с политологом, участником движения левых акселерационистов Алексом Уильямсом идея трансформирующего по своей сути социально-экономического ускорения позволяет исследователям выйти за теоретические пределы интерпретации капитализма как бессрочно самовоспроизводящейся системы, которая функционирует строго в своей логике и переформатирует все незначимое, неудобное, неуместное, несущественное для нее в более стабилизирующие и латентные формы социального порядка. Модель капитализма претерпевает значительные модификации, и в конечном итоге произойдет ее смена более прогрессивным вариантом. Что касается сегодняшнего этапа общественного развития, Н. Срничек маркирует его как переходный этап к социуму без труда – это этап формирования платформенного капитализма. Такая модель связана с базовым представлением о человеческом цифровом опыте (который собирается на цифровых платформах базами данных и суммируется в виде персональных данных индивида) как о бесплатном ресурсе для беспрепятственной коммерциализации [1]. Персональные данные форматируются в маркеры прогнозирования наиболее успешных уровней разработки новых продуктов/услуг для получения прибыли. Цифровая трансформация таким образом пронизывает социальные системы, вносит коррективы в процессы их функционирования и задает направления социальной эволюции.

Общий вектор аргументации Срничека и Уильямса лежит в плоскости изменения социально-экономической системы в силу интенсификации цифровой трансформации и формирования условий для актуализации посткапиталистического общества. В работе «Акселерационистский манифест» [3] ими критикуется установка многих исследователей на поддержание социального целого как монолитной и циклической системы и закладывается идея необходимости трансформации социального пространства посредством преодоления капитализмом своих же собственных границ в силу факторов коммуникационно-технологической акселерации (ускорения). Даже условно прогрессивное развитие, по мысли исследователей, ограничивается «координатной сеткой из прибавочной стоимости, резервной армии труда и свободного капитала» [3]. Парадокс функционирования капиталистической модели заключается в том, что, достигнув определенного социально-экономического уровня, эта модель консервируется в таком положении, а ее движение скорее инерционно, чем динамично. Глобальная социальная трансформация, позволяющая преодолеть капиталистический формат общественного развития и выйти на новый социально-экономический уровень,

возможна, согласно авторам, благодаря социально-политической актуализации и реализации технологического прогресса.

Продолжая поиски альтернативного социального мироустройства и развивая идею акселерационизма, Н. Срничек и А. Уильямс после манифеста предлагают проект прогнозной модели общества будущего, в котором они ориентируются на достаточно радикальные трансформации – достижение уровня максимально автоматизированного общества, свободного от вынужденной трудовой занятости и прогрессивно реализующего социально-ориентированный вектор. Исследовательская позиция авторов строится на возможностях и механизмах переориентации социально-экономической системы и последовательной рефлексии исторически сложившейся модели перераспределения социальных благ. С философской точки зрения, авторы стремятся реактуализировать лево-ориентированное мировоззрение одновременно как отражающее и конструирующее современность, представить его как реализацию самой современности или, если угодно, как сущностную метафору современности. Следовательно, необходимо сфокусировать внимание на понимании левого проекта как универсализирующей программы по совершенствованию мира, которая может стать магистральной для общественного сознания, для экономических и политических институтов. Разработчики справедливо отмечают, что «если одновременно не изменятся господствующие в обществе идеи, новые технологии будут разрабатываться по капиталистическим лекалам, а старые останутся привержены капиталистическим ценностям» [2, с. 221]. На уровне функционирования социума это предполагает ряд ключевых изменений: формирование общественного процедурного консенсуса в отношении обеспечения основных жизненных потребностей; формирование прозрачной социальной структуры и расширение доступных общественных ресурсов; ускоренное развитие технологических возможностей. Центрирующим фактором реорганизации современных обществ может стать безусловный базовый доход как ответная реакция на прогнозируемую технологическую безработицу. Реализация на практике этого важнейшего механизма перераспределения общественных благ отражает социальную сущность трудовой занятости населения. Сегодня можно говорить не только о прекаризации рабочего класса, но и о формировании социального тренда на кризис труда как такового. Так, эмансипационный потенциал концепта посттрудового общества заложен в ценностно-нормативных представлениях индивидов о значимости своего времени, своей занятости трудовой деятельностью и что есть труд в принципе, как зависит от труда реализация личностной свободы и что даст человеку переход от «принудительного» (вынужденного) труда к добровольному (несвязанному с материально-бытовыми задачами). Как справедливо писал К. Маркс в «Капитале», «царство свободы *начинается* в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью» [Цит. по: 2, с. 327].

Таким образом, идеи акселерационизма могут быть рассмотрены в контексте альтернативного вектора социодинамики, позволяющие скорректировать ориентиры и приоритеты социальных систем на этапе их глобального перехода к цифровому порядку. Последствия этой переходности открыты и комплексно не спрогнозированы, но представляются в крайней степени существенными для функционирования социальной системы, а новые экономические и материальные условия станут катализаторами соответствующих изменений и для индивидуально-субъективного уровня.

*Список литературы:*

1. Срничек, Н. Капитализм платформ / Пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 128 с.
2. Срничек, Н. Уильямс, А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда / Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2019. – 336 с.
3. Accelerate Manifesto for an Accelerationist Politics by Alex Williams and Nick Srnicek [Electronic resource]. – 2022. – Mode of access: <https://criticallegalthinking.com/2013/05/14/accelerate-manifesto-for-an-accelerationist-politics/> – Date of access: 01.11.2022.

## **ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ КАК ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ**

*А.П. Соловей  
Минск, Институт философии  
Национальной академии наук Беларуси*

Изучение влияния социального самочувствия на формирование миграционных настроений является актуальным и важным, так как «уровень социального самочувствия является комплексным фактором, определяющим миграционные настроения» [1, с. 191]. Как отмечает А.П. Степанова, миграционные установки населения зависят от условий и удовлетворенности различными аспектами жизни, т.е. от социального самочувствия [4, с. 4].

Социальное самочувствие отражает общий уровень удовлетворенности жизнью и позволяет выявить наиболее беспокоящие актуальные проблемы, тем самым задает траекторию жизненных установок личности, определяет его жизненные планы и мотивацию к тем или иным социальным действиям. Вместе с тем, миграционные установки населения во многом определяются уровнем удовлетворенности различными аспектами их жизни, следовательно, зависят от компонентов социального самочувствия и формируются под его влиянием. Следовательно, социальное самочувствие оказывает существенное влияние на характер поведения индивида, тем самым выступает основой формирования его миграционного поведения. Исследования уровня социального самочувствия, отдельных его аспектов, которые

детерминируют миграционные настроения, являются одним из необходимых механизмов выявления миграционных установок и позволяют их диагностировать, прогнозировать и корректировать.

В качестве фактора формирования миграционных настроений такой феномен как социальное самочувствие с точки зрения концептуализации и операционализации изучен недостаточно и фрагментарно. Последнее актуализирует важность изучения гендерных особенностей социального самочувствия как фактора миграционных установок индивида или социальной группы. Исследование гендерных особенностей социального самочувствия обуславливается необходимостью выявления специфики социального самочувствия мужчин и женщин. В силу различного социального опыта, детерминированного выполнением гендерных ролей, личностно-психологическими характеристиками мужчин и женщин, сценариями их жизненных стратегий, восприятием окружающей действительности, удовлетворенностью условиями жизнедеятельности, на оценку аспектов социального самочувствия может оказывать влияние гендер субъектов социального самочувствия.

В научных исследованиях, посвященных гендерным особенностям социального самочувствия, на основе эмпирических социологических исследований при помощи двумерного анализа описываются характерные особенности социального самочувствия мужчин и женщин или особенности социального самочувствия, характерные только для женщин как демографической и социально-профессиональной группы.

К примеру, в исследовании социального самочувствия мужчин и женщин в средних городах России О.А. Хасбулатова и Л.С. Егорова выявили различия между оценкой различных аспектов социального самочувствия и гендером респондента: *«женщины чаще, чем мужчины, отмечают падение жизненного уровня семьи»* [5, с. 49]. По мнению авторов, данная ситуация определяется различной оценкой мужчинами и женщинами источников, уровня и распределения материальных благ в семье: *«мужчины оценивают уровень материального благосостояния по своему заработку, а женщины – по доходу семьи»* [5, с. 49]. Также были выявлены различия во мнении мужчин и женщин в отношении беспокоящих их проблем: доля респондентов, которые переживают о проблемах возможной безработицы, выше среди женщин, чем мужчин. Авторы считают, что волнения женщин о потенциальной угрозе остаться без работы детерминируются гендерными различиями в конкурентоспособности на рынке труда, в том числе в возможностях построения профессиональной карьеры. Исследование показало, что женщины, которые являются специфической социально-демографической группой, в большей степени зависят от государства, его социальной поддержки, гарантированных материальных благ и обеспечения рабочими местами [5, с. 49–50].

Исследователь Н. А. Птицына наряду с такими общими показателями социального самочувствия женщин, как уровень оптимизма, проблемы, вызывающие беспокойство, удовлетворенность трудом (заработная плата, организация труда, морально-психологическая и физическая нагрузка,



возможности карьерного роста, отношения с коллегами), выделяет и характерные только для женщин как особой социальной группы. К данным показателям автор относит «двойную занятость», отсутствие супруга в семьях с детьми, чувство одиночества, наличие детей, возраст детей [3].

Э.А. Васильченко к специфическим показателям социального самочувствия женщин относит особенности их жизненной стратегии, которые могут проявляться в опоре на собственные силы. Данные показатели операционализируются посредством стратегии выживания (отказ от рождения ребенка, ограничения в отдыхе и культурном развитии) и мерах по улучшению своего положения (повышение профессиональной квалификации). Особо следует сказать о психологических факторах социального самочувствия женщин-ученых, которые оказывают существенное влияние на его уровень: изжившие стереотипы мышления, неуверенность в себе, низкий уровень самооценки, патриархальность сознания [2, с. 53–54].

Таким образом, различия в оценках социального самочувствия мужчин и женщин, принадлежащих к разным социально-демографическим группам, обуславливается, с одной стороны, субъективным восприятием жизни, детерминированным личным повседневным биографическим опытом, а с другой, – сконструированными объективными факторами, оказывающими влияние на образ жизни мужчин и женщин, исходя из гендерных ролей, выполняемых ими в социуме. Общими для женщин показателями их социального самочувствия как специфической социально-демографической группы являются семейно-брачное положение и наличие детей, которые определяют образ жизни женщин, связанный с традиционной ролью женщины в обществе (жены, матери, «домашней хозяйки»). К специфическим показателям социального самочувствия женщин следует отнести их личностно-психологические особенности, которые во многом формируются под влиянием гендерной социализации и гендерных стереотипов (отсутствие уверенности в себе, патерналистские жизненные стратегии, боязнь успеха и боязнь неудачи и т.п.). Изучение гендерных особенностей социального самочувствия, которые обуславливаются необходимостью выявления специфики социального самочувствия мужчин и женщин, позволяет в дальнейшем рассмотреть социальное самочувствие как фактор миграционных настроений мужчин и женщин, принадлежащих к различным социально-профессиональным группам, и определить характерные показатели и индикаторы его измерения.

#### *Список литературы*

1. Ахметгалиева, А.Р. Социальное самочувствие и миграционные установки сельской молодежи Республики Татарстан / А.Р. Ахметгалиева, Г.М. Рустамова // Вестн. экономики, права и социологии. – 2020. – № 4. – С. 190–194.
2. Васильченко, Э.А. Социальное самочувствие и ценностные ориентации дальневосточных женщин: десять лет спустя / Э.А. Васильченко // Женщина в росс. о-ве. – 2009. – № 2. – С. 53–56.
3. Птицына, Н.А. Социально-профессиональное самочувствие социальных работников / Н.А. Птицына // Женщина в росс. об-ве. – 2007. – № 4. – С. 70–76.

4. Степанова, А.П. Факторы, детерминирующие социальное самочувствие населения Камчатки / А.П. Степанова // Власть и управление на Востоке России. – 2012. – № 1. – С. 171–175.

5. Хасбулатова, О.А. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России / О.А. Хасбулатова, Л.С. Егорова // Социол. исслед. – 2002. – № 11. – С. 48–54.

## ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У СТУДЕНТОВ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

*Е.И. Цюхай, К.В. Кочан*

*Минск, Белорусский государственный университет*

В гуманитарных науках под информационным пространством понимается совокупность знаний и информации, формирующейся и постоянно изменяющейся в ходе общественного развития. При этом в пространстве информационного общества большую значимость обретает мировосприятие современного человека [3].

Бесконечный поток информации и быстро меняющийся темп жизни выступают в качестве стрессоров и вполне могут приводить к увеличению психических и психосоматических заболеваний. Выделение конструкта жизнестойкости (*hardiness*) в психологии как раз связано с поиском тех факторов, которые могут содействовать успешному совладанию с актуальной ситуацией и эффективной реализации собственных возможностей.

Жизнестойкость впервые упоминалась в работах S. Kobasa и S. Maddi [5,6]. Данное понятие рассматривалось в качестве личностного паттерна отношений, помогающего разглядеть в стрессовых обстоятельствах возможности роста [6, с. 175]. Жизнестойкость является мерой способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность и не снижая эффективности [1]. Ее компоненты, полагал Д.А. Леонтьев, развиваются в основном в детстве и юношеском возрасте, следовательно, отношения в семье играют важную роль в выраженности жизнестойкости [2].

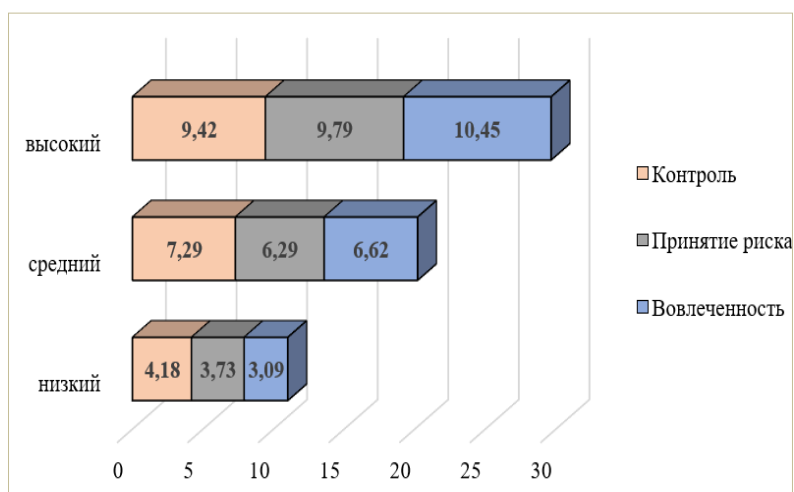
**Жизнестойкость** сочетает в себе: 1) **вовлеченность** есть убеждение в том, что в любом случае лучше оставаться вовлеченным в актуальную ситуацию, а не изолироваться от нее; 2) **контроль**– убеждение в том, что в трудных ситуациях лучше продолжать пытаться повлиять на результаты, а не «опускать руки», впадая в бессилие и 3) **принятие риска** – вера в то, что преодоление стрессов, которыми полна жизнь, приведет человека к неизбежному развитию и получению соответствующего опыта.

Высокий уровень этих компонентов, а следовательно, и в целом показателя жизнестойкости открывает возможность справиться с внутренним напряжением в стрессовых ситуациях.

В современном обществе студенты в значительной степени погружены в информационное пространство, которое зачастую является источником стресса. При этом студентам необходимо справляться с повседневными жизненными стрессами и проблемами, а не избегать их, выбирать в общении социально поддерживающие, а не конфликтные взаимодействия. На выборе стратегий преодоления сказываются личностные особенности, предшествующий опыт и даже семейная ситуация. Несомненно, способы повседневного поведения обусловлены индивидуальной историей развития, так как все стимулы окружающей среды воспринимаются субъективно.

В нашем исследовании внимание акцентировалось на личностных особенностях, которые были сформированы социальной средой в процессе жизненного пути. В качестве инструментария использовались самооценочные методики: «Тест жизнестойкости» S. Maddi (адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой) [2] и «Биографический опросник» Н.Р. Bottscher, R. Jager, S. Lischer (адаптация В.А. Чикер) [4].

Выборка была представлена 78 студентами (53 девушки и 25 юношей) в возрасте от 17 до 23 лет (средний возраст участников исследования – 18,2 года). Высокий уровень жизнестойкости отмечен у 42,3 % участников (33 человека), средний уровень – у 43,6 % (34 человека) и низкий уровень – у 14,1 % (11 человек). Участники исследования были разделены на группы по уровню показателя жизнестойкости для анализа его структуры (рис.1). Компоненты жизнестойкости во всех группах вносят примерно равный вклад в значение общего показателя.



**Рисунок 1 – Сравнение средних значений компонентов в группах с различным уровнем показателя жизнестойкости**

Данные обрабатывались в программе SPSS Statistics 22.0. Значимые различия определялись с помощью t-критерия Стьюдента и H-критерия Краскела-Уоллиса. В группах студентов с различным уровнем

жизнестойкости выявлены значимые различия по всем шкалам биографического опросника.

Студенты с высоким уровнем жизнестойкости имеют более низкие значения по шкале нейротизма и высокие по шкале экстраверсии. В сравнении со студентами из других групп их отличает:

- *большая эмоциональная уравновешенность, отсутствие сильных эмоциональных реакций* (нейротизм);
- *большая общительность и меньшая склонность к спонтанному реагированию в стрессовых ситуациях* (экстраверсия).

Более низкие значения по остальным шкалам у студентов с высоким уровнем жизнестойкости свидетельствуют о свойственных им:

- *позитивном взаимодействии между родителями и отношении семьи к окружающему миру* (семейная ситуация);
- *самоуверенности, способности добиваться своего* (сила «Я»);
- *нечастом напряжении в личных и социальных ситуациях, хорошей социальной адаптированности* (социальное положение);
- *благоприятном, способствующем дальнейшему развитию воспитательном поведении родителей* (семейная ситуация);
- *хорошей способности устанавливать и поддерживать контакты* (социальная активность);
- *отсутствии предрасположенности соматически реагировать на стрессовые нагрузки* (психофизиологическая конституция).

Таким образом, личностные особенности, сформированные социальной средой и жизненными ситуациями, обнаруживаются в стереотипах поведения в стрессовых ситуациях. Например, родители с невротическими особенностями, не склонные к коммуникации, часто неосознанно закладывают основу для формирования низкой жизнестойкости у собственных детей.

#### *Список литературы:*

1. Леонтьев, Д.А. Жизнестойкость как составляющая личностного потенциала / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова // Личностный потенциал: структура и диагностика. – М.: Смысл, 2011. – 680 с.
2. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
3. Сороко, С.М. Структура информационного пространства культуры / С.М. Сороко // Вестник Полоцкого госуд. ун-та. Серия Е. – 2012. – № 15. – С. 123–127.
4. Чикер, В. А. Психологическая диагностика организации и персонала / В.А. Чикер. – СПб.: Речь, 2004. – 176 с.
5. Kobasa, S.C. Stressful life events, personality and health: an inquiry into hardiness / S.C. Kobasa // Journal of Personality and Social Psychology. – 1979. – Vol. 37. – P. 1–11.
6. Maddi, S.R. The story of hardiness: Twenty years of theorizing, research and practice / S.R. Maddi // Consulting Psychology Journal. – 2002. – Vol. 54. – P. 175–185.

## ДИСПОЗИЦИОННАЯ ЖАДНОСТЬ КАК ПРЕДИКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА СУПЕРПОТРЕБЛЕНИЯ

*С.М. Ширко*

*Минск, Белорусский государственный университет*

Одной из характерных особенностей современного общества является чрезмерное стремление его членов к потреблению как материальных, так и нематериальных благ. Жадность как психологический конструкт следует рассматривать в контексте исследований монетарного, потребительского поведения и изучения склонности к суперпотреблению [2, 7, 10, 13].

Диспозиционную жадность мы определяем как ненасытное, эгоистичное желание большего, независимо от используемых средств (материальных или нематериальных). Она проявляется по отношению к любым предметам или объектам не зависимо от ситуации и может быть активирована ситуационными характеристиками [6; 7; 9–13].

В современной психологической науке ощущается серьёзный недостаток исследований индивидуально-личностных факторов и детерминант жадности как устойчивой диспозиции.

Цель данного исследования – установление прогностических личностных предикторов диспозиционной жадности.

Выборку составили 398 респондентов (188 мужчин и 210 женщин) в возрасте от 24 до 67 лет. Для проведения исследования использовался следующий инструментарий: «Шкала диспозиционной жадности», разработанная И.А. Фурмановым и С.М. Ширко [7], опросник «Алчность» (автор Ю. Щербатых) [8], «Опросник измерения монетарных аттитюдов В. Klontz и Т. Klontz» в адаптации Д.А. Баязитовой, Т.А. Лапшовой [1], «Опросник диспозиционного материализма», разработанный К.В. Карпинским и Н.В. Кисельниковой (Волковой) [3], шкала «Альтруизма-эгоизма» («Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потёмкиной) [5], шкала «Невротизма-психотизма» в составе «Психодиагностического теста» В.М. Мельникова, Л.Т. Ямпольского [4].

Статистическая обработка производилась с помощью программы SPSS Statistics 13.0, которая включала в себя множественный регрессионный анализ.

Было установлено, что вне зависимости от пола жадность как устойчивая мотивация характеризуется следующими индивидуально-личностными особенностями: деньги как статус, алчность, поклонение деньгам, эгоизм, избегание денег, зависть, материализм.

Регрессионный анализ позволил выявить, что для мужчин и женщин с высоким уровнем диспозиционной жадности (ДЖ) положительными предикторами являются деньги как статус (ДС), алчность (А), поклонение деньгам (ПД), эгоизм (Э), зависть (З), отрицательными предикторами выступают

избегание денег (ИД) и материализм (ОБМ). Об этом свидетельствует уравнение регрессии ( $R^2 = 0,45$ ):  $ДЖ = 19,679 + 0,536 \times ДС + 0,914 \times А + 0,412 \times ПД + 0,624 \times Э - 0,126 \times ИД + 1,049 \times З - 0,298 \times ОБМ$ .

Полученные результаты позволяют констатировать, что вне зависимости от пола чем сильнее выражены показатели алчности, зависти и эгоизма, денег как статуса и поклонения деньгам, тем выше вероятность формирования высокого уровня диспозиционной жадности. Таких мужчин и женщин характеризует ненасытное желание получить и сохранить все свои накопления, страстное нежелание расставаться как с материальными, так и с нематериальными сбережениями, чрезмерные денежные траты и финансовые риски. Подобными проявлениями такого поведения является накопительство как материального, так и нематериального имущества и неспособность быть удовлетворёнными. Такие мужчины и женщины стремятся произвести впечатление на других, проявляют тревогу по поводу чужих успехов и достижений, своего более низкого статуса. Все их достижения и успех напрямую зависят от их уровня материального положения. По этой причине они часто испытывают озлобленность и раздражение, практически отсутствует внимание и сочувствие к окружающим людям. Мужчины и женщины отличаются нездоровым себялюбием, сосредоточением на своей собственной личности.

Напротив, при увеличении показателей по характеристикам избегания денег и материализма уменьшается вероятность формирования диспозиционной жадности. Следует предположить, что такие мужчины и женщины опасаются финансовых сделок, в зависимости от ситуации наделяют особой значимостью материальную и нематериальную сторону своей жизни. Их отличает нежелание тратить деньги даже на самое необходимое, ситуативное проявление приобретательства и потребления в отношении денег и нематериального имущества, склонность действовать подобным образом в зависимости от сложившейся ситуации.

Полученные данные совпадают с результатами отечественных и зарубежных исследований, в рамках которых подчёркивается, что уровень жадности может быть связан с индивидуальными особенностями личности [7, 8, 9, 11, 13].

Таким образом, результаты регрессионного анализа позволяют констатировать, что для установления предрасположенности к личности к жадному поведению фокус внимания необходимо сосредоточить на изучении психологических предикторов, участвующих в формировании жадности как устойчивой черты. Жадность как устойчивая диспозиция и мотивация является одним из факторов максимизации как своих личных результатов, продуктивного управления собой, так и способствует экономическому прогрессу и развитию современного общества. Ненасытное желание получить максимум материальных и нематериальных благ для себя и других может выступать положительным предиктором конкурентноспособного общества суперпотребления.

*Список литературы:*

1. Баязитова, Д.А. Адаптация опросника монетарных аттитюдов В. и Т. Клонц на русскоязычной выборке / Д. А. Баязитова, Т. А. Лапшова // Петербургский психологический журнал. – 2017. – № 19. – С. 112–132.
2. Истратов, В.А. Феномен суперпотребления: структура, детерминанты, психологические корреляты / В.А. Истратов, Н.В. Ноакк, О.И. Патоша // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 22 (211). – С. 55–61.
3. Карпинский, К.В. Опросник диспозиционного материализма (ОДМ): концептуальные основы и психометрическая разработка / К. В. Карпинский, Н. В. Кисельникова (Волкова) // Психол. журнал. – 2019. – Т. 40. – № 1. – С. 104–117.
4. Мельников, В.М. Введение в экспериментальную психологию личности / В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский. – Москва: Просвещение, 1985. – 319 с.
5. Райгородский, Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учебное пособ. / Д.Я. Райгородский. – Самара : БАХРАХ-М., 2001. – 672 с.
6. Фурманов, И.А. Феномен жадности: психологическая трактовка / И.А. Фурманов // Психологический Vademecum: Психологическая феноменология в образовательной среде: мультидисциплинарный подход. – 2019. – С. 42–46.
7. Фурманов, И.А. Разработка шкалы диспозиционной жадности / И.А. Фурманов, С.М. Ширко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология – 2020. – № 3. – С. 78–86.
8. Щербатых, Ю.В. Психология жадности / Ю.В. Щербатых // Социально-экономические, правовые и общенаучные аспекты модернизации российской экономики. – Воронеж : ВФ МГЭИ, 2011. – С. 215 – 218.
9. Krekels, G. Dispositional greed / G. Krekels, M. Pandelaere // Personality and Individual Differences. – 2015. – Vol. 74. – P. 225–230. среда: мультидисциплинарный подход. – 2019. – С. 42–46.
10. Mussel, P.J. The convergent validity of five dispositional greed scales / P.J. Mussel, J. Rodrigues, S. Krumm, J. Hewig // Personality and Individual Differences. – 2018. – Vol. 131. – P. 249–253.
11. Seuntjens, T.G. Dispositional greed / T.G. Seuntjens, M. Zeelenberg, N. van de Ven., S. M. Breugelmans // Journal of Personality and Social Psychology. – 2015. – Vol. 108, № 6. – P. 917–933.
12. Veselka, L. The Dark Triad and the seven deadly sins / L. Veselka, E. A. Giammarco, P. A. Vernon // Personality and Individual Differences. – 2014. – Vol. 67. – P. 75–80.
13. Zeelenberg, M. Dispositional Greed Scales / M. Zeelenberg, T.G. Seuntjens, N. Van de Ven., S.M. Breugelmans // European Journal of Psychological Assessment. Advance online publication. – 2022. – Vol. 38 (2). – P. 91–100.

## СОЦИАЛЬНЫЙ ОСТРАКИЗМ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РИСКОВОГО ПРОСТРАНСТВА БЕЛАРУСИ В ПОКОЛЕНЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ

*Е.В. Шкурова*

*Минск, Республиканский институт высшей школы*

*Е.Н. Новицкий*

*Минск, Институт философии*

*Национальной академии наук Беларуси*

Социальная неопределенность оказывает существенное влияние на развитие современного общества. Заметное количество энтропийных процессов затрудняет возможности предвидения последствий любого вида социальной деятельности, что опосредует ее рисковый характер.

Риск трактуется как возможность возникновения неблагоприятного или незапланированного процесса или события. Соответственно, под социальным риском следует понимать возможность наступления неблагоприятного и неконтролируемого события или процесса, возникающего в результате деятельности социальных субъектов, распространяющегося в социальном пространстве и влияющего как на них самих, так и на другие социальные объекты, затрудняя тем самым их функционирование и дальнейшее развитие [1].

Среди социальных групп, непосредственно включенных в рисковое пространство, особенно выделяется молодежь как наиболее активный социальный контингент, который выступает и как субъект рискованного поведения, и как объект и группа риска, в особенности в силу того, что механизмы противодействия рисковым факторам у молодежи менее развиты по сравнению с другими возрастными группами.

Рискогенная среда закономерно опосредована интеграционно-дифференционными процессами. Стремление избежать риска обеспечивает социальную интеграцию в целях противодействия неблагоприятным последствиям. Угроза риска со стороны определенных социальных групп может провоцировать социальное дистанцирование в их отношении. В этой связи одним из косвенных показателей рискового пространства как поля социальной деятельности может служить восприятие в социальной среде девиантных контингентов.

В данной работе представлены результаты социологического исследования отношения различных возрастных групп к приверженцам различных форм девиантного поведения, а также тем, кто зачастую, в силу определенных причин, подвергается социальному остракизму. Материал подготовлен по результатам социологического опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в мае–июне 2022 г. Опрашивалось население Республики Беларусь от 18 лет и старше, с репрезентацией по региону



проживания, типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию. Объем выборочной совокупности составил 1819 респондентов. В статье рассматриваются три возрастные группы: молодежь – до 30 лет, средняя возрастная группа – 30–49 лет и старшая – 50 лет и старше. Специфика восприятия социальных групп в аспекте общественного дистанцирования определяется посредством оценок распределения ответов на вопрос «Представителей каких социальных групп Вы НЕ хотели бы видеть в качестве друзей, знакомых?»

Практически не наблюдается поколенческой разницы в определении первой тройки социальных субъектов, в отношении которых люди предпочитают держать социальную дистанцию. К таким контингентам в первую очередь относятся лица, страдающие определенного рода зависимостями: наркопотребители – в целом 74,4 % не хотели бы видеть их в качестве друзей или знакомых (отклонения от общего распределения по возрастным группам от –0,6 до 0,5 процентных пункта), страдающие психическими заболеваниями (в целом 50,7 %), систематически употребляющие алкоголь (50,4 %). При этом можно отметить, что к представителям двух последних групп молодежь относится заметно лояльнее (на 4,5 % и 10,1 %), чем люди старшего поколения.

Гораздо терпимее, по сравнению со старшей возрастной группой молодежь относится к оказанию сексуальных услуг за вознаграждение (43,8 % и 53,4 % соответственно), а также к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией (35,9 % и 54,7 %). Менее дистанцированы молодые люди также в отношении лиц, живущих с ВИЧ / СПИД (29,6 % и 36,9 %)

Несколько больше, чем люди среднего возраста, представители молодежи опасаются лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Интересно также, что в сравнении с другими поколениями молодые люди чуть менее лояльны к таким формам зависимости, как игровая (26,3 %) и компьютерная (18,1 %).

Наиболее терпимо представители всех возрастов относятся к курящим людям и безработным, при этом в данном случае большей терпимостью выделяются представители средней возрастной группы.

Таблица – Социальный остракизм в поколенческом разрезе (в %)

Представителей каких социальных групп Вы НЕ хотели бы видеть в качестве друзей, знакомых?	Всего	до 30 лет	30–49 лет	50 лет и старше
Наркопотребителей	74,4	74,7	73,8	74,9
Людей, страдающих психическими заболеваниями	50,7	47,0	51,5	51,5
Людей, систематически употребляющих алкоголь	50,4	45,1	47,1	55,2

Людей, оказывающих сексуальные услуги за вознаграждение	49,1	43,8	46,6	53,4
Людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией	48,5	35,9	47,0	54,7
Людей, освобожденных из мест лишения свободы	36,1	39,8	32,1	38,2
Людей, живущих с ВИЧ / СПИД	33,5	29,6	31,2	36,9
Людей, страдающих игровой зависимостью	24,5	26,3	24,2	24,0
Людей, страдающих компьютерной зависимостью	16,4	18,1	16,6	15,7
Курящих людей	7,8	8,9	5,5	9,3
Безработных	5,5	6,3	5,1	5,6
Никого из перечисленных	8,9	6,6	8,4	10,1
Затрудняюсь ответить	10,4	10,5	11,4	9,6
Всего	416,2	392,4	400,4	439,1

Таким образом, специфика ценностных установок опосредует формирование соответствующего отношения к социальной среде, повседневности, социальным группам, в том числе нравственно неоднозначным и социально недопустимым явлениям. Наибольшему остракизму в социальной сфере подвергаются лица, страдающие зависимостями (нарко- и алкоголепотребление) и психическими заболеваниями. Второй круг социального отчуждения представлен людьми с нравственно неодобряемым поведением – оказанием сексуальных услуг за деньги и нетрадиционной сексуальной ориентацией. При этом можно отметить, что молодежь значительно лояльнее в отношении указанных групп, нежели представители старшего поколения. Третья группа, в отношении которой выстраивается социальная дистанция, представлена традиционно стигматизируемыми субъектами – людьми, освобожденными из мест лишения свободы и живущими с ВИЧ / СПИД. Также заметна доля респондентов, предпочитающих исключать из близкого круга общения людей с игровой и компьютерной зависимостью. Наиболее лояльным представляется отношение к социально допустимым явлениям – курению и безработице. В целом исследование специфики рискогенной среды в контексте социального отчуждения представляется весьма актуальным с учетом большей включенности молодежи в рисковое пространство и меньшей устойчивости в отношении рисков.

*Список литературы:*

1. Черняк, Ю.Г. Понятие и признаки социальных рисков в спорте / Ю.Г. Черняк // *Философия и социальные науки: Научный журнал.* – 2011. – № 2. – С. 41–46.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Адуло Тадеуш Иванович**, заведующий отделом социально-философских и антропологических исследований Института философии НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь).

**Аникина Юлия Михайловна**, аспирант кафедры педагогики Уральского государственного университета физической культуры (г. Челябинск, Российская Федерация).

**Балаклеец Наталья Александровна**, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета, кандидат философских наук, доцент (г. Самара, Российская Федерация).

**Баньковская Юлия Леонидовна**, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного аграрного технического университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Бертош Евгений Юрьевич**, начальник цикла кафедры тактики и вооружения войсковой ПВО учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» (г. Минск, Республика Беларусь).

**Бобровская Ирина Ивановна**, учитель математики государственного учреждения образования «Средняя школа № 215 г. Минска», магистр педагогических наук (г. Минск, Республика Беларусь).

**Боярщенок Николай Михайлович**, преподаватель кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Бурьянов Сергей Анатольевич**, доцент кафедры международного права и прав человека школы права института права и управления МГПУ, кандидат юридических наук, доцент (Москва, Российская Федерация).

**Бурьянов Максим Сергеевич**, юрист, эксперт молодежной группы стран СНГ МСЭ ООН (ITU UN), эксперт Молодежного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация).

**Буслаева Елена Леонидовна**, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии Московского государственного лингвистического университета, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Российская Федерация).

**Быков Евгений Витальевич**, проректор по научно-исследовательской работе Уральского государственного университета физической культуры, доктор медицинских наук, профессор (г. Челябинск, Российская Федерация).

**Валейтенок Валерий Владимирович**, доцент кафедры социального управления Белорусского национального технического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

**Васина Ольга Николаевна**, доцент кафедры «Общая биология и биохимия» Пензенского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент (г. Пенза, Российская Федерация).

**Вашко Оксана Александровна**, доцент кафедры философии Белорусского государственного экономического университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Викторович Евгений Сергеевич**, аспирант кафедры философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы (г. Минск, Республика Беларусь).

**Власова Наталия Викторовна**, доцент кафедры юридической психологии и права Московского государственного психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (г. Москва, Российская Федерация).

**Вонсович Лариса Васильевна**, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и психологических основ физической культуры ИППК Белорусского государственного университета физической культуры, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Воробьева Светлана Викторовна**, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Голубев Вячеслав Андреевич**, преподаватель кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Давлятова Елена Валентиновна**, заведующий кафедрой философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Далимаева Евгения Олеговна**, старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Демидов Александр Борисович**, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Дорожинская Анастасия Александровна**, аспирант Белорусской государственной академии искусств (г. Минск, Республика Беларусь).

**Дронь Михаил Иванович**, доцент кафедры психологии Белорусского национального технического университета, член-корреспондент

Международной академии технического образования, кандидат педагогических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Дружина Наталья Леонидовна**, доцент кафедры мировых языков Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Глушко Екатерина Сергеевна**, доцент кафедры общественных наук Автомобильно-дорожного института Донецкого национального технического университета, кандидат экономических наук (г. Горловка).

**Гнучих Виктория Борисовна**, студентка 2-го курса отделения «Философия» факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

**Григорук Элла Владимировна**, учитель государственного учреждения образования «Средняя школа № 32 г. Могилева» (г. Могилев, Республика Беларусь).

**Есипова Анна Андреевна**, студентка 1-го курса магистратуры Автомобильно-дорожного института Донецкого национального технического университета (г. Горловка).

**Захарова Наталия Евгеньевна**, заведующий отделом социальной экологии и биоэтики Института философии НАН Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

**Кабилова Ирина Алексеевна**, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко, кандидат исторических наук, доцент (г. Глазов, Российская Федерация).

**Каравкин Валерий Иосифович**, доцент кафедры философии и политологии Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Карнажицкая Татьяна Вадимовна**, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат культурологии, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Карпова Ольга Леонидовна**, профессор кафедры педагогики Уральского государственного университета физической культуры, доктор педагогических наук, профессор (г. Челябинск, Российская Федерация).

**Кирилина Татьяна Юрьевна**, заведующий кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет имени дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова», доктор социологических наук, профессор (г. Королёв, Российская Федерация).

**Климентьева Ирина Анатольевна**, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Ковалева Ольга Валентиновна**, доцент кафедры общественных наук Автомобильно-дорожного института Высшего профессионального образования Донецкого национального технического университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Горловка).

**Когтева Елена Викторовна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков Технологического университета имени дважды Героя Советского Союза, летчика-командира А.А. Леонова (г. Королёв, Российская Федерация).

**Козлов Андрей Викторович**, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Колесников Андрей Витальевич**, заведующий отделом философии информационных и когнитивных процессов Института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Колядко Илья Николаевич**, доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Комаровская Анастасия Сергеевна**, доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Косенков Александр Юрьевич**, младший научный сотрудник ГНУ Института философии НАН Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

**Косов Александр Петрович**, докторант кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь); доцент кафедры истории и культурного наследия Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Кочан Ксения Вадимовна**, студентка 2-го курса факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, специальности «Психология» (г. Минск, Республика Беларусь).

**Ксенофонтов Владислав Анатольевич**, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук Военной академии Республики Беларусь, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Кулик Святослав Павлович**, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Купченко Константин Владимирович**, доцент кафедры гуманитарных и математических наук Смоленской государственной сельскохозяйственной академии; доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала

Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России, кандидат исторических наук, доцент (г. Смоленск, Российская Федерация).

**Купчинова Татьяна Владимировна**, доцент кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Лизунова Галина Юрьевна**, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет», кандидат философских наук, доцент (Горно-Алтайск, Российская Федерация).

**Макаренко Анна Ивановна**, студентка Белорусского государственного университета радиоэлектроники и информатики (г. Минск, Республика Беларусь).

**Макеева Екатерина Сергеевна**, доцент кафедры социальной работы и реабилитологии Белорусского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Максименко Анна Анатольевна**, кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой русской и мировой литературы, докторант кафедры педагогики Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

**Максимович Валерий Александрович**, заведующий отделом философии литературы и эстетики Института философии НАН Беларуси, доктор филологических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь).

**Малахов Данила Владимирович**, докторант Института философии НАН Беларуси, кандидат философских наук (г. Минск, Республика Беларусь).

**Малафеевская Вероника Сергеевна**, магистрант кафедры социальной коммуникации Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

**Мартинкевич Иван Анатольевич**, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Мацевич Мария Янушевна**, доцент кафедры экономики и управления инновационными проектами в промышленности Белорусского национального технического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

**Минич Оксана Анатольевна**, доцент кафедры информатики и методики преподавания информатики физико-математического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, кандидат педагогических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Мороз Игорь Сергеевич**, слушатель магистратуры кафедры идеологической работы и социальных наук Военной академии Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).

**Морозова Инесса Ивановна**, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат филологических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Назриев Карим Курбомадович**, ассистент кафедры политологии Таджикского национального университета (г. Душанбе, Республика Таджикистан).

**Никитина Наталья Владимировна**, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Смоленск, Российская Федерация).

**Никонов Александр Николаевич**, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Никонович Наталья Анатольевна**, старший научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Новицкая Татьяна Евгеньевна**, Институт философии Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

**Новицкий Евгений Николаевич**, научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

**Панченко Андрей Владимирович**, доцент кафедры социального управления Белорусского национального технического университета, кандидат политических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Перевалов Ярослав Олегович**, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Писанный Денис Михайлович**, доцент кафедры истории Отечества, Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск).

**Плющакова Наталья Олеговна**, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Средняя школа № 32 г. Могилёва», магистр исторических наук (г. Могилёв, Республика Беларусь).

**Погребняк Александр Борисович**, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Пономарёва Ольга Николаевна**, профессор кафедры «Военно-политическая работа в войсках (силах)» Филиала Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва в г. Пензе, доктор педагогических наук, профессор (г. Пенза, Российская Федерация).

**Пономарёва Светлана Андреевна**, старший преподаватель кафедры «Военно-политическая работа в войсках (силах)» Филиала Военной



академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва в г. Пензе, кандидат философских наук (г. Пенза, Российская Федерация).

**Притука Андрей Олегович**, студент 1-го курса, гр. ДАЭ-22-1 факультета международных экономических отношений Белорусского государственного экономического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

**Ракачев Вадим Николаевич**, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета, доктор исторических наук, доцент (г. Краснодар, Российская Федерация).

**Ракачев Дмитрий Николаевич**, доцент кафедры зарубежного регионоведения и востоковедения Кубанского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Краснодар, Российская Федерация).

**Рифицкая Ирина Ивановна**, доцент кафедры социально-гуманитарных и историко-правовых дисциплин Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат психологических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Романенко Татьяна Владимировна**, аспирант психолого-педагогического факультета Смоленского государственного университета (г. Смоленск, Российская Федерация).

**Ростовская Ольга Михайловна**, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Рудковская Елена Эдвардовна**, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Рудковский Эдвард Иосифович**, доцент кафедры философии и социальных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Семёнова Людмила Николаевна**, заведующий кафедрой социального управления Белорусского национального технического университета (БНТУ), доктор исторических наук, профессор (г. Минск, Республика Беларусь).

**Середа Юлия Петровна**, научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

**Синица Павел Викторович**, магистрант Белорусского государственного политехнического университета, международный эксперт движения Worldskills по компетенции «мехатроника», преподаватель Колледжа современных технологий в машиностроении и автосервисе (г. Минск, Республика Беларусь).

**Сиренко Светлана Николаевна**, заведующий кафедрой педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени

Максима Танка, кандидат педагогических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Слепенков Виталий Александрович**, студент 4-го курса бакалавриата Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского по специальности «Международные отношения» (г. Саратов, Российская Федерация).

**Соловей Алеся Петровна**, научный сотрудник Центра мониторинга миграции научных и научно-педагогических кадров Института социологии Национально академии наук Беларуси (г. Минск, Республика Беларусь).

**Стволыгин Константин Владимирович**, доцент кафедры социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Сухина Игорь Григорьевич**, профессор кафедры философии Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, доктор философских наук, доцент (г. Донецк).

**Фролов Иван Валерьевич**, студент Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко (г. Глазов, Российская Федерация).

**Цыбулько Василий Васильевич**, старший преподаватель кафедры тактики и вооружения войсковой ПВО Военной академии Республики Беларусь (г. Минск, Республика Беларусь).

**Цыганкова Анастасия Николаевна**, аспирант кафедры педагогики и психологии Смоленского государственного университета, преподаватель Техникума отраслевых технологий (г. Смоленск, Российская Федерация).

**Цыганов Олег Игоревич**, студент 3 курса историко-лингвистического факультета Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко (г. Глазов, Российская Федерация).

**Цыплин Виталий Геннадьевич**, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук (г. Саратов, Российская Федерация).

**Цюхай Екатерина Ильинична**, старший преподаватель кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

**Шакиров Руслан Булатович**, студент Глазовского государственного педагогического института имени В.Г. Короленко (г. Глазов, Российская Федерация).

**Шарипова Дарья Рустемовна**, аспирантка кафедры общей и медицинской психологии Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

**Шевкун Павел Викторович**, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (г. Витебск, Республика Беларусь).

**Шипович Марина Анатольевна**, доцент кафедры «Общественные науки» Автомобильно-дорожного института Донецкого национального технического университета, кандидат исторических наук, доцент (г. Горловка).

**Ширко Светлана Михайловна**, старший преподаватель кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь).

**Шкурова Елена Валерьевна**, доцент кафедры управления и экономики высшей школы Республиканского института высшей школы, кандидат социологических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь).

**Червинский Александр Сергеевич**, ведущий научный сотрудник Института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук (г. Минск, Республика Беларусь).

**Чикиндин Максим Александрович**, старший преподаватель кафедры философии и политологии Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины (г. Витебск, Республика Беларусь).

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>Вступительное слово</b> .....	3
<b>I. Информатизация как фактор трансформации политических, социокультурных и ценностных оснований социума</b> .....	5
<i>Баньковская Ю.Л.</i> Трансформация социокультурных оснований сетевого общества .....	5
<i>Голубев В.А.</i> Реклама как элемент формирования потребительства в массовом обществе .....	8
<i>Дронь М.И.</i> Информационно-цифровое общество Республики Беларусь: сущность и стратегии развития .....	10
<i>Косенков А.Ю.</i> О цифровизации и восприятии современности .....	14
<i>Minich A.A.</i> Modernization of teacher training tools in the field of e-learning in the digital ecosystem of pedagogical continuous training .....	16
<i>Мороз И.С.</i> Мотивационные установки современной молодежи в условиях информатизации .....	19
<i>Новицкая Т.Е.</i> Ответственность в результате коллективного и коннективного действия в условиях медиатизации общества .....	22
<i>Рудковский Э.И.</i> Информационное общество и демократические процессы .....	25
<i>Сухина И.Г.</i> Культура как способ информационного обеспечения человеческого бытия .....	27
<i>Цыплин В.Г., Слепенков В.А.</i> Цифровизация производства Китайской Народной Республики как фактор усиления экономики страны .....	30
<b>II. Философское осмысление культурно значимых символов в условиях нарастающих глобализационных процессов</b> .....	33
<i>Балаклеец Н.А.</i> Феномен героизма в современном обществе ...	33
<i>Далимаева Е.О.</i> Реванш идеализма: сознание определяет бытие?	36
<i>Демидов А.Б.</i> Осмысление происходящего .....	39
<i>Каравкин В.И.</i> Противоречие как фактор философствования и его снятие как начало новой эпохи метафизического мышления .....	42
<i>Никонович Н.А.</i> Концептуальный и теоретико-методологический анализ культур-исторической онтологии О. Шпенглера .....	45
<i>Чикиндин М.А.</i> Идеологический и социокультурный компонент символики политических партий .....	47

<b>III. Проблемы цивилизационной и национальной идентичности в глобализирующемся мире. Традиционные ценности как основа сохранения национальной идентичности и культурной безопасности .....</b>	<b>51</b>
<i>Давлятова Е.В.</i> Проблемы национально-культурной идентичности в глобализирующемся обществе .....	51
<i>Далимаева Е.О.</i> Перманентная духовная люмпенизация как следствие существования в условиях «нормальной аномии» ..	54
<i>Дружина Н.Л.</i> Язык как способ выражения национальной идентичности (на примере немецкого языка и его вариантов)	57
<i>Когтева Е.В.</i> Трансмиссия духовно-нравственных ценностей как концепт понятийно-категориального аппарата социологии	60
<i>Колесников А.В.</i> Нелинейная космосоциодинамика. Хаос, квазициклы и спирали развития .....	62
<i>Колядко И.Н.</i> Роль кризиса в формировании культурно-цивилизационной идентичности транзитивных обществ .....	65
<i>Лизунова Г.Ю.</i> Влияние этнической идентичности на формирование самосознания личности .....	68
<i>Марцынкевіч І.А.</i> Супярэчнасці сацыяльнага забеспячэння вёскі ва ўмовах пасляваеннага аднаўлення БССР .....	71
<i>Nazriev K.</i> Regression of civilization: postmodern, the new ignorance and modern stone age .....	74
<i>Писаный Д.М.</i> Категория идентичности как детерминанта вызовов для отечественного гуманитарного образования .....	77
<i>Rostovskaya O.M.</i> The socio-cultural phenomenon of the name ....	80
<i>Семёнова Л.Н.</i> Опора на цивилизационные ценности .....	83
<i>Шевкун П.В.</i> Православное образование как фактор модернизации белорусского общества (XIX в.) .....	85
<b>IV. Сохранение исторической памяти в фокусе информационной войны .....</b>	<b>90</b>
<i>Адуло Т.И.</i> Воссоединение белорусской нации – историческая веха на пути ее интеллектуального развития .....	90
<i>Боярцонок Н.М.</i> Духовная культура еврейского населения БССР в 20-е гг. XX в. ....	93
<i>Купченко К.В., Никитина Н.В.</i> Привлечение материалов архивных фондов, отражающих политику уничтожения мирного населения на территории Смоленской области в период	

нацистской оккупации 1941–1943 годов как сохранение исторической памяти .....	95
<i>Малахов Д.В.</i> Актуализация исторической памяти в контексте феноменологии события и историософии .....	99
<i>Плющакова Н.О.</i> Историческая память и идеология государства	101
<i>Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н.</i> Великая Отечественная война как событие общего прошлого в исторической памяти белорусов и россиян .....	104
<b>V. Духовный мир современной молодежи и особенности ее социализации в условиях информационного общества .....</b>	<b>107</b>
<i>Аникина Ю.М., Быков Е.В., Карпова О.Л.</i> Духовно-нравственное развитие личности как основа правовой социализации студентов .....	107
<i>Буслаева Е.Л.</i> Социализация и интеграция детей младшего школьного возраста в цифровом пространстве .....	110
<i>Власова Н.В.</i> Социализация современных подростков в условиях информационного общества .....	112
<i>Захарова Н.Е.</i> Молодежь как субъект социально-культурного национального пространства .....	115
<i>Кирилина Т.Ю.</i> Барьеры и риски нравственной социализации российской молодежи в условиях цифрового общества .....	119
<i>Климентьева И.А.</i> Социализация современного молодого человека в киберпространстве .....	121
<i>Макеева Е.С., Рифицкая И.И.</i> Уровень коммуникативной толерантности студентов как фактор социализации в условиях информационного общества .....	124
<i>Максимович В.А.</i> Традиционные ценности в процессе социализации современной молодежи в условиях информационного общества .....	127
<i>Притука А.О., Вашко О.А.</i> Модель общества потребления и его риски .....	132
<i>Романенко Т.В.</i> Социализирующая роль информационного пространства в студенческой среде системы СПО .....	134
<i>Рудковская Е.Э.</i> Социокультурные метаморфозы как вызов для воспитательного процесса .....	137

<b>VI. Пути и механизмы противодействия новым вызовам и угрозам современного мира .....</b>	<b>141</b>
<i>Вонсович Л.В.</i> Идеологическая безопасность государства как один из механизмов противодействия вызовам современного мира .....	141
<i>Воробьева С.В.</i> Кризис идентичности и цифровая риторика: точки пересечения в виртуальном пространстве .....	144
<i>Дорожинская А.А.</i> Детский любительский театр как средство формирования коммуникативной культуры в условиях новых вызовов современного мира .....	147
<i>Ксенофонов В.А.</i> Особенности современного военного насилия .....	149
<i>Мацевич М.Я., Валейтёнок В.В.</i> «Национальное» через призму физики .....	152
<i>Минич О.А., Сеница П.В.</i> Обобщенная структура понятия «мягкие навыки». Значимость «гибких» навыков для современного специалиста .....	155
<i>Панченко А.В.</i> «Холодный мир» или мир без сверхдержав? .....	158
<i>Стволыгин К.В.</i> Альтернативная служба в контексте нарастания военно-политической напряженности .....	161
<i>Фролов И.В., Кабирова И.А.</i> Технологии государственного регулирования компьютерных игр в условиях информационной войны .....	164
<i>Цыганкова А.Н.</i> Актуальность формирования цифровой финансовой грамотности у обучающихся системы среднего профессионального образования .....	167
<i>Шарипова Д.Р.</i> Жизнестойкость как способ противодействия новым вызовам и угрозам современного мира .....	169
<b>VII. Формирование патриотизма молодежи, готовности к созидательной деятельности и защите Отечества .....</b>	<b>172</b>
<i>Бобровская И.И.</i> Патриотическое и нравственное воспитание учащихся через поисково-этнографическую деятельность .....	172
<i>Григорук Э.В.</i> Гражданско-патриотическое воспитание как основа становления личности школьника .....	174
<i>Ковалева О.В., Глушко Е.С.</i> Сохранение исторической памяти и воспитание патриотизма у студенческой молодежи .....	177

<i>Комаровская А.С.</i> Патриотизм – новый приоритет национальной системы образования .....	180
<i>Морозова И.И.</i> Художественная литература и формирование патриотического самосознания личности .....	182
<i>Пономарёва С.А., Пономарёва О.Н.</i> Аксиологизация учебного процесса в высшей военной школе как условие духовно-нравственного воспитания будущих офицеров (на примере дисциплины «Философия») .....	185
<i>Цыбулько В.В., Бертош Е.Ю.</i> Педагогическое взаимодействие в высшем военном учебном заведении .....	188
<i>Кабирова И.А., Цыганов О.И.</i> Деятельность исторического дискуссионного клуба «Клио» как фактор развития созидательной активности студентов ГГПИ .....	191
<i>Шакиров Р.Б., Кабирова И.А.</i> Пример личности в патриотическом воспитании молодежи. Ф. Ушаков .....	194
<b>VIII. Место и роль образования и культуры в обеспечении духовной безопасности</b> .....	197
<i>Васина О.Н., Пономарёва О.Н.</i> Культурологический подход в профессиональном образовании как условие сбережения традиционных ценностей .....	197
<i>Карнажицкая Т.В.</i> Художественная культура как ресурс духовной безопасности .....	200
<i>Косов А.П.</i> Научное сотрудничество между Россией и США в условиях развития информационного общества (2000-е – п.п. 2010-х гг.) .....	202
<i>Косов А.П.</i> Российский подход к научному сотрудничеству с США в условиях западного вызова национальной безопасности России (2014–2022 гг.) .....	205
<i>Максименко А.А.</i> Нарратив в контексте формирования ценностно-смысловых установок обучающихся .....	208
<i>Погребняк А.Б.</i> Болонский процесс: итоги и результаты .....	211
<i>Сиренко С.Н.</i> Сущность синплицитного подхода при реализации междисциплинарной интеграции в подготовке будущих учителей .....	214
	217



<b>IX. Социально-гуманитарные знания и человек в пространстве современного информационного общества .....</b>	
<i>Бурьянов С.А., Бурьянов М.С.</i> Глобальный кризис информационной цивилизации и перспективы перехода к устойчивому управляемому человекоориентированному развитию .....	217
<i>Викторович Е.С.</i> Учет территориального фактора при применении избирательных технологий .....	220
<i>Гнучих В.Б., Воробьева С.В.</i> Человек в информационном обществе: аффективные и рациональные аспекты существования .....	223
<i>Козлов А.В.</i> Кризис социально ориентированного государства и пути его преодоления .....	226
<i>Кулик С.П.</i> Предназначение философии в кризисное время культуры .....	229
<i>Макаренко А.И., Червинский А.С.</i> Экологическая безопасность в контексте культурно-цивилизационного кризиса .....	231
<i>Малафеевская В.С., Купчинова Т.В.</i> Искусственный интеллект в современном искусстве .....	233
<i>Никонов А.Н.</i> «Спорные тексты» в бахтиноведении: история проблемы и современность .....	236
<i>Панченко А.В.</i> Роль политологии в системе социально-гуманитарного знания в условиях трансформационных процессов .....	240
<i>Середа Ю.П.</i> Акселерационизм как альтернативная модель общественной динамики .....	243
<i>Соловей А.П.</i> Гендерные особенности социального самочувствия как фактора формирования миграционных настроений .....	246
<i>Цюхай Е.И., Кочан К.В.</i> Особенности проявления жизнестойкости у студентов в пространстве современного информационного общества .....	249
<i>Ширко С.М.</i> Диспозиционная жадность как предиктор развития общества суперпотребления .....	252
<i>Шкурова Е.В., Новицкий Е.Н.</i> Социальный остракизм как форма репрезентации рискового пространства Беларуси в поколенческом разрезе .....	255
<b>Сведения об авторах .....</b>	<b>258</b>

Научное издание

**КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС  
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Материалы международной научно-практической конференции

Витебск, 2 декабря 2022 г.

Технический редактор  
Компьютерный дизайн

*Г.В. Разбоева*  
*Е.А. Барышева*

Подписано в печать 25.11.2022. Формат 60x84 <sup>1</sup>/<sub>8</sub>. Бумага офсетная.  
Усл. печ. л. 31,73. Уч.-изд. л. 25,81. Тираж 17 экз. Заказ 223.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования  
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,  
изготовителя, распространителя печатных изданий  
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования  
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».  
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.